Серія «Родовід Сердюків»

ЗАПИСКИ

СЕРДЮКА Николая Павловича

317724, Кировоградская обл., Долинский район, с. Кирово, ул. Ленина, 6.

УДК 929.52 Сер (477)

ББК 63.2 Укр

С 32

В оригинальной манере повествования рукою простого сельского учителя описаны жизни и судьбы многих людей, в т.ч. представителей рода Сердюк, которые жили в с. Боковом, Херсонской губ. (ныне с. Кирово, Кировоградской обл.) с начала XIX до конца XX в.
Документальное свидетельство человека, прошедшего тяжелейшие жизненные испытания: голод 33-го, фронт 2-й мировой войны, аресты, сталинские тюрьмы и лагеря.
Представляет интерес историкам, студентам гуманитарных факультетов, сценаристам, людям интересующихся историей и генеалогией.

ISBN 978-617-646-165-4

Сердюк Микола Павлович

Содержание.

Предисловие издателя…….…….6

Вместо предисловия…….....8

История нашего села Боковое…….……10

С середины XIX века – до революции 1917 г. ……..……..14

После революции 1917 года……..34

Раскулачивание и коллективизация…….……40

Голод 1933 года и последующих лет…….…..…47

Еще несколько слов о своих родственниках…….…..55

Учеба в школе. Мои учителя…….....70

Репрессии 30-х годов…….….80

Первые годы войны…….…...85

В немецком плену……..…....108

Дома на оккупированной территории (осень 1942 г – весна 1944 г)…….…….131

Снова в действующей армии…….…..149

Злая шутка судьбы. Впервые в тюрьме…….……169

Дальнейшая служба в армии……..……178

Новый арест. Снова в тюрьме…….……192

На этапах. По лагерях ГУЛАГа……..207

Дорога домой…….....248

Мое первое время «на свободе» ……256

Начало педагогической деятельности……...…267

Работа в средней школе. Строительство своего «гнезда». Учеба в институте 278

Смерть отца. Мы сами хозяева на усадьбе. Усовершенствование педагогического мастерства…….…..286

Дальнейшая работа в школе. Изменение административного деления. Реабилитация…….....297

Общественные нагрузки. Поощрения и награждения. Строительство новой школы…….....315

Конфронтация с партократией. Изгнание с зам. директора школы…….…...320

Последнее десятилетие работы в школе. Очередное «восхождение» на «пьедестал славы» ……...…...329

Послесловие издателя. Награды и статьи Сердюка Н. П…….……347

Предисловие издателя

Пишу также по-русски, следуя тому языку, который выбрал для своих записок Сердюк Н.П. Это первая изданная книга из серии «Історія роду Сердюків».

Хотелось бы поблагодарить автора сих записок, дядю отца и моего двоюродного деда за его большой труд. Он долго где-то лежал и пылился…

Первую тетрадь я случайно нашел в стопке бумаг на 3-м этаже на даче отца в пос. Круглик, а вторую тетрадь мне передал мой двоюродный брат Владимир Тарасенко, за что ему спасибо. Отдельно хочу выразить благодарность дочери автора - Зое Николаевне Коломоец за те материалы из ее архива, которые она любезно предоставила (фотографии, документы и письма).

Труд Николая Павловича не прошел даром! Эти записки, которые у Вас в руках и теперь изданы в одном томе, были сделаны от руки с 1989 по 1991 год! Они интересны всем нашим родственникам, которые имеют отношение к тем родам и местам, которые в них описаны. Некоторых родственников хотелось бы попросить не судить строго Николая Павловича за его высказывания в адрес некоторых персонажей его записок. Он высказал свое мнение, возможно, оно не верное, но каждый имеет право написать в свою тетрадь, то что он думает.

Записки Николая Павловича интересны и другим людям, которые просто интересуются реальной невыдуманной историей людей таких бывших государственных формирований, как Российская империя и СССР.

Записки также очень помогли мне в моих дальнейших изысканиях по истории нашего Рода и тех мест, где жили наши праотцы. Надеюсь, что с Божьей помощью мне, со временем, удастся издать более полную и точную Историю родов Сердюков, Шарат, Задорожних и прочих с привлечением большого числа воспоминаний родственников, архивных данных, фотографий и других материалов. Уверен, что эти записки помогут и другим людям, а также, возможно, профессиональным историкам и писателям.

К сожалению, мне не посчастливилось встречать Николая Павловича лично. У нашего народа есть хорошая поговорка: «Якби молодість знала, якби старість могла…» Я хотя еще не стар, но уже понимаю сколько бесценных лет, интереснейших бесед и прочего было упущено мною. Начни я хотя бы в начале 90-х интересоваться своим родом, какой огромный материал я мог бы собрать! Очень жаль, но время уже не вернуть и

ушедших наших дедов и бабушек также…Живу я теперь далеко, приезжаю в Украину редко и мало времени на встречи и поиски. Тем более это будет урок последующим поколениям – нашим детям и внукам.

Эти записки и поучительны и интересны, написаны в хорошей манере повествования. Стилистика, выражения и специфические слова автора были сохранены. Исправлялись только грамматические ошибки, добавлялись копии документов, карт и фотографии, которые имеют отношение к людям, событиям или местам, упоминаемых в Записках.

В.А. Сердюк

Вместо предисловия

Из самого детства у нас на Украине я запомнил: каждый человек, приступающий к осуществлению всякой крестьянской работы, был то сев или уборка урожая, постройка дома или сооружение приусадебной постройки, копание колодца или погреба, сначала снимал шапку, становился лицом на Восток, крестился и произносил молитву, заканчивая словами «Господи, помоги!»

Так, вероятно, поступали все славяне, независимо от национальности и, наверное, народы других вероисповеданий.

Возможно, и мне надо начать свои воспоминания этими словами. Говорят, что народы Европы знают лучше свою историю, благодаря тому, что хранят воспоминания своих предков до 10-12 колена, а у нас многие не знают ничего, или очень мало знают о своих дедушках и бабушках. Все это влияет на поколение молодых, на тех, кто придет после нас. Отсюда заброшенные не совсем дальние могилы и целые кладбища, падение моральности и милосердия.

Я давно задумывался над всем этим, долго собирался описать все, что узнал из рассказов родителей, своей бабушки, старших братьев и сестры, многих односельчан. А прожил я почти всю жизнь в одном селе и даже в одном дворе, где родился. Кроме этого, сам я многое запомнил с самого раннего детства, часть совсем туманно, а больше более уверенно и четко. Этому способствовало то, что наша семья жила в самом центре села, где проходили всякие события. Село очень большое, тянулось по берегу речки Бокова протяженностью 10-12 км.

Никогда я не вел дневника. Для этого не было условий, да я над этим не задумывался. Жизнь была настолько сложной, что я мог умереть с голода, погибнуть на войне или просто подохнуть как собака в немецких и сталинских концлагерях.

Начинаю писать и мне страшно. Ведь я не литератор и кажется мне, что взялся не за свое дело. Имею высшее образование, но заканчивал физико-математический факультет и то заочно. Кроме этого, пишу на русском языке, а 35 лет работал в украинской школе. Это двуязычие привело к тому, что могу допускать ошибки и грамотно изложить свое повествование не сумею. Все же буду писать, как сумею. Надеюсь, что когда будет читать все это умный – смолчит, а дурак – не заметит.

Пишу я не для литературы, а для своих детей и внуков. Но если мои записки когда-нибудь попадутся умному человеку – профессиональному литератору, они ему принесут большую пользу.

Итак, Господи, помоги!

История нашего села Боковое

В «Русской энциклопедии» Брокхауза за 1898 год написано: «Боковое (Карабиловка) – село Херсонской губернии Александрийского уезда на речке Боковой, жителей 3500. Земская и церковно-приходская школы, аптека, метеорологическая станция, 3 ярмарки, 50 базаров». В книге «История городов и сел Кировоградской области», изданной на укр. языке, указано время поселения с. Боковое – начало XIX ст. (1806 г). К сожалению, сведения об этом селе в указанной «Истории» очень скудные.

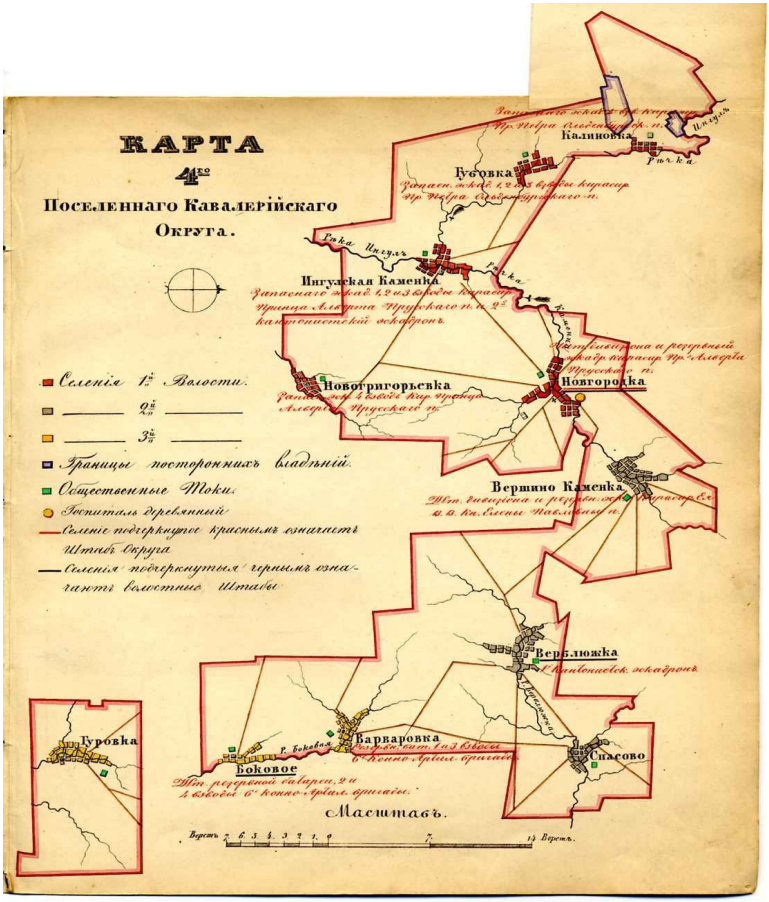
Я полагаю, что более правдоподобно отвечает на вопрос: когда возникло Боковое, дают пересказы, дошедшие к нам от стариков, сохранивших воспоминания своих предков.

Вот примерно одна из таких полулегенд: «Во второй половине XVIII ст. вольный козак Карабыло со своей семьей искал удобное место, где можно было бы обосновать хутор. Решил заночевать возле скифского кургана, а утром взошел на курган и в лучах восходящего солнца за 2 версты увидел речку с высокими вербами и лозой на ее берегах. Место казаку понравилось и здесь он построил хату. Начали прибывать другие казаки на поселение». Так возник хутор Карабиловка, первое название будущего села Боковое (по названию речки).

Речка Боковая текла с севера на юг, имела повороты. По ее берегам возникали другие поселения, одни ранее, другие позже. Севернее Карабиловки – Варваровка, Спасово, Верблюжка, южнее – Гуровка.

Село развивалось как воинское поселение. В центре села был полковой штаб, дома для господ офицеров, полковая школа, плац, манеж, церковь, кладбище. До сих пор старожилы называют эту часть села «штапом».

Офицерские дома, а их было 3, все были построены рядом, по типовым проектам, все были по 5 комнат, стены из сырого кирпича, под соломенной крышей, но на деревянных полах, толщина стен около 1 метра. В прилагаемой к этим домам документации указано приусадебные строения; возле каждого дома был сарай для лошадей, где была комната для конюха. Ширина каждой усадьбы – 12 погонных саженей, размеры сарая 10х5погонных саженей, каждый сарай размещался ниже дома длиною поперек усадьбы. Эти дома построены в 1852 году, но офицеры в них жили недолго.



Уже в 1870 году их купил еврей – Александрийский купец 2-й гильдии Злоцкий и передал 2 дома вдове, многодетной снохе своей, Фрите Лейбовне Злоцкой, которая оба эти дома в 1906 году продала мещанину с Братолюбовки ветеринарному фельдшеру Петрику. Один из этих домов в 1916 году у Петрика купила моя мать за 350 рублей (отец был на фронте). Позже в 1922 году в этом доме я родился.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

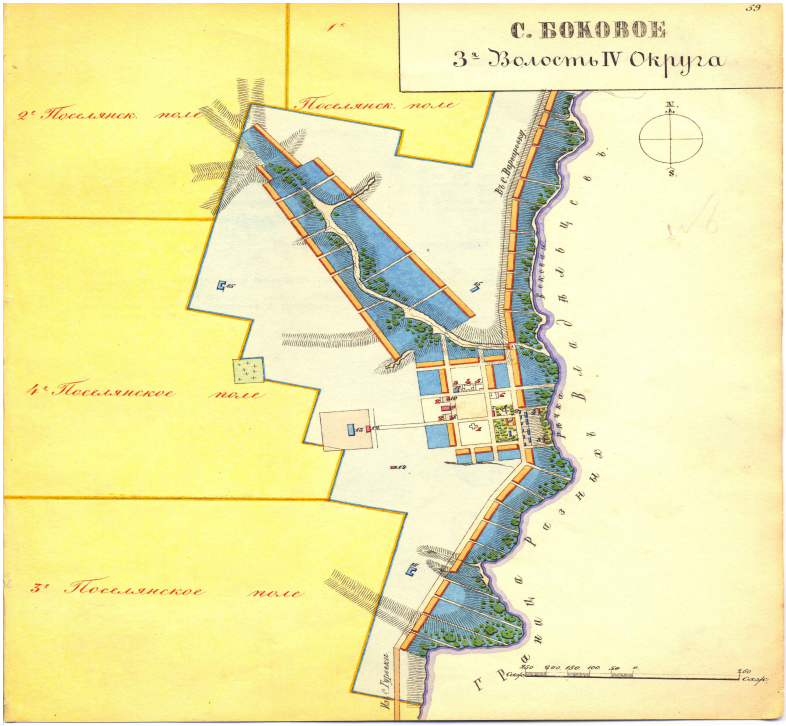
Къ плану с. Боковаго.

Возведенныя строенія.

1	Церковь.
2	Дома для квартированія Офицеровъ.
3	Баня.
4	Кузня.
5	Больница.
6	Волостной комитетъ съ мастерскою.
7	Волостныя лавки.
8	Сарай для Артилерійскихъ орудій.
9	Манежъ.
10	Цейхгаузъ.
11	Домъ для пріезда Начальниковъ.
12	Запасный хлѣбный магазинъ.
13	Клуня.
14	Пороховой погребъ.
15	Три водовыя колюшки.

Предполагаемыя къ постройкѣ.

1	Церковь.
2 3 4	Два дома для Священниковъ и церковнаго причта. Домъ для дивизіонера. Домъ для поселеннаго Офицера, навѣсъ для пожарнаго инструмента, домъ для лицинковъ и конюшня для общественныхъ лошадей.
5	Домъ для пріезда Начальниковъ.
6	Постолый дворъ.



Можно полагать, что наше село появилось ранее, чем в начале 19 века. Карабиловка (Боковое) строилась на правой стороне речки. Это было казачье (казенное) селение и здесь крестьяне не были крепостными. На левом берегу речки Боковой появились села крепостных крестьян Порфиловка, Чечелова, Цыбульчена, принадлежащие офицерам-помещикам Чечелю (?) и Цибульскому. Так было до реформы 1861 года, после которой часть земель помещиков отошла крестьянам за выкуп, а часть продана другим помещикам. Так земли Чечеля были проданы помещику Буцькому и помещице Исаевич (старожилы до сего времени называют ее Саевичка). Казаки-земляки, прибывавшие на жительство, поселялись рядом, занимая свободные места – участки в селе, поэтому отдельные кутки на селе имели свое название, сохранившееся до сего времени. Там, где жили переселенцы из Лубнов – Лубны, из Гадяча – Гадячановка и т.п. Село Боковое долго было Братолюбовской волости, а к концу 19 в. образовалась своя Боковская волость. Село все время расстраивалось, на северной окраине появился Лужок, а на южной до самого Гуровского леса – Мажаровка, Новоселовка, на левом берегу Новое Баштино, Пятихатки. Так было до революции и до 30-х годов. В 1938 г центральная часть села была переименована в село Кирово, как и город Зиновьевск (бывший Елизаветград) стал Кировоградом, хотя С.М. Киров никогда не бывал в наших краях и никакого отношения к этой местности Херсонской губернии не имел. Южные части села, по обе стороны речки Боковая, Цыбульчены и Мажаровка стали называться село Анновка.

В селе образовалось 3 сельских совета: Анновский – южная часть села, Кировский – средняя с бывшим «штапом», Боковской – северная. Первые годы советской власти Боковое было подчинено Криворожскому округу, а позже образовался Долинский район. Сначала район был Днепропетровской обл., но в 30-х годах перешел к Николаевской обл., а после образования новой области, Кировоградской, район вошел в ее состав. После великой Отечественной Войны в селе сохранились 3 сельсовета и, условно, в районе по статистике числилось 2 села, но где-то в конце 50-х годов все село от Варваровки до Гуровки получило наименование – село Кирово.

В 1963 году во время новой административной перетасовки районов и областей с. Кирово отошло к Петровскому району Кировоградской обл., а с 1 января 1967 г снова возвратилось к Долинскому району.

Сохранились сведения, что из наиболее старых поселенцев села были казаки по фамилии Карабыло, Скрипник, Гайдук. Особенно много Сердюков.

Примечание издателя. Надеюсь более полную и точную историю местности, села Бокового и основных родов, которые его населяли издаст чета Гриценко с помощью своих сыновей. Их семья работает над этим уже много лет. Это будет прекрасным дополнением к этим запискам и

фундаментом для семейных историй многих родов, населявших село в разное время.

Фамилию Сердюк имели и мои отец, дед и прадед. Деда я не знаю, но отец тоже не знал, когда в Боковой появились первые Сердюки. Очень много наших однофамильцев было до войны, много их в селе и сейчас. В старом центре села (бывшем «штапе») есть братская могила и памятник погибшим за освобождение села односельчанам. 319 наших земляков-односельчан не вернулись из войны и среди них ... Сердюков.

С середины XIX века – до революции 1917 г.

Из старшего поколения нашего рода до меня дошли сведения из рассказов своих родителей. Я только знал бабушку, по отцу, Марию, которая прожила более 80 лет и умерла в 1934 году. Дед Семен Сердюк умер в год моего рождения, а родители моей матери ушли из жизни еще раньше.

Как мой прадед Давид (прим. издателя – родился в 1821 году – умер 4 апреля 1896 года), так и дед Семен (прим. издателя – родился в период с 1850 по 1853 г.) всю жизнь прожили в Боковой в многодетных семьях, занимались хлебопашеством, как и все крестьяне, растили детей. Барщины не знали. Прадед был зажиточным крестьянином, дед жил значительно беднее , но бедняком не был. Не знаю сколько детей было у прадеда, но у деда Семена Давидовича с бабушкой Марией Ивановной 17 детей, большинство из которых умерли в младенчестве или раннем детском возрасте. Сохранилось 7 детей: 2 самые старшие дочки - Варвара и Матрена и 5 сыновей - Павел (мой отец), Тихон, Александр, Василий и Григорий. Все они прожили более чем по 70 лет.

Примечание издателя. Даты и годы рождений согласно метрик Покровской церкви: 07.11.1880 – Матрена, Тихон – 1986, Александр – 22.02. 1888, Василий - 1890, Григорий – 1893.

Как у прадеда, так же и у деда в семье воля и власть хозяина-отца была незыблема. Старались отдать дочерей замуж в семью зажиточную так же, как и в семью взять более богатую невестку. Чувства взаимной любви не учитывались.

Так мой дед Семен в юности любил девушку местную, но отец не разрешил ему на ней жениться, потому что она из бедной семьи. Отец сам подобрал сыну невесту в с. Варваровка и женил его на моей бабушке Марии,

которая была красивой, физически здоровой девушкой, имела хорошее приданое. Их семейная жизнь была несчастливой, дед бабку обижал, всю жизнь избивал, начиная со дня венчания. Но, несмотря на все, дети рождались, жизнь продолжалась. На почве неудачной женитьбы, дед начал выпивать. Особенно после всех полевых работ, убрав урожай, в воскресенье дед шел в церковь, которая была рядом, но не для моления, а хотя бы одним глазком посмотреть на ту, которую любил до женитьбы. После церкви к вечеру напивался и устраивал скандалы.

Дед жил в «штапу», где густо были шинки, еврейские магазины-лавки, куда утекало зерно нового урожая, и до Рождества дед пропивал весь труд семьи, до нового урожая семья оставалась полуголодной. Начинались займы зерна, новые долги и все под новый урожай, который неизвестно каким будет. И так из года-в-год. Дочерей Варвару и Матрену дед старался отдать замуж за богатых женихов, что ему удалось. Его зятья Кирилл Хлевной и Евдоким Куевда были зажиточными, при советской власти раскулачены. Евдоким Куевда был сослан и где-то погиб на Соловках. Многодетные семьи Хлевных и Куевды распались, их дети разъехались в основном в г. Кривой Рог, там они устраивали свои жизни, создавали семьи, все жили хорошо. Дожили до старости, многие уже ушли из жизни. Никто из них и их внуков в село больше не возвращались и сельским хозяйством не занимались.

Примечание издателя. Евдоким Назариевич Куевда в возрасте 26 лет и Мотрона Семеновна Сердюк в возрасте 20 лет были повенчаны 11 мая 1901 года в Покровской церкви с. Бокового.

Хотелось деду выгодно поженить и сыновей, но здесь его замысел не удался.

Самый старший из сыновей Павел 1883 года рождения (мой отец) женился в 1903 году на девушке из очень бедной семьи, которая была из Порфировки (крепостное село до 1861 г).

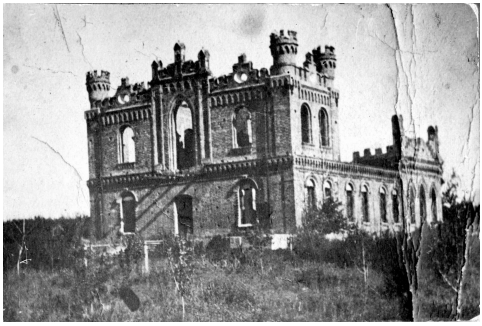
Примечание издателя – жена Павла Семеновича Сердюка (родился 10 марта 1883 года) – Екатерина Васильевна Задорожняя (родилась 24 ноября 1881 года). 18 января 1904 года повенчаны в церкви Покровы Пресвятой Богородицы с. Бокового.

Она с ранней юности была батрачкой у помещика Буцкого, а до самого замужества – у священника Ногачевского (в «штапу»), где ее и встретил мой отец.

Фото камня, который был найден в с. Кирово:

Пан Буцкий был поляк, грубиян и деспот, издевался над нанятыми работниками. Нанимал рабочих не на сезон, а расплачивался в конце каждой недели. Но в конце недели, в субботу, старался придраться к любому, чтобы его избить, выгнать и не заплатить за труд. Моя мать проработала у Буцкого работницей на кухне 3 года. Крестьяне всех ближайших сел, знающие этого варвара-помещика, во время революции 1905 года «отблагодарили» ему. Имение Буцкого было полностью разорено и сожжено.

На фотографии ниже остатки имения Буцкого, примерно кон. 40-х г.г. XX в.



Самому ему еле удалось бежать на тачанке в Александрию. Причиной бунта крестьян против Буцкого было убийство в помещичьем саду

крестьянского парня. Буцкий для охраны имения, сада и своей жизни нанимал вооруженных черкесов. Несколько молодых крестьянских парней забрались в сад, чтобы нарвать яблок и угостить девушек. Там их застали черкесы, начали стрелять. Один парень был убит, остальные убежали. Эта весть мгновенно облетела вокруг. Верховые крестьяне гоняли лошадей по всем окружающим селам и призывали отомстить Буцкому. Буцкий сбежал и больше никогда не появлялся в наших краях, сбежали и его охранники. Через несколько дней в Порфировку, где было имение Буцкого, прибыли солдаты и чиновники. Началось следствие; некоторых крестьян арестовали и судили, других пороли плетьми.

Весною 1904 года родился мой самый старший брат Григорий, а осенью этого года отец ушел на действительную военную службу. Мать с ребенком (Григорием) осталась у нашего деда. Отец попал на службу в г. Тифлис гренадером. За успешную службу бывал в отпуске, снова уезжал в Тифлис на службу. В 1908 году родился другой сын Петр.

Примечание издателя. Согласно метрик Покровской церкви с. Бокового, Сердюк Григорий (в метрике – Георгий) родился 22 апреля 1904 года; Петр родился 9 сентября 1908 года.

Окончив учебную команду, отец завершил службу унтер офицером, служба была успешной, отцу предложили остаться на службу сверхсрочно. Но на Украине была семья – жена и дети, поэтому он согласие не дал и демобилизовался.

Фотографии г. Тифлис начала 20 века:

Прибыв домой, отец увидел захудалое хозяйство, дед пропил весь урожай, земли было мало, подросли меньшие братья Тихон и Сашко, отделять каждого не было никакой возможности. Отец понял что ошибся, вернувшись домой. Поэтому он написал письмо в свой гренадерский полк и дал согласие вернуться на сверхсрочную службу. В скорости пришел вызов и отец уехал. Устроившись в Тифлисе и получив квартиру, отец дал вызов матери и она, совершенно неграмотная крестьянская женщина, дальше Александрии нигде не бывавшая, с двумя малыми детьми отправилась в дальний путь к мужу. В Закавказье тогда поезда шли только через Баку, поэтому ехали очень долго, но благополучно прибыли в Тифлис. Так наша семья прожила в Тифлисе до войны 1914 года.

Уникальная для истории нашей семьи фотография, сделанная в г. Тифлис – посредине сидит унтер офицер Сердюк Павел Семенович, возле него стоит его жена Катерина Васильевна Сердюк (в девичестве - Задорожняя), стоит слева – сын их Сердюк Григорий (по метрике - Георгий), справа – сын их – Сердюк Петр:

На обратной стороне фото видим фотографа – М. Смбатянца и адрес, где фото было сделано – Кахетинская улица № 22. Далее надпись на грузинском языке. Черными чернилами рукой Павла Семеновича написано сверху неразборчиво и снизу «отъ Под…(подпрапорщика) Павла С…(Семеновича) и, вероятно, подпись.

Там на Кавказе в 1911 году родилась наша сестра Александра, а в конце 1912 года еще один брат Василий.

Крестным отцом сестры Шуры был грузинский князь Абашидзе Михаил Михайлович. Тех, кто будет читать эти записки, заинтересует вопрос - почему это князь стал кумом моего отца? Мой отец в 1911 году стал фельдфебелем 13 роты гренадерского Тифлисского полка, в которой был прописан вольноопределяющийся молодой парень-грузин из княжеской фамилии. Узнав, что у фельдфебеля родилась дочь. Он сам напросился стать кумом. При крещении, князь подарил своей крестнице золотой крестик на цепочке и сережки. Это была первая и единая драгоценность семьи, которую мать свято хранила для дочери. Но во время голода в начале 20-х годов пришлось этот подарок князя обменять на хлеб, спасая семью.

Фотография, сделанная в г. Тифлис – унтер офицер Сердюк Павел Семенович с женой Катериной Васильевной Сердюк (Задорожняя):

Семья жила дружно, материально вполне обеспечено, но не богато. Доход семьи – единственное жалование отца, мать была занята детьми. Были трудности, когда отца не было дома: летом полк уходил в горы на учение, а один раз был в экспедиции в Персии (Иране), когда правительство Персии обратилось к России за помощью для улаживания междунациональных конфликтов*. В такие времена мать морально поддерживали и помогали соседи – грузинские и армянские женщины, такие же неграмотные и малограмотные труженицы, какой была наша мать.

---

* ***Российская интервенция в Персию*** *— военное вмешательство Российской империи во время гражданской войны в Персии между*

сторонниками и противниками свергнутого в 1909 году Мохаммад Али-Шаха с целью защиты российских подданных, проживающих в Персии и российской торговли с Персией. Первый ввод войск. 20 апреля 1909 года наместнику на Кавказе и командующему войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанту графу Иллариону Воронцову-Дашкову была направлена секретная директива за № 1124. в которой говорилось: «Ввиду ожидавшегося в Тавризе нападения на консульство и европейские учреждения и подданных со стороны революционеров и населения Тавриза, доведенного до отчаяния голодом… Государь Император повелел немедленно двинуть форсированным маршем в Тавриз отряд достаточной силы для защиты русских и иностранных учреждений и подданных, подвоза к ним продовольствия, а также для поддержания обеспеченного сообщения Тавриза с Джульфой». Вскоре в Персию были отправлены два батальона 1-й Кавказской стрелковой бригады, четыре конные сотни кубанских казаков, саперная рота и три артиллерийские восьмиорудийные батареи. Российским войскам приходилось действовать в основном против кочевников (курдов и туркмен-йомудов). Русские консулы сообщали в Министерство иностранных дел: «Купцы вместе со всем мирным населением попутных селений благословляют прибытие наших войск». После небольшого периода затишья осенью 1911 года вновь ситуация обострилась — произошли нападения многочисленных вооруженных групп на российский отряд в Тавризе, участились случаи обстрела российских консульских учреждений и конвоев в Реште. Кочевники нападали на торговые караваны. В вылазках против российских войск участвовали отряды протурецки настроенных губернаторов западных провинций, а также представители революционных группировок российского Закавказья. Второй ввод войск. 29 октября (11 ноября) 1911 года в Тегеране посол России вручил правительству Персии ультиматум с требованиями восстановления порядка в Персии и обеспечения защиты экономических интересов России. После истечения срока ультиматума от 11 ноября 1911 года, войска России перешли русско-персидскую границу и заняли город Казвин. 10 (23) ноября в Тегеране, после оккупации войсками России северной Персии, персидское правительство согласилось удовлетворить все требования России. Ввод войск осуществлялся по трем операционным направлениям — из Джульфы, Астары и Энзели — на Тегеран. Непосредственное оперативное руководство русскими войсками в Персии осуществлял генерал-квартирмейстер штаба Кавказского Военного округа генерал-майор Николай Юденич. В контингент российских войск входили:14-й Грузинский и 16-й Мингрельский гренадерские полки Кавказской гренадерской дивизии, полки из 21-й, 39-й и 52-й пехотных дивизий (81-й Апшеронский, 84-й Ширванский, 156-й Елизаветпольский, 205-й Шемахинский, 206-й Сальянский и 207-й Новобаязетский) с артиллерией и пулеметами. Перевозку войск морем, их высадку в порту Энзели и ее огневое

прикрытие осуществила Каспийская военная флотилия. Коммуникационное обеспечение осуществляли 2-й Кавказский железнодорожный батальон и Кавказская автомобильная команда. При изъятии российскими войсками крупных партий оружия в Тавризе и Реште вспыхнули беспорядки, которые привели к жертвам среди мирного населения. Вокруг этих городов начались настоящие сражения. В западные приграничные земли Персии, на спорные территории, вступили турецкие войска, которые взяли под свой контроль проходы на горных перевалах между Хоем и Дильманом. Российские войска начали операции по вытеснению турецких войск с персидской территории. Российские подразделения подходили на рассвете к турецким бивакам и выставив пушки и пулеметы на высотах требовали от них покинуть персидскую территорию. Турки сопротивления не оказывывали.

Началась война 1914 года. Отец со своим полком ушел на фронт, оставил матери денежный аттестат и 4 детей, старшему из которых Григорию было 10 лет... Оставаться с детьми далеко от родины, родных и близких, мать не решилась, да еще на Кавказе. Поэтому она решила уехать на Украину, снова к деду. Часть вещей отправила багажом, остальное отдала соседям. Со слезами провожали нашу мать с детьми грузинки и армянки. Дорога обратно с Кавказа была намного труднее, чем раньше – на Кавказ. Шла война, на станциях тьма народа, а у матери на руках 4 детей. Единая помощь Григорий, который уже в Тифлисе начал учиться в школе. Как не трудно было в пути, прибыли к деду благополучно. В это время меньший брат отца Тихон женился и тоже жил вместе. У деда в маленькой, плетенной из лозы хатенке было 8 душ семьи, да из Кавказа прибыло 5 - стало 13.

Багаж матери, отправленный из Тифлиса, пропал, пришла только одна швейная машинка и документы – метрические выписки на детей. Из одежды осталось только то, во что были в дороге одеты дети.

Хозяйство деда совсем пришло в упадок. Его сыновья, все взрослые, работать не хотели, ожидая мобилизации, дед пил. Отец писал письма с фронта, а спустя некоторое время мать получила письмо, что отец ранен и находится в госпитале в Москве. Собралась и поехала в Москву навестить мужа. Поехала одна, дети остались дома. Как ни трудно было в дороге военное время, но разыскала отца, который уже начал поправляться.

На фото г. Москва в начале XX века:

После возвращения из Москвы пришлось самой брать на себя все хозяйство. Ушли на фронт Александр и Василий. Дома остались имеющий травму Тихон и меньший Григорий, еще не подлежащий мобилизации по возрасту.

Дед по прежнему часто выпивал, устраивал скандалы в семье, издевался над бабушкой. Никто не имел права защищать обиженную, дед – отец семейства имел неограниченные права. Однажды, когда дед избивал бабушку, сын **Тихон** заступился за мать, побил пьяного отца и закрыл его в коморе (амбаре), но это не помогло. Дед был здоровый, как бык, выдергал колоду – соху и начал бить в стену, пробил в стене дыру и вылез наружу, ругая всех, что над ним поиздевались. Как не был пьян дед, но на всю жизнь запомнил обиду на сына Тихона и не простил ему до самой своей смерти. Он выгнал сына с его семьей и Тихон жил всю жизнь в нищете, хуже всех из нашей родни.

Примечание издателя. Тихон Семенович Сердюк в возрасте 24 лет и Екатерина Ефимовна Кашель в возрасте 21 года были повенчаны 31 января 1910 года в Покровской церкви с. Бокового. 24 апреля 1914 года у них родился сын Георгий.

Дед каждое утро проклинал своего родного сына, становился на колени лицом к восходящему солнцу, крестился и громко, что было слышно на улице, говорил:

- Будь ты проклят от ныне и навек и все поколение твое!

Что может быть более страшным от родительского проклятия?

Все говорили в селе, что у Тихона такая горькая судьба потому, что его проклял отец, и этому трудно было не поверить. Всю жизнь мой дядя Тихон жил в нужде. В его семье родилось 9 детей, двое умерло в раннем детстве, а семерых надо было вырастить в такой бедности да еще в трудные голодные годы. Но дети выросли, разлетелись по свету, а старики остались доживать в ветхой хатенке одни. Первым умер дядя Тихон, а в скорости и его жена Екатерина Ефимовна. Ушли из жизни и часть их детей; умерла старшая дочь Женя, погиб на фронте Григорий, умер Иван. Но судьба всех детей и внуков была более счастливой, в селе из них никого не осталось.

Старшую невестку – мою мать, наш дед уважал. Когда он изгнал Тихона из семьи, а все остальные сыновья пошли на войну, всю тяжкую лямку в семье тянула невестка. Слабая здоровьем, но с самого детства закаленная в труде, она могла выдерживать нечеловеческую нагрузку. И хотя молодые мужчины ушли из семьи. Благодаря моей матери хозяйство деда начало поправляться, следовали несколько лет подрят урожайные годы. Дед стал выпивать реже, но хозяином считал только себя. Часто хвастался невесткой, обычно когда выпьет, орет на всю улицу:

- Моя Екатерина Васильевна хозяйка. Она сто сот стоит! Она меня на ноги поставила! Она меня хозяином сделала!

Вытаскивал из кармана мелкие деньги и бросал на собак, приговаривая:

- Возьмите! Мне Бог дал!

Но хваленая Екатерина Васильевна, бесправное существо, мать четверых детей, рабыня в чужой семье, знала, что здесь ей ничего не принадлежит. Поэтому задумала иметь свою, хотя бы захудалую хатенку, гнездо для своих маленьких, беспомощных птенцов. Экономила, как могла, деньги, получаемые по аттестату мужа и в 1916 году купила дом за 350 рублей. Именно, не хату, а дом, о котором я писал выше. Дом был старый,

требующий серьезного ремонта, большущий, просторный, но самое главное – свой. Купленный дом казался дворцом по сравнению с хижиной нашего деда, все комнаты на деревянных полах, что было редкостью в селе.

Сохранился документ – план части села Боковое и расположения типового офицерского дома с пристройками:

Мать повеселела, начала готовиться к переходу на свою новую усадьбу. Но эта радость была со слезами; она знала, что за ее 8 летний адский труд у свекра, он не даст ей ничего, даже мешка зерна. Надо было думать как жить. Поэтому она работала на поле у свекра и бежала работать в Порфировку к брату и тетке, помогала и там на уборке урожая, не требуя за труд, а надеясь, что чем-нибудь помогут ей с детьми. Купила поросенка, посадила на новой усадьбе огород, но жили пока у деда.

Дед загрустил, не хотелось потерять труженицу-невестку, искал поводы для скандалов. Даже на своем огороде не разрешал рвать бурьян и ботву свеклы для поросенка, который был пока в его сарае. Подошла осень, надо было уходить в свою хату. Дед, просмотрел святцы (церковный календарь), назначил день переселения, как счастливый. Накануне дед поехал на лошадях в Братолюбовку на базар, а наша мать, боясь, что дед по возвращению с базара, может не отдать поросенка, который уже был большой, вдвоем со старшим сыном Гришкой, перегнали кабана на свою усадьбу. Дед вернулся, рассердился, но делать было нечего. На второй день, дед снял со стены икону, благословил невестку, перекрестил внуков, дал одну печеную булку хлеба и все разделение хозяйства этим завершил. Кое-какие вещи были перенесены раньше, хата деда и наш дом были совсем близко.

Мать пришла с детьми в свой дом. К вечеру бурьяном протопила дом, села на теплую лежанку, к ней прильнули дети. Стало тепло, возле иконы горел слабенький свет лампады. Во многих комнатах мертвая тишина.

Дети соскакивали с лежанки, подбегали к столу и ломали каждый по кусочку хлеба, который дед дал на новоселье. Вся булка вокруг была ощипана детскими пальчиками. Кто-то из детей сказал:

- Мама, как у нас хорошо, тихо, красиво и нет пьяного деда.

Мать отвернулась к грубке и... залилась слезами, подумала:

- Дети мои, дети, а что же вы будете кушать когда закончится эта единая хлебина?

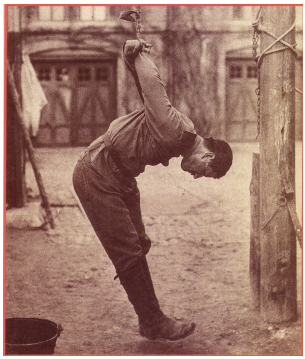
Рано, на рассвете, когда дети еще спали, мать пешком пошла в Порфировку к своей родне и поведала брату и тетке о своем горе. Брат Митрофан, не смотря, что жил небогато, запряг в подводу лошадей и привез сестре муки, несколько мешков зерна. А на второй день завез целую арбу

топлива. Дядько Герасько, муж тетки Марии, тоже привез хлеба. Деду, вероятно, стало стыдно, и он тоже дал два мешка ржи.

Картошка и овощи выросли на своем огороде, можно было жить, кормить детей. Мать успокоилась. Но усердно помогала всем, не забывала помогать на земле и деду, ибо кроме огорода, земли в поле своей не было.

Как будто все налаживалось, но вскорости, мать получила трагическое известие: ее муж, наш отец, подпрапорщик Павел Семенович Сердюк пропал на русско-германском фронте без вести, а через некоторое время пришел из полка его послужной список, личное дело военнослужащего, в котором записывалось очень подробно каждый шаг его службы, начиная от призыва в армию.

На фото – русские солдаты и офицеры в немецком плену, наказание бежавшего:



Хочется поведать, как скрупулезно, добросовестно велись записи в этом послужном списке каждого военнослужащего 15 Тифлисского гренадерского полка, хотя в то время не было ни печатных машинок, ни обилия грамотных в армии людей. Буквально все можно было узнать о прохождении службы и на основании чего эти записки сделаны, форма записи: дата (год, месяц, число), содержание записи и № приказа по полку. Например:

1. Число, месяц, год, прибыл в полк, зачислен в № роты, № приказа
2. Дата. Награжден 1 рублем за состязательную стрельбу из винтовки, № приказа по полку
3. Дата. Награжден 3 рублями за стрельбу.

4. Дата. Награжден медалью за завоевание Кавказа (прим.издателя. Такой медали нет в перечне наград России. Вероятно, это ошибка и название было другое)
5. Дата. Награжден медалью 300-летия дома Романовых.

6. Дата. Награжден Георгиевским крестом IV ст*
7. Дата. Награжден Георгиевским крестом III ст*

На фотографиях – Георгиевские кресты IV и III ст (обе стороны):

8. Дата. Родилась дочь Александра.
9. Дата. Родился сын Василий.
10. Дата. Родился сын Петр.
11. -=-

И, наконец: число, месяц, год – Пропал без вести, указано в каком бою, где и № приказа по полку.

Вот как велось делопроизводство в Русской Армии, можно только восхищаться аккуратности и добросовестности писарей. Если так велись личные дела рядового и унтер офицерского состава, то как можно представить ведение послужных списков офицеров? Все записки велись от

руки четким каллиграфическим красивым почерком, чернилами. Которые не меняли цвет многие годы.

** **Трёхсотле́тие до́ма Рома́новых**, **Рома́новские торжества́ 1913 го́да** — торжественное общественно-государственное празднование 300-летия царствования дома Романовых 21 февраля (6 марта) 1913 в Российской империи, что, согласно «Высочайшему манифесту», данному императором Николаем II (опубликован 21 февраля 1913 года), приурочивалось к дате «единодушного избрания» на царство в Москве Великим земским собором «в 21 день февраля 1613 года» боярина Михаила Феодоровича Романова, «ближайшего по крови к угасшему царственному роду Рюрика и Владимира Святого» (венчание на царство совершено было 11 июня 1613 года в Успенском соборе Москвы). Памятью о торжествах стала и медаль, на которой изображены схожие портреты Михаила Фёдоровича Романова (основателя династии) и императора Николая II — последнего её представителя. Положение и медали «В память 300-летия царствования дома Романовых» было утверждено императором 21 февраля 1913 года. На лицевой стороне медали — погрудные портреты (в три четверти) императора Николая II в форме 4-го лейб-гвардии императорской фамилии стрелкового полка и царя Михаила Фёдоровича в бармах и шапке Мономаха. По окружности медали — бусы из чередующихся точек и чёрточек. На оборотной стороне медали надпись: «В память | 300-летия | царствования | дома Романовых | 1613—1913». Размер медали — 28 мм. Проект медали был разработан старшим медальером Санкт-Петербургского монетного двора А. Ф. Васютинским. Автор барельефа на лицевой стороне медали — скульптор Керзин М. А. Медали изготавливали из светлой бронзы. Частные фирмы и мастерские по особым заказам отливали медали из позолоченного серебра и, в редких случаях, из золота. Медали носили на груди на ленте «гербовых» цветов — белая, оранжевая и чёрная полосы одинаковой величины. Медалью награждали:*

1. *всех лиц, состоявших к 21 февраля 1913 года на государственной службе по военному, морскому, гражданскому и придворному ведомствам, членов Государственного совета и Государственной думы, священнослужителей всех исповеданий; служивших на выборных должностях в дворянских, земских и городских самоуправлениях, вольнонаёмных и нештатных служащих обоего пола в правительственных учреждениях, отставных чиновников морского и гражданского ведомств, имевших право носить в отставке мундир, учебно-воспитательный состав обоего пола в высших, средних и низших казённых учреждениях, артистов императорских театров, сестёр милосердия Российского общества Красного Креста, волостных старшин, председателей волостных судов, гминных*

войтов, сельских старост и соответствующих им должностных лиц волостных и сельских управлений, лиц, награждённых знаком отличия Военного ордена;

2. *юнкеров и пажей специальных классов; всех состоявших к 21 февраля 1913 года на действительной службе чинов армии, флота, отдельного корпуса пограничной стражи и жандармов, полиции, конвойных команд и тюремной стражи, а также представителей сельского населения, участвовавших в юбилейных торжествах в присутствии императора;*
3. *всех лиц, принимавших активное участие в подготовке, устройстве и праздновании юбилея 300-летия царствования дома Романовых;*
4. *медальеров, мастеровых и рабочих Санкт-Петербургского монетного двора, изготовлявших медали.*

***** Знак отличия Военного ордена** — наградной знак к ордену Святого Георгия для нижних чинов с 1807 по 1917 годы за выдающуюся храбрость, проявленную в бою против неприятеля. Знак отличия Военного ордена являлся высшей наградой для солдат и унтер-офицеров. Знак отличия Военного ордена был учреждён 13 (25) февраля 1807 года манифестом императора Александра I, как награда для нижних воинских чинов за «неустрашимую храбрость». Знаки носились на ленте на груди и изготавливались из золота (1-я и 2-я ст.) и серебра (3-я и 4-я ст.). Нумерация знаков началась заново для каждой степени. В 1913 году был утверждён новый статут знака отличия Военного ордена. Он стал официально называться Георгиевским крестом, и нумерация знаков с этого времени началась заново. С 1914 до 1917 гг. было вручено (то есть в основном за подвиги в Первой мировой войне): Георгиевских крестов 1-й ст. — ок. 33 тыс., Георгиевских крестов 2-й ст. — ок. 65 тыс., Георгиевских крестов 3-й ст. — ок. 289 тыс., Георгиевских крестов 4-й ст. — ок. 1 миллиона 200 тыс. Для обозначения порядкового номера («за миллион») на верхней стороне креста штамповалось «1/М», а остальные цифры помещались на сторонах креста. Извлечения из Статута Ордена Св. Георгия от 1833 года: Сей знак отличия приобретается только на поле сражения, при осаде и обороне крепостей, и на водах в морских битвах. Оный дается единственно тем нижним чинам, кои действительно служа в Сухопутных и Морских войсках, отличат себя особенною храбростию против неприятеля. Само собою разумеется, что во всяком случае, право на удостоение знаком отличия Военного Ордена приобретают те только нижние чины, кои, при совершении подвигов, соединят с храбростию точное послушание начальникам. В 1913 году новый статут ордена Св. Георгия закрепил разделение знака отличия на 4 степени, введённое в 1856 году: **Первая высшая степень**: Золотой Крест, носимый на груди, на Георгиевской ленте, с бантом; в кругу Креста на лицевой стороне*

изображение Св. Георгия, а на обратной — вензель Св. Георгия; на поперечных концах обратной стороны Креста вырезан тот номер, под которым имеющий Крест первой степени внесен в список пожалованных сею степенью, и на нижнем конце Креста надпись: 1-я степ. ***Вторая степень****: Такой же золотой Крест, на Георгиевской ленте, без банта; на поперечных концах обратной стороны Креста вырезан номер, под которым имеющий Крест второй степени внесен в список пожалованных сею степенью, и внизу надпись: 2-я степ.* ***Третья степень****: Такой же Крест серебряный на Георгиевской ленте, с бантом; на поперечных концах оборотной стороны вырезан номер, под которым имеющий Крест третьей степени внесен в список пожалованных сею степенью, и внизу надпись: 3-й степ.* ***Четвёртая степень****: Такой же серебряный Крест, на Георгиевской ленте, без банта; на поперечных концах обратной стороны Креста вырезан номер, под которым пожалованный Крест четвёртой степени внесен в список пожалованных сею степенью, и внизу надпись: 4-я степ. Новый статут ввёл также пожизненные денежные поощрения кавалерам Георгиевского креста: за 4-ю степень — 36 рублей, за 3-ю степень — 60 рублей, за 2-ю степень — 96 рублей и за 1-ю степень — 120 рублей в год.*

Не смотря, что отец пропал без вести, деньги по аттестату получала до самой революции 1917 г. Собрав деньги, мать купила корову (сено было свое – в огороде был луг с сенокосом).

Дети подрастали. Старший Григорий много помогал матери по хозяйству, но горе не проходило мимо дома многодетной матери. Сильно заболел старший сын Григорий, у которого внутри образовался какой-то нарыв. В соседнем селе Братолюбовка был хороший врач Белоярцев, проработавший в сельской земской больнице всю свою жизнь. Повезла мать сына к Белоярцеву, который осмотрел Гришу, предложил везти его в Александрию на операцию. Мать упала перед врачом на колени и со слезами начала просить, чтобы мальчика не оперировать, ибо еще только год назад она похоронила меньшего за Гришу сына, Петра, который уже начал ходить в школу. Застудил мочевик и погиб, сгорел буквально за неделю. Мать боялась потерять еще и старшего.

Так как мать почти 6 лет жила в Тифлисе, то одета была по-городскому. Белоярцев задумался и спросил:

- Ваш муж офицер?

Мать ответила: - Да,

хотя отец имел унтер офицерское звание. Тогда врач принял решение, попробовать лечить Григория сам. Приготовил лекарства и лично сам втирал ему в то место на боку, где был внутренний нарыв, чем через несколько дней вызвал нарыв наружу, что избавило мальчика от операции. Гриша поправился.

До 1918 года об отце ничего не было известно. Но отец оказался жив, был в плену в Германии, работал у хозяина в кузнице молотобойцем, куда попал из лагеря. После февральской революции 1917 года два раза бежал из плена и оба раза неудачно. Ловили и снова отправляли в лагеря.

Только после 3-го побега в 1918 году отец осенью добрался домой. Он не знал, что жена имеет свой дом и живет отдельно, поэтому ночью постучался к деду и назвался совсем чужим человеком, который был с сыном Павлом в плену.

Дед пустил сына в хату, как чужого, поднялась из постели бабушка. Дали человеку поужинать, дед расспрашивал о Павле, бабушка стояла и все время наблюдала.

Прибывший был истощенный и сильно заросший черной бородой, дед не мог узнать в нем родного сына. Так долго продолжался разговор и только материнское сердце подсказало, что перед ними их сын. Понаблюдав еще немного, бабушка со слезами закричала и запричитала:

- Старый, что же ты не узнаешь? Это наш Павло!

...Разговор мгновенно сменился. Отец расспрашивал о семье, узнал, что семья живет через несколько дворов в своем доме, что умер Петя, все остальные живы и здоровы. Не было терпения увидеть жену и детей. Чтобы не перепугать семью, отец пошел на новую усадьбу вместе с бабушкой (своей матерью).

Бабушка постучалась, мать мгновенно оказалась перед окном, узнала свекровь и сказала:

- Сейчас открою.

Здесь уместно вспомнить о курьезе в этот момент. В эту ночь к матери попросились заночевать несколько подвод людей из далеких сел, приехавших на ярмарку. Среди ночевавших были мужчины и женщины. Мать разрешила; дом просторный (5 комнат), двор большой (тогда

презирался тот, который отказывал кому бы-то ни было в ночлеге). Так вот когда бабушка стучалась, отец был уже у входа в дом. И вдруг открывается дверь и перед отцом стоит мужчина с горящей папиросой. Можете представить состояние обеих мужчин: отец не ожидал, что в доме жены есть мужчина, а ночевавший не думал, что у входа его, как бы поджидает, неизвестный здоровенный мужик (отец был крупного роста). Отец первый опомнился и заорал:

- Ты кто? Почему здесь?

Мужик перепугался так, что не мог ответить, потом залепетал:

- Та я...та я...здесь не один.

Отец:

- А сколько же Вас? Целый взвод?

Мать уже бежала из своей комнаты к выходу, по голосу узнала мужа и стала кричать:

- Ты что, Павло, сдурел? Оставь человека в покое!

Все зашли в дом, поднялись все ночевавшие, все выяснилось. У ночевавших нашлось по рюмке, посмеялись о случившемся и начали праздновать возвращение к семье нашего отца.

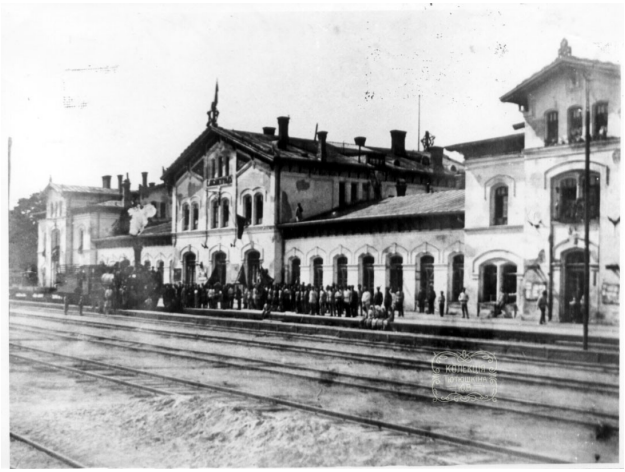
После революции 1917 года

Прибыв из плена домой, отец увидел совсем запущенную усадьбу. Вокруг дома бурьяны достигли высоты соломенной крыши. Из хозяйства у матери была корова, куры и больше ничего. Своей земли не было. Шла гражданская война. Свирепствовали банды. Отец, который долгие годы был кадровым военным, отвык от земли и заниматься сельским хозяйством сначала не захотел.

Согласно декрета Ленина, крестьяне получили землю – по 2 десятины на члена семьи. Получила и наша семья 10 десятин, но как начать заниматься хозяйством, когда не было ни тяговой силы, ни реманента.

Отец, оставив семью, ушел в Елисаветград (сейчас – Кировоград), где поступил на службу в милицию.

Фотографии Елисаветградского ж/д вокзала и церкви:



Мать снова осталась одна с детьми. Работала, как каторжная дома и помогала всем родственникам и соседям, чтобы те помогли вспахать и

засеять свою землю. Так же работала и при уборке урожая. Единая помощь дома был старший сын Григорий, которому шел 16-й год, двое были еще совсем малолетними. Отец из Елисаветграда наведывался редко и слушать не хотел о возвращении к земле.

Копия местного разменного билета 1920 года:

В 1920 году тифом заболел старший Григорий, за ним слегла мать, а от отца никаких вестей, ибо дома не знали и адреса где он находится в Елисаветграде. Григорий поднялся после болезни раньше, мать еще болела, когда приехал отец. Боясь заразиться тифом, отец переночевал в отдельной комнате и снова уехал в Елисаветград, даже не попрощавшись с женой. Стало ясно, что отец оставляет семью, хотя открыто ничего не сказал.

После выздоровления, мать совсем еще слабая, поехала с братом Митрофаном подводой в Елисаветград, надеясь где-то там в милиции разыскать мужа и выяснить: будет он возвращаться домой к детям или совсем оставляет семью на произвол судьбы. Подходила уборка урожая и мать не в состоянии сама справиться с этой работой.

Мать еще ни к кому не обращалась и не искала мужа, а совсем случайно, встретила его на центральной улице города в белой милицейской форме, окликнула его.

Отец был удивлен. Откуда здесь появилась жена? Мать объяснила, что здесь и ее брат. Пришли к подводе, где состоялось весьма неприятное для отца объяснение. После долгих разговоров, отец решил немедленно ехать домой, оставив службу в милиции. Расчет тогда производили быстро. Через 2

часа отец пришел к подводе и сообщил, что рассчитался. Попросился пойти на квартиру за вещами. Мать пожелала пойти за вещами вместе, но отец смутился и начал убеждать, что лучше ему пойти одному. Мать настаивала на своем. Тогда брат Митрофан уговорил сестру остаться. Вскорости отец пришел с вещами и они втроем уехали. Ясно, что в Елисаветграде у отца была другая женщина, но он серьезно все обдумал и решил возвратиться к детям. Спасибо нашим родителям, что они сумели благоприятно решить этот интимный конфликт и дети не остались сиротами при живом отце.

Уже дома отец тоже переболел тифом.

В селе образовался сельский совет, комбеды. Отец стал членом комбеда. Активисты советской власти получили оружие, ибо по селах еще свирепствовали банды. Принес и отец домой винтовку, которая у него была до самого 1925 г.

В 1922 году родился я (прим. издателя – дата рождения 03.04.22), а еще через два года в 1924 году родился самый младший из нас – Петя.

Семья стала большой, на каждого члена семьи нарезалось по 2 десятины земли. Очень трудно было поднимать хозяйство. Для обработки земли нужно было тягло: лошади, быки. Семья отказывала себе в самом необходимом; родители и дети ходили полураздетые и не обутые. Все средства шли чтобы купить лошадей или быка. К тому же, на первых порах, отцу не везло в хозяйстве. В 20-х годах во время НЭПа погибла лошадь, задавился бык, подавилась огурцом и пропала корова. Каждая потеря в хозяйстве оплакивалась родителями, нами – детьми. Но отец был настойчив, вся семья трудолюбивая, хозяйство крепло. В 1926 году отец построил новый сарай на два отделения: для животных и комора для зерна, а в 1927 году – новую клуню (в России называют гумно). Приобрел отец и весь необходимый новый инвентарь: сеялку, косилку-лобогрейку (?), пупарь (?), плуг, бороны, культиватор.

У тетки нашей матери Марии умер муж дядько Гераско. Старики жили зажиточно, но детей не имели. Имели ветряную мельницу, конную молотилку, соломорезку, круподерку. Бабушка Геращиха ветряную мельницу продала, а все остальное с конным приводом подарила моему отцу, посчитав его самым способным из всех родственников, который сможет разумно использовать этот инвентарь и машины.

Хозяйство быстро начало расти и развиваться. После жатвы отец переходил с молотилкой от одного хозяина к другому, обмолачивая собранный хлеб. А зимой у нас во дворе было полно подвод с мешками, крестьяне привозили просо для переработки на нашей ширитовке? (круподерке) на пшено. Это давало ощутимые прибыли в хозяйстве. Оставалась просяная полова – неплохой корм для свиней.

Обучение детей в школе родители считали не нужным. Только старший Григорий окончил в Варваровке 6 классов. Василий – начальную школу, а «образование» сестры Шуры ограничилось ликбезом (ликвидация безграмотности), научилась кое-как читать, писать и достаточно. В хозяйстве надо было работать. Тяжело работали отец с матерью и с малых лет принуждали работать всех детей. Я в 20-х годах был еще совсем мальчишкой. В 1925 году умер наш самый маленький и всеми любимый братишка Петя. Я его еле помню; он был белокурый, кудрявый – чем-то напоминающий Ленина в детстве. Мы все, наоборот, были темноволосые – все в отца. Смерть Пети, которому было немного больше одного года, случилась из-за недосмотра за ребенком. И все из-за той же проклятой работы. Это случилось накануне жатвы. Отец с матерью поехали на ярмарку в Варваровку и привезли оттуда корзину вишен (у нас не было никаких фруктовых деревьев). Все набросились на ягоды. Покушали хорошо. Остальные вишни в корзине мать спрятала под кровать в комнате и завесила до самого пола рядном. Наш Петя уже хорошо ходил и ползал, забрался под кровать и начал там кушать вишни вместе с косточками. В комнате никого не было. Потом вылез из под кровати, подошел к столу, на котором сушились дрожжи, и накушался дрожжей. В его маленьком желудочке началось брожение, он начал сильно кричать, но никто всего этого не видел, а он еще не мог сказать. Больницы в селе не было, и ребенок скоро скончался. Так в нашей семье было два Петра и оба в детстве умерли.

Подошел 1929 год – год начала коллективизации и раскулачивания. Мне было 7 лет, но мы жыли в «штапу» - центре села Боковое, поэтому перед моими детскими глазами события конца 20-х годов происходили, как на экране, дети с самых ранних лет наблюдательны и мыслят образами. К тому же, мы были более развиты против детей, живших на окраине села. У нас рядом, по соседству: сельсовет, сельбуд, церковь, магазины, перекресток центральных дорог, почта. В 1929 году отец собрал хороший урожай, начал планировать – что еще купить для хозяйства. У нас было 3 лошади, корова,

свиньи, весь новый инвентарь, необходимый для обработки земли и уборки урожая. Зародилась мечта купить вместе с соседом на паях трактор «Фордзон».

Дети на тракторе Фордзон, 20-е годы СССР:

В обоих семьях уже было по два взрослых сына, было кому работать и на поле и на тракторе.

Но не тут-то было!

Отец, как зажиточный крестьянин попадает в списки «верхушки» - это что-то среднее между кулаком и крепким середняком. Позже всех из этой «верхушки» начали называть кулаками. Активисты по раскулачиванию подогнали во двор подводы и забрали весь хлеб, не оставив ничего ни кушать ни на посев.

Уполномоченный из района по коллективизации был некий Сахно, человек умный и понимающий обстановку. Сельсовет разместил этого уполномоченного у нас на квартиру, чтобы он был накормлен и имел более приличную постель, ибо в хате любого лодыря-бедняка ему таких условий

создать не могли. Сахно понимал, что большинство крестьян после революции были бедняками, был таким горемыкой и наш отец. Ленин всем одинаково дал землю по 2 десятины на члена семьи. Всем было тяжело начинать хозяйство, не было тягла. Но и тут государство пошло на помощь крестьянину. Для приобретения лошади (лошадей) и инвентаря каждый мог получить от государства кредит.

Все же не все хотели трудиться, землю получили, отдавали ее в аренду крестьянам–труженикам, кредит брать боялись, чтобы не пропить. Такие остались бедняками и пополнили актив на селе: рыскали по коморам, амбарам, чердакам, подвалам. Грабили все подрят.

Раскулачивание и коллективизация

К концу 1929 г притеснение крестьянства усиливалось. Семья наша стала кулацкой. На лицевой стене от улицы на нашем сарае появилась надпись, сделанная дегтем: «Кулак-собака, сам хлеб не кушает и государству не сдает!» А что сдавать, когда все забрали и семья голодает?

Советские плакаты времен коллективизации:

Лошадей и корову пока не трогают. В нашей хате каждую ночь заседает комиссия по раскулачиванию и коллективизации. Уже многих повыгоняли с хат и вывезли в ссылку. На наших лошадях по ночам разъезжают по окраинам села и деревням громить «верхушку» и агитировать остальных в колхозы. Появляются первые артели – ТОЗы.

По соседству жил сын священника Ногачевского Яков, который тоже стал «верхушкой». Я помню, как его привели в нашу хату и начали издеваться: раздели до гола и избивали, требуя сдать хлеб. Совсем пожилой человек, очень тихий и безответный, стоял на коленях и плакал, как ребенок, доказывая, что он все отдал, все уже забрали. Тогда его решили отвести к мосту недалеко от нашего дома и утопить в проруби. Только уполномоченный Сахно, приехавший как раз из соседнего села и вошедший в дом, спас этого человека от дальнейшего надругательства. Здесь же в «штапу», мы пацаны ежедневно присутствовали на торгах во дворе потребкооперации, где велась распродажа всякого имущества, забранного у раскулаченных: одежды, мебели, хатней утвари. Все продавалось очень дешево, а для актива почти даром. Новый овечий тулуп можно было купить за 2-3 рубля, битые валенки за 50 копеек. Семьи же раскулаченных вместе с детьми, совсем раздетых, зимой вывозили на станцию для отправки в Северные районы страны. Ежедневно мы слышали дикие вопли, плач женщин и детей, которых за их тяжкий труд на земле выбрасывали из родных хат и увозили неизвестно куда на верную гибель.

Отец совсем пал духом, всегда сидел молча и курил. Наш квартирант, уполномоченный Сахно уходил рано утром и возвращался поздно. Иногда у нас не было заседаний комиссии. В такие вечера Сахно беседовал с моим отцом. Он убеждал моего отца подать заявление в колхоз. Сахно говорил:

- Я понимаю, что Вам, Павел Семенович, очень жалко и больно расставаться с хозяйством, нажитым таким тяжелым трудом, но Вы ничего не сделаете. Вас не сегодня-завтра раскулачат, семью выгонят из дома, а то могут и выслать на Север. Отдайте всех своих лошадей и инвентарь в колхоз и Вас оставят в покое.

Хорошо, что отец послушал доброго совета. Нашу семью приняли в колхоз, все туда отдал, отвел 3-х лошадей и все успокоилось. Колхозы, которых было очень много, по 10-20 дворов назывались с/х артелями, или просто ТОЗами. Наш ТОЗ назывался «Хлебороб».

Первые колхозы были неустойчивыми, утром лошадей вели в колхоз, тянули туда инвентарь, а к вечеру – все разбирали по домам. Это после было названо волынкой. Крестьянам было жалко своих лошадей, быков, которые в общественных конюшнях были в тесноте, их плохо или совсем не кормили и не поили. Содержали животных в кулацких сараях, хозяев которых выгнали из села. Помещения были тесными, ухаживать за обобщенными животными никто не хотел, в таких дворах круглосуточно слышался рев и ржание голодных и не поеных животных.

Копия газетной вырезки тех лет:

КУРКУЛЯ, ЗЛОДІЯ ШУЛЕЖКА

засуджено до розстрілу

НЕМАЄ ПОМИЛУВАННЯ ВОРОГАМ ГРОМАДСЬКОЇ ВЛАСНОСТИ

НА ОХОРОНУ ВРОЖАЮ, ПРОТИ КУРКУЛЬСЬКИХ „ПАРИКМАХЕРІВ"

ОРГАНІЗУВАТИ ВСІХ ЧЕСНИХ КОЛГОСПНИКІВ

ДО НАЙВИЩОЇ МІРИ СОЦІЯЛЬНОГО ЗАХИСТУ

Днями газета сигналізуваала про злодійський вчинок куркуля **Шулежка Грицька**, з В.-Висківського району, який систематично займався крадіжками, шкідницькою роботою, який навмисно скосив на лах артілі ім. **Петровського** (околиці міста) 112 квадратних сажнів яроі пшениці. Шулежка було затримано об'їзником артілі і віддано до суду.

6-го липня виїзна сесія Одеського обласного суду судила куркуля, злодія Шулежка, на місці в артілі ім. Петровського. На суді виявилося, що батьки Шулежка розкуркулені і вислані за межі України, а сам Шулежко, залишившись у місті Зіновіївському, займався шкідництвом, на кожному кроці мстив за розкуркулених батьків. При обшуку на подвірї Шулежка було також знайдено покошену і озиму пшеницю. Шулежко всіма засобами намагався як найбільше нанести шкоди Радянській владі, підривати міць колгоспів.

Як класово-ворожого елемента, активного розкрадника громадської власности, суд на основі закону уряду від 7 го серпня 1932 року **засудив Шулежка ДО НАЙВИЩОЇ МІРИ СОЦІЯЛЬНОГО ЗАХИСТУ—РОЗСТРІЛ З КОНФІСКАЦІЄЮ НА КОРИСТЬ ДЕРЖАВІ ВСЬОГО МАЙНА.** Разом з цим суд ухвалив стягнути з куркуля Шулежка на користь артілі ім. Петровського 2000 крб. за нанесенні артілі збитки.

Вирік пролетарського суду колгоспники зустріли з задоволенням.

Пролетарський суд нещадно каратиме всіх ворогів громадської власности—куркулів, злодіїв, крадіїв. Треба ще більше посилити класову пильність уміти вчасно знешкоджувати і викривати найменші спроби куркулів та їхніх агентів шкодити, підривати міць колгоспів.

Мой отец своих лошадей домой не забирал, но ночью тайно, он или старший сын Григорий, пробирались в сарай и подкармливали своих коней.

Слава Богу, что еще у нас не обобщали коров, мелкий скот и птицу, как это было в отдельных местах, где организовывали сразу коммуны.

В начале 30-х годов я помню, как вспыхнуло восстание в селе против коллективизации и советской власти. Началось оно с окраин в селах Цидульчино и Мажаровка, которые входили в наш Боковской сельский совет. Все происходило на подобе как было на Дону, что осветил в своем романе «Тихий Дон» Мих. Шолохов. Собрались, в основном, женщины и началось шествие по селу по направлению к центру (к «штапу»), где размещался сельский совет. Несли кресты, иконы, хоругви – все забранное с церквей (их тогда в селе было две). Спереди этой толпы шла старая женщина – юродивая баба Карабилка с большим крестом на груди. Сзади шествие замыкала редкая толпа мужчин. В меру движения по улицам села, толпа наполнялась и когда подошли к сельсовету, народу было очень много. Пели церковные песни, слышались возгласы недовольства, угроз. Многие были вооружены рогачами, вилами, граблями, лопатами, отдельные мужики – топорами. Когда подошли к сельсовету, все его работники бежали, оставив помещение без всякой охраны. Восставшие ворвались в сельский совет и в сельбуд (избу – читальню), начали ломать мебель, бить окна, разбили граммофон, побили пластинки, выносили на улицу и сжигали разные книги, бумагу. Никто им не оказал никакого сопротивления. Так, перебесившись, толпа начала расходиться. Обошлось без кровопролития. К вечеру мы-пацаны в «штапу» собирали на месте погрома обломки грампластинок. Ночь прошла спокойно. А рано утром в село прибыли грузовики с солдатами войск НКВД. Все грузовики собрались возле сельсовета. Наш дом был рядом. Была осень, утром было холодно. Мне очень хотелось подойти поближе, чтобы рассмотреть автомашины. Больше меня, 8 летнего парня, ничего не интересовало. Обув на босую ногу какие-то опорки и мамкину куртку с очень длинными для меня рукавами, я начал осторожно пробираться к машинам. Солдаты с винтовками стояли возле машин группами, курили. Я был рад, что оказался совсем рядом, но не успел рассмотреться, как меня заметил один из военных, вероятно какой-то старшой, командир. Поманив меня пальцем, подозвал к себе и спросил громко и грубо:

- Тебя мать твоя послала сюда? А ну, вон быстро отсюда!

И я побежал домой, путаясь в своей не по росту обувке и удяганке, все время падая.

Прибежав домой, я горько заплакал. Мне было очень обидно, что тот грубый дядька не разрешил мне посмотреть автомобили, которых я еще никогда не видел. Я сам очень хотел и мама меня туда не посылала.

Только значительно позже я понял, почему тот военный так спросил. Ведь заваруху затеяли в основном женщины, то вероятно я был послан к сельсовету матерью на второй день в «разведку». Поэтому меня и прогнали да еще военные и свистели, когда я убегал. Очень обидно.

В 1930 году, когда мне исполнилось 8 лет, я поступил в 1-й класс (тогда была 1-я группа). Наша школа называлась ШКМ (школа колхозной или коммунистической молодежи). В это время началось гонение на религию и церковь. В селе была старая Покровская церковь, построенная в скорости после основания села Боковое. Она размещалась в центре села (в «штапу»), рядом была школа и старое сельское кладбище.

Церковь была кирпичная, небольшая, к ней пристроена деревянная колокольня. Церковь была огорожена каменной оградой – забором высотой метра 1,5-2. С запада – ворота против входа в церковь, с юга и севера – две калитки для входа в ограду. Возле церкви в стене ограды – маленькая хатка для сторожа (сторожка), за 50 метров – дом священника. Церковь и ограда побелены известью, всегда беленькие, ухоженные, железная крыша на церкви свежепокрашена зеленой краской, обшивка деревянной колокольни – серой краской. В ограде вокруг церкви всегда вечно зеленая трава, всегда свежая (старая вовремя скашивалась). На восточной стороне ограды несколько могил с гранитными плитами – надгробиями – захоронения духовенства, священников Покровской церкви.

Когда я начал учиться в школе, церковь была действующей. Нам, ученикам, строго запрещалось бывать в церкви, а тем, кто принимал причастие, исключали со школы. Учителя отвечали за своих детей, поэтому ежедневно твердили, что религия – дурман, мракобесие, что Бога нет. На стенах в школьных коридорах пестрели карикатуры антирелигиозного содержания. Во время религиозных праздников, когда в церкви проходили богослужения, на перерывах (между уроками), учителя дежурили, чтобы никто из учеников не забежал в церковную ограду. А соблазн забежать был велик. Там, в ограде, бабки продавали бублики, пряники, пирожки с маком, конфеты, а на Пасху и даром раздавали крашеные яички. Большой дом священника еще в начале 20-х годов был передан школе, в нем размещались две классные комнаты и квартира для семьи учителя.

Кроме Покровской к 30-м годам в селе было еще две церкви: южнее новая красивая недавно построенная километра два от Покровской, а

севернее, примерно на таком же расстоянии, большая недостроенная церковь. В начале 30-х годов началось гонение на религию. Недостроенную разобрали, а кирпич использовали на строительство школ, а под новою подложили взрывчатку и взорвали. С Покровской церкви были спилены кресты, с колокольни сброшены колокола (звоны). Церковь закрыли.

Фотография Покровской церкви, сделанная после закрытия и частичного разорения:

Хорошо помню митинг и демонстрацию, направленных на борьбу с религией. Это было зимою 1931 года. Я учился в 1 классе (тогда 1 группе). Все ученики должны были участвовать в этой демонстрации. Пошли вдоль села, а потом по окраинам. Было очень холодно, все дети были очень плохо одеты и обуты. Морозы стояли сильные. Впереди колоны ехали санки, запряженные лошадьми, на которых сельские активисты и комсомольцы, ряженые в ризы, рясы и другие облачения, забратые из церкви, с наклеенными бородами и волосами, кривлялись, изображая какой-то антирелигиозный спектакль.

На других санях было горно и наковальня, грели железо до красна и били молотами, имитируя перековку старой жизни.

Много я не запомнил, так как и другие дети (особенно маленькие), сильно замерз. Очень захотелось помочиться, но руки так замерзли, что не смог расстегнуть пуговицы на штанишках, так и добрался домой в мокрых штанах.

Мать крепко ругала, выпорола ремнем и загнала на печку, насыпав миску горячего борща.

Мать в семье была неприкословным авторитетом. Ее все дети уважали и боялись. Я всю жизнь помню, как меня мать порола. Хотя в школе я учился отлично, на уроках дисциплина моя была безукоризненна, но вне школы бывало все.

Особенно мать была непримирима в борьбе с самопалами. Мастерить самодельные пистолеты и стрелять – это увлечение, которое не обошло никогда ни единого поколения мальчишек. Стреляли поголовно все. Если у кого отец имел ружье – воровали порох и дробь, остальные забирали дома все спички. Были случаи, когда самопалы разрывало, детей калечило, родители наказывали мальчишек, но ничего не помогало, пока эта «эпидемия» сама не уходила с возрастом. Но мне быстрее помогло. После одного «сеанса» матери, я поклялся никогда не стрелять и в тот же день потопил все свое «оружие» возле моста нашей речки. И если бы не война, то

наверное, никогда бы не стрелял (не считая уроков нач. военной подготовки в школе).

Голод 1933 года и последующих лет

В 1930 году мой брат Григорий, старше меня на 18 лет был уже женат и отделен в свою хату, которую купил молодоженам наш отец. Григорий был самым грамотным в семье, он окончил где-то 6-7 классов в селе Варваровка, когда отца еще не было дома после первой мировой войны, поэтому, окончив кратковременные курсы, стал работать счетоводом в колхозе. Сестра Александра (Шура) старше меня на 11 лет работала в полевой бригаде колхоза, а брат Василий 1912 года стал трактористом. Мать болела, была всегда дома, обходила хозяйство и семью. Отец был конюхом и сторожем в сельпо. Жили бедно, но всегда старались держать корову, огород был небольшой, но к берегу речки с маленьким сенокосом. Иногда держали поросенка для себя, кур держали всегда мало (не было для них зерна), другой птицы не было. На трудодни из колхоза хлеба давали мало, денег совсем почти не платили. Очень тяготили всех крестьян налогами.

1932 год был неурожайный, из колхоза не получили за труд ничего, не уродила картошка, овощи, даже плохие были буряки. Голодать начали еще до нового года, телушка-первотелка еще не растелилась. Но самое страшное началось весной 1933 года. По селу шатались опухшие голодные люди, валились в грязь и больше не подымались. Мертвых на одноконной повозке или просто на тачке отвозили на кладбище и хоронили, иногда по несколько человек в одну яму. Этим занималась специальная бригада из более крепких мужиков, им за это из колхоза давали по 500 грамм кукурузного хлеба.

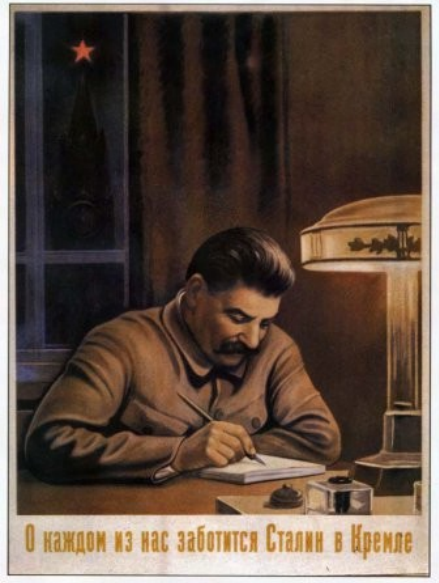
Я тогда учился в 3-м классе. Пошли весною в колхоз на работу (началась прополка) и отец с матерью. На обед в колхозе давали какую-то жидкую похлебку, а вечером горсть ячменной муки. Отец за что-то где-то выменял ведро зерна суданки (культивировалась тогда такая трава), сделали из нее в ступке крупу и мать сварила из нее кашу, мы вдвоем первые покушали этой каши. Наутро я проснулся и понял, что стал плохо видеть, но никому об этом не сказал и пошел в школу. Учительница заставила меня почитать из учебника урок. Я встал, смотрю в учебник,, а все написанное там, как в густом тумане. Стою, очень испугался и стал горько плакать. Как учительница не выспрашивала меня в чем дело, я никому ничего не сказал, а

на перемене со слезами ушел с уроков домой, сознался матери. Что я плохо вижу, но оказалось, что мать тоже ничего не видит (у нее и так было плохое зрение). После уроков к нам домой пришла моя учительница и все выяснилось. Прекратили кушать зерно суданки и зрение начало восстанавливаться.

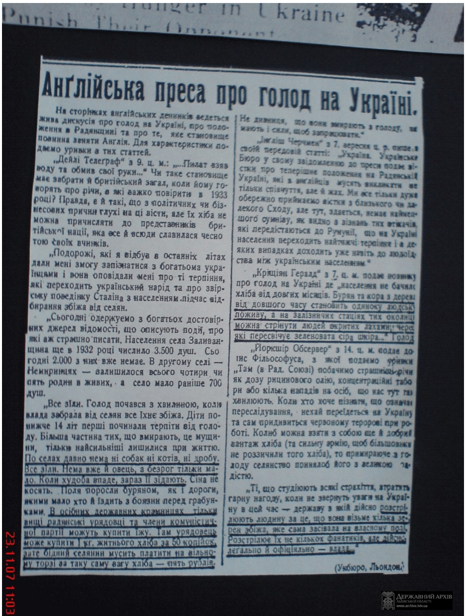
Много в эту весну 1933 года умерло наших односельчан, среди них и детей. Нашу семью намного поддерживала наша маленькая корова-первотелка.

Самое страшное началось весной. По селу шатались опухшие голодные люди, валились в грязь и больше не подымались. Мертвых на одноконной повозке или просто на тачке отвозили на кладбище и хоронили, иногда по несколько человек в одну яму. Этим занималась специальная бригада из более крепких мужиков, им за это из колхоза давали по 500 грамм кукурузного хлеба.

Советские плакаты 30-х г.г.:



Горькая правда – фото и статьи:



Анґлійська преса про голод на Україні.

На сторінках англійських денників ведеться жива дискусія про голод на Україні, про положення в Радянщині та про те, яке становище повинна заняти Англія. Для характеристики подаємо уривки з тих статтей.

„Дейлі Телеґраф“ з 9. ц. м.: „...Пилат взяв воду та обмив свої руки...“ Чи таке становище має забрати й британський загал, коли йому говорять про річи, в які важко повірити в 1933 році? Правда, є й такі, що з політичних чи бізнесових причин глухі на ці вісти, але їх хіба не можна причисляти до представників британської нації, яка все й всюди славилася чесното своїх вчинків.

„Подорожі, які я відбув в останніх літах дали мені змогу запізнатися з богатьома українцями і вони оповідали мені про ті терпіння, які переходить український нарід та про звірську поведінку Сталіна з населенням підчас відбирання збіжа від селян.

„Сьогодні одержуемо з богатьох достовірних джерел відомості, що описують події, про які аж страшно писати. Населення села Заливанщина ще в 1932 році числило 3.500 душ. Сьогодні 2.000 з них вже немає. В другому селі — Немиринцях — залишилося всього чотири чи пять родин в живих, а село мало раніше 700 душ.

„Все зїли. Голод почався з хвилиною, коли влада забрала від селян все їхнє збіжа. Діти понижче 14 літ перші починали терпіти від голоду. Більша частина тих, що вмирають, це мущини, тільки найсильніші лишилися при життю. По селах давно нема ні собак ні котів, ні дробу. Все зїли. Нема вже й овець, а безрог тільки мало. Коли худоба впаде, зараз її зїдають. Сіна не косять. Поля поросли буряном, як і дороги, якими мало хто й їздить з боязни перед грабунками. В осібних державних крамницях тільки вищі радянські урядовці та члени комуністичної партії можуть купити їжу. Там урядовець може купити 1 кг. житнього хліба за 50 копійок, зате бідний селянин мусить платити на вільному торзі за таку саму вагу хліба — пять рублів. Не дивниця, що вони вмирають з голоду, не мають і сили, щоб запрацювати.“

„Інґліш Черчмен“ з 7. вересня ц. р. пише в своїй передовій статті: „Україна. Українське Бюро у свому звідомленню до преси подає вістки про теперішне положення на Радянській Україні, які в англійців мусять викликати не тільки співчуття, але й жах. Ми все тільки дуже обережно приймаємо вістки з близького чи далекого Сходу, але тут, здається, немає найменшого сумніву, як видно з зізнань тих втікачів, які передістаються до Румунії, що на Україні населення переходить найтяжчі терпіння і в деяких випадках доходить уже навіть до людоїдства між українським населенням.“

„Кріщіян Геральд“ з 7. ц. м. подає новинку про голод на Україні де „населення не бачило хліба від довгих місяців. Бурян та кора з дерев від довшого часу становить одиноку людську поживу, а на залізничих стаціях тих околиць можна стрінути людей вкритих лахами, через які пересвічує зеленовата сіра шкіра...“ Голод

„Йоркшір Обсервер“ з 14. ц. м. подає допис Фільософуса, з якої подаємо уривки „Там (в Рад. Союзі) побачимо страшніші річи як дозу рицинового олію, концентраційні табори або кілька нападів на осіб, що нас тут так хвилюють. Коли хто хоче пізнати, що означає переслідування, нехай переїдеться на Україну та сам придивиться червоному теророві при роботі. Колиб можна взяти з собою ще й добрий вантаж хліба (та сильну армію, щоб більшовики не розвичили того хліба), то примираюче з голоду селянство приняло б його з великою радістю.

„Ті, що студіюють всякі страхіття, втратять гарну нагоду, коли не звернуть уваги на Україну в цей час — державу в якій дійсно розстрілюють людину за це, що вона візьме кілька зерен збіжа, яке сама засівала на власному полі. Розстрілює їх не кількох фанатиків, але дійсно леґально й офіціяльно — влада.“

(Укбюро, Льондон.)

ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ЛЬВІВСЬКОЇ ОБЛАСТІ www.archive.lviv.ua

Соціяльна опіка над дітьми в Большевії. Конаючі з голоду діти в

Был в селе и случай людоедства. Этим ужасным «промылсом» занималась одна женщина Лебедь Елизавета, близкая знакомая, почти соседка и кума моего отца (отец крестил ее самого младшего сына Антона).

В 1933 году ей было лет 45-50. Она была многодетной вдовой, но дети все были взрослые и разлетелись по свету. Она осталась одна. С ранней весны по нашему кутку (в «штапу») постоянно ходили маленькие девочки – сестры из какого-то хутора под Варваровкой; их родители умерли от голода. Девочки пришли в наше село и ходили по хатам, просили покушать кто что даст. Наши люди жалели сироток, кое-как подкармливали, оставляли ночевать. Ежедневно они наведывались и к нам. Старшей было лет 7, младшей 4-5 лет. Знали мы, как их зовут, но сейчас я не помню. Хлеба у нас не было, но каждое утро наша мама давала им по чашке молока, они выпивали и уходили. Потом несколько дней их не было, а потом пришла только старшая девочка. Это было где-то к конце мая, на дворе было совсем тепло. Мама дала ей молока и спросила:

-А где же твоя сестричка?

Она ответила:

- Не знаю. Мы спали в бурьяне, а когда я проснулась, то сестрички не было. Я ее искала-искала и не нашла.

Так и продолжала к нам заходить одна старшая девочка, а через время и ее не стало. Никто на это не обратил никакого внимания. Кому нужны чужие дети, когда во многих семьях свои пухнут и умирают с голода. Куда пропали эти дети никто не знал дней 10. И только случай, причиною которого был тот же голод, прояснил картину исчезновения девочек: у соседки Елизаветы Лебедь среди бела дня пропал маленький теленок, был привязан за двором и пропал. Хозяйка была до обеда на работе, а когда пришла теленка не обнаружила. Подозрение пало на соседку Лебедь, хозяйка теленка предположила, что это дело рук сыновей Лебедь, которые навещали иногда мать. Увидев, что у соседки идет дым из трубы, она зашла к ней в хату. Увидев, что на плите в большом казане что-то варится, а запах вареного убедил – варится мясо. Значит там в казане мой теленок. Что теперь делать? Пойти в сельсовет заявить? Пока сходит, соседка спрячет. На ее счастье в хату зашла другая соседка, которая уже знала о пропаже теленка. Так одна из прибывших, под предлогом ушла из хаты и быстро пошла в сельсовет. Это было совсем не далеко. Там застала милиционера (он один был участковый на несколько сел), рассказала о случившемся, скоро из сельсовета прибыли милиционер и несколько человек понятых. Приказали вынести казан на улицу и высыпать содержимое варево прямо на траву. Увиденное привело всех в ужас. Из казана на траву выпали куски телячего мяса и маленькие детские ручки. Начали искать в погребе, нашли головки зарезаных девочек. Ужасная новость быстро стала известна в нашем и соседних селах. Матери стали строже следить за своими детьми. Елизавету Лебедь сразу же доставили в сельсовет и в том же день из района прибыл грузовик, ее

подняли, посадили в кузов и куда-то отправили. Дальнейшая ее судьба никому не известна. Долго еще говорили об этом случае, говорили, что она откопала и сьела своего сына Павла, умершего от голода, но никто это не проверял.

На фото - в это время в г. Москве:

Подошло лето 1933 года. Урожай обещал быть богатым. Начали наливаться зерном колосья ржи, ячменя, пшеницы. Не смотря на то, что поля охранялись обьездниками, по полям устанавливали наблюдательные вышки, голодные люди ночами вынуждены были идти на поле и ползком пробираться в хлебные посевы и резать колосья. Под страхом строгого наказания многолетней тюрьмой, люди тайком приносили домой спасительную ношу, подсушивали колосья, вынимали руками недозревшее, еще молочной спелости зерно, сушили его на плитках, толкли в ступках, делали крупу, муку, варили зеленую на цвет кашу и пекли такие же зеленые лепешки.

Сколько надо было терпения и нервного переживания, чтобы покушать такого горького хлеба.

Но горе было тому, кто не выдерживал и прямо на поле, лежа среди колосьев, выминал зерно и там же кушал. Голодный желудок и истощенный организм не могли справиться и перетравить сырое полу зеленое зерно. Живот сдувался и человек погибал там же на поле.

Так умерла старая одинокая (еще дореволюционная учительница) Лукерия Тимофеевна, которая ползком добралась на ближайшее поле и там, накушалась зеленого зерна. Она жила по соседству с нами, и когда ее привезли на тачке домой, я видел ее мертвой. Ее живот был таким вздутым, как бывает вздутие от перекорма коровы или лошади. Мы, пацаны, кто видел это изуродованное голодом тело, еще долго быстро пробегали мимо ее опустевшей хаты. Наконец, хлеб созрел. Началась уборка урожая. Косили хлеба конными жатками – лобогрейками, мужчины вилами скидывали снопы с площадок жаток, женщины граблями помогали стягивать. Это была очень тяжелая работа, а все люди были до предела истощены, слабые. Поэтому первый скошеный хлеб сразу обмолачивали, зерно подсушивали, молотили и начали подкармливать людей. На поле 3 раза в день варили горячую пищу. Картошки и овощей не было, поэтому готовили, в основном, галушки или затируху без всякого жира. На поле вышли все, даже старики и дети помогали, старались, чтобы покушать галушек. Дети младших классов подносили воду к жаткам для скидальщиков и вязальниц снопов, мы, постарше, вместе со стариками носили связанные снопы и скидывали в копны, совсем маленькие дети дошкольного возраста, собирали упавшие на поле колосья.

Начался обмолот хлеба, на токах работали молотилки, приводимые в движение старыми, еще дореволюционными локомотивами и паровиками, конфискованные вместе с молотилками у раскулаченных зажиточных крестьян. Топливом для паровиков была солома. Появились первые овощи, молодая картошка. На поле начали варить борщ, постный – без жира и мяса, но какой он был вкусный для всех нас!

После уборки урожая, колхозникам на трудодни выдавали много хлеба, люди оправились от голода. К осени в разных кутках села стали слышны песни.

Но радоваться людям суждено было не долго. Поступило указание, что хлеб выданный на трудодни незаконно, надо его вернуть в государство. К дворам колхозников начали подъезжать подводы и забирать хлеб, оставалось совсем немного для семьи.

Урожай 1934 года был слабым. То что уродило, все было вывезено на элеватор. На трудодни снова не дали ничего. Снова ожидался голод, хотя не такой страшный, как в 1933 году ибо в городах рабочим по карточкам хлеб давали.

Отец и сестра Шура ушли в Кривой Рог, брат Василий был в армии. Отец поступил в шахту крепильщиком, а сестра нянькой в семью евреев.

Примечание издателя. (Советую почитать книгу «Двести лет вместе. 2 том» А. Солженицина. Там вы сможете узнать почему семейство евреев могло нанимать себе прислугу в то время, когда большинство населения голодало. И на многие другие вопросы истории откроются глаза.)

Отец экономил полученный по карточкам хлеб, сестра собирала недоедки у евреев, сушила сухари, чтобы хотя бы раз в месяц принести пешком из кривого Рога нам с матерью помощь. Слава Богу, у нас была наша спасительница корова.

Подходила весна 1935 года. Совершенно не было картошки на посадку. Мать ушла в Кривой Рог к отцу, чтобы там на базаре купить картошку и как-то доставить домой.

Я, 13 летний мальчик, остался дома один; кормил корову, поил, топил в хате, доила корову сноха Маша (прим.издат. - моя бабуся)- жена старшего брата Григория, который жил отдельно. Мать оставила мне пол стакана пшена, больше ничего из продуктов не было. Молока для меня одного было много и я излишки ежедневно носил на молочный пункт, сдавал по обязательству в государство. Мать в Кривом Рогу застали дожди и ее не было целую неделю. Пшено я давно съел, кормился, как маленький теленок, одним молоком. Ежедневно ожидал возвращение матери, но ее долго не было. На дворе дождь не прекращался. Кое-как протопив печь, я поучил уроки и уже лег спать, когда в окно постучали. Наконец вернулась мать вместе с отцом, привезли на тачке из кривого Рога по грязи за 50 км картошку и другие продукты. Дороги с твердым покрытием тогда нигде не было, вот они всю дорогу по грязи тянули тяжело нагруженную тачку. Обое уставшие, мокрые, еле держались на ногах. А им обоим тогда уже было за 50 лет (отцу 52, матери 53 года). Кроме этого, мама давно болела сердцем. Я и сейчас вспоминаю – как могла мать выдерживать такую нечеловеческую нагрузку ради всех нас? Жарко затопили печь, наварили картошку, родители привезли хлеба, селедки – ужин был царский.

Подошла пора сажать огород. Весь приусадебный участок (у нас было примерно 0,20 га), надо было перекопать лопатой. Никогда ни на зиму ни весною огороды на лошадях колхозникам не пахали. Вся эта работа ложилась на нас двоих с матерью. Мне 13 лет, а мать больная, уже немолодая женщина. Часто бывали случаи, что во время работы на огороде мать падала – начинался приступ сердечной боли, но я не терялся; мгновенно снимал с

головы матери платок (во время жары платочек был белый) бежал к речке, мочил платок в холодной воде, возвращался к матери, расстегивал ей кофту на груди и начинал тереть грудь и прикладывал холодный компресс. Мать раскрывала глаза, приходила в себя, немножко отдыхала и снова за работу. Так мы сажали, обрабатывали и убирали урожай на огороде.

Накануне Пасхи, мы торопились закончить работу на огороде, посадить последнее: огурцы, помидоры, капусту, гарбузы (тыкву). Продукты у нас кончились, ничего не было, кроме молока, давно никто из наших, ни отец ни Шура, не приходили из Кривого Рога и ничего нам не подбросили. Уставшие сели отдохнуть, мать говорит мне: «-Вот если бы к Пасхе Бог послал нам хотя бы кусочек хлеба.» Только это сказала, когда слышим кто-то возле нашей хаты зовет нас. Посмотрели – какая-то девушка машет рукой, чтобы подошли к ней. Я побежал навстречу девушке, это была Марфушка (позже жена моего двоюродного брата), которая отдала мне одну булку черного ржаного хлеба, который из Кривого Рога передал нам наш отец. Какие мы были рады! Немножко подкрепились здесь же на огороде, а оставшийся хлеб решили скушать на Пасху.

Наша мать была очень доброй, милосердной, всегда, чем могла, помогала бедным и голодным. Не могла не поделиться последним, что имела. Когда дядя Василий Семенович – брат отца в 1933 году совсем слабый и опухший от голода, почувствовал, что умирает, прислал к нам маленького своего сынишку с просьбой прийти наших родителей и с ним проститься, мать взяла молока и пошла одна (отца не было дома), поила из своих рук уже умирающего человека, а потом спросила :

- Может Вы кум еще чего-нибудь хотите покушать?

А дядя Василий был моим крестным отцом. Дядя сказал:

- Екатерина Васильевна, мне так хочется куриного бульона. Если бы сейчас покушал, я бы поднялся.

Мать быстро пришла домой, зарезала последнюю, что была в хозяйстве, курицу, наварила бульона и пошла кормить больного. Не знаем, помог ли ему этот бульон или организм победил голодный недуг, но дядя Василий Семенович выжил, поправился и прожил более 80 лет, больше всех своих братьев, хотя в молодости был слабее их. Он был глубоко верующий человек, строго соблюдал посты, женился на молодой вдове, которая была

зажиточной крестьянкой. Имели еще двух совместных детей, дочку и сына (у вдовы был свой сын). К концу 20-х годов их хозяйство еще больше окрепло, они попали в кулаки, из раскулачили и выселили с хаты, но никуда не сослали. Так они до 1934 года с 3-мя детьми жили по чужим хатам, пока не купили заброшенную хату-развалюху без крыши, которая осталась после смерти от голода учительницы Лукерии Тимофеевны, о которой я вспоминал выше. Только после войны 1941-45 г. г. им разрешили поселиться в коморке на усадьбе откуда были изгнаны в 1929 году, как кулаки. Там они доживали до смерти. Семья дяди Василия Семеновича никогда к колхозе не была, дядя никогда не принимал участия в голосовании на выборах, власти его презирали, неоднократно арестовывали, но ничего не смогли с ним поделать. Семья жила всегда бедно, на приусадебном наделе земли 0,15 га за счет торговли щетками для побелки и вениками, жестяными изделиями, которые дядя изготовлял и продавал на базаре. Дети подрастали и все устроились в Кривом Роге. Старший сын, который был у тети Оксаны до 2-го брака, погиб во время войны.

Еще несколько слов о своих родственниках

О своих дядьках **Тихоне** Семеновиче и **Василии** Семеновиче я уже написал. Но у отца было еще 2 брата – **Александр** (прим. издателя годы жизни – 22.02.1887 - 30.05.1958) и самый младший **Григорий**. Оба они остались возле своих родителей. И о дальнейшей их жизни надо рассказать.

Александр во время революции и гражданской войны проводил бурные годы, участвовал в разных бандах, говорили, что и сам был главарем одной из бандитских шаек. Был здоровый, как бык, бесстрашный, смелый, мог принять мгновенное решение, быстро ориентировался в самых опасных и экстремальных ситуациях. Его ловили, избивали до полусмерти ивановцы, махновцы, петлюровцы и ...красные. У него не было никаких политических убеждений, грабеж и разбой – его стихия в те годы.

Два раза его должны были расстрелять и оба раза средь бела дня он смог убежать, остался жив и дожил до 70-ти лет. Я ему неоднократно стриг волосы на голове, то у него голова, как географическая карта – вся в рубцах и пятнах от побоев. К тому, от этих страшных побоев по голове, он рано потерял зрение, совсем плохо видел, ходил всегда с палкой, прощупывая дорогу. Рано поседел.

Еще до призыва в армию, он встречался с девушкой, которая родила сына, но на ней жениться не захотел. Она умерла, когда Степан (сын) был еще маленький. Сначала мальчик рос возле родственников матери, но позже его забрал отец и усыновил.

Дядя Сашко, так его называли, был жадный и скупой - у него каждое яйцо, каждый литр молока был на учете, все он продавал на базаре, который был рядом с его хатой, копил деньги. В семье он был господин, все работали, он командовал и не считался с мнением других. К сыновьям и жене относился, как к рабам. А Степан никогда не имел права ночевать в хате, и его место было в сарае, в яслях возле коровы и лошадей. Даже зимой Степан ночевал в сарае.

Так как Сашко жил на родительской усадьбе, то возле него жили отец и мать (наши дед и бабушка), но дед умер рано, еще до моего рождения, бабушка в – 1934. В начале 20-х годов была у них батрачка Феодосия (прим. издателя - Феодосия Егоровна – 01.04.1890-12.06.1958) – девушка из Лозоватки, которая называла хозяина дядя Саша, работала от зари до зари, а через время родила сына, которого записал хозяин на свою фамилию.

В конце 20-х годов дядя Сашко поступил в колхоз, но сам там не работал, работали Степан и Федосья, которая уже считалась женой, хотя никакой регистрации брака не было.

Во время голода 1933 года, наша бабушка Мария была еще жива, ей было более 80 лет. Тетя Федосья готовила мужу пищу отдельно (что получше), похуже ела сама и ее сын Николай – мой одногодок. Самое худшее давали Степану и бабушке. Но старушка пережила голод и умерла уже после, когда голода не было. Она была хорошей бабушкой для всех нас внуков, которых было очень много, разницы не было, каких сыновей были дети. Она всегда старалась тайком пригостить или грушами или грудкой сахара, чтобы сын Сашко не знал. Заготовленные гостинцы она всегда носила в пазухе и выбирала момент, чтобы ткнуть в руки, приготовленные ласощи, когда мы бегали во дворе дядьки Сашка.

Степан ушел в армию еще задолго до начала Отечественной Войны, там остался на сверхсрочную службу, служил на Дальнем Востоке, присылал и привозил всем подарки и во время войны погиб на фронте (прим. изд. - смотрите дополнения). Отец до самой своей смерти (30.05.1958 год) получал пенсию за погибшего сына, над которым жестоко издевался.

Младший Николай (прим. издателя - родился 01.10.1922) – совместный сын дядька Сашка и тетки Федосьи, учился в одном классе со мною, но 10 класса не закончил, его направили военкоматом в военное (химическое) училище. Во время войны был офицером, остался жив, возвратился домой, окончил с/х техникум (агроном), характер имел отвратительный, скандальный, работал мало, все время меняя место работы. Болел, все время ездил по больницам и госпиталям и умер в 1965 (прим. издателя – на его могиле другая дата смерти – 25.07.1964) году в возрасте 43 лет, оставив жену и 3-х малолетних сыновей. Его жена оставалась в разваленной хате деда с детьми, но деньги дяди Сашка достались ей, и она уже без мужа сумела построить новый дом на той же усадьбе. А сыновья выросли; 2 из них окончили факультеты физвоспитания пединститута и работают физруками в школах. А 3-й младший служит в милиции. О своем двоюродном брате Николае Александровиче у меня остались самые неприятные ощущения. Он с самого детства был бессовестный, наглый, разболтанный, жадный, как его отец – наш дядя Сашко.

Самый младший мой дядя – брат отца **Григорий** (на фото)

Прим. издателя - годы жизни – 12.08.1893 - 09.11.1966.

В отличии от дяди Сашка, был труслив, как заяц, хотя всегда любил рассказывать о своей храбрости, хвастлив до смешного. Когда-то еще в

революцию был матросом, служил в Севастополе и всю жизнь хвастался этим. После революции в Севастополе женился на хорошей девушке. Она была хорошей портнихой. Они переехали на Украину, купили свою хату, но дядя Григорий к сельскому хозяйству был не приспособлен, гулял, развратничал, выпивал, играл в карты. Жили за счет заработков тени Фени за швейной машинкой. У них родились два сына, но умерли в младенческом возрасте. А в 1923 году родилась дочь Зоя. А в это время, кто-то дал тете Фене (за ее труд) маленького поросенка, была ранняя весна, на речке еще был лед. Этот поросенок выскочил из сарая и побежал на берег. Соседка увидела, прибежала под окно и закричала:

- Феня, твой поросенок убежал!

Она, как сидела за машинкой, выбежала раздетая и разутая из хаты, побежала на речку ловить поросенка, побродила по ледяной воде и скоро почувствовала себя плохо – двухстороннее воспаление легких, а дальше все хуже и хуже. У нее обнаружили врачи туберкулез легких (чахотка). Тогда такую болезнь считали неизлечимой. Почувствовав, что жить ей осталось не долго, она обратилась к мужу с просьбой:

-Отвези меня в Севастополь к маме, я хочу умереть на родине.

Но муж был настолько подлец (простите, что я так называю своего дядю), что даже не выполнил последней воли жены. На станцию Долинская тетю Феню отвез на своих лошадях мой отец, усадил совсем больную женщину с маленьким ребенком на поезд и она уехала. Вскорости она там в Севастополе умерла. Муж получил телеграмму, но на похороны не ездил. Поехал позже. Родственники тети Фени (у нее была мать и 5 братьев) оставили ребенка возле себя, пока овдовевший зять устроит свою жизнь, а там видно будет.

Через несколько месяцев дядя Григорий женился, взял в жены девушку на 11 лет моложе себя. От дочки Зои отец совершенно отказался, начал все время менять место работы и жительства, чтобы не платить на дочку элементов. Молодая жена начала рожать детей - одного за другим – у них было 6-ро детей. Новая наша тетя Фрося нигде не работала, своего хозяйства не держала, делать ничего не умела. Жили только на скудный заработок дяди Григория. В те трудные голодные и полуголодные годы с такой семьей было нелегко. Дети выжили только потому, что их отец не вернулся в село и

работал на производстве, в основном, на железной дороге, а рабочим все таки, хотя по карточкам, хлеб давали.

Зоя выросла возле бабушки, круглая сирота при живом отце. Еще до войны в 1938 году окончила 7 классов (дальше учиться не было возможности) и пошла работать.

Три сына деда Семена и бабушки Марии: Павел, Тихон и Василий ушли от отца, ничего не требуя. Но Григорий и Сашко начали тяжбу за наследство; скандалили, дрались, судились. Долгие годы между братьями тянулась вражда. Возле стариков-родителей остался Сашко, который был у деда любимым сыном ибо приносил награбленное, добытое разбоем. Григорий, как самый младший, хотел сам остаться на старой усадьбе, но ничего не вышло. Сашко остался в хате родителей и похоронил стариков. Суд как-то разделил между ними часть имущества и постепенно все уладилось.

Так получилось, что я во время войны в 1941 году попал на фронт в блокадный Севастополь. Я знал, что в Севастополе живет Зоя – моя двоюродная сестра, которой никогда не видел. Решил разыскать. Написал в милицию г. Севастополя, но сестры милиция не нашла, еще раз написал и снова безрезультатно. Больше я не искал, считал, что она эвакуировалась, могла и погибнуть. Но она во время всей обороны осажденного города жила с бабушкой в Севастополе. Если бы мне удалось ее найти – ее судьба сложилась бы по-другому; я смог бы, во время затишья на нашем участке фронта, зимою 1942 года, отправить ее одну или вместе с бабушкой на большую землю. В начале июля 1942 года Севастополь пал, немцы захватили город и Зою, как молодую девушку, угнали в Германию на каторжные работы. Там она была до конца войны, работала на фабрике, в шахтах, работницей у хозяев. Выжила, возвратилась на Родину, но ее, как ту, что была в Германии и работала на немцев, в Севастополь не пустили. Целый год она еще работала в колхозах и совхозах на Украине и в Крыму и все время писала жалобы, просьбы разрешить въезд в Севастополь, где была жива ее бабушка. Все же в 1946 году ей удалось возвратиться в родной город, в котором у бабушки был свой домик, но из домика осталось только место, где он стоял. Все погибло при бомбежке еще в 1942 году. Они жили в какой-то яме и все имущество сгорело. Бабушку немцы выгнали из Севастополя куда-то под Джанкой и она возвратилась в город в 1944 году после освобождения

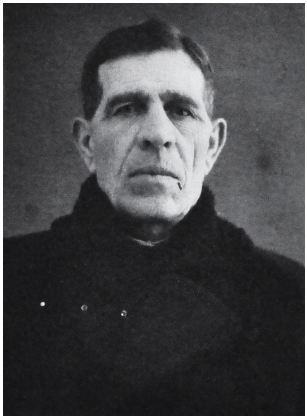
Севастополя. Во время войны на фронте погибли 3 бабушкиных сына – Зоины дяди, которые ее растили.

Зоя, от имени бабушки, начала писать письма, жалобы в горисполком, в гор. военкомат и другие места, что ей, матери погибших сыновей, нет где жить.

Добились, что им на месте разрушенного дома построили маленький домишко (кухонька и комната). Строили пленные немцы (по справедливости – кто разрушил, тот и строит). Но еще до этого они – все родственники, оставшиеся в живых, построили на усадьбе просторную землянку. На этой усадьбе они жили втроем. Похоронив сначала бабушку, затем свою тетю, Зоя стала полноправной наследницей на усадьбе. Одно время она была замужем, но неудачно, разошлись, детей не было. После войны где-то с 1949 года мы начали переписываться, а впервые увиделись летом в 1950 году. Она приехала к сестре Лиде – старшей дочке отца от 2-го брака в г. Кривой Рог, где я в то время был студентом - учился в пединституте. На переменке между лекциями товарищи-студенты передали мне записку: - Я у Лиды в Кривом Рогу. Когда и где мы встретимся? По круглому, красивому женскому почерку я сразу узнал, что писала Зоя. На лекции я написал ответ: - Встретимся после моих занятий в 14:30 возле автобусной остановки, которая была рядом с пединститутом.

Дождался перемены и положил записку на столике при входе, где возле швейцара лежала всякая студенческая почта. На переменке проверил: моей записки на столике не было. С нетерпением ждал конца занятий и бегом к остановке; первую увидел Лиду, а какая Зоя не знаю (даже фотографии у меня тогда не было). Лида говорит: - Вон она возле лотка пьет воду. Я посмотрел и сразу узнал родню – Зоя сильно похожа на своего отца. Сели на автобус, поехали к Лиде, которая жила здесь же в Кривом Рогу, а оттуда в КРЭС (Криворожская электростанция), где работал на водокачке их отец. В это время мне было 28, а Зое 27 лет. Отец видел последний раз дочь, когда ей было лет 12-13 (его вызывали в суд за элементы), но так сложилась судьба, что мы от рождения не видели друг друга. Съездила Зоя и в село, где родилась, увидела мачеху, своих других сестер и брата, некоторых родственников и снова уехала в Севастополь. После этой встречи мы снова долго не виделись, следующая встреча состоялась через 24 года в 1974 году, но об этом я опишу ниже.

На фото – Сердюк Григорий Семенович



На старости лет дядя Григорий Семенович со своей старухой жили одни, детей было много, но все разлетелись. Дядя умер от рака в 1966 году в возрасте 73 лет. Долго и тяжело болел, перед смертью сильно мучился. Так как я жил по соседству, то по ночам ходил, приводил врачиху, она оказывала помощь и снова отводил ее домой.

Его жена тетя Фрося умерла через 10-11 лет после мужа в таком же возрасте 73 года. Также тяжело и очень долго болела, потеряла рассудок, была парализована, но возле нее ухаживала дочь Ольга, которая с зятем переехала к ней. На похороны отца Зоя не приезжала, мачеха не разрешила давать телеграмму, а я не решился вмешиваться в их отношения.

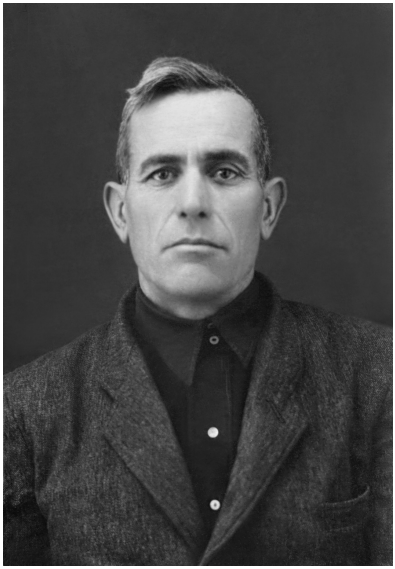
Со всеми дядями и тетями всю жизнь у меня были хорошие теплые отношения, но никого из них уже нет в живых. Многие из двоюродных братьев и сестер тоже ушли из жизни, а их было очень много. Особенно многодетными были семьи тети Варвары и тети Мотри, дяди Тихона, дяди Григория.

Дяди Митрофана – брата моей матери и ее сестру Елену я почти не знаю, они умерли, когда я был почти совсем малолетним. Но в их семьях было много детей – моих двоюродных братьев и сестер, из которых почти никого не осталось. Мы всегда общались, отношения были теплыми, родственными.

Кратко о моих родных братьях и сестре.

Брат Григорий (1904 – 1968), прожил всего 64 года, никогда не курил и не пил. Его жизнь прошла более гладко чем нас остальных; тяжело не трудился, никогда не голодал, во время войны на фронте не был (немного уже в конце войны был коком на Днепровской флотилии). Был сухощав, но физически здоров. Иногда говорил, что он не знает с какой стороны у него сердце, имел крепкую нервную систему.

Фото Сердюка Григория Павловича:



Казалось, что ему износу не будет и доживет до 100 лет. Но случилось совсем наоборот. В его жизни не было сильных моральных потрясений, экстремальных ситуаций, сложных препятствий, которых надо было преодолевать. Поэтому его организм и нервная система не были закалены. Случилось у него единственное сильное психическое потрясение и организм не смог преодолеть, нервная система не выдержала, здоровье мгновенно рухнуло. Что же случилось? Уже в пред пенсионном возрасте он был зав. магазином «Промтовари» в нашем селе. Торговали вместе с младшей дочерью Надей, которая окончила торговый техникум. Для выполнения плана товарооборота часто (по воскресениями) выезжал с товаром на базар в г. Кривой Рог (автомашину присылал из Долинской райпотребсоюз). Моя

жена Зина торговала в книжном магазине и тоже часто возила книги на базар. В одно воскресение летом с товаром поехали Григорий, Зина с книгами, взяли еще продавцов других магазинов, поехал с ними и я, чтобы что-то купить. Торговля прошла удачно, заехали в магазин, купили продуктов, немного пообедали и поехали домой. Приехали в село, остановились возле маленького магазина разгрузить остаток товара продавца, который ездил с нами. Возле магазина стоял мужчина и сообщил:

- А Вы знаете, что сельмаг сгорел?

Сельмаг – это магазин, заведующим которого был брат. Все мы были потрясены такой новостью. Я увидел, что лицо брата стало таким белым, как бумага, губы дрожат, не может ничего говорить. Он сильно испугался: остался год до пенсии, а впереди тюрьма. Но все выяснилось и вины в пожаре на Григории и его дочке не было. Рядом с сельмагом был магазин хоз. товаров, а к нему деревянная пристройка – склад, где торговал другой продавец. Он кому-то продал стиральную машину, сели в складе «приливать»; выпивали, курили, кто-то бросил небрежно окурок, без внимания ушли. А в складе было много стружки, бумаги из упаковок, загорелось мгновенно. Огонь перебросился на крышу (хозмаг и сельмаг под одной крышей). Сбежалось много людей, начали выносить товар, многое спасли. Следствие разобралось, зав. хозмага судили, он отбывал наказание в заключении и еще, после возвращения домой, долго и много платил за убытки.

Этот пожар разрушил, казалось очень крепкую нервную систему брата, он начал болеть. Сразу почувствовал боль в правой ноге и правой руке, но еще крепился, года два работал, но летом и зимою ходил в валенках. Ушел на пенсию, с трудом передвигался, пока ему не парализовало правую сторону (руку и ногу), отобрало речь. Два года и 7 месяцев был прикован к кровати, пока не пришла смерть. Его жена Мария без мужа прожила лет 7, также тяжело и долго болела (у нее была водянка), умерла у сына на Криворожье.

У них 4 детей: 2 старшие дочки, младшие – сыновья. Старшая дочь Мария – сельский фельдшер, младшая Надя – продавец, старший сын Анатолий – преподаватель с-х академии в Киеве, кандидат с-х наук, младший Петр – инженер. Мария уже ушла на пенсию (1991 р).

На фото – дети Сердюка Григория Павловича и Сердюк (Шарати) Марии Лукьяновны – Мария, Надия, Анатолий, Петро:

От издателя. *Так как это мой родной дед, то считаю, что имею право написать свое мнение. Я уверен, что автор записок, Николай Павлович, написал такую «характеристику» своего старшего брата и так кратко описал его жизнь не верно, не проанализировав и хорошо не подумав. Возможно, сказалась слишком большая разница в возрасте (16 лет) и братья мало общались между собой «по душам». Они были из разных поколений.*

Кроме этого, по словам его сына, мой дед был не такой человек, чтобы рассказывать даже своим, что у него на душе. Как можно было «без сильного морального потрясения» пережить сначала пропажу без вести отца, смерть 2-х братьев, потом смерть родителей и самое страшное - смерть первого сына Петра? Как можно было не иметь «сложных препятствий» и пропустить такие «экстремальные ситуации», как Гражданская война, голод 20-х, а вместе с семьей 2-ю мировую войну, оккупацию, голодомор 33-го года, голод после войны, трудодни и прочее и прочее…? В своей книге о своем роде Сердюк я надеюсь более объективно описать жизнь моего деда Григория.

Сестра Александра (Шура) 1911 год рождения (прим. издателя - дата рождения – 20.02.1911). Родилась на Кавказе, когда семья жила в Тбилиси. Ее детство и ранняя юность прошли в то время, когда отец до самозабвения увлекался хозяйством. В семье нужны были работники, поэтому сестра не была ни единого дня в школе. «Образование» получила в ликбезе, научилась кое-как читать и писать. Для меня и младшего моего брата Петра Шура – вторая мать. Она нас обоих нянчила. С 1929 года все время в колхозе, ничего не видела, кроме тяжкого, каторжного труда, за который ничего не платили, зато награждена несколькими медалями.

Так получилось в ее личной судьбе, что замужем не была, но родила сына Володю в 1940 году, отец которого не вернулся с войны. Возможно, если бы он остался жив, судьба сестры сложилась бы по-другому. Когда в 1940 г мы узнали, что у Шуры будет ребенок, все очень переживали. Тогда было еще чем-то позорным, что девушка не состоявшая в браке родила ребенка. Это было семейное горе, особенно для нашей мамы. Но Володя родился, сначала слабенький, потом поправился и все его полюбили. Когда я уходил на фронт в 1941 году Володе было один год.

Можно себе представить, как Шуре было тяжело во время войны. Когда она одна содержала уже состарившихся родителей и ребенка. Работала днем в колхозе, а ночью дома (мама даже корову не могла доить). Огород надо было копать лопатой, сапать, обрабатывать, убирать, и все, в основном, ложилось на плечи Шуры. Отец был более крепкий, много помогал по хозяйству и еще работал ночью сторожем возле магазина, мама нянчила внука.

Два с половиной года наша местность была оккупирована немцами. У нас не было партизанского движения, не было и массовых расправ над людьми, но молодежь угоняли в Германию, остальных принуждали бесплатно тяжело работать на полях (немцы колхозы сохранили с довоенным названием, но теперь они наименовались громдворы – общественные дворы). Были председателями колхозов – стали старостами громдворов, работали так же тяжело на строительстве дорог, а с приближением фронта в 1943-44 г. г. – на строительстве оборонительных укреплений (копали окопы, траншеи, противотанковые рвы). И здесь везде приходилось работать Шуре.

Не стало легче и после освобождения местности советскими войсками. Немцев изгнали, а вести и восстанавливать разрушенное сельское хозяйство, приходилось женщинам и старикам. Все мужчины, способные носить оружие, были на фронте. В колхозах не было тягловой силы – лошадей, быков. Все делалось вручную: косили, вязали, снопы носили на носилках, молотили цепами, зерно на элеваторы и ссыпные пункты возили на тачках.

Мой дядя Михаил Кашель – капитан советской армии, многократно ранен, инвалид войны, дальше воевать не мог, был освобожден из армии и в это время был послан председателем колхоза в соседнее село Варваровка. Он нам рассказывал, что в колхозе было 2-е лошадей и один бык. Рядом с Варваровкой полгода стояла оборона немцев, съели все. Население пряталось

по ямам, подвалам, погребам. Это было зимой. Многие болели разными накожными и венерическими заболеваниями. Медицинской помощи в селе никакой не было. Чтобы ее получить надо было идти за 40 км в райбольницу.

Подошла весна 1945 года. Надо было засевать поле, а подвести посев. материал нечем. Вот председатель решил обратиться к больным женщинам:

- Дорогие, родные мои! Вы идете в Долинскую больницу, я Вас очень прошу, умоляю захватите с собой пустые мешки и на обратном пути возьмите кто сколько может зерна на посев. Поймите родные, если мы не посеем – перемрем от голода.

И эти женщины послушались, выполнили просьбу председателя. Какой народ мог выдержать такие испытания?

После войны сестра Шура трудилась в полевой бригаде на ферме, в последнее время в строительной бригаде. Ушла на пенсию, а пенсия…12 рублей.

В 1950 году, когда я уже был женат, необходимо было строить Шуре хату ибо семья добавилась, а все мы жили в хате отца, которую купила мать в 1916 г. Из того дома, который был большой, осталась только кухня и маленькая комната, отец больше половины оторвал еще в начале 20-х годов, ибо крыша долго протекала, стены дома разрушались. Так отремонтировав оставшуюся часть дома, семья наша и жила. Отец никак не мог построить (или достроить) дом. До коллективизации успел построить большой сарай (конюшню для скота и комору), построил клуню, дома не успел. А после коллективизации нечего было и мечтать о доме.

Для строительства хаты Шуре пришлось разобрать кухню. Я в то время учился заочно в институте, уехал работать в другое село, поэтому не мог оказывать помощи в строительстве. Всю тяжесть на этой стойке снова вынесла Шура, но за одно лето хата была построена и Шура с сыном, 10-ти летним Володей начала жить отдельно. Я с семьей уехал за 7 км в другое село. Отец остался один. Я хотел его забрать, но отец не захотел оставлять свою хату, да и я тогда жил очень бедно. Он сказал, что ему дома будет лучше, рядом живут еще два сына Григорий и Василий и по соседству дочка Шура. Зимою 1951 года отец принял к себе старушку, с которой дожил до своей смерти. Он умер в 1958 году от инфаркта сердца. Умер мгновенно, совсем не болел.

Здоровье сестры на старости лет быстро начало ухудшаться, болели руки, ноги, часто падала, имела переломы рук, ног, перенесла много операций, ко всему этому ей еще удалили правый глаз. Сейчас она совсем дряхлая, слабая, но сидя кое-что делает. Через несколько месяцев, весною 1991 года ей будет 80 лет. Получает 70 рублей пенсии. Возле нее живут сын с невесткой, но оба болеют. У сестры 2-е внуков и 2-е правнуков. (Прим. издателя - умерла 12.02.1993).

Брат Василий 1912 год рождения (прим. издателя - дата рождения – 08.11.1912) - на полтора года моложе сестры, также родился в Тбилиси. Он был среднего роста, с юности физически крепкий. Характер мягкий, как у женщины, очень добрый и сердечный. Но его жизнь прошла неудачно, ему не везло с самого детства и всю жизнь еще в Тбилиси, когда ему было где-то полтора года, он уже ходил, мать за завтраком разливала чай по чашкам из самовара. Вася знал «свою» чашку, подбежал столу и опрокинул кипяток себе на лицо и грудь. Только благодаря врачам военного госпиталя удалось спасти ребенка. На лице нет следов ожога, целы остались глаза.

Уже на Украине, когда ему было 10 лет, он сделал из арбуза ведерко и решил вытащить воды из колодца, который был на огороде соседа. Колодец был с журавлем. Зацепив ведерко, он начал тянуть шток в колодец, это было трудно, не хватало силы. Был ветер, противовес журавля сильно колебало, когда ведро было уже возле воды, Вася не удержал штока, который рвануло вверх, кручок зацепил Васю за рубашку, рывком дернул вгору, приподнял, а потом под тяжестью тела мальчика с ускорением отправил его в колодец, ударил его об воду и каменные стенки, крючок отцепился, шток улетел вверх, а мальчик начал захлебываться водой и кричать не своим голосом. Благо были дети рядом, подняли шум, прибежали соседки, мать; сосед опустился в колодец, привязал Васю веревкой вокруг ведер и его, как лягушенка вытащили мокрого и окровавленного, он сильно побил голову.

Брат Василий окончил 4 класса, больше не учился, надо было помогать по хозяйству.

Уже позже, когда брату было 14 лет, он еще раз получил «боевое крещение» - пукаром (культиватором) обрабатывал поле, сидя впереди. Лошади чего-то испугались, понесли пукар в галоп, Василий не удержался и попал под лемехи и случайно остался жив, но сильно был порезан и окровавлен. Так и остались рубцы на всю жизнь.

Учился у кузница, был молотобойцем, но эта профессия ему была не по душе. Кузнеца из него не получилось. В начале 30-х был трактористом, но во время ремонта, лежа на сырой земле, застудил позвонок и остался согнутым на всю жизнь. В середине 30-х годов ушел в Кривой Рог и работал в военизированной охране на шахте. Там женился, жена была здоровая красивая, но как говорят «с ветерком в голове». Родился сын Петя, который от недосмотра матери, вскорости умер.

Примечание издателя. Это какой-то рок над детьми нашего рода Сердюк. Это уже 4-й Петя, который умер в младенчестве или раннем детстве – 2 в семье Павла Семеновича, 1 – в семье моего деда Григория Павловича и вот еще один – в семье Василия Павловича… Выжил только мой дядя Петро Григорович!

Переехали к нам в село. Побыли один год и снова уехали в Кривой Рог. Перед самой весной родилась дочь Катя (назвали именем бабушки – нашей мамы). С первых дней войны, несмотря по плохое здоровье, брата демобилизовали. Был на фронте, но больше в стройбатах. В начале 1944 года попал в госпиталь, а после излечения дали на месяц отпуск (где-то в феврале). На это время был уже освобожден Пятихатский район Днепропетровской обл., где жила жена с дочерью (они договорились, что на время войны жена уедет туда – на свою родину). Пользуясь отпуском поехал навестить жену и дочку. Разыскал то село, в котором жила жена и землянку, зашел во двор и увидел на окне в хате играют 2 девочки: одна немного постарше, другая – меньше. Оказалось, что жена вскорости после ухода мужа в армию вышла замуж (приняла какого-то пленного) и родила 2-ю дочь. Посмотрев дочь, брат ушел оттуда по направлению к родителям, но добраться не мог. У нас еще были немцы, а за 5-7 км стоял фронт. Целых 2 недели брат жил в райцентре Петрово Кировоградской обл. за 28 км от нас, где были русские; колол дрова, носил воду на кухню, за что повара его подкармливали. 9 марта 1944 года наше село освободили и в тот же день пришел Василий. Ему оставалось отпуска один день, увидел родителей, сестру и некоторых родственников, снова ушел в действующую армию и возвратился, по окончанию войны, в сентябре 1945 г. К жене не пошел. Не парень, не вдовец, а возраст 33 года. У нас в селе осталась вдова (Мотрона Бондюк), ее мужа расстреляли немцы (прим. издателя - Мотря Степановна Бондюк родилась 21.11.1914). Она была на один год моложе Василия. Мотя имела девочку лет 8-9.

Так они сошлись, поженились. У них еще родились 2-е детей – сын и дочка (уже взрослые и семейные).

Фото Василия Павловича Сердюка:

Сын Николай работает на шахте в Кривом Рогу, дочь Шура – зоотехником в колхозе.

На фото: Зоя Николаевна Коломоец (Сердюк), Александра Васильевна Кирьян (Сердюк), ее муж - Николай Кирьян, Валентина (жена Николая Васильевича Сердюка)

Василий и Мотя работали все время в колхозе тяжело, но в то время заработков не было и пенсия у обоих была по 70 рублей. 3 года назад Мотя умерла (прим. издателя - 10.04.1988).

Брату в этом 1990 году исполнилось 78 лет. Больной и очень слабый, как и сестра Шура имеет один глаз. С октября этого года Василий получил добавку к пенсии, как участник ВОВ, сейчас получает 112 руб.

Возле него живет и за ним смотрит дочка Шура. В том же году, когда умерла Мотя, умерла и первая жена брата Надежда, в том селе куда уехала во время войны, она все время жила. Обе ее дочки живут в Кривом Роге. Катя и ее муж все время общались с отцом, но год назад (п.и. - 1989) она стала вдовой. Неожиданно умер ее муж Николай – зять брата, который очень много помогал тестю.

Мотя (земля ей пухом и царство небесное) была на редкость доброй женщиной. Для нее не было разницы: где родные, а где не родные. Всех принимала, обхаживала, всем помогала. Такая сейчас и дочь Шура (это моя любимая племянница).

Прим. издателя - Василий Павлович умер 30.07.1991. Чета похоронена отдельно от родственников на 3-м кладбище в с. Кирово.

Учеба в школе. Мои учителя

В 1930 году я пошел в первый класс. Тогда в школу принимали с 8 лет. Мне было 8 лет и пять месяцев. Учителей, которые учили меня в младших классах было много, они так часто менялись, что я не могу их вспомнить. Лучше помню учителей с 5 класса. Самым первым директором в 1930 году был Лубенец (имя отчества не помню). Вскорости его сменил Секретарюк Василий Николаевич, который в 5 классе у нас преподавал историю, а с 1937 года стал Коваленко Евгений Силович. Школа была семилеткой и называлась Боковская ШКМ (школа колхозной молодежи).

На фотографиях помещения школы с. Бокового:

Пришел в 1 класс не имея никакой подготовки, даже буквы «о» не знал. Помню, за год до школы (1929) брат Григорий написал мне на фанере азбуку, пытался меня учить букв, но я упорно не захотел этим заниматься, тайком изломал фанерную азбуку и сжег ее в топке самовара.

Сначала в школе мне было трудно и как-то страшно. Отдельные дети (в основном, девочки) знали буквы, читали простые слова, а я с большим трудом запоминал буквы, было очень тяжело с письмом. Я до сих пор помню, как мне трудно давалось написание букв т и ш, я никак не мог понять как их надо поворачивать, чтобы был нужный звук. Но память у меня с самого детства была изумительна, прочитанную мне детскую книженку или сказку запоминал с ходу.

У нас дома была книжка для детей с картинками и там была сказка «Рак-забияка»:

Жил да был малютка-рак

Забияка и чудак.

Маму крепко рак любил

С нею в сад гулять ходил

Он был грозный воевода

Из звериного народа и т.д.

Вот я брал эту книжечку и вместе с отцом отправлялся в магазин или на мельницу. Там я, держа книгу (часто вверх ногами), «читал» мужикам о раке-забияке, не зная ни единой буквы (мне тогда было 4-5 лет). На конец первого года обучения я знал наизусть весь букварь и книгу для чтения.

С арифметикой у меня сразу получилось хорошо. Уже в 3 классе я стал отличником. Болезненно со слезами переживал всякую мелкую неудачу в учебе, горько плакал, если когда-нибудь получу «4», а не «5».

До сих пор помню стихотворение с 1 класса на украинском языке:

Курчатка маленькі,

Жовтенькі рябенькі,

На оку гулялись,

Дуже розіграпись.

Посідали на снопі

Запищали пі-пі-пі

А митого шуліку

Не боїмось ні скіки.

А шуліка з-за копи –

Музиканти під снопи.

Тихо-тихо,

- Не сопи!

Моя мать, совершенно неграмотная, была настоящим домашним педагогом.

Она выслушивала мои горести и обиды, заботливо и ласково успокаивала и давала дельный совет.

Вот такой случай.

В 3 классе надо было отправить тетрадь по арифметике на выставку. У меня все тетради были хорошие, но я их носил в полотняной торбе и мялись. Учительница поручила мне подготовить «экспонат» - начисто переписать всю тетрадь. Дала мне одну чистую тетрадь (с бумагой было трудно). Я дома засел за работу, долго трудился, старался что было сил до вечера, но еще немного осталось. Сделал перерыв, побежал на улицу, покатался на санках,

замерз и возвратился в хату. В хате было прохолодно. Забрался на печь и там устроился дописывать тетрадь, закончил и стал подписывать обложку. В этот момент случилось горе – как-то опрокинулся пузырек с чернилами и залило обложку. Я чуть ума не тронулся. Как я только кричал? Как рыдал? Мать, не зная в чем дело, испугалась, а узнав, приласкала, успокоила. Начала придумывать, что можно сделать.

Я говорю:

- Я бы еще другой раз переписал тетрадь, но где взять чистую?

Мать подумала и начала смеяться. Она смеется, а я снова начал всхлипывать.

Тогда она говорит:

- Слушай, сынок, как мы не могли додуматься, ведь это очень просто. Давай заменим облитую чернилами обложку новой, подпишешь и все будет хорошо.

Я обрадовался, сделал, как мама посоветовала, все убрал, залез снова на печь, лег маме на колени, она начала руками перебирать мне волосы (я очень это любил) и я уснул счастливым, спокойным сном. Мама тихонько передвинула мою голову на подушку, а сама ушла на свою постель.

Спасибо тебе, мама! Какая ты у меня умница.

Почти всегда мы вечерами были вдвоем с мамой, отец уходил сторожевать, старшие Шура и Василий где-то на гулянье, а мы – всегда дома.

В кухне внесены вязанки соломы для топлива, на соломе сидят женщины-соседки, мамины подруги - тетя Миля, тетя Мария, тетя Марфа. Мама на краю плитки сидит и вяжет на ощупь (она плохо видела) носок. На самом краю печи керосиновая лампа – «пятерик», а я лежу животом на теплой печи и вслух читаю «Кобзарь» Шевченко. Читаю «Катерину». Женщины плачут, а я замолкаю и тоже вытираю рукавами глаза. Так я им за зиму весь «Кобзарь» прочитал. Постоянными соседями, которые очень часто у нас бывали, кроме упомянутых выше, была еще бабушка Нечипирка (Шепетушиха) – бабка пуповязка (наша сельская акушерка), в каждом доме она принимала роды, крепко разбиралась в разных детских болезнях, лечила всех слабых младенцев. Ее в селе очень уважали. А свои знания она передавала своей дочке Оляне, которая после смерти матери, занималась народной медициной.

Еще часто приходила к нам кума наших родителей тетя Векла (Фекла) Горельская. А соседки уже немолодые женщины, которые жили бедно, Мария Вовк, Марфа Лупянова, почти ежедневно у нас обедали или ужинали (что Бог послал), поэтому готовя пищу, мама всегда рассчитывала и на соседей.

С 5 класса, когда нас начали учить уже много учителей, моим любимым учителем была Анна Ивановна Гриша, которая до революции окончила гимназию. Замужем она никогда не была, приехала в начале 20-х годов из Екатеринослава (Днепропетровска) с семьей брата Ильей Ивановичем и его женой Верой Ивановной – учительницей младших классов. Вскорости брат умер, а учительницы все время жили вместе, растили сына Ильи Женю. Анна Ивановна была очень хорошим педагогом, она не имела своих детей, поэтому всю свою женскую любовь к детям отдавала нам – ученикам. Но была очень строга. Она преподавала украинский язык в 5-7 классах. Благодаря ей, я уже в 5 классе писал очень содержательные сочинения, которые учительница, как образец, читала в старших классах.

Учительницей русского языка была Надежда Федоровна Мацеюк – вдова железнодорожника, прибыла в 1922 г также из Елисаветграда с маленькой дочкой. Немного позже она вышла замуж на нашего крестьянина Василия Тимофеевича Смаглюка. У них в 1926 году родился сын Анатолий – мой друг детства, с которым я поддерживаю дружеские отношения до сего времени. Его отца в 1937 году репрессировали и он погиб в сталинских лагерях в 40-х годах. О репрессиях я расскажу позже.

Математику у нас преподавала Дина Денисовна Дидан – молоденькая, красивая учительница, очень живая, всегда улыбающаяся, никогда не повышающая голос. Здесь же в Кировской школе она вышла замуж за учителя украинского языка и литературы Ивана Ивановича Семенченко. Они вскорости уехали в другую школу, где Иван Иванович был репрессирован. Дальнейшая судьба его мне не известна.

Учитель немецкого языка Кононенко Федор Федосеевич до революции окончил гимназию. В 1938 году репрессирован. Требовательный и добросовестный учитель. После его ареста полтора года совсем не было учителя немецкого языка. Только в 10 классе появилась совсем старая учительница Розалия Андреевна Циглицкая, но она нас ничего так и не научила, мы забыли даже то, чего научил Кононенко.

Биологию и химию у нас преподавала Пономаренко Мария Алексеевна, которая вышла замуж за учителя мл. классов Жиденко Якова Никитовича, но она часто бывала в декретном отпуске (до войны родила 3-х детей). В 10 классе ее заменяла дочка Р.А. Циглицкой – Алисса Александровна – фармацевт по специальности. Химию знала в совершенстве и нас заставила выучить даже то, на что мы не обращали внимания.

7 классов я окончил на отлично. Отец настаивал бросить школу, идти работать и помогать семье. Но мать совсем неграмотная женщина была против, она говорила отцу:

- Достаточно того, что ты старшим не дал учиться, дай самому младшему, тем более что он очень стремится. Да и школа совсем по-соседству, как-нибудь потерпим еще несколько лет.

На мое счастье в нашем селе школа с 1936 года стала 10-ти леткой. Я в 1937 году пошел в 8-й класс. Конечно, было очень трудно. Если еще кое-как мы кормились, то с одеждой и обувью была беда. Мне только перед окончанием 8 класса купили первый хлопчатобумажный костюм, а то я все время одевался и обувался в недоноски старших братьев. После Григория носил Василий, а потом уже я.

В 1937 году директором школы стал Коваленко Евгений Силович. Он организовал возле школы метеорологическую площадку, на которой стояли флюгер, дождемер, метеорологическая будка с разными приборами (термометрами максимальным и минимальным, барометром и гигрометром).

Сначала он сам вел наблюдения за погодой, надо было вести записи в специальный журнал 3 раза в день. Для этого у него не было времени. Тогда он предложил мне, ученику 8 класса, заняться погодой, вести записки, составлять отчет ежемесячно и отправлять его в Киев. За это я получал 15 рублей в месяц. С 9 класса я еще был заведующим пионерским клубом и еще дополнительно получал 30 рублей. Это было серьезной помощью, мне хватало денег на учебники, тетради и даже иногда мог купить штаны или рубашку.

В 8 классе у нас начал преподавать математику и физику завуч школы Литвинов Петр Тимофеевич, инвалид гражданской войны, сумашедше-нервный, психический человек, но прекрасный математик. В то время в районе было всего две средние сельские школы, поэтому в 8 класс

принимали по конкурсу. В окрестности средних школ не было. У нас открыли только один 8 класс, набрали в него 38 человек. Через неделю Петр Тимофеевич дал нам пробную контрольную работу, которую я написал на 4, несколько человек на 3, а то сплошные 2 и 1. Любимое слово Петра Тимофеевича было «дуралей» или для верности «дуралей большой» (он вообще разговаривал русско-украинским языком). Проверив эту работу, он официально заявил:

-Я вас дуралеев половину выгоню.

И точно сдержал свою угрозу. В 9 класс нас пришло ровно 19. Он был крутой мужик и ни на какие компромиссы не шел, если сказал:

- Вон, дуралей большой, чтобы мои глаза тебя больше не видели,

то считай ты исключен из школы. Ничего не помогало: ни просьбы и клятвы, ни мольба родителей – ничего. Иногда даже выгонял того, который совсем невиновный, попал Петру I (так мы его называли) под горячую руку и: - Вон.

Все его очень боялись. Я тоже. Если раньше я увлекался литературой, то в 8 классе пришлось серьезно заняться математикой. За один год я перерешал все подрят задачи и примеры со всех задачников по арифметике 5-6 классов, алгебры и геометрии 6-7 классов. Увлекся математикой, она стала моим любимым предметом. У Петра Тимофеевича очень трудно было получить «5». Он получал журнал «Математика в школе», в котором были задачи для самообразования повышенной трудности. Петр 1 получая журнал просматривал задачи; потяжелее решал сам, а полегче давал мне. После 8 класса он уехал на Херсонщину, подарив до конца года журнал мне. До самой войны он иногда писал мне письма, советовал серьезно заниматься математикой.

В 9 классе учителя математики менялись, ибо в эти годы были аннулированы отсрочки и льготы для учителей и молодых мужчин начали брать а армию. В 10 классе приехал молодой математик, окончивший Криворожский Пединститут Николай Филимонович Козаков, белорус по национальности. Он хорошо владел методикой преподавания, но как молодой учитель не имел достаточно практики. Я же знал материал не хуже его. Так случилось, что мы с ним во время войны вместе уходили из дома в действующую армию, но воевали не вместе. Он погиб на фронте.

Прим. издателя. Смотрите дополнение в данной книге – информация о Козакове Н.Ф.

В 9 классе еще часть одноклассников отсеялась, часть ребят забрали в военное училище, поэтому 10 класс нас окончило всего…7 человек – 5 мальчиков и 2 девчат. В моем аттестате была только одна «четверка» по русскому языку, остальные «5». Аттестат отличника я не получил.

Аттестат был хорошим, знания по всем дисциплинам за среднюю школу (кроме немецкого языка) были прочными, но поступить в ВУЗ я не мог. Согласно существующего положения, поступать дальше учиться ребятам-выпускникам средней школы не разрешалось пока они не отслужат службы в Красной Армии. Был еще один путь – военное училище.

Последний год учебы в школе райвоенкомат не давал мне покоя – агитировал поступать в военное училище, даже не окончив 10 классов.

Кроме этого, тогда еще в 1940 г была Финская война *. Мы, активные комсомольцы все добровольно подали заявление идти на финский фронт, но нас не приняли, сказали продолжать учебу в школе, пока не исполнится каждому по 18 лет. Война скоро окончилась и мы все (кто остался) в июне 1940 г получили аттестаты.

**** Сове́тско-фи́нская война́ 1939—1940 годов*** *— вооружённый конфликт между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года. Война завершилась подписаниемМосковского мирного договора. В составе СССР оказалось 11 % территории Финляндии со вторым по величине городом Выборгом. 430 тысяч финских жителей потеряли свои дома и переселились вглубь Финляндии, создав ряд социальных проблем.*

По мнению ряда историков, эта наступательная операция СССР против Финляндии относится ко Второй мировой войне. В советской и российской историографии эта война рассматривается как отдельный двусторонний локальный конфликт, не являющийся частью Второй мировой войны, так же как и необъявленная война на Халхин-Голе. Объявление войны привело к тому, что в декабре 1939 года СССР как военный агрессор был исключён из Лиги Наций. Непосредственным поводом к исключению послужили массовые протесты международной общественности по поводу систематических

бомбардировок советской авиацией гражданских объектов, в том числе с применением зажигательных бомб.

Я дал согласие поступать в Мелитопольское военное авиаучилище штурманов. Оно было престижным военным училищем, давало хорошее образование. С района нас поехало двое (один мальчик из другой школы). Но в училище был огромный конкурс, много ребят было из Москвы, Ленинграда, многих крупных городов Союза. Очень серьезные и строгие комиссии: медицинская, физической подготовки, мандатная и другие. Всех абитуриентов поделили на группы, не все группы одновременно проходили одну комиссию.

Первыми я прошел все комиссии, медицинская осталась последней, на которой меня сбраковали (что-то не в порядке с сердцем, со зрением). Три недели я был в Мелипотоле и возвратился домой. Еще я ездил в Харьковское арт. Училище, но и оттуда по здоровью отчислили. А приехав домой, я начал ждать призыва в армию. Где-то в октябре на призывной комиссии меня не приняли даже рядовым (повлияла бумажка в моем личном деле из военных училищ), зачислили в запас и выдали на руки военный билет. Так я парень, которому шел 19-й год со средним образованием оказался за бортом, учиться не поступил и в армию не взяли.

На мое счастье в школе было вакантное место деловода-счетовода. На эту должность меня взял директор школы Е.С. Коваленко. С тем, чтобы с нового 1941 учебного года мог поступить в ВУЗ. Мой заработок был 220 рублей (это примерно зарплата учителя мл. классов).

Работая в школе, я основательно приоделся: купил хороший костюм, пальто, обувь. Ощутимая помощь была и для семьи. Дружил с молодыми учителями, хорошие отношения поддерживал со своим математиком Н.Ф. Козаковым, новым совсем молодым математиком Андреем Архиповичем Москаленко, который учился заочно на физмате Кировоградского Пединститута. Учителей не хватало, все преподаватели были сильно перегружены. Я часто помогал А.А. Москаленко проверять тетради по математике, мы стали близкими друзьями. Кроме того, я вел в школе некоторые кружки (бесплатно). Часто бывал в районо, райфинотделе, госбанке, я скоро многих в районо знал. Знал я заведующего районо Ивлева, очень хорошего душевного человека. Меня он знал еще учеником, ибо работал тогда директором средней семилетки (в с. Кирово). Однажды, когда я зашел к нему подписать какой-то документ он спросил:

- Ну как, Николай, ты думаешь дальше учиться?

Я ответил:

- Да, постараюсь подать документы в Днепропетровский госуниверситет.

- А какой у тебя аттестат?

- Одна «четверка» по русскому языку, все остальные «пять».

- Так это можно исправить. Я сейчас напишу твоему директору Е.С. Коваленко, а ты подготовишься, перездашь русский язык, получишь аттестат отличника.

Написал, передал директору записку. Евгений Силович, как мне показалось, немного обиделся, сказал, что это можно было сделать и без зав. Районо (он посчитал, что я обращался к Ивлеву). Директору было неудобно, ибо русский язык и литературу преподавала его жена Екатерина Николаевна Павленко.

Я начал усердно повторять русский язык, что продолжалось несколько месяцев. Тогда на выпускных экзаменах была всегда строгая, многочисленная комиссия, я очень волновался. Как будто все уже повторил, переповторил, а не могу спросить директора, когда же будет экзамен, хотя мы с ним ежедневно работали в одном маленьком кабинете – канцелярии школы (учительская была отдельно). Где-то в начале июня (перед самой войной) директор сказал мне:

- Как ты, Николай, готов? Сейчас после обеда будешь сдавать русский язык. Иди пообедай.

Я быстро пошел домой, что-то перекусил (без аппетита) и скоро возвратился в канцелярию. Никого не было. Зашел в учительскую – никого. Думаю, а где же комиссия? Возвратился в канцелярию, сел за свой стол и жду. Заходит директор, в хорошем настроении и несет, держа за уголок небольшую книжку. Я прочитал: «Сборник диктантов по русскому языку».

- Ну давай, будем писать диктант.

Он сидит за своим столом, диктует, а я за своим – пишу. Окончили. Он забрал, тут же при мне проверил и поставил красными чернилами «отлично»,

наклонился к тумбочке стола, покопался там, извлек чистый бланк аттестата отличника, улыбнулся и говорит:

- Бери и сам себе выписывай аттестат, а старый завтра принеси, мы его уничтожим.

Я выписал, наклеил фотографию (тогда аттестаты были с фотографией ЗХУ), директор подошел, поставил печать, на второй день подписали некоторые учителя, кто был в школе.

Аттестаты до войны были односторонние (только на украинском языке), на мало качественной гербовой бумаге. Окантовка обыкновенная – серая, аттестата отличника – золотая, но последним после всех оценок было написано:

«На основании постановления ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР №...от...1935 года Сердюк Николай Павлович пользуется поступлением в ВУЗы СССР без вступительных экзаменов».

Самым ценным была эта дописка, это было больше, чем наличие медали. Настроение мое поднялось. Впереди свободная дорога к учебе: поступление в ВУЗ без экзаменов, от армии я независимый, на первый случай есть одежда. А поступлю, буду со всех сил стараться, чтобы получить стипендию.

Директор школы и его жена учились заочно в Ленинградском педагогическом институте им. Крупской и каждое лето ездили в Ленинград на сессии. Но в этом году директор собрался ехать один (его жена месяц назад родила сына). Он должен ехать через Днепропетровск 23 июня. Вместе с ним собрался ехать и я, сдавать документы в Днепропетровский университет. Но все замыслы рухнули. В воскресенье 22 июня 1941 года началась война.

Репрессии 30-х годов.

Начиная с младших классов учебы в школе во всех учебниках были портреты многочисленных «вождей». Такие портреты были во всех классных комнатах. 1-го декабря 1934 г. был убит С. Киров. Вот с этого времени начали ежедневно говорить о «врагах народа», заставляли затушевывать или заклеивать в учебниках вчерашних «вождей» революции. Врагами народа стали Бухарин, Рыков, Якир, Чубарь, Постышев и многие другие крупные партийные и государственные деятели, знаменитые полководцы и

военачальники. У нас колхоз был имени Чубаря. И вдруг он – враг народа. На перемене нас послали к конторе колхоза разбивать камнями на воротах портрет врага народа, что мы исполнили с великим удовольствием. В школе часто проходили собрания, митинги, где осуждали вредные действия врагов народа, требуя их уничтожения. Если в начале 30-х годов судили и отправляли в ссылку кулаков, то поголовные репрессии среди жителей села начались со 2-й половины 30-х годов. В 1937 г были арестованы 4 брата Смаглюки: Семен, Василий, Петр и Иван. Их обвиняли в участии в гражданской войне против советской власти. Только самого младшего Ивана освободили, он был 1913 г рождения и во время гражданской войны был малолетним. Самого старшего Семена расстреляли, Василия – мужа учительницы Надежды Федоровны Маценюк судили на 10 лет (погиб в лагере или расстрелян во время войны). Только Петр через 10 лет возвратился, еще раз был арестован, но остался жив. Умер где-то в 60-х годах.

Советский плакат 30-х г.г.:

В начале 1938 г был арестован и расстрелян в Николаеве учитель немецкого языка Кононенко Федор Федосеевич (об этом я узнал в 1966 году). Неизвестна судьба учителя Семенченко Ивана Ивановича. Погиб в лагерях крестьянин Лавриненко Федор Трофимович и многие, многие другие...

В настоящее время все они посмертно реабилитированы. Пересмотр дел пострадавших во время беззакония началось из средины 50-х годов, но после смерти Н.С. Хрущева начались попытки реабилитации сталинизма, пересмотр дел осужденных почти прекратился. Переследствие проводилось только при разборе жалоб, сократилась реабилитация до минимума.

Только недавно, где-то в 1988 году по время горбачевской перестройки началась массовая реабилитация невинно осужденных. Период репрессий широко начала освещать печать, радио, телевидение. В газетах начали публиковать списки реабилитированных. При облисполкомах создавались спец. комиссии, решением которых были предусмотрены льготы для реабилитированных и их семей. Решением правительства были аннулированы все приговоры, вынесенные Особым совещанием при МВД СССР, которые без суда могли решать судьбы и жизни сотен тысяч, а возможно и миллионов ни в чем неповинных честных людей. Одна такая комиссия за одно заседание могла вынести 400-500 приговоров от 3-4 лет лагерей до расстрела.

Много осужденных добавилось во время и после войны. Если в 30-х годах были «враги народа», то в войну стали «изменники родины» - преступление квалифицированное той же позорной статьей 54 УК УССР (58 УК РСФСР). Эта статья имела 12 пунктов. Пребывание в плену считалось тягчайшим преступлением. Сам Сталин говорил:

- У нас нет военнопленных, а есть предатели.

Он даже от собственного сына Якова отказался из-за того, что тот попал в плен. До войны самым распространенным была антисоветская агитация и пропаганда (54 ст, п.п.10,11) Неосторожно сказанное слово или рассказанный анекдот – уже тюрьма. Действовала мощная сеть тайных агентов НКВД среди самых близких людей. Мне случайно удалось узнать некоторые фамилии таких «доброжелателей», но только через десятки лет. Пересматривать дела репрессированных обычно приезжал представитель из областного Управления КГБ, вел наново следствие, вызывал и беседовал с людьми, которые хорошо знали осужденного. Я все время жил рядом с сельским советом, то меня почти всегда приглашали на такие беседы.

Весной 1966 года приехал из области капитан КГБ по делу моего учителя немецкого языка Кононенко Федора Федосеевича. Я узнал, что учитель якобы перед учениками восхищался образованием в Германии, восхвалял царскую гимназию и охаивал советскую школу. Ему также ставилось в вину пребывание в армии Петлюры.

На столе возле следователя лежало дело Ф.Ф. Кононенко, извлеченное из архива, вся обложка в многочисленных штампах. Беседуя со мною, следователь медленно листал страницы дела и я успел прочитать две знакомые фамилии: Горбенко Демьян Мифодиевич – кладовщик колхоза и Кошевой Порфирий Маркович – зав. магазином. Был еще и третий – ученик 9-го, о котором меня спросил сам следователь.

В конце беседы я спросил у следователя:

- А какая судьба учителя Кононенко?

Его ответ был краток:

- Он расстрелян в Николаеве через две недели после ареста.

Ф.Ф. Кононенко был 1900 г. рождения, долго не имел семьи, женился в нашей школе на учительнице мл. классов, в 1936 году у них родился сын, которому не было и 2-х лет, как отца не стало. «Спасибо» сталинским опричникам, они сразу сказали жене Кононенко:

- Можете создавать другую семью, мужа не ждите. Так вам будет лучше.

Так она и поступила; вторично вышла замуж, имела еще троих детей. Сын Кононенко Володя в 1954 году окончил среднюю школу с золотой медалью, стал хорошим врачом. Он же в 1966 году и поднял ходатайство о судьбе отца, который был посмертно реабилитирован.

Второй пример. Зимой 1988 г в сельский совет приехал из Кировограда майор КГБ по делу репрессированного раскулаченного крестьянина Лавриненко Ф.Т. и меня снова пригласили в сельсовет. Я совершенно не знал Лавриненко, он был уже совсем немолодым на время ареста и жил далеко от центра села. Но я в 1-2 классе учился вместе с его дочерью Оксаной и хорошо помнил, как нам учительница говорила, чтобы с Оксаной никто в классе не разговаривал и не садился с ней за одной партой, ибо она дочь кулака. Я об этом рассказал майору.

Следователь показал мне список человек 5 наших односельчан старшего возраста, которые хорошо знали Лавриненко (такой список дали в сельсовете), спросил меня знаю ли я этих людей и где они живут. Я знал всех. Тогда он попросил меня не оставлять его, а сопровождать по селу. Майор приехал с шофером на служебной «Волге». И мы поехали.

Было очень холодно, поэтому беседы происходили в квартире. Майор беседовал с хозяином, я ожидал пока следователь оформляет протокол.

Заехали во вторую хату, майор начал расспрашивать, а я сижу на другом конце стола, смотрю на столе лежит личное дело Лавриненко. Я попробовал карманы, очки были при мне. Одеваю, тяну ближе к себе папку (такую же «разрисованную» штампами разного размера и формы) и смотрю на майора. Он мельком взглянул на меня, но ничего не сказал. Значит можно.

Я начал читать дело. Папка была совсем тоненькая. В следующей хате майор сам уже подкладывал мне поближе эту папку, я продолжал читать, перечитывать, уже не спеша. Так, пока мы объехали всех по списку, я полностью изучил это дело. Узнал, что Федор Лавриненко был раскулачен, семью выгнали из хаты, но не сослали. У них было 4 детей (Оксана самая старшая), жена жила по чужих углах, а сам Федор подрабатывал где случится на Криворожье, чтобы как-то кормить детей. Иногда навещал семью, приносил для детей хлеба, крупы, других продуктов.

В 1937 г его поймали и арестовали. Обвинение по ст. 54 п.п.10,11 – антисоветская пропаганда и агитация. Будто он был активным пропагандистом «волынки» - уговаривал крестьян разбежаться из колхозов, разбирать скот, инвентарь, поднимать восстание против советской власти. Такие разговоры будто он вел на нарядах в колхозе, на колхозных собраниях. Такого он делать не мог, ибо никогда не был колхозником и не жил постоянно в селе.

До суда он сидел в Кировоградской обл. тюрьме, судили в Долинской. Приговор: 8 лет исправительных работ в лагерях Крайнего Севера. Там он и погиб. Сейчас посмертно реабилитирован.

Самое главное в деле меня интересовало, кто же оклеветал человека? Их было 7 человек – все прекрасно мне знакомы: Сердюк Амвросий, Козак Константин, Сердюк Николай Агапиевич (мой двоюродный дядя), Вовк Петр Константинович – секретарь сельсовета, Задорожный Павел Федосеевич, Воробьев Макар Федотович и Кошевой Порфирий Маркович (снова тот же Кошевой, что и по делу учителя Кононенко).

Кто из них был штатный агент НКВД никто не знает, но Кошевой П.М. – наверняка. Он сыграл не последнюю роль и в судьбах братьев Смаглюков.

Сейчас никого из этих «лжесвидетелей» нет в живых. Все «дело» Лавриненко шито «белыми нитками», в нем множество исправлений разными чернилами и разными почерками, зачеркнутых слов. А какая ужасная безграмотность следователей!! Все показания «свидетелей»

написаны как будто через копирку. Все подгонялось, чтобы обязательно осудить человека. Для ГУЛАГа нужен был человеческий материал.

Репрессии очень дорого обошлись народу: миллионы жизней, искалеченных судеб семей осужденных на протяжении десятилетий. Детей «врагов народа» постоянно сопровождало презрение и подозрение. Им не давали учиться, устроиться на работу получше. Еще дочерям кое-как – они выходили замуж, меняли фамилии, дети отказывались от родителей, жены от мужей.

Жена репрессированного Смаглюка Василия Тимофеевича продолжала учительствовать, но все время носила фамилию своего первого мужа. Она работала до глубокой старости. Ее дочь Вера тоже учительница осталась после войны с 3 детьми (муж погиб на фронте). Все жили вместе. Было им очень трудно подымать на ноги детей.

Первые годы войны

Рукопашный,

Я только раз видала рукопашный,

Раз – наяву и тысячу во сне.

Кто говорит, что на войне не страшно,

Тот ничего не знает о войне.

Юлия Друнина – поэтесса-фронтовичка.

В воскресенье ко мне прибежал какой-то мальчишка и сообщил, чтобы я сейчас же пришел к директору школы. Я прибежал: директор школы в учительской сидел и слушал передачу по радио (в школе был батарейный приемник). Передавали выступление В.М. Молотова – председателя Совета Народных Комиссаров СССР о нападении фашистской Германии на нашу страну. Началась Великая Отечественная Война. Наши поездки – директора школы в Ленинград, а моя в Днепропетровск отменялись.

В тот же день началась массовая мобилизация мужского населения. Повестки передавали по телефону кому днем, кому ночью: прибыть в военкомат для отправки в действующую армию. Никаких проводов не было, люди растерялись да и времени не было. По утрам подъезжали подводы к сельскому совету и увозили мобилизованных в район. Плакали жены, матери, дети.

Мы почти ничего не знали о положении на фронтах в первые дни войны; радио в селе не было, газеты приходили с опозданием. Пошли слухи, что немцы сбрасывают по ночам из самолетов шпионов, диверсантов, а то и многочисленные десанты.

Собрали нас комсомольцев и старшеклассников и выдали оружие: винтовки и боеприпасы, создали боевые группы для борьбы с немецкими десантниками, если такие появятся. Почти полтора месяца я был еще дома. Два раза меня вызывали в военкомат, но почему-то возвращали домой.

Где-то 20 июля Долинский райвоенкомат переехал из райцентра в наше село, ибо ст. Долинскую начала бомбить немецкая авиация и было опасно в райцентре собирать скопление людей. Во все сельсоветы передали телефонограмму: «Все мужское население от 1891 г рождения до 1924 (от 17 до 50 лет) направлять в военкомат, который работает в с. Кирово.»

Люди со всего района приходили без повесток. Началась не мобилизация, а эвакуация мужского населения. Целый светлый день работала комиссия военкомата, в которой были писарями: я, директор школы Коваленко Евгений Силович и учитель математики Козаков Николай Филимонович.

Создавались команды по 150 человек, назначался старший команды, брали с собою продукты (на первый случай) и уезжали на Восток. Допризывников 1923, 1924 г.г. рождения направляли в Ворошиловград, постарше возрасты – в Днепродзержинск. Комиссия работала в старом колхозном саду (раньше был кулацкий). Огромные фруктовые деревья скрывали людей от наблюдения с воздуха.

Когда все, прибывшие к нам в сад были вписаны в последний список команды и никто больше не подходил, мы дописали себя и с последней командой выехали из села в Днепродзержинск. Нам достались самые паршивые повозки и захудалые лошади.

В это время к 1 августа 1941 г фронт близился к Кировограду. Еще до нашего отъезда через село несколько дней проходили отступающие наши войска. Изнуренные, грязные, голодные воины шли молча, в разговоры вступали без охоты, но некоторые только махали руками, дескать такой силищи оснащенной и вооруженной до зубов нашей армии не осилить. Это отрицательно влияло на психологическое настроение и наших людей. Многие (из наших команд, отправляемых военкоматом на Восток),

самовольно уходили, прятались в полях кукурузы и подсолнухов и возвращались домой. Были такие и в нашей, последней команде. Мы, работники школы, ехали на одной подводе и двигались вперед – к Днепру.

Прибыли в Днепродзержинск, там заночевали. Ночью немецкая авиация бомбила город и нас на своих подводах направили в Запорожье. Добрались благополучно, переехали два моста (на Хортице) и оказались на левом берегу Днепра. Из Запорожья нас направили в Красноармейск (станция Софиевка) за 30 км от Запорожья. Здесь у нас отобрали повозки с лошадьми и отдали семьям эвакуированных. В Красноармейском райвоенкомате полным ходом шла мобилизация мужского населения прибывшего из-за Днепра.

Здесь я встретил многих односельчан-мужчин, которых с первых дней войны, направили на строительство оборонных сооружений (копали окопы, траншеи, противотанковые рвы). Среди них был и мой родной брат Григорий. Я очень хотел попасть в одну команду с братом, но их списки были укомплектованы и в военкомате меня успокоили: эта команда сегодня направляется в г. Геническ, а вы завтра будете направлены туда же, там и встретитесь с братом. В тот же день, команда, в которой был брат, вечером уехала на Геническ поездом. А на 2-й день вечером уехала наша команда.

Целую ночь и полдня мы «ехали» 30 км до Запорожья (всю ночь немцы бомбили железную дорогу, были разрушения путей, их ремонтировали и поезд полз дальше). К обеду 2-го дня прибыли на товарную станцию Запорожья и от местных людей узнали, что вчера сюда прибыла команда мобилизованных, которые расположились рядом под деревьями, налетели немецкие самолеты, сбросили бомбы, и много этих людей погибло и были ранены. Мы пошли на это место; везде песком была присыпана кровь, на деревьях остались куски человеческого мяса, разорванной одежды... Где же мой брат Григорий? Он же был с этими людьми. Никто ничего не знал...

Мы прошли в город. Магазины были уже разграблены, нам досталось по несколько банок консервированной фасоли.

Команда наша рассеялась. Наша «тройца»: я, директор школы и учитель математики решили сами добираться до Геническа. Подошел товарняк с колючей проволкой, который следовал к Перекопу, мы залезли на самый верх товарных вагонов и поехали. Благополучно к вечеру прибыли на

станцию Алексеевка, а оттуда рабочим поездом (12 км) в Геническ – райцентр Запорожской обл.

Ночью нас в город не пустили, ночевали на берегу Азовского моря в тюках морской травы в окружении многих полчищ комаров. Утром прибыли в райвоенкомат, где была сформирована стрелковая рота из прибывших мобилизованных разных областей: Кировоградской, Запорожской, Херсонской. Человек 10 было и наших земляков из села Кирово. Нас направили в с. Юзгуи (прим. издателя - правильное название – Юзкуи, с 1946 г - Фрунзе) за 12 км от Геническа (на берегу Азовского моря). Рота расположилась в здании маленькой начальной школы; в классных комнатах постель из соломы и больше ничего. Началось обучение без оружия, как в обычном учебном запасном полку.

На построении командир роты спросил:

- Кто из вас хорошо пишет? Нам надо в роту писаря.

Мой учитель математики Козаков Н.Ф., который стоял возле меня, вытолкнул меня из строя и говорит:

- Вот, Сердюк! Он по природе писарь.

Так я стал писарем роты.

Через несколько дней снова на построении роты объявляют:

- Кто имеет высшее и среднее образование – выйти из строя!

Оказалось только нас трое. Коваленко и Козакова забрали куда-то. Меня, как писаря, командир роты оставил. Так я расстался с друзьями и своими учителями, а с учителем математики навсегда. Время шло. Мы уже второй месяц как из дому, в своей домашней одежде, спим покотом на соломе. Завелась тьма-тьмущая вшей, от них нет покоя ни днем ни ночью. Наконец привезли обмундирование. Поставили во дворе школы 2 палатки; в одной парикмахеры стригут и бреют, в другой выдают обмундирование. Рядом горит большой костер; раздевшись до нага, бежишь бросаешь свою одежду в костер, потом в первую палатку на санобработку, оттуда во вторую за обмундированием. Из классных комнат вынесли всю солому, сожгли, сделали дезинфекцию, из поля завезли свежей соломы, настилали постель и после длительных беспокойных ночей, уснули богатырским сном .

Через несколько дней поступила команда всей запасной батарее, которая дислоцировалась в Юзгуях и окресных селах вокруг Геническа пешим маршем двигаться на Восток. Шли только ночами по берегу Азовского моря в направлении Ростова. Марш-броски были длительными. Ночи начала сентября длинные, выходили перед закатом солнца, шли целую ночь до 8-9 часов утра, с кратковременными привалами. Днем отдыхали. Маршруты держались в строгой тайне, никто не знал места следующего назначения, чтобы враг не мог разведать и разбомбить многочисленные колоны людей. За ночь проходили 60-70 км. Отдельные маршруты были побольше. Люди валились с ног. Совсем ослабевших с потертыми ногами подбирали подводы и увозили наперед. Научились на ходу спать. Идешь и спишь. Впереди колоны команда:

- Привал!!!

Но ее в середине никто не слышит, строй движется, наталкиваются на остановившихся, валятся и мгновенно засыпают, прижимаясь друг к другу. Гимнастерки мокрые от пота и частого ночного дождика (шинели нам еще не дали).

Через 10-15 минут:

- Подъем!!!

И снова вперед. Конечная остановка рядом со станцией Матвеев Курган недалеко от Ростова. Расквартировали в немецкой колонии, откуда немцы были уже выселены. Пару дней отдохнули, подошел состав вагонов, погрузились и отправились на Ростов. Дальше на Кавказ через Дагестан, Азербайджан, Армению в Грузию. Впервые в пути следования покормили горячей пищей на ст. Навтлуг возле Тбилиси. Здесь случайно встретился со своим директором школы Коваленко Евгением Силовичем, с которым расстались в Юзгуях. Встретились возле столовой: нас подвели к столовой кормить, их команду выводили. Перебросились быстро несколькими словами. Он сказал мне:

- Николай, если останешься жив, то знай – моя семья в Анновке Петровского района, жена Катя не могла никуда далеко уехать с тремя детьми и двома дряхлыми старухами. Она уехала на свою Родину и там как-нибудь будет переживать это трудное время.

Наш эшелон прибыл в конечный пункт назначения на станцию Самтредиа в Западной Грузии за 25 км от Кутаиси. Выгрузились. Нас разместили в здании какой-то школы. На следующее утро построили. Прибыли молоденькие лейтенанты в новеньком обмундировании (только из училищ). Последовала команда:

- Кто имеет 10 классов образования – три шага вперед!!!

Я вышел один.

- Кто имеет образование 7 классов – выйти из строя!!!

Еще вышло человек десять. Нас отвел в сторону молодой лейтенант и объявил:

- Я лейтенант Фатиков, мы с Вас будем делать минометчиков. Равняйсь! Смирно! Направо! Шагом марш!

Он нас привел в расположение нашей постоянной воинской части. Там было уже много солдат кавказских национальностей: грузины, армяне, азербайджане, осетины и др. Нас встретил старшина украинец Вязовик, очень строгий, огромного роста детина. Отвел нас в столовую, накормил, подвел к каптерке и выдал недостающее обмундирование (обмотки к ботинкам и шинели). Разместили в казарме с двухъярусными койками. Мне попало место внизу. Это формировался 675 отдельный минометный дивизион. Среди наших новых товарищей было много со средним и даже с высшим образованием, но они были кавказцы и плохо владели русским языком. Поэтому меня сразу забрал к себе комиссар дивизиона - грузин, по званию «политрук». Ему нужен был личный писарь (сам плохо писал по-русски). Дивизион подчинялся какому-то стрелковому полку, расположенному здесь в Самтредиа. Здесь же жила и семья комиссара. Он никуда меня не отпускал, вместе ходили по городу, в штаб полка, к нему домой, познакомились с его женою и подростками-дочками, которые очень слабо говорили по-русски. Но спасибо, что меня там часто подкармливали. В части кормили плохо по последней норме, как в глубоком тылу.

Сложности были с обмотками. Я никак не мог их правильно наматывать и они беспрерывно сунулись на ногах вниз и разматывались.Часто идем с комиссаром городом, он пошел дальше, оглянулся, а я отстал, стою на тротуаре и перематываю обмотки.

Смотрел, смотрел он на мои мучения, а потом говорит:

- Это, Николай, никуда не годится! Сейчас зайдем в мастерскую и закажем тебе сапоги.

Завел меня в воинскую сапожную мастерскую, поговорил с сапожниками (по своему), мне мгновенно смерили ногу и через несколько дней я имел хорошие яловые (даже не кирзовые) сапоги. Как я их только хранил! Ежедневно мыл, сушил тряпкой, а после отбоя прятал под голову, чтобы не уворовали.

На фото – река и старые дома в Самтредии:

Мы в Самтредиа были недолго. Поступила команда: мин. дивизиону отправиться в Кутаиси в расположение 953 артполка. Командир дивизиона и мой благодетель комиссар остались в Самтредиа.

Пешим маршем прибыли в Кутаиси, расположились в казарме артполка. Командиром дивизиона был назначен ст. лейтенант Бережной Дмитрий Герасимович, комиссаром – ст. политрук – азербайджан (фамилии не помню) Я стал командиром минометного расчета 120 мм (полкового) миномета.

На фото монастырь в г. Кутаиси:

Начались усиленные учения: строевая, материальная часть, учебные стрельбы с винтовок, а потом и минометов в горах. Всем нам выдали винтовки (карабины). Дивизион получил две грузовые машины (полуторки). Шоферами были Скичко – мой земляк из Кировоградской области, его мобилизовали (как шофера) вместе с колхозной машиной. Иван Шубин – молодой парень с Орловщины, который проходил срочную службу в армии. Обе автомашины были в хорошем состоянии. При формировании дивизиона предусматривалось его вооружение 120 мм тяжелыми минометами на механической (или конной) тяге, но тяжелых минометов не хватало, поэтому половина батарей получили 82 мм (батальйонные) минометы, которые в разобранном виде переносились бойцами на плечах. Для тяжелых минометов получили лошадей. Совсем неожиданно в конце ноября в Кутаиси выпал глубокий снег. Резко похолодало. Нам выдали теплое белье, портянки, а вместо шапок – буденовки.

В Кутаиси и близких от него городах Самтредиа и Цулукидзе размещалась наша 388 стрелковая дивизия, сформированная здесь на Кавказе осенью 1941 г. Из мобилизованных военнообязанных запаса разных национальностей. Во всех подразделениях русских и украинцев были единицы. Более всех было грузин, армян, азербайджан. Командир дивизиона был полковник Овсеенко. В первые числа декабря нас подняли по тревоге ночью и приказали со всей матчастью следовать на ж. д. вокзал станции Кутаиси. Там погрузились в эшелоны и отправились в порт и город на

Черном Море Поти, где несколько дней проходила погрузка на корабли вся наша дивизия (три стрелковые полки, артполк, другие мелкие части и отдельные подразделения). Наш 675 минометный дивизион погрузился на большое товарное судно «Михаил Калинин». С нами были и артиллеристы 953 артполка с пушками и тягачами. Дивизия направлялась в Севастополь.

Более двух суток следовали к Севастополю под усиленной охраной 3-х линейных кораблей и прибыли в Северную бухту рано утром 11 декабря.

Все время в пути море сильно штормило, многих укачало, некоторых бойцов выводили под руки и выносили с корабля. Разгрузили материальную часть, лошадей. Наш дивизион разместили здесь же недалеко от бухты в каких-то казармах. Бухта все время обстреливалась немецкой артиллерией, авиация противника не активничала (стояли туманы).Здесь было значительно теплее, чем на Кавказе, снега не было. Несколько дней отдыхали, приходили в норму после морской дороги. Подходили новые корабли с другими частями нашей дивизии. Где-то к 15 декабря вся наша дивизия полностью прибыла под Севастополь. В ее строю тогда было 12,5 тысяч человек.

Дивизия была слабо подготовлена и слабо вооружена, личный состав многонациональный, многие очень слабо знали (или совсем не знали) русский язык. Поэтому пришлось формировать подразделения по национальностям (роты и взводы в стрелковых полках, батареи и взводы в артполку). У нас тоже были национальные минометные расчеты: грузинские, армянские, азербайджанские, среди которых были бойцы (сержанты), знающие кое-как русский язык, могли донести бойцам подану команду или распоряжение комбата или комвзвода.

Командирами батарей и взводов были: старший лейтенант Зайцев, лейтенант Фатиков, Наниташвили. Фамилии других офицеров я уже позабыл.

Ночью против 17 декабря дивизион получил приказ:

- Занять оборону в р-не Мекензевых гор на северных подступах к Севастополю.

Не успели расположиться и окопаться, как рано утром немцы начали мощное наступление на северном направлении. Начался второй штурм Севастополя. В ту же ночь и стрелковые полки дивизии (778, 782, 773) выходили на передовые позиции в этом секторе обороны. Занял оборону и 953 артполк. Начались сильные кровопролитные бои. Особенно пострадали

стрелковые полки, вооруженные почти одними винтовками, они не могли сдержать стремительного наступления немцев, вооруженных исключительно автоматическим оружием. В воздухе свирепствовала вражеская авиация. Немцы бомб не сбрасывали, чтобы не угодить по своим, они из воздуха пулеметным огнем расстреливали нашу пехоту. Наш минометный дивизион еще кое-как держался, но под конец 2 дня кончились боеприпасы и мы превратились в стрелков. На отдельных участках оборона была прорвана, надо было спасать материальную часть – минометы. Подъехать на лошадях и выхватить тяжелые минометы не было никакой возможности, тогда командир дивизиона приказал:

- Тяжелые минометы прикопать, 82 мм вынести!

Бои продолжались. Немцы теснили нас к Северной бухте. Для спасения создавшегося положения на оборону были брошены все тыловые службы. Немецкое командование, начиная 17 декабря 2-й штурм Севастополя, рассчитывало 21 декабря овладеть городом (день рождения Сталина) – здесь был еще и политический расчет.

Вероятно, это понимал и Сталин и не хотел допустить победы немцев. Я на всю жизнь запомнил этот день – 21 декабря 1941 года. Немцы наступают стремительно, атаки пьяных немцев следуют одна за другой, мы отступаем. Остается метров 800 до Северной бухты, видно берег. Я бегу с винтовкой СВТ (десятизарядная-полуавтомат), ищу где прелечь, чтобы вести огонь и вдруг над головой слышно страшный рев, совсем низко летит немецкий бомбардировщик со стороны города. Летит и не стреляет. Рядом возле меня случайно оказалась какая-то канавка с остатками золы от костра (видать где-то готовили пищу). Я стремительно падаю в это Богом посланное укрытие, смотрю вверх, самолет идет прямо на меня, начинаю прицельный огонь по самолету из винтовки, конечно безуспешно, самолет ушел за Мекензевы высоты.

Вдруг кто-то сзади меня толкает по ноге, поднимаю голову и вижу – возле меня стоит молодой здоровый матрос и говорит:

– Зачем ты по нему стреляешь? Что ты ему сделаешь? В него брюхо бронированное. Что земляк, не узнаешь?

Это был парень из нашего села Шкарбан Николай Филиппович, который до войны был на срочной службе во флоте в Севастополе.

Мы с ним даже когда-то учились в одном классе.

Я спрашиваю:

- Где ты здесь взялся?

Он отвечает:

- Ты что, Николай, ничего не видишь?

Я посмотрел вокруг и увидел, что совсем рядом подъезжают один за другим грузовики, в кузовах стоит полно моряков, а со стороны Севастополя появилось множество наших истребителей.

– Мы, - говорит земляк, - прибыли к Вам на помощь.

А ночью из Новороссийска в Севастополь прибыла 79 бригада морской пехоты Потапова. Помощь подошла вовремя, немцы были отброшены на старые рубежи, откуда начали наступление. Замок обороны был прочно закрыт еще на целых полгода.

Нашу 388 дивизию сняли с северного направления обороны и отвели в Севастополь. В декабрьских боях дивизия потеряла примерно 40% личного состава. В нашем дивизионе потери были меньше. Минометы мы свои нашли и увезли в Севастополь, всю материальную часть удалось сохранить.

В конце декабря были высажены наши десанты в Керчи и Феодосии, которые никакого успеха не принесли нашему командованию в Крыму, операция понесла позорное поражение, но для защитников Севастополя это принесло длительную передышку. Немцы сняли свои силы под Севастополем и нас оставили в покое до весны 1942 года.

Часто приходили корабли с Большой земли, подвозили пополнение, боеприпасы, продовольствие.

С начала 1942 года после переформирования и пополнения поступившими резервами наша 388 стрелковая дивизия была направлена под Балаклаву на уютные подступы к Севастополю. Здесь же у деревни Кадыковка занял оборону и наш 675 минометный дивизион.

Произошли изменения и в моей службе; в начале января от разрыва снаряда в городе возле складов дивизии был тяжело ранен зав. делопроизводством нашего дивизиона, ему оторвало руку. Дивизион остался

без зав. дела. Это офицерская интендантская должность. Обязанности зав. дело обеспечение дивизиона продовольствием, вещевым имуществом, боеприпасами.

После декабрьских боев Бережной Д.Г. был награжден орденом «Красной Звезды». Ему было присвоено очередное звание - капитан.

Он знал, что я до войны работал счетоводом и деловодом, поэтому назначил меня зав. делопроизводством дивизиона. Звание у меня было старший сержант (присвоено еще на Кавказе). Так я стал «интендантской крысой». Продукты каждая часть получала со склада дивизии (иногда с армии) ежедневно, часто получали мины для минометов. Так, что я почти ежедневно бывал в городе. В нашем распоряжении было уже 3 автомашины, к нам пристал еще один шофер со старой полуторкой – развалюхой, но все же она «ходила». Фамилия шофера – Виктор Цимбал, украинец, почти мой земляк из Кривого Рога. Он отступал с под Одессы вместе с приморской армией, всех своих растерял и под Севастополем никого не нашел. Явился он к нам сразу после нашей выгрузки с корабля в Северной бухте. Ему хотелось попасть в маленькую часть, где он будет «на виду», ибо в крупной части, где больше автотранспорта он будет «невидимым». Маленького роста, очень подвижный и болтлив, к тому расхлябанный до невозможности, что видно из его внешнего вида: одет в общевойсковые брюки заправленные в хромовые сапоги, которые никогда не чистил, грязную всегда тельняшку, сверху гимнастерку со всеми расстегнутыми пуговицами (чтобы видно тельняшку), сверху штурмовку, на голове мичманку. Оружие – винтовочный обрез, который всегда возил под сидением. Настоящий Попандополо из фильма «Свадьба в Малиновке». Но смелый. В любое время пойдет в огонь и в воду. На своей машинке мог ездить один он. Машина расхлябана, как и сам хозяин, при торможении обе дверки кабины сами «автоматически» открывались, везде в кабине разные провода. Надо сигнал, хватает какой-то провод, где-то присоединяет на ходу – сигнал срабатывает. Вся городская милиция за ним гоняется, но поймать никогда не может.

Другой молодой шофер Иван Шубин наоборот всегда чистый, аккуратный, подтянут. Очень красивый парень. Машина постоянно как игрушка; исправна, свеже подкрашена, двигатель работает ровно без шума. Где он ее ремонтирует, кому и чем платит за ремонт мы не знали. Догадывались, что по-черному ворует продукты и шампанское, которое ежедневно выдавали бойцам. Всегда веселый, улыбчивый. Пользовался

успехом среди севастопольских девушек и молодых женщин. Потихоньку подкармливал и их. В городе имел обширные знакомства. Мог в любое время подвести – уехать неизвестно куда, когда машина очень нужна, Шубина надо искать.

Самое лучшее было ездить с шофером Скичко. Это человек серьезный, более старшего возраста, послушный, аккуратный, исполнительный. Всегда спокойный, машина всегда в исправности. Человек с тонким украинским юмором. Никто не слыхал от него никогда матерщины или непристойного анекдота. Часто мы с ним ездили за боеприпасами, иногда нужно было ехать с грузом к передовой днем. Это было опасно. Дорога от французского кладбища до самой Кадыковки была, как на ладони, видна из Балаклавских высот, прекрасно простреляна немецкими минометами. Скичко подъезжает к каменному забору кладбища, останавливает машину под стеной забора, чтобы двигатель остыл и говорит:

- Нехай трохи прочахне.

Минут через 10-15 подъезжает к асфальту, снова останавливается, снимает пилотку, крестится и говорит:

- Господи, поможи! Пронеси нас до Кадиковки!

Машина мчится на предельной скорости (дорога все время вниз с уклона), а мины рвутся сзади, впереди, по бокам. Какое нужно искусство водителя, чтобы при такой обстановке и при такой скорости обойти все неровности и воронки изуродованной постоянным обстрелом дороги! Не доезжая до Кадыковки, сворачиваем вправо под укрытие крутой высоты, которая нас отгораживает от немецкой стороны. Скичко останавливает машину, выключает перегретый двигатель. Приехали. Я смотрю на Скичко, он весь мокрый, бледный, гимнастерку хоть выкручивай, губы дрожат, но улыбается. Говорит:

- Ху, хай ти сказишся. Трохи в наш ящик (т.е. кузов) гостинця не вкинув.

Бывает заночуем в городе (у нас на окраине была знакомая семья, где мы останавливались). Спим на полу рядом крепким сном. Немцы часто ночью обстреливали город тяжелой артиллерией. Вдруг недалеко взрывается снаряд. Просыпаемся. Скичко недовольный, что-то бурчит, а потом говорит:

- Знову війна. Хіба можна вночі стріляти? Нічого ж не видно. Так і очі можна повибивать.

Это говорится серьезно, спокойно, без тени юмора, без улыбки.

Другой раз еду с Цымбалом. Снова везем боеприпасы. Скоро вечер, небольшой туман, нас с высот не видно, но немцы ведут интенсивный огонь по дороге, - знают, что в такое время по дороге может двигаться много транспорта. Едем не спеша, Цымбал часто меняет скорость, переключая передачи, объезжает воронки и неровности. Вдруг машина глохнет. Цымбал выскакивает из кабины, пытается завести двигатель рукояткой. Но безуспешно. Сколько ругани и матерщины посыпалось на машину, сколько проклятий! Такого художественного словосочетания я никогда не слышал. А мины вокруг рвутся. Я выскакиваю из кабины, кричу:

- Давай, я !!!

Цимбал вскочил в кабину, я крутанул, он включил зажигание, рукоятку дернуло в противоположную сторону и я губами и зубами врезался в радиатор. Хлынула кровь, но машина завелась. Давай удирать с под огня.

Губы зажили, один зуб впереди 40 лет шатался, почернел, но не болел. Я его удалил только после ухода на пенсию. Стоматолог «залатал» прореху.

Всю зиму под Севастополем было спокойно. Регулярно ходили корабли с большой земли, привозили для солдат подарки, посылки, приезжали гости от разных партийных и общественных организаций. На передовых позициях дивизиона оборудовали большую землянку – красный уголок, начались занятия: в первую очередь занялись изучением русского языка. Из нового пополнения уже больше было молодежи 18-19 лет, которые лучше знали русский язык. Были ребята с Кубани, Северного Кавказа.

Капитан Бережной был кадровый офицер, молодой 1916 г рождения, талантливый артиллерист, влюблен в свое дело. Он всю зиму подолгу просиживал на наблюдательных пунктах стрелковых батальонов, вел наблюдения, делал расчеты. После этого навещал штаб соседнего гаубичного полка, просил открыть огонь по противнику согласно его расчетам и, если договаривался, сам выдвигался на ближайшие к противнику НП и лично корректировал огонь артиллерии.

Как не трудно было с боеприпасами (каждый снаряд был на учете), Бережному верили и довольно часто по его просьбе снаряды выделяли.

Мы вдвоем были в очень близких дружественных отношениях (оба же украинцы). Я знал о нем все: он из Сумской области, окончил Киевское артучилище, после училища женился, служил до войны в Средней Азии, откуда и прибыл в ЗанВо, а оттуда к нам в Кутаиси. Жену звали Катя, совсем маленькую дочку – Саша (Александра) или Шура. На Сумщине остались родители (отец, мать) и младшая за него сестра Вера.

За зиму мы окрепли (питание было хорошее), обстрелялись, многому научились, улучшили свой быт. Все время укрепляли свой оборонный рубеж, людей систематически возили в город в баню (только по ночам), меняли белье.

Конечно, как спокойно не было, но на огневых позициях, в городе, на дорогах ежедневно могли быть убитые и раненые. Немцы и румыны в любое время могли открыть огонь с минометов, пушек. По городу постоянно била методическим огнем дальнебойная артиллерия противника.

Фотография г. Севастополя времен 2-й мировой войны:

Мы знали, что с наступлением весны немцы снова предпримут наступление и третий штурм Севастополя будет еще более мощным, чем декабрьский. Поэтому готовились к отражению противника. За зиму хорошо

запаслись боеприпасами, укрыли их в надежных местах. Отремонтировали все поврежденные минометы, оборудовали для них ячейки, углубили и укрепили хода сообщений между батареями.

Штаб дивизиона, который всю зиму находился за Кадыковкой со стороны, противоположной фронту, к весне перебазировался непосредственно на огневые позиции первой батареи у подножья высоты Скалистая (на карте она имела номер, но я не помню). Относительно спокойно немцы вели себя до 2-й половины мая 1942 г. С 25 мая началась сильная бомбардировка города с воздуха вражескими самолетами и артиллерией. В городе возникали массовые пожары. А с 2-7 июня авиация и артиллерия начала обработку переднего края нашей обороны по всему Севастопольскому фронту. Стояла жаркая погода, длинные безоблачные дни благоприятствовали самолетам «висеть» в воздухе по 15-16 часов. Налеты длились от восхода до заката солнца. Недалеко от Севастополя находились захваченные немцами аэродромы, такие как Качанский и другие, немецкие летчики могли быстро заправиться новыми комплектами бомб и снова вылетать на боевое задание. На Севастопольском направлении немцы имели 600 самолетов, у нас было всего...53. После такой мощной авиационной и артиллеристской подготовки противник перешел в наступление. Начался 3-й (последний) штурм Севастополя.

Первую неделю оборона держалась крепко. В отражении вражеских атак решающую роль играли наша артиллерия и минометы до тех пор, пока был достаточный запас боеприпасов, но они быстро уменьшались, надо было расчетливо и разумно экономить каждую мину, каждый снаряд.

На всю жизнь я запомнил день 20 июля. Накануне капитан Бережной приказал мне:

- Любой ценой пробраться в штаб дивизии, который пока находится в Севастополе, и ночью доставить на огневые позиции новое пополнение, которое прибыло на последнем корабле из Большой земли. Обо всем я договорился с командованием дивизии.

Расстояние до Севастополя 18 км. Зная всякие скрытые пути к городу, я отправился еще днем. К вечеру мне дали 21 человек молодых бойцов, все 1924 года рождения, все земляки из Сталинградской области, были из одного села, и даже попали два брата-близнецы.

Как ни коротка июньская ночь, но я их пешим маршем еще затемно доставил к своему штабу. На рассвете подъехала кухня, покормила ребят и кое-как распределили по батареям, но развести по подразделениям не успели – немцы начали бомбить наши огневые позиции. Налеты следовали один за другим, беспрерывно с раннего утра до 12 часов, когда немецкие летчики делали одночасовый перерыв на обед. Наши прибывшие мальчики, еще не видевшие войны, сразу попали в Ад, они не знали, как себя вести, а объяснить им не было возможности. Они сбивались кучами, падали на дно траншей, от взрывов бомб грунт от сотрясения рушился, их заживо присыпало.

Так все они 21 человек погибли в тот день, не успев написать письмо матери или любимой девушке. Я этот трагический случай всегда вспоминаю, когда рассказываю молодежи о войне. Такое не должно повториться! Мир должен быть вечный!

В 12 часов установилась полная тишина. Я выбрался из своего укрытия и пришел в штабной блиндаж, который был недалеко. Блиндаж был цел. Недалеко от входа стоял сколоченный из досок столик, на котором было много писем, пришедших из Большой Земли, но не заставших адресатов (погибших, направленных в госпиталя). От взрывных волн эти письма разлетелись по всему блиндажу, некоторые лежали у входа.

Я начал подбирать письма и складывать на столик. В это время вбежал командир. Какой-то рассеянный, злой, ругается, жалуется:

- Ну, сегодня он, паразит, натворил бед! Такого еще никогда не было. Только пробежал вдоль обороны, 2 миномета – прямое попадание, вырваны с корнем, часть снарядов взорвалось, очень много погибло людей, а новачки наши, вероятно, все похоронены под обрушенными траншеями.

Так оно и получилось. Потом немного успокоился и говорит:

- Я же сегодня не успел позавтракать, когда была кухня. Что-то жрать охота. Здесь у нас есть чего-нибудь перекусить?

Я нашел кусок засохшего хлеба, немного сахара и совсем теплую воду во фляге. Капитан спрашивает:

- А водка есть?

Начали искать и нашли пол бутылки водки. Я ему налил побольше, себе оставил немного. Выпили. В ту самую кружку налил воды, насыпал сахара, мочим хлеб и закусываем.

Капитан сделался какой-то сентиментальный, вытащил из кармана гимнастерки фотографию жены и дочки, показывает мне, рассказывает о том, что я несколько раз уже слышал.

При этом разговоре Бережной сказал:

- Видно, что наше сопротивление подходит к концу. Я честно исполнил свой долг, много немцев уничтожил, но чувствую, что из под Севастополя я не выйду, возможно, мы все здесь погибнем, но вдруг ты останешься жив, я тебя прошу разыскать мою семью и рассказать о всем подробно.

Краткий обеденный перерыв подходил к концу, скоро должны появиться вражеские самолеты. Капитан говорит:

- С самого утра хочу оправиться и никак проклятые фрицы не дают сходить в уборную, -

И пошел по траншее к отхожему месту (такие места были оборудованы в каждой батарее).

Я вышел из блиндажа, курю и смотрю на небо, прислушиваюсь. С севера еле слышно слабые звуки самолетов. Бережной идет к блиндажу, заправляя на ходу обмундирование. Сел на бруствер траншеи (там она была мелкая) и сворачивает папиросу, также смотрит на небо. Я первым увидел 3 точки, которые быстро приближались. Переговариваемся:

- Я вижу идут прямо на нас.

- Сколько?

- Три штуки.

- А я пока не вижу… Нет уже вижу.

Не долетая нас, первый самолет разворачивается и пикирует на высоту Скалистую, у подножия которой наш блиндаж. Я стою у входа в блиндаж, Бережной продолжает сидеть. Хорошо видно, как от брюха самолета отцепились первые бомбы. Я кричу:

- Капитан, давай ко мне!

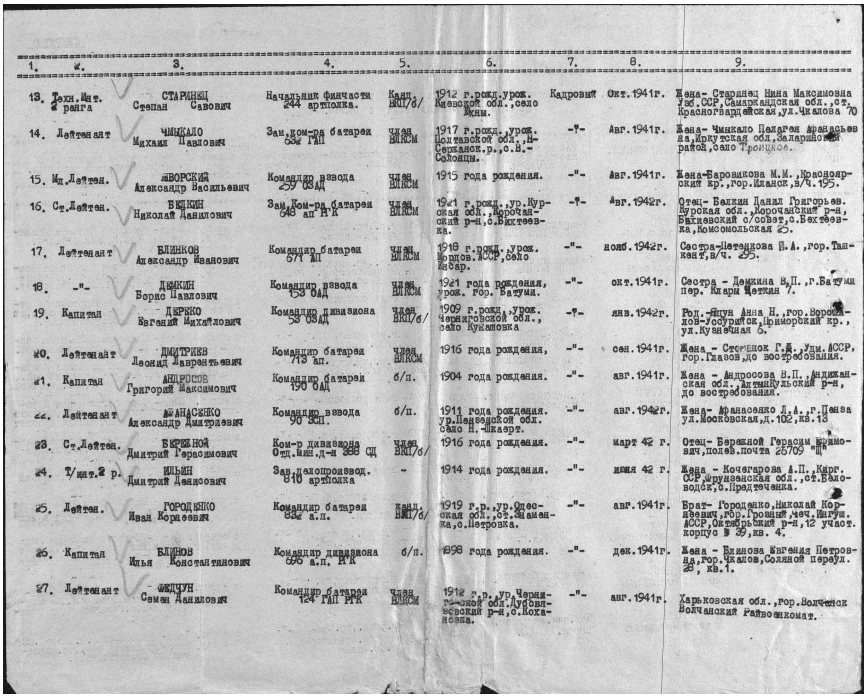
Он кричит:

- Да нет, перелетят!

Это были его последние слова. Все бомбы попали по склону высоты, обращенному к нам. От оглушительных взрывов в воздух поднялось множество обломков скалы. Свист, вой камней, осколков, шум падающего с большой высоты града камней разного размера.

Капитан понял, что ошибся, срывается с места и, согнувшись низко к земле, бежит к блиндажу. Большой камень ударил его по спине, он упал метров за 5 от блиндажа. Я подбежал, приподнял ему голову, изо рта текла слюна с кровью. Удар камня был такой сильный, что офицерское снаряжение будто кто ножом перерезал. В это время кот-то из телефонистов пробегал по траншее, я его позвал и мы вдвоем затащили мертвого командира в блиндаж.

Копия документа, где под 23 номером значится погибший ст. лейтенант Бережной:



1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.
13.	Техн.Инт. 2 ранга	СТАРИНЕЦ Степан Савович	Начальник финчасти 244 артполка.	Канд. ВКП/б/	1912 г.рожд.урож. Киевской обл.,село Ихны.	Кадровый	Окт.1941г.	Жена- Старинец Нина Максимовна Узб.ССР,Самаркандская обл.,ст. Красногвардейская,ул.Чкалова 70
14.	Лейтенант	ЧМЫКАЛО Михаил Павлович	Зам.ком-ра батареи 632 ГАП	член ВЛКСМ	1917 г.рожд.,урож. Полтавской обл.,Н-Сержанск.р.,с.В.-Солонцы.	-"-	Авг.1941г.	Жена- Чмыкало Пелагея Афанасьевна,Иркутская обл.,Заларинский район,село Троицкое.
15.	Мл.Лейтен.	ЯВОРСКИЙ Александр Васильевич	Командир взвода 259 ОЗАД	член ВЛКСМ	1915 года рождения.	-"-	Авг.1941г.	Жена-Баровикова М.М.,Красноярский кр.,гор.Иланск,в/ч.195.
16.	Ст.Лейтен.	БЕЛКИН Николай Данилович	Зам.Ком-ра батареи 648 ап РГК	член ВЛКСМ	1921 г.рожд.,ур.Курская обл.,Корочанский р-н,с.Бахтеевка.	-"-	Авг.1942г.	Отец- Белкин Данил Григорьев. Курская обл.,Корочанский р-н, Бахтеевский с/совет,с.Бехтеевка,Комсомольская 25.
17.	Лейтенант	БЛИНКОВ Александр Иванович	Командир батареи 671 ап	член ВЛКСМ	1918 г.рожд.,урож. Морцов.АССР,село Инсар.	-"-	нояб.1942г.	Сестра-Петенкова Е.А.,гор.Ташкент,в/ч. 295.
18.	-"-	ДЕМКИН Борис Павлович	Командир взвода 153 ОАД	член ВЛКСМ	1921 года рождения, урож. гор. Батуми.	-"-	окт.1941г.	Сестра - Демкина В.П.,г.Батуми пер. Клары Цеткин 7.
19.	Капитан	ДЕРЕКО Евгений Михайлович	Командир дивизиона 53 ОЗАД	член ВКП/б/	1909 г.рожд.,урож. Черниговской обл., село Кукашовка	-"-	янв.1942г.	Род.-Ягун Анна Н.,гор.Ворошилов-Уссурийск,Приморский кр., ул.Кузнечная 6.
20.	Лейтенант	ДМИТРИЕВ Леонид Лаврентьевич	Командир батареи 713 ап.	член ВЛКСМ	1916 года рождения,	-"-	сен.1941г.	Жена - Стоянок Г.Ж.,Удм.АССР, гор.Глазов,до востребования.
21.	Капитан	АНДРОСОВ Григорий Максимович	Командир батареи 190 ОАД	б/п.	1904 года рождения.	-"-	авг.1941г.	Жена - Андросова В.П.,Андижанская обл.,АлтынКульский р-н, до востребования.
22.	Лейтенант	АФАНАСЕНКО Александр Дмитриевич	Командир взвода 90 ЗСП.	б/п.	1911 года рождения. ур.Пензенской обл. село Н.-Шкаерт.	-"-	авг.1942г.	Жена- Афанасенко Л.А.,г.Пенза ул.Московская,д.102,кв.13
23.	Ст.Лейтен.	БЕРЕЖНОЙ Дмитрий Герасимович	Ком-р дивизиона Отд.мин.д-н 388 СД	член ВКП/б/	1916 года рождения.	-"-	март 42 г.	Отец- Бережной Герасим Еримович,полев.почта 26709 "Щ"
24.	Т/инт.2 р.	ИЛЬИН Дмитрий Денисович	Зав.делопроизвод. 810 артполка	-	1914 года рождения.	-"-	июня 42 г.	Жена - Кочегарова А.П.,Кирг. ССР,Фрунзенская обл.,ст.Беловодск,с.Предтеченка.
25.	Лейтен.	ГОРОДЕНКО Иван Корнеевич	Командир батареи 832 а.п.	канд. ВКП/б/	1919 г.р.,ур.Одесская обл.,ст.Знаменка,с.Петровка.	-"-	авг.1941г.	Брат- Городенко,Николай Корнеевич,гор.Грозный,чеч.Ингуш. АССР,Октябрьский р-н,12 участ. корпус № 39,кв. 4.
26.	Капитан	БЛИНОВ Илья Константинович	Командир дивизиона 696 а.п. РГК	б/п.	1898 года рождения.	-"-	дек.1941г.	Жена - Блинова Евгения Петровна,гор.Чкалов,Соляной переул. 28, кв.1.
27.	Лейтенант	ФЕДЧУН Семен Данилович	Командир батареи 124 ГАП РГК	член ВЛКСМ	1912 г.р.,ур.Черниговской обл.Дубовяковский р-н,с.Кохановка.	-"-	авг.1941г.	Харьковская обл.,гор.Волчанск Волчанский Райвоенкомат.

Попытались сообщить в штаб дивизии о гибели командира нашего минометного дивизиона, но связь была нарушена и только вечером, когда телефонисты исправили линию, связались со штабом. Начальник штаба дивизии распорядился:

– Погибших Бережного, других офицеров и сержантов на переднем крае не хоронить, переправить в тыл, они будут похоронены на городском кладбище с воинскими почестями.

Статья Сердюка Н. П. о своем командире Бережном Д. Г.

Він захищав Севастополь

Дмитро Герасимович Бережний, уроженець села Мар'янського, розпочав війну з німецьким фашизмом у грудні 1941 року старшим лейтенантом на посаді командира мінометного дивізіону. Йому випала честь разом з воїнами 388 стрілецької дивізії захищати Севастополь від гітлерівських загарбників.

Командир і очолюваний ним підрозділ на смерть стояли на північних підступах до морської твердині в районі Мекензієвих гір. Тут воїни витримали не одну вогневу навалу. За грудневі бої Д. Г. Бережного було нагороджено орденом Червоної Зірки.

Здавалось, що командир дивізіону ніколи не відпочиває. У час відносного затишшя тримав зв'язок з командирами стрілецьких батальйонів, цілими днями бував на спостережних пунктах, розташованих ближче до переднього краю оборони. А коли виявляв ціль противника, то корегував вогонь.

20 червня 1942 року сталось непоправне. Гітлерівці лютували. На позиції дивізіону нічого був спрямований весь вогонь ворога, особливо шаленіли літаки з чорними хрестами. Обвалювались траншеї і бліндажі. Стояв безперервний гул. Капітан Д. Г. Бережний (а йому було присвоєно чергове звання) сидів неподалік від бліндажа і крутив цигарку. Появились три бомбардувальники, почали пікірувати. Командир не встиг сховатись в бліндаж. Величезний камінь, випнутий бомбою, вдарив його по спині, і перестало битися серце воїна.

Капітана Д. Г. Бережного хотіли було поховати на Севастопольському міському кладовищі з усіма військовими почестями. Але обстановка на фронті з кожною годиною гіршала і його довелося поховати в невеличкій братській могилі.

Відтоді минуло більше сорока п'яти років. І вірно роблять земляки капітана Д. Г. Бережного — учні і вчителі Мар'янської середньої школи № 1, увіковічуючи пам'ять про нього збором відомостей про відважного офіцера, воїна-патріота.

М. СЕРДЮК,
ветеран 388 стрілецької дивізії.

НА ЗНІМКУ: Д. Г. БЕРЕЖНИЙ.

Мы переправили 11 человек в свой тыл, где зимою был штаб дивизиона, все тела положили в землянке под скалой, где они лежали более 2-х суток.

Обстановка на фронте осложнялась, было не до похорон с почестями и мы решили сами похоронить погибших товарищей. Могилу выкопать было трудно, почва везде каменистая. Нашли широкую воронку от взрыва фугаса, оправили края, придав ей прямоугольную форму, положили рядышком своих товарищей, прикрыли тела шинелями и плащ-палатками, засыпали смесью щебня с песком, насыпали холмик. На могиле не было никаких обозначений и надписей...

Командиром дивизиона после Бережного стал ст. лейтенант Зайцев. Где-то через неделю после смерти капитана, я был контужен и придавлен в штабном блиндаже. Снаряд большого калибра угодил в угол перекрытия, разворотил накат и рельса придавила мне грудь, прижав к стенке блиндажа. Пол дня сидел в блиндаже, сам не мог выбраться из под рельсы Вечером меня обнаружили товарищи и вытащили из блиндажа. Глухой и помятый, я попал в дивизионный 475 медсанбат.

В эти дни всех раненных и контуженных отправляли на мыс Херсонес, куда должны были подойти корабли для эвакуации. Я попал в Камышовую бухту, где на берегу размещался госпиталь. Раньше здесь был зрительный зал какого-то клуба (в одном конце была сцена с суфлерской ямой), окон и дверей не было, но чердачное перекрытие еще держалось. На ночь раненные слазились в помещение, а рано утром всех ходячих из помещения выгоняли, чтобы не погибли при бомбежке, когда может рухнуть перекрытие. Тяжело раненных прятали в оборудованных бункерах. Помощи никакой не оказывали: не было ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Из нашего дивизиона я здесь был один, но познакомился с такими же ходячими и нас 4 человек держались вместе.

Фотография здания г. Севастополя времен 2-й мировой войны:

Утром (пораньше) выходили из помещения и искали укрытия. Недалеко возле берега был потонувший сгоревший танкер. Его огромные две

цистерны были видны из воды: от берега выше, дальше - глубже. Цистерны были соединены между собою одно тавровыми стальными балками.

Если забраться между цистерн, то попадаешь будто в длинную металлическую траншею. А на балках можно сидеть, как на скамейке. Оставляем шинели на берегу, а сами забираемся между цистерн: кто раньше занял место сидит почти сухой, а те, что опоздали тоже сидят, только по пояс или по плечи в воде. Какая ни теплая вода в бухте при 35-38 градусах в воздухе, но просидеть в воде целый день трудно. Зато не страшно никакой бомбежки. Только прямое попадание может принести вред.

Вечером, когда налеты авиации прекращаются, мы вылазим из своего укрытия. Часть тела, которое весь день мокнет в воде, стает отбелено, как бумага, кожа собрана в гармошку, чувствуется неприятное ощущение холода.

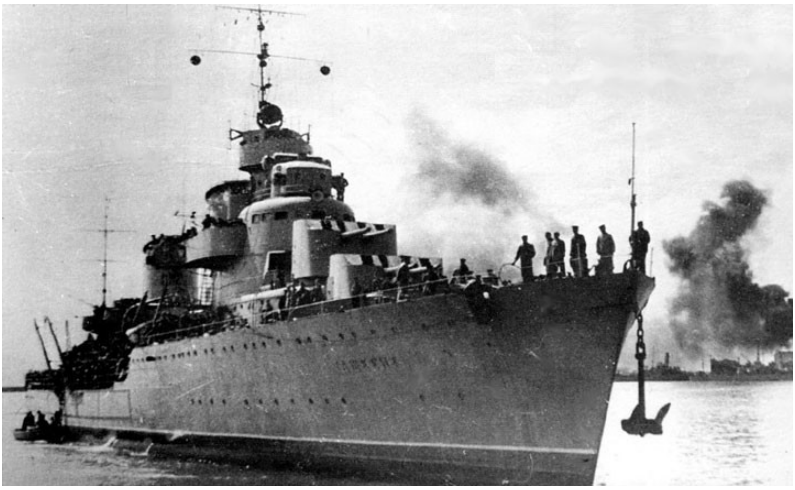
Выбираемся на берег, снимаем сапоги, выливаем из них воду, выжимаем белье, брюки. Одеваемся в мокрое, сверху сухая шинель. Всегда хочется есть, а еще больше пить. Если вечером в здании госпиталя попадет пол брикета какого-нибудь концентрата каши, будет хорошо. С водой совсем плохо. Здесь ее нет (кроме морской). Все с надеждой ждали кораблей, но их не было. Последний день июня, 30 число. Ночью наша «четверка» залазила через суфлерскую будку под подполье сцены. Там было более безопасно, если ночью рухнет перекрытие здания, ибо ночью методическим огнем бухта обстреливалась немецкой тяжелой артиллерией.

1-го июля утром стало слышно автоматные очереди, бой шел совсем рядом. Самолетов стало в воздухе меньше, бомб не бросали. На низком полете рыскали «рамы»-разведчики, стреляли из пулеметов. Кораблей не было. Мы тогда не знали, что последний корабль-лидер «Ташкент» покинул Севастополь еще 27 июня.

Некоторые товарищи, кто покрепче, решались переплыть бухту, надеясь на спасение в другой соседней бухте – Казачьей. Но никто не добирался до противоположного берега, тонули. Никто их не спасал. Мы целый день отсидели в своей «металлической траншее», выбрались с укрытия. Сильно хотелось пить, нашли недалеко от берега глубокую воронку от разрыва бомбы, на дне которой была та самая морская вода, только чище, чем в бухте, где много было трупов.Все таки пройдя через песок, вода немного профильтровалась. Пить ее было нельзя, слишком горькая и противная, но смочить во рту и прополоскать горло можно .

Один товарищ пошел искать воды и какой-то пищи, взял два котелка.

На фотографии 1941 или 42 г. корабль-лидер эскадренных миноносцев «Ташкент», построен в Италии в 1937 г., потоплен 02.07.1942:



Мы забрались в свое подполье, согрелись, начали засыпать, когда он вернулся. Принес немного сухарей и пол котелка… спирта. Воды не нашел, наткнулся на солдат, которые с автоцистерны добирали остатки спирта, принес и для нас. Начали мочить сухари в спирте и кушать. Сделалось скоро тепло и приятно.

Уснули крепким сном. Проснулись от крика, кто-то громко орал:

- Ребята, быстрее выходите, а то немцы на вас будут бросать гранаты!

Под полом, кроме нас, было еще много солдат, начали вылезать, как суслики из норки. Когда осмотрелись, то увидели, что на каждом подоконнике стоят по два немецких солдата с автоматами, машут руками, указывая на выход и орут:

- Марш! Марш! Шнель! Шнель!

Кто мог двигаться, выходили. Тяжело раненных выносили наши же солдаты на носилках, других вели под руки. Мы стали военнопленными.

Всех, захваченных в плен, разместили на площади рядом с госпиталем, всем приказали сесть и не двигаться. Тяжело раненных куда-то унесли.

Видим – на противоположном берегу Камышовой бухты движутся длинные колоны военнопленных, всех собирают в одно место. Казачью бухту тоже захватили немцы. Это было утром 2 июля 1942 г.

В немецком плену

С самого начала пребывания в немецком плену, здесь же на плацу возле госпиталя, нас начали грабить. У меня не было ничего, кроме того, во что я был одет и обут. Но многие солдаты имели вещмешки, в которых продуктов не было, но были кое-какие вещи. Первыми грабителями были немецкие солдаты, они забрали часы (наши советские часы были намного лучше немецких штамповок), мыло, перевязочные материалы, новое чистое белье (мыло у немцев было негодное, бинты из бумаги, белье хуже нашего из хлопка).

После немцев начали остальное грабить крымские татары, которых множество было на службе у немцев, носили их форму.

Эти брали все: сапоги, ботинки, снимали хорошее обмундирование и т.д. На мне были хорошие сапоги, но после морской воды, где они так много мокли, они потеряли внешний вид и татарам не приглянулись. У меня так ничего и не отобрали.

Сидели мы на берегу бухты где-то до 2-х часов дня. Потом построили в колоны и погнали по Ялтинскому шоссе. Ни кушать ни воды не дали. Жара градусов 38. Сильно мучает жажда. Конвоировали военнопленных немцы.

Я много позже прочитал книг об обороне Севастополя. Разные авторы пишут по разному: одни сообщают, что город был оставлен нашими войсками 2 июля, другие – 3 июля, а есть и такие, что утверждают падение города 4 июля. Утверждаю, что сам видел. Когда колона нас военнопленных подходила к Ялтинскому шоссе (это было примерно в 16 часов 2 июля) вдали мы видели на каркасе сгоревшей панорамы большой немецкий флаг со свастикой. Следовательно, город был оставлен нашими войсками 2 июля. Возможно, что отдельные группы прикрытия продолжали сопротивление и позже.

Колона пленных медленно двигалась уже по Ялтинскому шоссе. Время клонилось к вечеру, начало темнеть. Пить хочется ужасно. В колоне рядом ведут под руки раненного, который жалобно просит пить. А совсем рядом за

кустами, с левой стороны шоссе, слышно урчание – там течет речка Черная. Я не выдержал и спрашиваю у ребят:

- У кого есть котелок?

Котелка не нашлось, нашли каску, подали мне. Конвойные идут на расстоянии метров 30 друг от друга. Я иду с левой стороны поближе к конвойному. Немного пропускаю переднего вперед и бросаюсь в кусты. Вот и вода. Падаю к ручью и с жадностью пью. Не знаю сколько я ее выпил, потом набрал в каску и наблюдаю с кустов, пропускаю конвойного и быстро в строй. Проталкиваюсь вперед, догнать раненного. Меня толкают, просят воды, которой так мало и та расплескивается. Я говорю:

- Не могу. Впереди надо попоить умирающего.

Меня пропускают. Наконец догнал. Попоили раненного. Досталось кое-кому из соседей промочить губы и языки.

Ночью привели в какой-то временный лагерь за колючей проволокой под открытым небом. Здесь было самое главное – достаточно воды. Кругом горы.

На следующий день голодных погнали дальше. Проходили несколько татарских селений. По улицам, на обочинах дороги, стоят много людей: женщины, старики, дети. Смотрят с ненавистью, никто не бросил в колону даже яблока или груши, которых такое изобилие на деревьях и на земле в садах. Лежат фрукты и на улице возле заборов, но кто не выдерживал и бросался под забор, следовала автоматная очередь, пленный падал, колона двигалась дальше. Некоторые татары спрашивали:

- Татар вар (т.е. татары есть)?

А где они среди нас, когда они служат немцам. Среди нас были азербайджанцы, которых до революции называли кавказскими татарами, у них даже язык много сходится с крымскими татарами, но никто из азербайджанцев не сказал, что он татарин.

Прибыли в Бахчисарай, где лагерь за городом под могилой. Все пленные – защитники Севастополя помнят этот лагерь. Здесь началось сознательное злоумышленное уничтожение севастопольцев.

Утром давали 150 гр хлеба и кипяток, заваренный каким-то чаем, а в обед специально приготовленную для отравления баланду. Немцы захватили в Севастополе много разных консервов. Склады горели, в огне банки полопались, консервы испортились, протухли. Такие консервы доставляли в Бахчисарайский лагерь, вытряхивали содержимое банок в большие железные бочки и доливали сырой водой из речки, к тому же грязной, с глиной.

Голодные люди, которые пили эту отраву сразу заболевали дизентерией и погибали. Я здесь встретил одного пленного нашего солдата, уже не молодого (в отцы мне годился). Он был у немцев в плену еще в 1-ю мировую войну, был более опытен, чем мы молодежь. Он говорил:

- Не кушайте этой гадости. 150гр хлеба и кипяток – достаточно, чтобы выжить. А будете набрасываться на всякую отраву – погибните.

Я слыхал, что существует такая болезнь – дизентерия, но не знал, что от нее за 3 дня может погибнуть самый здоровый человек.

Слава Богу, что через несколько дней, нас погнали с Бахчисарая в Симферополь, где было, как говорили, три лагеря. Наш лагерь был на территории какого-то бывшего автохозяйства (было много смотровых ям для автомобилей). Из них сделали уборные: положили впоперек шпалы, ямы заполнили водой с хлорной известью – вот и все оборудование. Ослабевшие от дизентерии больные садятся на этих шпалах, жалобно стонут, кто-то срывается, падает в яму и...погибает. Никто его не вытаскивает. Вот еще один «пропавший без вести», никто не знает ни фамилии, ни откуда он родом.

Здесь пленных много (десятки тысяч), есть не только севастопольцы, но и с других фронтов. Кормят плохо, но не травят, как в Бахчисарае. Утром так само чай и 150 грамм хлеба, в обед 0,5 л баланды (сварена, не сырая) – вода и пол ложки гущи: целое зерно, просо, ячмень, горох и т.п. понять нельзя, без вкуса и соли.

Как я не искал, никого из своего дивизиона не нашел. Встретил кое-кого из своего Долинского района (о чем я еще напишу). В Симферополе у меня немцы отобрали шинель. Ночью начали проходить дожди, а мы под открытым небом. Днем очень жарко. Так и живем: ночью мокнем, днем сушимся. В таких условиях завелась тьма-тьмущая вшей. Не в переносном, а в прямом смысле, как говорят – они пешком ходили. Если днем во дворе

лагеря присмотреться, вшей можно увидеть на песку. Никто на это не обращал внимание.

Здесь я пробыл до конца июля, потом попал на этап. Погрузили в эшелон, поехали на Украину.

В пути следования конвоировали немцы и крымские татары. Кто-то сообщил, что нас везут в Днепропетровск, но его проехали и поезд пошел дальше. За Днепропетровском на каком-то полустанке состав загнали в тупик, поезд остановился. Начали выгружать по два вагона, погнали вдоль полотна дороги, которая вела к строениям какого-там совхоза.

Здесь для нас была приготовлена горячая пища – густая баланда (как каша). Выдавали пищу женщины – наши украинки. Но посуды не было, редко у кого был котелок или каска. Получали баланду в пилотки, а то и просто - в подол гимнастерки. Чего только не было в этом вареве: целое зерно от отходов пшеницы, ячменя, овса, проса, мелкая неочищенная картошка, но пища нам показалась очень вкусной, она была даже подсоленной.

До этого 2-е суток не давали никакой еды, воды тоже. Стояли пока покормили все вагоны.

За это время освободили вагоны от умерших в пути, здесь возле вагонов их и похоронили, убрали нечистоты. Поезд тронулся дальше. Ехали очень медленно, подолгу стояли на запасных путях, пропуская встречные поезда с немецкими солдатами, боевой техникой, ехали немцы уже свободно в Крым к морю отдыхать (с женами и детьми).

Куда едем – никто не знает. Проехали Пятихатки, Знаменку и прибыли в Кировоград. Очень долго стояли в тупике, немцы бегали возле вагонов, уходили и возвращались, что-то выясняли. Прибыло еще много немцев с собаками. Началась выгрузка пленных. Строили в плотные колоны, пересчитывали и в окружении плотного конвоя с собаками погнали к лагерю через город. Лагерь размещался на территории довоенного военгородка в центре города, возле парка Ленина.

Это был пересыльный лагерь, здесь были пленные с самых разных фронтов. Кормили плохо, но значительно лучше чем в Симферополе. Хлеба давали – круглую лепешку на 5 человек (выходило примерно по 200 грамм).

В лагере идеальная чистота, всю нашу одежду прожарили, продизенфицировали – уничтожили вшей, зато в бараках было множество клопов и блох. В обед под духовую музыку (играли пленные) получали по 0,75 л баланды и свежие огурцы.

Огурцы лежали в больших кучах: одна – крупные, другая – помельче. Подходи и бери сам один крупный или два поменьше. Недалеко стоят молодые немцы в форме (гитлерюнги) с розгами или плетками, наблюдают: если кто взял меньше или больше положенного, подбегают и порят, «воспитуют» русского Ивана.

Комендантом лагеря был офицер громадного роста, но по внешности - урод, морда жирная широкая, а голова бутылкообразная вверх суженая. Ходил по лагерю с большущей овчаркой. Взгляд страшный. Идет смотрит, все должны стоять перед ним без головных уборов, склонив головы.

Если ему не нравилась чья-то физиономия, выхватывал плеть из-за голенища сапога и порол, или травил собакой. Слава Богу, через несколько дней его не стало, говорили уехал домой в отпуск. Коменданта заменял пожилой немец из наших советских колонистов, свободно говорил по-русски, очень хороший человек. Одет был в солдатскую форму без погон.

В Кировоградском лагере, на второй день после прибытия, у нас отобрали сапоги и ботинки. Взамен дали деревянные колодки, выдолбленные из деревянных чурок, что-то похоже на «галоши». В них ходить совершенно невозможно, поэтому их не взял, ходил босиком, начинался август, было еще жарко.

Ежедневно возле лагеря собиралось много женщин, стариков, пытались узнать нет ли среди пленных родственников. Случалось находили, передавали передачи, что разрешалось (свиданий нет). Некоторых пленных водили в город на работу, но совсем мало. Большинство сидело за ограждением лагеря под зорким наблюдением пулеметов и автоматов с караульных вышек, и ожидали своей участи. О побеге с этого лагеря нельзя было даже помышлять. Немцы надолго рассчитывали хозяйствовать на Украине, поэтому собирались подготовить лагерь к зиме. Бараков было недостаточно, надо было достраивать. Кирпича в городе на разрушенных домах было достаточно, там ежедневно его выдалбливали, очищали от раствора и складывали в штабеля. Этим занимались спецбригады пленных. Доставлять кирпич в лагерь немцы додумались очень просто: ежедневно

выходили из лагеря тысяч 5 пленных, такая колона под конвоем солдат с собаками двигалась по городу к разрушенным домам, там брали кирпич (кто сколько понесет) и обратно в лагерь. Обычно брали по две штуки (под мышки). Вот за одну «ходку» 10 тысяч кирпича доставлено, к тому же принесут и аккуратно сложат где нужно.

На фото – город Кировоград во время немецкой окупации (1941 г).:

Раза два и я ходил за кирпичом, чтобы размяться и увидеть на улицах своих людей.

За время пребывания в плену (более месяца)_я разыскал уже 4 человека своих земляков из Долинского района (один из соседнего Петровского района). Создалась группа из 5 человек, которые всегда не разлучались, держались вместе, - все из защитников Севастополя. Называю всех поименно:

1. Сердюк Николай Павлович (это я) из с. Кирово, Дол. р-на
2. Хорольский Пантелей с. Братолюбовка, Долинского р-на
3. Шаповал Павел с. Гуровка, Долинского р-на
4. Шумейко Павел с. Новогригорьевка I, Долинского р-на
5. Корж Иван Наумович пос. Байрак, Петровского р-на

(пос. Байрак всего за 6-7 км от нашего с. Кирово).

Все мы были раздетые и раззутые. Я, например, тогда из обмундирования имел три вещи: хлопчатобумажные шаровары, гимнастерка (белья не было, оно было так завшивлено и гнило, что я его выбросил) и пилотка. У Пантелея Хорольского не было гимнастерки (он ее прокурил в лагере), а была только нательная рубаха, грязная и застиранная (без мыла), неизвестно какого цвета. Все ходили босиком.

Еще в Кировограде, когда у меня забрали сапоги, мне достались портянки, из которых я сшил торбу, в которую я прятал глиняный горшок, выданный каждому для получения баланды.

Еще в Севастопольском лагере я где-то раздобыл один листок бумаги из ученической тетради в клеточку и маленький огрызок химического карандаша. Это было очень нужно. На оккупированной территории гражданское население сколь могло активно помогало пленным. Рассказывали, что еще в 1994 г родственники, разыскивая своих близких в лагере, могли их забрать, немцы были тогда более гуманными да и на оккупированной территории нужна была рабочая сила и они многих освобождали. Было много случаев, что женщины на совершенно незнакомого пленного указывали, как на мужа, сына или брата и забирали его с собою. Из лагерей (если удавалось) передавали письма, записки своим родным и эта «почта» надежно проходила по рукам за сотни километров и попадала адресату. В 1942 году так просто из лагеря вырваться уже было нельзя, немцы никого не освобождали.

Половину раздобытой бумаги я использовал, написал краткое письмо домой и сумел из вагона в окно передать через железнодорожников, во время стоянки на ст. Пятихатки. К сожалению, моя записка тогда так и не дошла домой.

В Кировограде, когда нас уже собралась группа 5 человек, надо было думать и о своих товарищах. Поэтому я заготовил список всей нашей «пятерки»: фамилия, имя, отчество каждого, год рождения и домашний адрес. Эта записка всегда хранилась за отворотом пилотки, огрызок карандаша в кармашке шаровар, где был медальон. Я ждал удобного случая, чтобы надежно передать эту записку.

В Кировоградском лагере (как пересыльном) пленные долго не задерживались. Более крепких отбирали для отправки в Германию, более слабых использовали на работах поближе. Через несколько дней началась

«сортировка» и нас, прибывших из Крыма. Проходили осмотр медкомиссии. Но мы, севастопольцы, оказались настолько истощенными и доходными, что для этапа в Германию были непригодные, мы могли передохнуть в вагонах, не доехав к месту назначения. Из такой слабосиловки отобрали 450 чел для использования на сельскохозяйственных работах неподалеку от Кировограда.

Расчет лагерного начальства был прост: эти ослабевшие от голода люди поработают до глубокой осени на полях, принесут пользу, кое-кто передохнет, остальные откормятся, окрепнут и тогда их можно отправить в Германию.

Построив эту «слабосильную команду», новый комендант объявил нам, что мы поедем на сельскохозяйственные работы в Бобринецкий район Кировоградской области. Разместили нас в отдельном бараке возле самых ворот лагеря, стали ожидать транспорта (пешком к Бобринцу мы не дойдем). На второй день с утра подошли грузовые автомашины. Началась погрузка. Нас выводили за ворота группами человек 25-30, грузили на одну машину, она отъезжала, подходила следующая и т.д. По бортам на сидениях конвой, мы в кузове, стоя. Какое было удивление, когда увидели, что нас охраняют не немцы, а русские-добровольцы, донские казаки (От издателя. Прочитав правдивую историю кончины донского казачества при большевиках, этому совсем не удивляешься).

Наша группа из 5 человек держится меня, стараемся попасть вместе даже в одну автомашину. Но наш Павел Шаповал (из Гуровки) «запутался» и попал на передний грузовик, мы на следующий. Машины отъезжали от ворот, останавливались рядом одна от другой, ожидая следующей.

Возле лагеря множество людей: женщин, стариков; кричат, спрашивают, называют фамилии своих родственников. К нашему грузовику ближе подошла пожилая женщина и громко спрашивает:

- Среди Вас нет Павла Шаповала из Гуровки Долинского района?

А Павло на передней машине не слышит. Я зову громко:

- Шаповал!!! Павло!!! Вот тебя спрашивает женщина. Кто она тебе? Мать или тетка?

Это оказалась мать Павла Шаповала. Ей конвой разрешил подойти к машине, сыну – к борту, и они разговаривали довольно долго, пока погрузка

всех не закончилась. Был удобный случай передать мою записку. Я быстро извлек заготовленный список из пилотки, вытащил из торбы горшок, положил на дно горшка записку, послюнил карандаш и четким почерком написал: «Эти 5 человек направляются на с/х работы в Бобринецкий район».

Свернул записку и держу в кулаке. Колона машин начала двигаться. Мать Шаповала бежит за грузовиком, машет рукой, потом отстает и когда поравнялась с нашей машиной, я громко позвал:

- Шаповалова!!!

Женщина обратила внимание. Я кричу:

- Возьмите! Куда передать там написано!

и бросаю записку через головы конвоя. Смотрю, женщина подняла мою записку и спрятала в пазуху. Я успокоился: «почта» пошла.

Приехали в Бобринец. Здесь нас покормили, сравнительно лучше, чем в лагере, и разделили прибывших 450 человек на три равные группы по 150 человек. Каждую группу принял конвой казаков и отправили пешим ходом дальше.

Оказалось, что все мы попали в один совхоз им. Розы Люксембург, только в разные отделения. Наша группа 150 человек попала на участок (отделение) «Рот Фронт», на расстоянии 12 км от Бобринца.

Шли до самого вечера, проходили небольшие села (здесь они встречались часто), люди выносили кто что мог из продуктов: хлеб, овощи, вареную картошку, молоко, фрукты. За все время пребывания в плену первый раз наелись.

Участок совхоза «Рот Фронт» - несколько хат-бараков среди степи, в которых жили рабочие совхоза: старики, женщины, дети (всего 10-15 семей). Для нас был наскоро оборудован лагерь: большой барак длиною метров 25-30 с двумя входами, огражден колючей проволокой. Внутри было 4 больших комнаты (по две из каждого входа). С тыльной стороны этого барака разместилась наша охрана (там ограждения не было).

Окна, где размещались пленные, были густо запутаны колючей проволокой. Вход в лагерь через ворота, возле которых всегда стоял часовой. С винтовкой, на ночь ворота закрывались на замок.

После ужина, когда начинало темнеть запирались на замки и наружные двери барака. В маленьких 2-х коридорчиках стояло по одной параше – это половина железной бочки с приваренными по бокам петлями, в которые продевалась палка и 2 человека выносили утром нечистоты в специальную яму, выкопанную для этого подальше за проволочным ограждением. Бывало, что параша, наполнялась еще задолго до утра, тогда плененные настойчиво стучали в дверь, требуя среди ночи освободить парашу. Иногда ночная охрана открывала дверь и два казака сопровождали двух пленных с парашей. Но это случалось редко. Вынося парашу можно легко осуществить побег. В бараках была настлана толстым слоем солома – вот и вся постель. Спали на соломе плотно друг возле друга. Скоро завелись вшей не меньше, чем в Симферопольском лагере.

Теснота, жара, вонь от параши и человеческих тел, грязных и давно не мытых. Воду к лагерю подвозили из колодца за 2 км. Крышки на параше не было, она никогда не обмывалась и постоянно стояла в коридорчике. Ждали с нетерпением утра, чтобы выйти из барака в зону ограждения на свежий воздух.

Никогда света в бараках не было. Вокруг ограждения слабо освещалось керосиновыми фонарями. Кормили значительно лучше, чем в лагерях. Подошли свежие овощи, поэтому готовили борщ, на второе кашу с молочным отваром. Много подкармливали люди из соседних деревень – рабочие совхоза.

С первых дней пребывания в совхозе, у нас была одна работа – сапать сою, которая была в бурьянах, 230 га на 150 человек, среди которых были больные и совсем слабые. Отобрали человек 15 самых слабых. В эту группу «слабосиловки» попал и я. Мы не могли сапать рядом со всеми, поэтому шли за сапающими и срубывали сапами отдельные (пропущенные) стебли бурьяна. Такой же слабый, совсем пожилой, был и наш охранник – казак. Это было на первой неделе нашего пребывания в совхозе. Погода стояла теплая, была вторая половина августа 1942 г.

Среди нас было много из Кировоградской области. Почти ежедневно к нам приезжали родственники , которые как-то узнавали о своих близких.

Одного дня, перед обедом, мы увидели в конце поля повозку, которую тащила одна лошадь. Возле повозки шли несколько женщин, на повозке ехал мужчина. Лошадь еле переставляла ноги. Пока повозка объехала большое

поле сои, сапающие возвратились обратно. Видим, от повозки отделилась одна из женщин и быстро направилась к нам. Наша группа доходяг была сзади сапающих, поэтому женщина догнала, сначала нас. Подошла поближе и спрашивает:

- Хлопцы, среди вас нет Сердюка Николая Павловича из Долинского района.

Я ответил:

- Это я.

Женщина говорит:

- Вон, твой отец приехал.

Сняла с головы белый платочек и начала махать к подвозке, указывая, чтобы объезжали назад поле.

Для меня эта, ещё молодая женщина была совсем незнакомой, поэтому я спросил:

- А кто вы?

- Я жена Хорольського Пантелея. А где мой Пантелей?

Я ей показал:

- Вот среди тех, что сапают впереди, в нательной рубашке, тот и есть ваш Пантелей.

Она побежала к сапающим, подбежала к мужу, смотрим: обнимаются, целуются, плачут. Жена взяла у мужа сапку, сапает, а муж идёт рядом. Видим, как подвода еле ползёт в сторону поля, куда движутся сапающие пленные.

Я оставил свою сапку товарищам, а сам пошёл на край поля, где сидел агроном-немец, руководящий работами в совхозе. Это был мужчина, лет 35-40, инвалид, в форме немецкого солдата, немного говорил по-русски , видать хороший человек. Я ему объяснил, что приехал мой отец , он задумался :

- Папа, это хорошо! Иди к папе.

И я пошел к дороге. Повозка остановилась, мой отец устал с повозки и идёт ко мне. Взглянув мельком на меня, проходит мимо и направляется к сапающим, которые подходили к краю поля. Я понял, что отец меня не узнал, не узнал своего сына. Мне стало страшно и очень больно до слёз. Только когда я окликнул, отец оглянулся, он понял, что перед ним его сын. Начали горько плакать оба. Конечно, узнать меня было трудно: худой, обросший волосами, в грязном помятом обмундировании, босиком, с воспалёнными глазами.

Тогда, кроме отца, к нам приехали жены Хорольського, Коржа и Шумейко. Оказывается моя записка, которую я передал через мать Шаповала, добиралась из Кировограда в Гуровку пешком попутно она проходила через с.Братолюбовку , там она отыскала жену Хорольського и отдала ей записку. Та, прочитав записку помчалась пешком к нам в с. Кирово. На окраине села встретила кого-то из наших односельчан и спросила:

- Вы не знаете, где здесь живут родители или другие родственники Сердюка Николая Павловича 1922 г. рождения?

Меня и моего отца знали в «штапу» все, а мой отец с дочкой Шурой (моей сестрой) в это время копали глину для помазки здесь же, на окраине села, возле карьера стояла их тачка. Жена Хорольського объяснила:

- Вон стоит тачка, это отец Николая Сердюка с его сестрой берут глину.

Так Хорольськая, ещё не войдя в село, встретилась с моим отцом и сестрой. Передала записку. Шура когда увидела, закричала:

- Тату, это же Колин почерк

В тот же день сестра Шура смоталась пешком на поселок Байрики и сообщила родственникам Ивана Коржа, где в плену он находится. Так что по одной моей записке четыре семьи узнали о своих родных.

Первую поездку к нам в Бобринецкий совхоз организовал мой отец; он попросил в колхозе лошадь (старого, слабого и слепого на один глаз коня) и повозку взял жену Коржа, заехали в Братолюбовку , забрали жену Хорольського и поехали дальше.

Надо было забрать и жену Шумейка в Новогригорьевке I , которая ещё ничего не знала. Для этого надо было км. на 20 сделать круг правее, но с этим не считались. Заехали и забрали.

Вот такие были люди дружные в тех трудных условиях, добрые и милосердные, старались со всех сил помогать друг другу.

Приехали сразу четыре семьи, привезли нам передачи, кое-что из продуктов, чтобы покормить отощавших и ослабевших. Мой отец был ещё более дальновидным; привёз мне домашнюю одежду: две рубашки и двое брюк, старенькие галоши и рваную фуфайку.

Я переоделся. Военные гимнастерку, шаровары и пилотку, массово заселенные вшами, я передал домой. Теперь у меня вместо белья были черные Х/б брюки и рубашка, а сверху домотканые рубашка и брюки из покрашенного бузиной холста. После обеда нас 4х на работу не погнали, оставили с гостями такие «льготы» давали всем, к которым приезжали родные, если те привозили самогон и угощали козаков-охранников.

Вечером нас загнали в барак под замок, а наши родственники ночевали по квартирам рабочих совхоза.

Утром следующего дня наши уехали, а нас погнали на работу. Все как-будто шло к лучшему, но... не для меня. То, чего я боялся, случилось. Я заболел дизентерией. Если до приезда отца я ещё кое-как ходил на работу в слабосильной команде, то теперь совсем слег. Кушать ничего не хотелось, а если скушать, то все из меня выходило целым. Днём выползал из барака, грелся на солнышке и снова уползал в барак на солому. Боли в животе ужасны, голова кружится, в горле пересыхает. В лагере был фельдшер из военнопленных, но у него никаких медикаментов не было. Больных в лагере не держали. Если из Кировограда приезжала автомашина, больных выбрасывали, как дрова, в кузов и увозили на гибель в Кировоградский лагерь.

Уезжая, отец обещал через несколько дней, снова навестить меня и дней через 4 пришёл пешком. А я лежу в бараке и уже не могу к нему выползти. Отца пустили ко мне. Он помог мне выбраться на солнце. Сидели под стенкою барака, а мне даже говорить тяжело. Отец плачет и не знает, что же делать?

Потом пошел, поговорил с фельдшером, но тот был бессильный помочь мне.

Разговаривал со старушками, которые жили рядом и одна женщина посоветовала поить меня отваром дубовой коры. А где же ее взять? Здесь на степи растет одна акация. Тогда отец пошел по ближайших селах и поселках. Было тепло, и я весь день лежал под бараком. Через проволку мне видно к баракам-квартирам рабочих. К вечеру пришел отец и принес в мешке дубовую чурку. Смотрю, пошел, принес топор и начал снимать кору. Бабка, в которой остановился отец, в тот же вечер сварила кору и мне на ночь отец принес большую бутылку отвара. Этот чай был очень горький, пить противно, но надо было как-то спасаться.

Во рту и горле сохло, всегда хотелось пить, поэтому я за ночь выпил всю бутылку и сразу почувствовал лучше. Прекратились боли в животе, перестал я ползать к параше, впервые за много дней спокойно уснул.

Утром всех отправили на работу, ко мне пропустили отца. Когда я сообщил ему, что мне стала легче, отец обрадовался, появилась надежда, что я выживу. В тот же день отец ушел домой, пообещав, что в скорости меня навестит Шура. К вечеру мне захотелось кушать. Бабка, которая меня поила отваром и в которой хранились привезенные для нашей «четверки» продукты принесла мне немного сухарей, которые я, размачивая в этом горьком «чае», поел с волчьим аппетитом. Ночь прошла благополучно, боли совсем прекратились. На следующий день мне захотелось картошки-пюре. Я попросил бабку, и она мне приготовила, но пока без жиру, только немножко присолила, а через день я пошел на работу (так мне посоветовал фельдшер), чтобы не дай Бог не застала меня лежащего автомашина, которая в любое время могла прийти с Кировоградского лагеря. Постепенно всё наладилось, я начал кушать и быстро поправляться. Сестра Шура приехала через неделю после ухода отца. Она приехала вместе с семьей Коржа. К нему приехала жена с 3я детьми (один ребёнок родился без него, когда он ушел по мобилизации на фронт), отец, тесть. Привезли нам побольше продуктов, оставили у той же бабки, которая нам ежедневно готовила хороший ужин. Все время работали мы на сое, высапали ее два раза. В сентябре часть пленных начали брать на обмолот хлеба, на уборку картошки, на другие работы. На сое осталось, примерно 100 человек. Убирали сою вручную. 230 га надо было вырвать руками, на каждого пришлось более двух гектар. Когда всю вырвали и сложили в копны (копці) и не как-нибудь, а «по шнуру»

(немцы любят порядок), приехал на бричке директор совхоза, немец лет 50. И с ним молодая, красивая женщина (наша русская), говорили, что это жена гл. инспектора Кировоградского Завода «Красная Звезда». «Хозяину» понравилась наша работа, и он решил нас «отблагодарить». К обеду он та той же бричке (тачанке) привез нам «премии» за наши кровяные пузыри и язвы на все ладони. Нас построили, подвели к тачанке и немец каждому выдавал по 3 сигареты, а его «жена» по 3 яблока (из сада совхоза).

Осталось свезти сою в скирды и обмолотить. К этому времени ко мне приехал брат Григорий и привез маму. Приехали вдвоем на двуколке (в нас её называют бодка). Брат привез с собой достаточно самогона, чтобы угостить охранников-казаков, и они были добрее. Охрана была довольна и мне разрешили ночевать не в бараке на соломе, а вместе с братом и матерью на квартире, где они остановились. На это время я уже достаточно окреп и твёрдо решил бежать. Брат предложил просто уехать втроем ночью на двуколке. Но я на это не согласился. Нельзя было подводить товарищей. Если бы я так поступил, то казаки усилили бы режим и больше никого не пускали бы к родственникам, что так часто навещали своих.

Я сказал брату и маме:

- Больше ко мне не приезжайте, скоро самое больше через неделю, дней через 10 я буду дома.

Мама, конечно, начала плакать, волноваться, говорить:

- Если тебя поймают и убьют – я не выдержу.

Но я как мог, успокоил её и убедил, что это единственный выход избавиться от неволи. Иначе к зиме нас отсюда заберут, отправят в Кировоград, оттуда даже думать о побеге нельзя и я окажусь в Германии. А там ... верная гибель.

Утром, уезжая, мать со слезами меня перекрестила, расцеловала и сказала:

- Прощай, сынок. Пусть тебе Бог помогает.

Со своими товарищами – земляками мы говорили о побеге и до этого, но я был очень слаб. Думали бежать все вместе – все четыре человека, но это было опасно – слишком заметно. Ведь наш лагерь маленький не то, что на

десятки тысяч человек, где отсутствия нескольких человек нельзя заметить. Решили бежать, кому, когда удастся.

Начали свозить и скирдовать сою. Ее свозили со всего 230га поля в одно место и складывали в несколько скирд. Возчиками на возах были мужики из рабочих совхоза. Женщины из совхоза подгребали, чтобы ни единый колосок не пропал, а нагружали вилами на арбы мы - пленные.

Все мои товарищи были старше по возрасту, имели опыт ложить скирды, поэтому все. Хорольський, Шумейко и Корж попали в скирдоправы. Лучшего момента бежать может не представиться, чем на погрузке сои на арбы, когда все почти пленные рассыпаны на большом поле, где можно во время краткого обеденного перерыва укрыться в копне сои и остаться незамеченным. Я начал усиленно обдумывать план побега. Каждый день пытался попасть накидывать на арбу, который охранял тот самый охранник. Так я уже дней 3 попадал под присмотр того самого старика-казака, который охранял нашу слабосильную группу, когда мы сапали сою с первых дней работы в совхозе. Изучил все повадки охранника. По утрам было прохладно, а ближе к обеду солнышко пригревало, охранник снимал мундир и нательную рубашку, садился спиной к солнцу и долго искал в рубашке вшей, которых в охранников было не на много меньше, чем у нас. Его винтовка лежала рядом. Иногда он разбирал, затворы и занимался чисткой оружия.

К каждой арбе посылали по два пленных. Охранник смотрел за двумя арбами, т.е. охранял 4-х пленных. Мы вдвоем нагружали одну и ту самую арбу, пока возчик отвозил подводу к скирде и разгружал, мы отдыхали. Работа была совсем лёгкой, а мы с кровяными ладонями не могли вдвоем быстро погружать на две арбы. Сою надо было побыстрее сложить в скирды, подходила осень, могли начаться дожди. Собрали подводы лошадей из всего совхоза и бросили на сою. За каждой арбой подгребали две женщины из рабочих совхоза. Работа была организована хорошо, поле быстро очищалось от сои.

К ускорению моего побега помог ещё интересный случай: один из пленных среди нас оказался мужчина из соседнего с Долинским-Устиновского района. К нему на свидания ездила жена. Она договорилась с охраной нашего лагеря (конечно за самогон) как освободить мужа. Для этого надо было мужа обменять на кого-нибудь другого. И это удалось осуществить. В том селе, где жила жена пленного мужа, временно жил в одной молодицы моряк, который

бежал из плена раньше (возможно еще в 1941 году). Жена сумела договориться с местной полицией, чтобы этого моряка «обменять» на ее мужа. Так и сделали. Ночью полицаи ворвались на квартиру, где жил моряк, связали его и на подводе привезли в наш лагерь. «Обмен» штуку на штуку состоялся.

Случались иногда в нашем лагере побеги, но в наших охранников всегда «цифра сходилась», они умели договариваться с полицаями недалеких сел , ловили чужих мужчин, бывших пленных, которые жили по селах, и пополняли количество пленных в нашем лагере. Так было и с этим моряком.

Мы поднялись рано, пошли на завтрак и увидели среди нас крепкого молодого парня в полной матросской форме. Среди нас, возможно, были моряки, но переодетые, а этот появился неожиданно и все удивились. Где он здесь взялся? Он ходил мрачным, ни с кем не разговаривал, боялись и мы с ним общаться (а вдруг подосланный). Матрос пошёл с нами на работу. И случилось так, что он второй день попадал со мною напарником нагружать соей одну арбу. Первый день работали, молча, осторожничали, не доверяя друг другу. На второй день он первый спросил:

- Ты давно здесь, в совхозе? – я ответил, что уже два месяца.

- А откуда ты? – спросил матрос.

- С Долинского района.

- Дак это же недалеко. Почему до сих пор не сбежал?

Так мы разговорились, и моряк поведал мне подробности, как он оказался здесь. Мы договорились бежать в этот день во время обеда. Женщины, работающие с нами слышали наш разговор, начали ахать да охать, бояться, что поднимется стрельба и нас перебьют охранники. Времени обсудить все детали у нас было достаточно, нагруженная арба часто отъезжала, и мы были свободны.

План побега предложил я. Время подходило к обеду. Через все огромное соевое поле проходила неглубокая балка, где дождями соя была вымыта и мы, сапая поле, балку проходили, не трогая буряка. Так вдоль всей балки выросли буряки высотой выше метра. К обеду наша арба приближалась к балке. Немцы придерживались точности; если обед, значит, арба оставалась там, где её застал обед, ехать к скирде, как бы это не было близко, возчик не

имел права. Он должен немедленно впрячь лошадей и уехать верхом на участок их кормить, пленные должны идти к скирдам обедать.

Я предложил грузить, последнюю к обеду, арбу не спеша, чтобы ее обед застал точно в балке, где она должна остаться. В буряке нам затеряться было легче, чем на открытом поле. Наш старикашка-охранник увлечен своими вшами. Вот-вот появится над скирдой поднятая на вилах тряпка-сигнал на обед. Своих женщин мы отправили на обед раньше (они ходили в посёлок). Когда остановились в балке, мы с моряком быстро освободили упряжку, возчик прыгнул из арбы на одного из коней и лошади умчались прочь. Арба, полностью нагруженная, стояла на балке. На скирдах появился сигнал на обед. Мы скрыты от охранника арбой и густым буряком. Осторожно наблюдаем и видим, что наш охранник с винтовкой на плече уже далеко от нас пошел к скирде (он тоже кушать хочет). Я пополз к тому месту, где лежала моя телогрейка и галоши, забрал только дневную пайку горького ячменного хлеба и острый кривой садовый нож, привезенный мне из дому отцом. Когда я возвратился к арбе, моего морячка не было, он как сквозь землю провалился. Так я его больше не видел, не знаю ни его имени, ни фамилии. Вероятно, он не решился днём бежать, слишком видна была на расстоянии его матросская одежда и он где-то зарылся в копку сои или лежал в буряке до вечера . среди нас тоже было много переодетых (одежду привозили родственники, приносили из дому работницы совхоза). Это не нравилось ни охране, ни немцам, переодетые пленные могли легче совершить побег. Старшим над всеми казаками, охранявшими пленных на всех 3х отделениях совхоза был совсем молодой немецкий унтер-офицер.

Он и придумал (или получил указание свыше) сделать на одежде пленных «знаки различия».

Привезли банку красной краски и начали метить каждого из нас крестами: крест на спине и другой крест – на заднице, независимо кто, во что был одет: в советскую или красноармейскую форму или в гражданское одеяние. Мне тоже «нарисовали» два креста на моей верхней (домотканой) одежде.

Не обнаружив возле арбы моряка, я пополз по бурьяну вдоль балки подальше от скирд сои.

Балка вела к лесопосадке, на которой еще было листья на акации, где можно было спрятаться.

Когда расстояние до скирд было далеко, я встал во весь рост и пошел к посадке по направлению к поселку. На таком расстоянии моих «крестов» от скирд заметить было невозможно, и если меня увидят, то не смогут определить, кто пошел: военнопленный или кто-нибудь из местных жителей. Вышел на дорогу, я пошел вдоль посадки, где недалеко справа был поселок, слева на возвышенности – наш лагерь. Четко видно, как на солнце отдыхают охранники ночного наряда, охраняющего лагерь. В балке рядом с поселком колодец с журавлем, откуда брали воду жители поселка и подвозили воду для лагеря. Когда я был совсем рядом возле колодца, не заметил, как подошла с ведрами и коромыслом совсем молодая девушка из поселка. Она заметила меня, но начала вытаскивать воду. Я спокойно подошел к колодцу и заговорил:

- Здравствуйте. Можно водички попить?

Я немного переволновался, и мне действительно хотелось пить. Девушка ответила и сказала: - Пейте.

Я наклонился к ведру, пью и одним глазом наблюдаю за девушкой, которая внимательно смотрит на мои «кресты». А потом говорит:

- Дядя, вы, наверное, с плена сбежали? Вы откуда?

– и показывает глазами в сторону лагеря.

Мне стало так больно, что я еле сдержал слезы. Девушка назвала меня «дядя», а мне-то всего … 20 лет. Но моего волнения она не заметила и сказала:

- Вы меня не бойтесь. Вы, наверное, кушать хотите, то я сейчас вам что-нибудь принесу.

Я ей говорю:

- Спасибо. Мне ничего не надо. Иди домой и помни: ты меня не видела, а я тебя.

Она понесла воду, а я сидел на срубе колодца и наблюдал, как девушка еще несколько раз оглянулась, пока не скрылась за посадкой. Устав с колодца, я рядом, метров за 20, выбрал погуще кусты акации и там прилег. Хотя осенние дни были не такие длинные (был октябрь), но до вечера ждать показалось очень долго. Времени было предостаточно. Я облюбовал молодой отросток акации и решил заготовить себе «пропуск» - хорошую увесистую палку. Лежа, ножом и руками обкапывал землю вокруг корня акации, обрезал мелкие корешки, расшатывал и дальше углублялся вокруг корня.

Наконец, выкорчевал. Аккуратно обрезал ветки, и в меня получился тяжелый дрын с «булавой» на одном конце. Захотелось кушать. Я съел

прихваченную с собой пайку ячневого хлеба, захотелось пить, но вылазить из кустов к колодцу не решился.

Погода была ясная. Наконец солнце спустилось к закату. На фоне заходящего солнца мне через ветки хорошо видно. Вот движется плотная колонна из соевого поля – это наших ведут с работы. Прошла небольшая группа пленных (тоже из наших), работающая на уборке картошки, возле колодца, рядом с моим укрытием повернули к лагерю.

Пора и мне уходить. Снимаю верхнюю одежду «с крестами» и оставляю в посадке. Темнеет. Но иду пока не по дороге, а вдоль противоположной стороны посадки. Все тихо, спокойно. Никого не ищут, никакой тревоги. Стало совсем темно, выхожу на дорогу, добавляю шаг. В меня за подкладкой фуражки есть «документ» - брат дал мне квитанцию, по которой ему обещали уплатить деньги за забратую немцами телку, а также на листе бумаги начерчена схема маршрута до Долинской.

Прошел километров 15-20, повернул влево, иду дальше полевой дорогой. Вдруг залаяла собака, я подошел к току среди степи. Никаких построек. Сторож – старик окликнул. Я подошел. Попил воды и расспросил дорогу. Оказывается, я иду правильно. Скоро будет профилировка – главная (хотя грунтовая) дорога, повернуть вправо, и она доведет до самой Долинской. Вот и эта дорога. Идти по профилировке труднее, мелкие сухие и очень твердые грудочки колют больно мои босые ноги. Подхожу к деревне, определяю по чертежу, что это Ворошиловка. Ставок. Плотина (гребля). В деревню не захожу, иду дальше. Ночь очень длинная, и я чувствую, что прошел много, где-то километров 40-50. Очень устал. С полуночи подсвечивает месяц (луна). Вижу, слева от дороги скирда совсем рядом. Подхожу. Сено. Зарываюсь, моментально уснул. Долго спать нельзя (сплю по-заячьи). Просыпаюсь, вижу, на востоке светлеет. Выхожу на профилировку. Боже мой! Как только болят мои ноги, особенно подбитые подошвы. Сначала иду, хромая, но постепенно разминаюсь, иду лучше.

Стало совсем светло. Вот-вот взойдет солнце. Навстречу едет мужчина коровой, запряженной в повозку, сзади от повозки, метров за 100, идут две женщины. С мужиком я разошелся без внимания, а к женщинам поздоровался и спросил:

- Я правильно иду на Долинскую?

Одна говорит: - Правильно. Вон видно Долинский элеватор (на востоке было видно здание полуразрушенного элеватора). – А ты, наверное, с плена сбежал? Отвечаю: - Да нет, не сбежал, а пробую бежать, как оно получится.

- Да ты же, сердешный, наверное, голодный, а при нас ничего нет. Возьми вот хотя гарбузовые семечки (семечки тыквы). Вот впереди поехала наша подвода, там мы нашли бы что-нибудь. Но я возвращаться не захотел. Еще они меня предупредили, чтобы был в Долинской осторожным на переезде, вчера в них там проверяли немцы документы. Ночевали они в Маловодяной – деревне в 1,5 км от Долинской. Я поблагодарил им и пошел. Переезд для меня ни к чему. Я не еду подводой, могу свободно переезд обойти.

Захожу в Маловодяно. Уже светит солнце, погода хорошая. Люди выгоняют коров на пастбище. Иду по селу свободно, скоро и Долинская. И вдруг … из переулка рядом со мною выходит полицай – немолодой мужчина, на плече винтовка, на рукаве повязка. Это меня ошарашило. Что же делать? Как поступить? Как будто током ударило в голову.

Мысль работает молниеносно. Что может мгновенно придумать человек в таких экстремальных случаях. Решаю: если полицай меня остановит – я погиб. Надо мне самому начать с ним разговор. Полицай себе идет, не смотрит по сторонам, возможно, он меня бы и не заметил, но я громко зову: - Пан полицай! Пан полицай!

Он остановился. Я подхожу ближе, снимаю фуражку, низко кланяюсь и говорю:

- Доброе утро, пан полицай! Вы здесь в своем селе наблюдаете за порядком. Вы не видели ночью, никто через ваше село не ехал белыми быками?

- А что случилось? – спрашивает полицай.

- Да мы из совхоза «Реконструктор» (есть и сейчас такой далеко с противоположной стороны Долинской) ездили в мельницу в Бобринец, возвращались обратно, ночевали в Ворошиловке, и кто-то обменял моих быков, забрал больших белых, а оставил красных маленьких. След указывает сюда, на Долинскую. –О том, что в Бобринце при немцах работала мельница, я знал.

Полицай, подумав, сказал:

- Ты не волнуйся. Если он, сукин сын, поехал на Долинскую, то кроме переезда он нигде через железную дорогу подводой не переедет. Ты иди к переезду и там спросишь. А я ночью не дежурил, только сейчас утром заступил на пост и вот, иду домой завтракать.

Я поблагодарил, пошел дальше. За Маловодяно шли подводы на Долинскую, я пристроился к задней и пошагал прямо к переезду.

Только прошел переезд, взглянул влево и не на шутку испугался. Под зданием сидело человек 20 мужчин и все с белыми повязками на рукавах. Я подумал, что это полицаи, поэтому подошел, поздоровался и снова пересказал им легенду о белых быках. Но это оказались (я сразу понял) не полицаи, а рабочие – железнодорожники, которые также имели белые повязки, но совсем с другими надписями.

Они меня направили идти к бизеру, где стоянка гужтранспорта и там спросить. Ворвавшись в Долинскую, я уже никого не боялся, у меня была квитанция, дана мне братом, и я любому мог объяснить, что пришел получать деньги за телку.Был соблазн походить и посмотреть Долинскую – наш райцентр, которая вот уже больше года была под оккупацией, но болели горько мои ноги, поэтому я направился на восточную окраину возле мостика, где всегда до войны собирались люди, с надеждой подъехать на попутном транспорте. Надеялся и я с кем-нибудь подъехать часть пути, ибо к дому оставалось еще более 30 км. Иду и на улице вижу точильщика, который за плату (кто что даст) точит ножи, ножницы. Он как раз точил одной женщине ножницы. Больше никого не было. Я тоже решил подточить свой садовой нож. Слышу, сзади кто-то подошел, оглядываюсь и вижу – остановился немецкий солдат, держит очень красивый карманный нож. Я отступаю в сторону, даю ему первому поточить нож, но он машет рукой и говорит:

- Найн! Найн! Битте! – и жестами показывает, что очередь моя, а не его.

Поточив нож и уплатив украинскими карбованцами (были на Украине при немцах такие деньги), которых немного дал мне брат при встрече, я направился к мостику. Там сидела совсем молоденькая женщина или девушка. Разговорились.

Она, оказалось, из соседнего села Гуровки и ожидает подъехать домой. Сообщила, что скоро подойдут сюда две подводы порожняком, и она поедет.

Я объяснил, откуда я, приезжал в Долинскую, надеясь получить деньги за телку, но сказали прийти позже.

Она приезжала в Долинскую к мужу, которого арестовали немцы, привозила передачу. Я подумал, что ее муж – это друг по несчастью, спросил:

- А за что арестовали вашего мужа?

- Он был полицаем, охранял военнопленных на дороге в Гуровке. Часть пленных сбежали, а ее муж поехал их искать, где-то две недели пропьянствовал, никого не нашел и возвратился ни с чем.

Вот за это его арестовали (при немцах с 1941 по 1943 год пленные и молодежь из окружающих сел строили дорогу Кировоград – Кривой Рог).

Женщина решила подкрепиться, вытянула из сумки пирожки и какие-то коржики, предложила и мне.

Я, поблагодарив, отказался. Не можете представить, что это мне стоило. Она кушает, а в меня от голода слюна заполнила рот и горло, начало тошнить.

Все-таки она мне всунула в руку два маленькие коржики, я их проглотил, как пилюли, кушать захотелось еще сильней. Вот и подъехали две подводы на лошадях. Меня пообещали подвезти до Александровки (это км 12 от Долинской), а дальше они поворачивают в сторону. Помогаю дядькам распрягать лошадей, которых поставили кормить. Возчики устроились на одной с повод, расположились завтракать. Чего в них только не было: домашний хлеб, сало, красные помидоры, арбузы, дыни. Пьют самогон, кушают, разговаривают. А я сижу под возом, никто меня не приглашает, голодный и до предела уставший. Какое плачевное положение было в меня в этот момент, но попросить покушать мне было стыдно.

Завтрак подходил к концу, дядьки закурили, и в это время увидели - недалеко проходил молодой мужчина в советской военной форме, шел куда-то на работу.

Его позвали и, как он не отказывался, дали ему кусок хлеба и целый арбуз, еще что-то. Он поблагодарил и пошел. А я сижу под подводой и думаю: Эх, дядьки, дядьки. Если бы вы знали, кто сидит у вас под возом!!!

Попоили лошадей, запрягли и поехали. Я сел в глубокую подводу один, хотя здесь было более жестко ехать. Рассчитал, если по пути встретится какая-то подвода, я прилягу на дно ящика (боялся встречи с людьми своего села, кто бы мог меня узнать). В свое село надо было прибыть ночью, чтобы никто меня не видел. Приехали в Александровку, я спрыгнул с подводы, поблагодарил, и подводы поехали. Опустился под мост, где протекала чистая вода, помыл ноги, посидел на солнце и помаленьку пошел дальше по направлению леса, до которого км 8, прошел еще км 3. Дальше лес кончается, а выходить в поле опасно, скоро начнутся поля нашего колхоза, и можно напороться на своих односельчан. А время еще к полудню. В лесу почти все деревья были голые. Нашел кусты с желтыми листьями, устроился на сухой лиственной подстилке, лежал, ворочался, но заснуть не мог. А солнце на небе как будто кто гвоздем приколотил. Жрать хочется ужасно. Нашел несколько желудей из дуба. Начал жевать. Горько и противно. Так и

мучился дотемна. Вышел из лесу и по дороге, параллельно посадке, пошел дальше уже по родным полям. Пересек дорогу Кировоград – Кривой Рог и направился на полевой стан 2-й бригады нашего колхоза. Здесь хата, сараи, колодец. Совсем темно. На дворе возле ясел кушают и фыркают лошади, в хате слышно – разговаривают мужчины. Подошел к колодцу, прополоскал во рту и пошел дальше.

До села осталось 5 км. Решил домой не идти. Возле хаты отца совсем рядом (через один дом) нежелательные для меня соседи – полицейский участок (школьные здания заняли немецкий комендант и полиция).

Надо было пробираться к хате брата Григория. Прямо с поля и во двор брата. Прислушался: везде темно и тихо. Было где-то часов 10 вечера, но нигде по хатах света не было. Легонько постучал в окно. Тихо. Потом в дверь. Слышу, внутри открылась дверь в коридор, и Мария – жена брата спросила: - Кто там?

Я назвался. Она узнала меня по голосу и отворила, говорит: - Побыстрее заходи.

Но я отказался. Говорю: - Как же я буду идти к вам в хату, когда в меня полно вшей?

Договорились, что я побуду в сарае возле коровы, пока Мария подогреет воду, чтобы я помылся. Принесла мне в сарай покушать, и пока грелась вода, я немного подкрепился. Мария принесла мне теплую воду, корыто, чистое белье брата. Мои «три вещи»: штаны, рубашку и фуражку вынесла и запрятала во дворе.

Только теперь я зашел в хату. Начал уже основательно ужинать. Мария говорит:

- Слава Богу, что благополучно добрался. Надо же сообщить вашим (отцу, маме, Шуре). Давай я сейчас схожу, а то там мама совсем извелась, плачет целыми днями, считает, что тебя убили.

Но я не разрешил. Ночью идти, где рядом полиция, было небезопасно. О моем возвращении наша семья узнала утром. Брата не было дома, дежурил возле лошадей.

Дома на оккупированной территории (осень 1942 г – весна 1944 г)

Первый день по прибытии домой я просидел в отдельной комнатке в хате брата. Было воскресенье. Недалеко было свадьба. По улице ходило много людей, молодежи. Песни, веселье. Все это я наблюдал в окно. Меня

навестили отец, мать, сестра Шура. Побрился, меня постригли, принесли из дому верхнюю одежду.

Вечером огородами добрался в родную хату, переночевал и еще до рассвета ушел из дома. Надо было быть осторожным, не выходить на люди, скрываться.

Не так далеко от дома Бобринецкий совхоз, охрана, обнаружив побег, свободно могла приехать на лошадях меня искать. Так я почти месяц дома не жил, ходил по родственникам, которые жили в ближайших селах, где близко не было ни полицаев, ни немцев. Становилось холодно. Возле нас рядом жил писарь сельской управы Вова Петр Константинович, который до войны был секретарем сельсовета. У него была большая семья, и мы часто помогали этой семье – давали молоко для детей. Отец переговорил с писарем, сознался ему, что сын пришел с плена, но никаких документов не имеет. Как ему быть?

Оказалось, никаких бумажек не надо, в селе без документов жили многие бывшие военнопленные, сбежавшие с лагерей, люди с разных краев, разных национальностей. В нас лесов не было, в обширных степных районах партизанщины не было, и немцы вели себя спокойно. Насильственно в Германию пока не угоняли. Так я начал жить на оккупированной территории, выходил на улицу, бывал среди молодежи.

Ребят в селе было много; некоторые пришли с плена, подросли допризывники, многие приехали с городов, спасаясь от голода. Все работали в колхозе, на строительстве дороги. Возле меня по соседству оказались новые товарищи примерно моего возраста – все из прибывших: Василий Бронько (их вся семья приехала из Кривого Рога, построили даже маленькую хатенку), Юзик (Ефим) – племянник нашего соседа (прибыл из Кривого Рога), племянник прибывшего священника – Иван (из Полтавской области). Все хлопцы городские, смелые, надежные товарищи. Недалеко жили ряд местных ребят, среди них, самый привязанный ко мне. Анатолий Смаглюк – сын моей учительницы Надежды Федоровны, муж которой был репрессированный в 1937 году (я об этом уже писал).

Анатолий был моложе меня года на 3-4, поэтому он старался держаться меня, как старшего, более опытного, испытавшего трудности (война, фронт, плен). Мы часто с ним вместе ночевали (или у нас или у них), говорили напролет целыми ночами.

Я долго нигде не работал, болел. В меня по всей спине и заднице открылись язвы от множества чирей после Симферопольского лагеря, где мы

каждую почти ночь мокли и валялись на сырой земле. Помощь мне оказывал наш сельский довоенный фельдшер Федор Мартынович Афанасьев, который сумел при немцах сохранить медпункт. Лечили меня и народными методами. Только весною 1943 года я пошел в колхоз на работу. Работали в поле на быках, обрабатывали пар, бороновали пашню под посев.

Одежду носили домотканую, грубую, она растирала при ходьбе мои язвы до крови. Если работаешь подальше от дороги, где работали девушки и женщины, снимаешь штаны и голый ходишь за быками. И плачевно и смешно, но работать было надо, а то с начала 1943 года молодежь начали угонять в Германию.

Девушками я не увлекался, хотя их было предостаточно в селе. Тогда при немцах было массовым явлением жениться и выходить замуж (говорили, что семейных не будут брать в Германию). Очень много переженились совсем юные хлопцы и девчата. Венчание в церкви было обязательным. Мне очень хотелось посмотреть церковный обряд бракосочетания. Я никогда не видел венчания. Попросил сестру Шуру узнать и сообщить мне, когда будут венчаться.

Фотография сделанная немцами во время окупации:

В воскресенье в самом конце 1942 года ко мне пришел Иван – племянник священника и предложил пойти с ним в церковь, будет венчание (Ивану каждое воскресенье надо было идти в церковь, чтобы дядя не ругал). От сестры я узнал, что будет венчаться Милка (Людмила) Васильченко из с. Баштино за 7 км от нашего села. Милку я знал, она до войны училась в нашей школе, поэтому согласился идти в церковь.

Возле церкви несколько подвод, лошади и повозки, украшенные лентами и цветами. Много молодежи. Мы с Иваном направились до одной из молодежных групп, где ребята и девчата окружили жениха и невесту.

Я пробираюсь в круг с желанием приветствовать и поздравить Милку Васильченко, которая меня хорошо знала, хотя была года на два моложе.

Но то, что я увидел, меня шокировало.

Передо мною в облачении невесты не Милка, а … Юля – моя первая школьная любовь. Когда я учился в 10 классе, Юля была в 8-м. Мы с ней встречались еще и на второй год, когда я уже работал в школе, а она училась в 9 классе. Перед войной в нас «роман» не получился, ранние увлечения прошли, все как будто позабылось, и вдруг … такая встреча. Она ошарашила нас обоих, поэтому увидев друг друга, мы обое покраснели и попали в неудобное положение, ибо многие из молодежи знали о прошлых наших отношениях.

Надо было выпутываться. Я произнес:

- Здравствуйте! Поздравляю! А я думал, что это Мила.

Оказалось, что Милка тоже была рядом, окружена другой компанией. Я взял Ивана за руку и быстро вытащил его из толпы. Иван заметил неладное и спросил: - Что с тобою? Ты красный как рак. Я ему объяснил причину, ибо он до войны здесь не жил и ничего не знал. Венчание еще не начиналось, обе пары ожидали окончания воскресного церковного богослужения, после которого будет венчание. Я не стал искать Милку, мы с Иваном зашли на краткое время в церковь, чтобы Ивана увидел дядя, и пошли ко мне домой. Так я в этот раз и не видел церковного обряда бракосочетания, не захотел, чтобы на меня все глазели, когда будет венчаться моя бывшая любовь. Обе эти девчонки были из Баштино, там за своих парней они и выходили замуж.

Поглядеть, как проходит обряд венчания, я ходил позже и видел это торжество неоднократно.

Фотография сделанная немцами во время оккупации:

Как-то получалось, что мы с Анатолием Смаглюком всю весну работали вместе на быках. Бригадиром был дядько Омелько (Емельян Емельянович Момот), он был добрый мужик, но матерился всегда, не обращая внимания, что рядом женщины, дети. Его жена Федора говорила:

- Коли мене Омелько матюкав, то неначе называв меня по отчеству.

За непослушание или не так сделанную работу он мог «покупать» любого матерщиной (голос имел громоподобный). Самым страшным наказанием в него было:

- Завтра пойдешь работать на Раимах!!!

Были такие старые быки Алим и Раим (вместе их называли Раимы) – сильные лодыри, никакой кнут не мог прибавить им шагу. Если на других быках, культивируя пар, можно было обойти «зачінку» (занятой кусок поля) раз 5 до обеда и сколько же после обеда, то на Раимах два раза за весь день. Они могут идти, остановиться среди поля, и оба лечь и будут лежать, сколько им захочется. Самые умные быки была пара, называемая вместе Левки (белый Левко и черный Ворон), на них работать было одно удовольствие. Они сами могли доходить до конца поля, сами делали поворот, заводили пунар (культиватор) в борозду и шли обратно. Ожидаешь их среди поля, они подходят, останавливаются и протягивают морды, ожидая угощения (надо было дать им по охапке свежей, вкусной травы или по кусочку хлеба).

Подошла жатва. Анатолий остался на быках, а меня, как старшего, дядя Омелько направил на конную косилку скидальщиком. Это одна с самых тяжелых работ, здесь надо было иметь силу и опыт, чтобы на площадке вилами набирать равномерное количество скошенных стеблей и сбрасывать потом их до долу. Снопы должны все быть одинаковые, а то женщины и девчата – вязальщицы будут ругать (особенно если сноп окажется толстый и тяжелый).

Фотография сделанная немцами во время оккупации:

Косилку тянула пара хороших лошадей, один погоняет, управляет лошадьми, другой скидывает снопы (по очереди). Косилка называлась очень образно – «лобогрейка» (действительно, на заднем сидении лоб не просыхал, и пока обойдешь поле вокруг, рубаху можно выкручивать).

Здесь меня свалил приступ аппендицита. Я корчусь на снопах, а подъехавший староста (был такой Иван Саустианович Терещенко) начал ругать и материться, посчитал, что я симулирую болезнь. Потом поверил, и

меня заменили другим мужиком. Часа через два подъехала «скорая помощь» - арба на быках, нагруженная снопами конопли, меня уложили и повезли домой. В меня разболелась голова (тогда еще не знали, что запах конопли есть наркотик). На дом попросили фельдшера, пришел Федор Мартынович и оказал мне помощь.

Приступ благополучно прошел. Это уже был второй приступ (первый был на фронте под Севастополем).

Надо было что-то делать. Единый выход – оперировать. Но где? Все довоенные больницы заняли немецкие раненные. До войны операции делали только в Долинской. Но сейчас там был немецкий госпиталь.

Узнали, что на Криворожье в селе Веселые Терны есть единственная больница для русских (украинцев), где хирург Зуб делает операции.

Там только есть койки, а постель, питание, спирт, перевязочный материал нужно привозить самому больному. Купили на базаре бутылку самогонного первака, кусок стираной марли, собрали все остальное, и отец повез меня лошадкой в больницу за 50 км от дома.

Плату за мед.услуги врач брал продуктами (яичка, куры, мука, кто что даст).

Хирург меня принял и удачно прооперировал. Эта больница была в глуши, далеко от центральных дорог, немцев в селе не было, Зуб работал спокойно. У него лечились (нелегально) пленные раненые красноармейцы. Очень много молодых ребят и особенно девушек шли оперировать аппендицит, чтобы не брали (пока) в Германию.

Дней через десять я был дома, но еще долго ходил осторожно с туго подвязанным полотенцем животом. Там в больнице подлечили мне и мои чирьи на теле. До самой глубокой осени я не работал нигде.

Еще я упустил один эпизод из того времени, который чуть ли не стоил мне жизни. Еще до начала жатвы бригадир заставил нас (меня и одного мальчишку лет 13-14) плугом на лошадях провести борозду от кладбища (начала села и до строящейся трассы Кировоград – Кривой Рог). Это надо нам было сделать после обеда. Длина борозды 6-7 км. Мальчик Рета Жора и я запрягли лошадей в плуг, поехали к кладбищу и оттуда начали тянуть борозду, ровно надо было отпахать посевы от полевой дороги, которая шла от села до трассы. Жора ведет под уздцы лошадей, я иду за плугом. Как мы не «тянули резину», чтобы сегодня больше не делать другой работы, подъехали к полевому стану еще рано, я выбросил плуг из борозды, лошади пасутся, мы отдыхаем. До трассы осталось еще км 2. Отдыхали довольно

долго, пока нас не заметил дядько Омелько, начал на нас «орать», помахал огромным кулаком, дескать, сколько можно отдыхать, погоняйте дальше.

Мы поехали, с надеждой, что возле трассы еще хорошо погуляем, чтобы только к вечеру пригнать лошадей на табор и больше ничего не делать.

Так и сделали. Борозду кончили, плуг выброшен, лошади ходят по пару, пасутся. Дорога, которую строили, отделялась от нашего поля большим высоким валом. Я сел под этим бруствером, закурил самосада, Жора (как пацан) бегает с батогом, гоняет по пару за сусликами. Вдруг он подбегает ко мне, спрашивает:

- Что это?

– и показывает мне немецкую гранату, по форме такая, как наша «лимонка», только жестяная, голубого цвета, очень красивая. Я взял, посмотрел. Взрыватель был выкручен. Спрашиваю:

- Где ты ее взял?

- Нашел на пару.

Я разъяснил Жоре, что это такое, сказал, что ее лучше выбросить с поля и, как сидел, через голову перекинул гранату за бруствер к дороге.

Мы не видели, куда упала граната, но в это время по дороге ехала немецкая легковая машина с офицерами, они заметили падающую возле дороги гранату и мгновенно остановили машину. Быстро пришли на другую сторону насыпи бруствер и увидели нас – два офицера и один молодой парень в черном гражданском костюме – переводчик. Офицер начал кричать по-немецки, как бешеный, выхватил из голенища сапога плетку и начал меня остервенело бить. Переводчик переводит вопрос:

- Кто бросил гранату?

Я объяснил, что гранату на поле нашел мальчик, она без взрывателя, и я ее выбросил к дороге, чтобы там ее подобрали немецкие солдаты. Переводчик перевел мое объяснение. Немцы поверили, что граната была брошена не с умыслом, к тому она безопасна, они успокоились и уехали. Жору совсем не били. Мы еще долго сидели, никак не могли прийти в себя. А чтобы было, если бы не было переводчика? ... Постреляли бы обоих, как собак, и никто бы не узнал причины нашей гибели.

Мы с Жоркой всю жизнь часто вспоминали этот случай. В прошлом году он умер.

Фотографии сделанные немцами на тер. Украины во время оккупации (1941-43 р.р.):

После разгрома немцев под Сталинградом, фронт быстро двигался на запад. Осенью 1943 года передовые части советских воинов вступили в наше село и еще километров на 50 продвинулись западнее, освободив Долинскую и много населенных пунктов района.

Еще при отступлении в 1941 году наших войск, для подпольной работы в нашем районе были оставлена группа коммунистов, комсомольцев и

советского актива. Формально было создана партизанская группа, под руководством Дяченко.

На протяжении двух лет эта группа ничего не делала, а ее руководители вместе с полицаями в с. Новогригорьевка I пьянствовали, и когда советская армия приближалась, они забеспокоились. Надо было держать ответ перед теми, кто их оставил. Вот эти «горе-партизаны», накануне прихода советских войск, убили в Новогригорьевке I коменданта – немца, одного солдата и 2-х или 3-х полицаев, надеясь показать свой «героизм».

Но одна советская дивизия осенью 1943 г, что так глубоко на запад вклинилась в немецкую оборону, не смогла сдержать немцев, которые перешли в наступление, и начала быстро отступать. Снова весь Долинский район оказался в руках немцев. Наши «партизаны» разбежались и попрятались, и за их «действия» ответили жители Новогригорьевки I.

Немцы натравили на людей кавалерийский отряд калмыков, которые окружили Новогригорьевку I, насиловали женщин, грабили жителей, выловили 140 человек молодых мужчин и ребят, которых ночью, недалеко от Долинской в балке расстреляли. Очень дорого уплотили люди за несколько человек, уничтоженных «партизанами» оккупантов.

Где-то в 60-х годах я был в Долинской, где состоялся суд над одним калмыком, которого поймали лет через 20 после этой трагедии, и слушал на автобусной станции женщин из Новогригорьевки I, которые возвращались из суда домой. Женщины – матери и жены расстрелянных калмыками проклинали наравне с палачами и Дяченко с его компанией. Плакали и говорили: их тоже надо судить вместе с калмыками.

После расправы в Новогригорьевке I немцы направили калмыков в другие села Долинского р-на.

Были они и в нас в с. Кирово. Грабили и вылавливали молодежь для отправки в Германию.

Я тогда несколько суток пролежал в соломе в нашей кухне, мой друг Анатолий Смаглюк – зарытый в сено в школьном сарае.

При отступлении наших, мы, молодые ребята ходили в штаб дивизии, просили, чтобы нас взяли с собою, но полковник сказал:

- Оставайтесь дома, ибо мы сами не знаем, что будет. Ждите, мы скоро вернемся.

Снова возвратились немцы, наша дивизия с трудом прорвалась с окружения.

Фронт надолго остановился за 10-12 км от нашего села. В нас расположились тылы немецких войск. Все школьные здания и церковь были заняты под немецкий госпиталь. Мужчин, молодых парней и девчат гнали на работу: расчищали дороги, строили переправу возле сорванного моста через речку, копали окопы, противотанковые рвы.

Почти в каждой хате было полно немцев. У нас немцы заняли комнатку, мы все (5 человек) теснились в маленькой кухоньке. Немцы стреляли кур и другую птицу, заставляли сестру Шуру им готовить.

Я пока нигде не работал, прикинулся хромым, выходил с палкой иногда в уборную, а то сутками лежал на печке вдвоем с племянником Володей - 3-х-летним сынишкой сестры Шуры.

Одного раза к нам зашел Федя Сметанин, который временно жил в нашем селе, вместе работали в колхозе. Он был военнопленным, бежал из лагеря еще раньше меня, его приютила мать моего друга Анатолия Смаглюка. Сам он из г. Кирова (Вятка). Как я позже узнал, он офицер Советской армии. Знала его и сестра Шура, наши отец и мать.

Сидит Федя, такой маленький, худенький, белобрысый парнишка. Видно, очень уставший, измученный. Шура спрашивает:

- Федя, ты кушать хочешь?

Он заплакал, как ребенок. Оказалось, он уже трое суток ничего не ел, скрывался на чердаке в заброшенной полуразрушенной хате. А на дворе зима, хотя снега не было, но холодно, сыро. На Феде стоптанные ботинки и рваная телогрейка.

Я говорю:

- Федя, быстро раздевайся и давай к нам на печку!

Забравшись на печку, Федя долго дрожал, наконец, отогрелся, Шура нас подкормила из того, чего готовила немцам, и Федя уснул.

Суток трое мы были вместе, потом он ушел. В нашем сарае и конюшне полно немецких лошадей, за которыми ухаживали немцы, и наши русские пленные. Корову пока немцы не забрали, и она стояла в каморе. Сено было в одном углу клуни, осталось совсем мало, ибо им кормили немцы и своих лошадей.

Одного дня утром слез с печки, оделся и пошел в уборную. Возвращаясь, зашел в клуню, взял охапок сена и несу корове. Свою палку «хромого» взял под руку. Через двор бежал немецкий фельдфебель и увидел меня, кричит:

- О! Пан! Гут! Ком! Ком!

И забрал меня. Ведет через два соседних двора (тогда заборов не было). Вижу, стоит на огороде немецкая военная подвода – «ваген», запряженная двумя парами лошадей: пара огромных бельгийских тягачей, а спереди пара маленьких наших колхозных коней. Подвода засосана в грязь по самые оси.

Напередку сидит совсем молоденький (сопливый) немец – возчик, худющий доходяга, вокруг подводы несколько немецких солдат. На улице, где дорога тверже, и грязь жидкая, стоит другой «ваген», крытый брезентом, в упряжке пара тягачей. Напередку сидят два пожилых немца.

Я понял. Немцы не могут вырвать из грязи другую подводу и выехать на улицу, и я должен им помочь. Несколько раз мы комбинировали упряжку, перепрягая гуськом, то больших лошадей на перед, а маленьких сзади, то наоборот, и все без толку.

Снова тягачи оказались сзади. В немцев кнут на длинном удилище, а сам батог коротенький.

Возчик писклявым голосом командует:

- Вьйо! Марш! Вьйо! Марш!

А лошади – ни с места. Особенно норовистые огромные тягачи. Я вижу, что пока подвода не будет вытянута с грязи, мне не удастся вернуться домой. Тогда я забираюсь на передок, беру у возчика кнут, поворачиваю толстым концом удилища, ору не своим голосом на коней, порю то одного, то другого. Тягачи срываются с места, тянут повозку, топчат переднюю упряжку, маленькие лошади шарахаются в сторону, и через минуту наша подвода оказалась на улице.

Я думал, что это все. Но не тут то было…

Фельдфебель подходит ко мне, хлопает по плечу и говорит:

О! Гут, Пан! Будешь кучерь! Марш! Марш! Фрьонт. Там филь дойчь зольдатен капут. Пан кучерь!

Здорово получилось. Сколько скрывался и сразу угодил в немецкие «зольдатен». Надо сопровождать упряжку на Баштино, поближе к фронту.

Обе подводы нагружены продуктами. Мне объяснили, что ехать напередку будет только «дохлый» немец, а я должен идти пешком погонять маленьких лошадей.

Наша повозка поехала вперед, за нами надругой едут пожилые немцы.

Переезжаем переправу, где работают ребята, девчата. Увидели меня, кричат, свистят.

Что, дескать, попался, и тебя захомутали. Выехали за село, дорога идет под гору, но грязь жидкая, лошади идут свободно. Дальше - ровнее. В степи

туман. Надо бежать. У меня в кармане нож, самосад для курева, зажигалка (все это всегда было в карманах, ибо в любое время могли забрать куда угодно).

Мой напарник, как турок, ни единого слова по-русски. В меня тоже не ахти, какие познания с немецкого. Но все же кое-какие слова калякаю. Слева дороги началось поле неубранной кукурузы. На углу поля, на колу доска, где написано «Минное поле» (по-русски и по-немецки).

Как могу, объясняю немцу, что я хочу курить, но нет бумаги свернуть папиросу. В него бумаги не оказалось, отстаю до задней подводы и прошу «папир» в стариков. Те дали мне бумаги, иду возле их подводы, сворачиваю самокрутки. Вот и кончается кукурузное поле, снова на углу табличка, предупреждающая: «Минное поле». Стал перед телефонным столбом прикуривать. Зажигалка загорается, я тушу, так несколько раз. Тяну время, чтобы подводы удалились. Хотел бежать в кукурузу, потом передумал и пошел обратно к селу по дороге. Оглянулся, подвод в тумане не видно. И вдруг навстречу едет верхом тот самый фельдфебель, который произвел меня в «кучера».

Узнал меня. Как заорет! Как огреет меня плеткой и погнал впереди лошади обратно к подводам. Догнали подводы. Он еще что-то кричал на возчиков. Я понял, что ругал их, что меня упустили. Начали ехать дальше. Навстречу два верховых: офицер и солдат, видно знакомы для фельдфебеля. Они поздоровались, остановили наши подводы, все слезли с лошадей, поговорили. Фельдфебель подошел к задней подводе, что-то взял, передал офицеру (наверное, шоколад) и еще говорят.

Фельдфебель скомандовал нам:

- Марш!

Подводы поехали. Через 1-2 минуты верховых в тумане уже не видно. Надо немедленно бежать.

Я стал под столбом «помочиться», а потом пошел по проселочной дороге к кукурузному полю.

Оглянулся. Заднюю подводу еле заметно в тумане. И вдруг по мне длинная очередь с автомата. Пули просвистели над головой. Стреляли из задней подводы старики (автомата в них я не видел, вероятно, он был где-то на подводе не на виду).

Я бросаюсь в кукурузу (черт с ним, что там мины), отбежал метров 20, падаю под большим клубком курая (такого буряна было много на полях). Дорога совсем близко, видно столбы. Вижу, поскакал фельдфебель к

подводам, но сразу возвратился по моему следу, возле кукурузы покрутился, не вставая с лошади, но ехать на минное поле не решился, возвратился к подводам.

Когда они уехали, я встал и пошел наискось поглубже в кукурузу по направлению ближе к селу, вышел к пруду, а оттуда к берегу речки, подальше от переправы. Вырезал из лозы хорошую палку, вышел на улицу и, сильно хромая на одну ногу, «поковылял» домой. Дома уже волновались, отцу кто-то сообщил, что меня немцы погнали в сторону фронта.

Тогда немцы у нас забрали корову. Два солдата повели ее через речку, отец за ними следил и видел, в какой сарай ее завели. Немцы зашли в хату, а отец тихонько – в сарай, отвязал корову, вывел из сарая, только направился с коровой домой, как немцы в окно увидели, выбежал унтер офицер, догнал, начал отнимать корову. Немец тянет к себе, отец к себе. Тогда немец выхватил пистолет и – рукояткой старика в зубы, корову забрали.

Пришел отец со слезами, окровавлен, с выбитыми зубами. Хорошо, что только этим кончилось.

Несмотря, что корове было несколько дней до отела, немцы ее зарезали и сожрали. Пропала последняя надежда семьи.

Начался новый 1944 год. Все чувствовали, что скоро немцы будут всех людей выгонять из села, начнется эвакуация населения из прифронтовой местности. Люди готовились к этому: закапывали свой домашний небогатый скарб, хлеб, прятали другие продукты, готовили тачки, повозки. Кое-кто заимел лошадь (голодных, ничьих коней бродило много). Заимел маленького коня и мой отец, хотя весь в коросте, но все же транспорт. Соорудил отец и маленькие санки, упряжь из веревок. Мне надо было где-то устраиваться, чтобы спасти семью. Фельдшер Федор Мартынович посоветовал мне и помог устроиться в немецкий госпиталь. Там уже работали наши соседи: топили печи, убирали палаты, где лежали раненные. Я с молодым парнем Василием Сердюком (моложе меня года на 3, однофамилец, сосед, но не родственник) попали в операционную, носили раненых до и после операции, на перевязки, выносили умерших в морг (он был там, где в школе были мастерские, рядом с кладбищем), убирали в операционной.

Были случаи, что привозили раненных наших красноармейцев, захваченных во время разведки в плен. В госпитале был очень хороший хирург, немец лет 40, очень хороший человек, для которого разницы не было, кого привезли: немца или русского, всем одинаково оказывал помощь.

Хирург неплохо понимал и объяснялся по-русски. Он жил в учительской квартире вместе с немецким священником.

В квартире директора школы лежали раненные офицеры. В двух классных комнатах отдельного корпуса поместили раненных русских: солдат и жителей из сел (иногда были и женщины). Нам удалось многим помочь сбежать после излечения, спрятать их до прихода наших войск. Только тяжело раненных наших солдат немцы при отступлении увезли с собою. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Начали всех жителей выгонять из села. Отец и три его брата: Тихон, Сашко и Григорий с семьями переехали к своей сестре Мотре, которая жила на поселке в глуши за 10 километров от нашего дома. Там в хате тетки Мотри было тесно, приехало много народу: старики, женщины, дети. Жили и кормились артелью.

Я дома остался один. Работал в госпитале и снабжал своих продуктами. Для связи с семьей я (уже сам) тоже заимел коня (поймал ничьего с упряжью и санками). У меня законно был документ на какую-то вымышленную фамилию (аусвайс), даже сейчас не помню какую.

Знаю, что имя мое было Пауль (даже хирург так меня звал). Мой конь стоял в почти совсем разрушенном сарае рядом возле госпиталя, кормил его фуражем от лошадей, которыми подвозили в госпиталь воду. С моим аусвайсом я мог иногда ездить к своим за 10 км, возил им и всем родственникам продовольствие, извлекая по ночам его из запрятанных мест.

Раненых немцев, умерших от ран, хоронили на специально отведенном кладбище (рядом с нашими). Сначала копали могилы каждому отдельно, и когда покойников собиралось человек 10-15, состоялись похороны. Приходил священник и отделение солдат из охраны госпиталя с винтовками.

Покойники лежали по одному в ямах (в одном белье). Священник с одного кармана шинели вытаскивал какую-то книжонку (молитвенник), а с другого - крест на цепи, надевал на шею, читал молитву, бросал укаждую могилу по горсти земли, солдаты делали залп (один раз) из винтовок, и на этом все. Немцы уходили, ямы засыпали землей наши местные мужики (они и копали ямы). Кресты ставили в рыхлую землю немцы позже. Когда началось наступление русских, и раненых стало много, умирали от ран массово, могил не успевали копать, начали покойников ложить в ряд вдоль траншеи и засыпать. Такие траншеи были давно заготовлены для кагатирования картошки, но не использованы. Тогда, когда начали немцев «кагатировать», меня в госпитале уже не было, я ушел к своим на поселок (не

могу рассказать подробности этого захоронения немцев). На немецком кладбище похоронено умерших от ран более 800 человек, но точного числа никто не знает. На могилах стоял целый лес крестов, которые после освобождения села советской армией люди разобрали на топливо.

Хочу еще рассказать о жизни наших людей во время временной оккупации, о некоторых судьбах. Немцы у нас были примерно 2 с половиной года. Это время школа не работала. Молодежь подрастала. Как ни строго было запрещено выходить на улицу после 10 часов вечера, ребята и девчата тайком собирались погулять (молодость брала свое). Собирались обычно подальше от центра села, где рыскала по ночам полиция. Поздно ночью тайком пробирались домой, чтобы не быть задержанными полицаями.

Если поймают, приводят в полицию, ругают матерщиной, иногда набьют, а больше штрафовали.

Плати 20 оккупационных «карбованцев» и уходи, только больше не попадайся. Попадал и я с товарищами в полицейский участок, и даже не один раз, обходилось штрафом. Но запомнил наилучший вечер накануне Троицы. Мы собрались вечером по соседству – ребята и девчата, хлопцы играли на гитаре, на балалайках, девушки тихонько пели.

За этим занятием застали нас полицаи, они тихонько подъехали на велосипедах (которые награбили в людей), и мы их сразу не заметили. Мы закричали:

- Девчата, бегите!

Девчата убежали в темноту на огород, а нас «рыцарей» забрали, привели в полицию и заперли на штабу (винтовый запор) в маленькой комнатке, отгороженной отдельно, где в школе до войны была фотолаборатория. Комната совсем маленькая, где-то 2х2 м, ни окна, ни щели, закрыта герметически. Сидели закрыты часа два, пока привели еще ребят и девчат человек 15 из другого конца села. Отворачивают винт запора, он не смазанный, пищит. Открыли и тех впихнули к нам.

Стало совсем тесно, стоим как спички в коробку, жара невыносима, дышать нечем. Начали стучать в дверь. В ответ – ругань и угрозы.

Поздно ночью пришел начальник полиции, некий Григорьев, бывший советский офицер, попал в плен и пошел на службу к немцам. Грубиян, психический дурак. Слышим, говорит:

– А ну, давай их (дальше матюги) по одному.

Снова пищит винт. Я пробиваюсь к двери, говорю, что мы первыми попали сюда и должны первыми выходить. Выхожу первым. Григорьев спрашивает:

- Почему (мать - перемать) болтаешься по ночам? Не знаешь приказа немецкого командования, до каких пор разрешается бывать на улице? На каждом столбу написан этот приказ.

В комнате полный мрак, единая керосиновая лампа, укрученная до отказа. Я ответил:

- Если бы я был грамотный, то прочитал бы, что там на столбах написано, а то я не грамотный.

Кто-то из полицаев (из наших местных) наклонился к начальнику и сказал:

- Врет! Он окончил 10 классов.

Григорьева будто кто облил кипятком. Как схватится со стула, как заорет:

- Ах ты, сопляк, комсомолия засраная! Так ты еще обманываешь? А ну, дайте ему 5 штук!

Не успел я опомниться, как стул лежал на полу спинкой вниз, здоровенные полицаи повалили меня между ножек стула, один сел на голову, я не успел крикнуть, как получил пять резиновых ударов по заднице. Слышу, потекла кровь по ногам, они разбили мои незажившие чири.

Так меня тогда отлупили и еще оштрафовали в 20 карбованцев. Остальных не били, только каждого оштрафовали. Часто приходилось прятаться от облав, когда вылавливали для отправки в Германию. Чего только не делали, чтобы не попасть в Германию: женились и выходили замуж, искусственно делали раны на теле (прикладывали и тесно привязывали к ногам медные старинные пятаки), заражались коростой, курили чай, чтобы заболеть легкими и т.д.

Все же многих отправляли. По-разному сложилась судьба этих молодых людей. Вот несколько примеров: наша соседка – девушка намного старше меня – подруга сестры Шуры Мария Вовк после войны вышла замуж за француза, уехала во Францию, сейчас живет в Париже, ей уже более 70 лет, на родине не была более 50 лет, вероятно так уже и не попадет в родные края.

Ее брат Владимир, угнанный в Германию, где-то там и погиб.

Другая девушка – Шура Ленчик. Окончившая перед началом войны в 1941 г 10 классов, очень красивая, попала в Германию, там после войны

вышла замуж, живет в Голландии. Приезжала на родину погостить и снова уехала. Теперь на Западе Европы у нее семья: муж, взрослые сыновья, внуки – вторая родина. Некоторые попали в Канаду, другие – в Австралию. Но больше всех тех, кто на немецкой каторге погибли.

Сколько война забрала молодых жизней, сколько крови пролито, сколько вдов, сирот,… сколько слез. Только тех, которые погибли на фронте из нашего села, 313 человек, несколько человек немцы расстреляли здесь, дома.

В начале марта 1944 года советские войска начали наступление, и наше село было освобождено 9 марта. Наша семья была в это время на поселке за 10-12 км от дома. На второй день освободили и поселок. Надо было добираться по грязи домой. У нас уже лошадей не было, пошли пешком, кое-какие вещи повезли тачкой. Люди постепенно возвращались под родные крыши. Много хат разрушено, сожжено. В центре села немцы, отступая, сожгли центральное здание школы, в которой был их госпиталь. На нашей усадьбе, слава Богу, все осталось, но все стекла в окнах хаты побиты, деревянные полы сорваны, их немцы порубали на дрова, кое-где в постройках сняты двери. В день нашего возвращения 10 марта прибыл мой старший брат Василий, которого не видели почти 3 года. Ему после излечения в госпитале дали отпуск, но так получилось, что отпуск кончался, и ему через 2 дня снова надо идти в действующую армию (о судьбе брата я уже писал).

Наши войска, не задерживаясь, быстро продвигались на Запад, 10 марта был освобожден райцентр Долинская.

Село Кирово наводнили воинские тылы. Населению сообщили, что все мужики должны явиться в Порфировку (окраина села), вызывали военнообязанных от 18 до 50 лет. Пошел и я. Выяснилось, нас мобилизовывает полевой военкомат. Никакого медицинского обследования, никаких объяснений, был или не был в армии, обучен или не обучен, годен или не годен к строевой. Всех на передовую в домашней одежде, без оружия (в бою добудете). Быстро формировали команды, человек 30-40, и под конвоем 2-х автоматчиков – вперед на Запад догонять фронт. Так пополняли воинские части свои потери в боях за счёт «чернорубашников» – людей в своей одежде, среди которых многие не умели зарядить винтовку. Сколько только их погибло?! Их гнали в бой без никакой жалости на немецкие пулеметы. Яркий пример – бои за освобождение соседнего села Варваровки, где погибло несколько тысяч людей из соседнего Петровского р-на и

ближайших сел. Там братские могилы по 400-700 человек, а сколько еще находили убитых жены и матери и увозили хоронить домой. В 70-х – 80-х годах в дни торжеств к Дню Победы у Варваровку на могилы погибших родственников ежегодно приезжали по 250-300 семей.

Действия полевых военкоматов были беззаконные – это преступление перед народом.

Нам, жителям с Кирово и других сел восточной окраины Долинского района еще повезло. Большинство из нас не попали в бой «чернорубашниками».

В Долинской быстро восстановился райвоенкомат, его работники перехватывали команды, сопровожденные под конвоем на передовую, и забирали своих людей.

Так было и с нашей командой. Мы ушли из дому перед вечером. В сопровождении 2-х автоматчиков, дошли до пос. Новомихайловка за 12 км от села, где заночевали, а утром следующего дня пошли дальше в направлении Долинской. За селом Александровка нас встретили два верховых офицера – работника уже созданного райвоенкомата, расспросили, кто мы и куда следуем, забрали нас с собою, а автоматчиков – конвоиров прогнали.

Так нас мобилизовал (уже законно) наш Долинский райвоенкомат. Здесь все было как надо: медкомиссия, индивидуальные собеседования, выясняли специальность (военную и гражданскую), более старшего возраста трактористов не брали, надо же кому-то обрабатывать поля и выращивать хлеб.

Я уже вспоминал, что под Севастополем стал завделопроизводством 675 минометного дивизиона, это была офицерская должность, хотя в меня было сержантское звание. Вот мне в мае 1942 г приказом командующего Приморской армии было присвоено офицерское звание техник – интендант II ранга (сейчас – лейтенант адм. службы).

Так я в райвоенкомате доложил, что я – офицер, воевал под Севастополем, был в плену, бежал и т.д.

Офицеров отбирали в отдельную комнату, назначили старшего, и мы самостоятельно следовали за фронтом на Запад.

Снова в действующей армии

В этой команде были все офицеры, попавшие в плен и жившие на оккупированной территории. Из с. Кирово были: я, Белый Михаил Аврамович, Ветряк Ефим Ксенофонтович, Довгаль Григорий Каныдиевич,

Шевчук Степан Григорьевич и Сметанин Федор Александрович (о котором я вспоминал выше).

Что с нами будут делать, никто не знал, но мы поняли: нас должен проверить тщательно особый отдел контрразведки 3-го Украинского фронта, за которым мы числились, а пока мы двигались за фронтом.

За Бугом территория была под властью румын (до освобождения), так называемая Транснастрия. Румыны дали там нашему народу больше свобод, люди жили намного лучше, чем при советских колхозах, поэтому многие были недовольны, что снова пришла Красная Армия, им не нравилось такое «освобождение». Нас даже на ночлег не принимали. Часто по несколько суток делали дневки, стояли в одном селе. Неоднократно каждого офицера из нашей команды вызывали следователи (особый отдел двигался вместе с нами), расспрашивали, где попал в окружение, где был в плену, как вырвался с плена, где жил на оккупированной территории, чем занимался, не служил ли в полиции, не сотрудничал ли с немцами, чем занимались родители, родственники и т.д. Каждого про него самого спрашивали поверхностно, но зато очень тщательно расспрашивали о земляках – товарищах, которые были здесь же в одной команде. Проверка была перекрестной, чего-нибудь скрыть было нельзя (кто имел «грехи»). Были случаи, что выявляли среди нас и настоящих изменников Родины, предателей, которые активными были служаками в оккупантов.

Таких забирали неизвестно куда.

Двигаясь за фронтом, нас, таких «запятнанных» офицеров, насобиралось много (человек 800). Остановились в селе Катериновка Грословского р-на Одесской области, где нас застало 1-е мая.

Кормили плохо: суп из кукурузной крупы, каша и хлеб тоже из кукурузы. Расквартировали по хатам. Начали подрабатывать: копали жителям огороды, подрезали виноградники, за что хозяева (больше хозяйки) нас подкармливали, угощали вином.

Наконец, проверка кончилась. Всех «отфильтрованных» выстроили и объявили нам приказ зам. наркома (министра) обороны маршала Василевского. До сих пор помню дословно этот приказ:

«Каждый офицер Красной Армии, который был в немецком плену, или жил на оккупированной территории более полмесяца, должен пройти службу в отдельных штурмовых офицерских батальонах на положении рядового с обязательным участием в боях».

Сколько надо было служить в таком батальоне, в приказе указано не было.

Мы уже более 2-х месяцев были в своей одежде, порядочно обшивленые, но по квартирах в селе могли кое-как постирать белье, прокипятить одежду. Привезли обмундирование. Выдали все старое б/у (бывшее в употреблении), снятое, вероятно, с убитых и раненых, застиранное от крови, заштопанное и полатаное. Такое же и белье. Обули в старые ботинки без обмоток.

Никаких погон (мы же не рядовые, а офицерские надо было обмыть собственной кровью за нашу «вину» перед Родиной), никаких знаков отличия, даже звездочек на пилотках нет.

Никаких документов. Что нам разрешалось – это носить длинные волосы, бороды, усы (чем страшнее, тем лучше). Вооружили хорошо: автоматы, много ручных пулеметов, винтовок и карабинов было совсем мало.

Во время проверки с нами велись занятия, ибо среди офицеров было много таких, которые не умели обращаться с автоматом, пулеметом.

Мне, как одному с самых молодых, даже было интересно: я хорошо изучил автомат, ручные пулеметы (наш и трофейные), умел даже зарядить и вести огонь из станкового пулемета.

С. Катериновка, как и райцентр Грослово находились совсем близко от Днестра, где фронт остановился, и немцы по правую сторону заняли прочную и долговременную оборону. Грослово – до войны немецкая колония, после войны его переименовали в Великую Михайловку.

Пришел приказ: бросить наш 5 штурмовой батальон 3-го Украинского фронта на оборону Кицканского плацдарма. Форсировала Днестр и занимала плацдарм на правой стороне реки какая-то Сталинградская дивизия, до основания обескровленная и уставшая. В средине мая наш батальон полностью вооружен (у нас было только стрелковое оружие), пешим маршем под вечер двинулся к Днестру. Выдали достаточное количество боеприпасов, дополнительно вооружили гранатами (противопехотными и противотанковыми). Ночью прибыли к Днестру, на пароме переправились на плацдарм. Сменили уставших товарищей, которые на том же пароме уплыли на левый берег. Не успели освоиться в темноте, занять ячейки, как между нами появился какой-то офицер в погонах (это не из штурмиков), бегает по траншеям и спрашивает:

- Кто знаком из станковым пулеметом? Ну, кто может заправить ленту и вести огонь из такого пулемета?

Я назвался, что немного знаком и пробовал стрелять. Офицер забрал меня с собою. Приводит в ДЗОТ, где в траншее сидели еще двое из наших.

Оказалось, что дивизия, которую мы сменили на плацдарме, оставила нам свои станковые пулеметы, вот надо было на ходу подбирать пулеметчиков.

Так создался наш пулеметный расчет.

Офицер оказался командиром нашей роты. В штурмбате командирами были из наших «безпогонников» штурмовиков все низшие должности до командира взвода включительно. Все старшие, от командира роты и выше были офицеры в погонах (или кадровые, или бывшие штурмовики, которые раньше оправдали «вину» перед Родиной). Командиром 2 нашего взвода автоматчиков был из наших капитан Найденов.

Командиром 5 штурмбата был подполковник Степанов. Только спустя 40 лет мне стало известно, что во время войны таких штурмовых батальонов для офицеров было 38 (кроме морских). Вероятно, они были не только при каждом фронте, но и при некоторых армиях.

Так наш расчет принял ночью серьезную огневую точку ДЗОТ из станковым пулеметом. Боеприпасов в ДЗОТе было навалом (несколько ящиков и лотков).

Я стал командиром расчета (среди троих оказался самым «умным»). Ком.роты предупредил, что огонь из дзота самовольно открывать нельзя, чтобы не обнаруживать огневую точку. А как быть, когда немцы попрут, пусть лезут на амбразуру, а ты не стреляй, жди откуда-то команды или распоряжения? Чушь собачья. Об этом я только подумал, но возражать не стал. Ты предупреждай, а мы будем действовать по обстоятельствам.

Перед рассветом нам принесли завтрак (котелки и ложки в нас были). Покушали. Наступило утро.

Первая ночь прошла спокойно. Как в обороне на передовой: с обоих сторон постреливают, чем ближе к рассвету, тем огонь гуще, спать хочется, надо же создавать впечатление, что передовая бодрствует. Короткими и длинными очередями стрекочут автоматы и ручные пулеметы, иногда громко «разговаривают» станковые. Мы в дзоте «молчали».

День начался теплый, солнечный. Мы решили посмотреть, что же нам за «машина» досталась.

Вытащили свой пулемет с площадки наружу в котлован возле дзота, начали рассматривать.

Он точно такой, какой мы изучали, но лента не брезентовая, а металлическая, охлаждение не водяное, а воздушное. Пулемет совсем новый. Мы его всем расчетом несколько раз разобрали и собрали (чистить все равно придется) и поставили на место. День прошел более спокойно. Наш дзот находился в расположении взвода автоматчиков. За пищей ходили по траншее где-то за полтора километра (все время по траншеях). Здесь же в траншее находился фанерный ящик для почты. Нам дали адрес, можно писать домой письма. Я в тот же день написал первое письмо родителям (первое более чем за два месяца после моего ухода из дому).

Несмотря на запрет, я решил испытать пулемет вечером или ночью. Ответственность взял на себя.

После ужина прошло часа два. Ночь темная. Передовая ожила, началась перестрелка. Я стал за пулемет (он размещался на земляном столике на уровне груди) и начал пробовать стрелять сначала короткими, а потом длинными очередями. Работает «как зверь». Не прошло и 5 минут, как в дзот ворвался командир роты, схватил меня сзади за шиворот, оттащил от пулемета и начал «купать» отборной матерщиной. Кричит: - Как ты мог нарушить приказ? Ты что, под трибунал захотел? Вон отсюда! Здесь не нужен такой гавнюк!

На этом моя «карьера» пулеметчика закончилась, которая длилась ровно одни сутки.

Терять было нечего. Автомат был при мне, я пошел к своему ком.взвода Найденову, рассказал ему о случившемся, он посмеялся, повел меня по траншее и указал полуразгруженную ячейку, никем не занятую. За ночь я ее поправил (саперные лопаты разных размеров во взводе были) и заимел прекрасный собственный индивидуальный окоп. Стреляй, сколько душе угодно, днем и ночью, никто не запретит.

Но автоматчиком я был всего 2-3 дня. К передовой на быках подвезли целую повозку ручных пулеметов и боеприпасов к ним. Начали искать пулеметчиков.

Я стал первым номером ручного пулемета, мой земляк с одного села Ефим Ветряк – вторым. Пулеметы были не Дегтярева, а танковые – полностью металлические, диски толстые, емкостью на 72 патрона. Мы оборудовали себе хороший пулеметный окоп, с учебными нишами для отдыха. Ефим был на 6 лет старше меня, уже был семейным, дома остались жена и маленький сынишка. Он очень сильно переживал за себя, боялся, что погибнет, был всегда задумчив, отказывался от пищи, сильно похудел. В

меня, наоборот, аппетит всегда был волчий, я поедал свою и его порции, даже поправился на передовой, после «кукурузных блюд» в тылу. Целый месяц мы были вместе. Наступления не было ни с одной, ни с другой стороны.

Сколько служить в штурмбате – неизвестно.

Выйти из этой позорной части было несколько вариантов: погибнуть, получить ранение и попасть в госпиталь, отличиться или ожидать, когда весь батальон выполнит особое задание, и тогда все (оставшиеся в живых) будут освобождены из штурмбата, или будут возвращены звания, и они будут направлены в запасной офицерский полк фронта.

В обороне тоже не исключено погибнуть или быть искалеченным: от выстрела немецкого снайпера, при обстреле передовых позиций артиллерийским и минометным огнем, изредка были и налеты вражеской авиации. По мне лично дважды стрелял снайпер, но все обошлось благополучно. Один раз я днем шел за обедом, весь путь по траншеям. В одном месте траншея мелкая (оказались на дне камни, и не смогли углубиться), здесь надо было участок метров 10 переползать, но мы привыкли и пробегали согнувшись.

Вот я с термосом за спиной бегом решил проскочить мелкую траншею, но услышал за спиной металлический звук, будто кто-то ударил молотком по железу. Только возле кухни выяснилось, когда в мой термос наливали суп, в термосе оказалась пробоина, и жидкая пища потекла. Я понял, что по мне стрелял немецкий снайпер, который где-то замаскировался в кустах и тщательно следил за мелкой траншеей.

Термос мне заменили, и я на обратном пути был более осмотрительный.

Другой раз на рассвете я зашел по соседству в окоп пулеметчиков – станкачей, поговорили, я завернул папиросу с махорки в газете, наклонился, прикурил и стал возле пулемета во весь рост, прислонился к брустверу и курю. Был ветер сбоку, искры от сигареты раздувало и относило в сторону. И вдруг резкий щелчок и яркая вспышка перед глазами. На площадку, где стоял пулемет, отскочила лопнувшая пуля.

Снайпер рано вышел «на охоту», заметил огонек моей цыгарки, примерно прицелился (меня то он не видел) и нажал на крючок. Стрелял разрывной, которая зацепилась за бруствер и хлопнула рядом на 10-20 см от моей груди. Снова повезло. Но кое-кому и не везло. Раз, перед обедом к нам в окоп зашел наш снайпер из штурмовиков. Это был молодой, красивый

парень, очень образованный культурный человек (до войны был слушателем какой-то академии в Москве). Рядом возле нас в него был замаскированный окоп, откуда он вел наблюдения. Посидел немного, поднялся и говорит: - Пойду еще пол часика посмотрю и пойду отдыхать. Только пошел, не прошло и 2-3-х минут, как мы услышали сильный удар, будто кто-то трахнул железякой по сковороде. Я побежал к нему, он лежал недвижим, стянул за ноги в траншею. Готов. Пуля снайпера попала точно в голову, пробила каску и разворотила мозги.

Так что метко говорили наши ребята: - Из штурмбата есть два выхода: или в наркомзем (погибнуть), или в наркомздрав (после ранения – в госпиталь).

Был еще третий вариант – отличиться в бою и досрочно быть освобожденным из штурмбата с возвращением прежнего звания (до плена). Но где можно отличиться в обороне? Только в разведке. Я об этом пока не думал. Получилось так, что через месяц за ручным пулеметом меня отвели во второй эшелон, как будто для отдыха и создания резерва. Мы разместились за 300 м от своего первоначального переднего края. Ефим Ветряк остался первым номером, ему дали нового напарника.

В резерве (во второй линии обороны) были свои блиндажи, другие ходы сообщений. Здесь на второй день нам предложили стать саперами, при штурмбате создавался отдельный взвод саперов. Я дал согласие идти в этот взвод. Соблазнило то, что мы будем еще две недели обучаться новому делу. Занятия будут проводиться на левой стороне Днестра в селе Кицканы, из которого жители были выселены. Село утопало в садах, фруктов было в изобилии, и очень хотелось ими насытиться. Во взвод набрали человек 30, переправили в плацдарме на левый берег Днестра на лодках, и занятия начались. Красота: днем занимаемся, изучаем разные типы мин (наши и немецкие), учимся искать и извлекать мины, обезвреживать, минировать и прочее – все связано с минами. Ночью спокойно отдыхаем в молдаванских домах или просто в саду на воздухе. Кормят хорошо, по той самой норме, что и на передовой, фруктов в большом ассортименте вволю (было начало июля).

Быстро пролетели эти две недели, как в санатории. Снова ночью на лодки и на плацдарм. Мы стали саперами для работы с минами (больше мы ничего не изучали и не умели). Наш новый взвод разместился там, откуда нас забрали – в блиндажах 2-го эшелона. «Работали» только по ночам, днем отдыхали и отсыпались. Задание было – никто не позавидует: выдвигаться за свою колючую проволоку переднего края и между своим и немецким

проволочным заграждением искать и извлекать противотанковые немецкие мины и ставить свои противопехотные. Везде под поражением огня автоматов и пулеметов немцев. Каждую ночь вытаскиваем 2-3-х своих товарищей: если не насмерть, то покалеченных. И это в штурмбате не засчитывается как подвиг. Я уже был не рад, что дал согласие стать сапером.

В нашем штурмбате была своя разведка. Взвод разведки наблюдал за огневыми точками противника, ходил за «языками».

Как известно, 20 июля 1944 г в Германии произошло покушение на Гитлера. Оно было неудачным. Фюрер остался жив, зато этот случай трагически окончился для многих генералов и высших офицеров рейха. Наша разведка из Германии срочно сообщила о случившемся, и надо было выяснить: знают ли об этом на фронте немецкие солдаты и офицеры. Для этого нужны были пленные немцы. В наступлении – это не проблема, но в обороне каждого «языка» нужно брать силой, хитростью. Наш батальон также получил приказ от штаба 3-го Украинского фронта взять «языка» на обороняемом участке плацдарма.

Батальонный взвод разведки ежедневно ходил на задание, но безуспешно. Оборона долговременная, сильно укреплена, на проволочном заграждении со стороны немцев сигнализация – навешено банок, склянок, бутылок; только дотронешься – создается сильный шум по всему переднему краю обороны.

Наша разведка теряла людей, но «языка» никак не удавалось взять. Взводу необходимо было пополнение. В разведку приглашали только добровольцев.

Одного разу во второй половине дня, это было где-то числа 25 июля, к нам, саперам, пришел неизвестный лейтенант (в погонах) и начал агитировать добровольцев в разведку. Объяснил, что в случае удачной «вылазки» в немецкие окопы и возвращения с «языком», все разведчики досрочно будут освобождены из штурмбата и переведены в запасной офицерский полк, им будет возвращены их прежние звания. Я подумал, что мы, саперы, каждую ночь рискуем не меньше разведчиков, но это нам не засчитывается. Из всего взвода саперов, я один дал согласие пойти в разведку. Лейтенант оказался командиром взвода разведки. Он меня забрал с собою и повел по траншеям в расположение своего взвода. Взвод разведки размещался в добротном блиндаже рядом со штабом батальона и тыловыми службами за 1,5-2 км от переднего края. Взвод лучше было назвать отделением, в нем было всего 9 человек, я стал 10-й, из которых был один

повар – грузин, которого берегли и на задание не брали. Он получал на складе продукты, готовил вкусные обеды. Разведчиков кормили очень хорошо, выдавали ежедневно по «сто граммов» наркомовских.

Я пришел в разведку со своим автоматом ППШ, но здесь его заменили новым, и вообще тут перед каждой операцией тщательно проверялось оружие. В разведке я был совсем недолго, всего несколько дней, но за это время взвод ходил на задание 4 раза.

5 штурмовой батальон оборонял правый фланг плацдарма, от берега Днестра располагалась наша 1-я рота, за ней 2-я и 3-я. Дальше левую оборону держали стрелковые батальоны каких-то других частей. Была на плацдарме артиллерия и минометы.

На второй день после моего прибытия в разведку взвод пошел на задание, мне предстояло пройти первое крещение в роли разведчика.

Место выбрали против нашей 3-й роты, время – утром при всходе солнца, которое, выходя из-за горизонта, своими лучами могло ослепить немцев.

Проход в нашем проволочном заграждении был проделан заблаговременно еще с ночи. Только первые лучи показались из-за горизонта, мы поползли. Прошли свою проволоку благополучно, вот и немецкое заграждение – спираль Бруно, где нам никто прохода не сделал, надо было быстро преодолеть это колючее препятствие. Бросаем свои бушлаты на проволоку и перепрыгиваем на другую сторону. Немецкие траншеи метров за 50 и вдруг, слева, нас заметил немецкий пулеметчик, открыл огонь, за ним другой, третий. Мы были обнаружены и попали под ураганный огонь немцев. Бежать дальше к траншеям было бессмысленно, мы все могли погибнуть, не выполнив задания. Возвращаемся, ползем, плотно прижавшись к земле. Быстро перепрыгиваем через проволоку и ползем дальше к своим траншеям, а пулеметы секут. Наши бушлаты так и остались на немецкой проволоке. Все 9 человек остались живы, целы и невредимы (лучи солнца мешали немцам вести прицельный огонь).

Из 3-й роты доложили обстановку в штаб, откуда приказали – возвратиться. Через день, снова утром, пошли на том же месте, увидели, что наши бушлаты немцы сняли с проволоки и повесили на высоких палках, на высотках возле их обороны. Насмехаются с русских, что еле ноги унесли, даже одежду побросали. Еще увидели, что от их проволочного заграждения до самых траншей все заминировано и замаскировано. Доложили обстановку

и получили приказ – возвратиться. Это при мне уже была вторая неудача, а сколько было неудач раньше – я не знаю.

Через день снова пошли напротив 1-й роты, оборона которой начиналась от берега Днестра – это самый правый фланг плацдарма. Выше по Днестру наши войска зажимали оборону на левом берегу реки, поэтому, когда шла разведка, было предупреждено, чтобы с левого берега наши не вели в это время огня. Этот раз пошли мы ночью. Удачно,незамеченными подползли до самых немецких траншей, которые расположены на самом верху крутого правого берега. Было где-то часа два ночи. Лежим возле траншеи, по траншее ходит немец, насвистывает какой-то мотив, останавливается, прислушивается, стреляет короткими очередями с автомата из одного места, потом из другого и снова прислушивается. Решили, только немец подойдет поближе к нам, будем брать. Вдруг немцу что-то показалось подозрительным, и он бросает гранату в нашу сторону. Нас он не видел. Было очень темно, но вероятно что-то почувствовал неладное. Граната разорвалась совсем рядом, и одного нашего товарища ранило в голову. Пока опускали по крутому склону раненного, пока его перевязали и доставили в расположение 1-й роты, пришло утро. Так и возвратились снова ни с чем. Только пришли утром к своему блиндажу, как прибежал вестовой и сообщил: всем разведчикам прибыть к штабу батальона. Прибежали, построились. Выходит из блиндажа майор – начштаба батальона (фамилию не помню). Набросился на нас с такой руганью, что я до этого еще никогда не слышал. Как он только нас не оскорблял, как не обливал всякой грязью.

Кричит, матерится:

- Какие вы разведчики? Вы трусишки! Зайцы! Вы знаете, кто вы? Предатели! Изменники Родины! Мы вас загоним туда, где Макар телят пасет! Вы же этой ночью товарища потеряли! Кто теперь поведет разведку?
И т.д. (раненный ночью был старшим группы захвата).

В общем, майор нас так «купал», что ни единая мать в детстве так не купала. Довел он нас до белого каления. Все были готовы идти снова немедленно, прямо на немецкие пулеметы, лучше погибнуть, чем терпеть такое унижение. И вот из нашего малочисленного строя вышел вперед Анатолий Томас и резко сказал: - Я поведу разведку! Ребята, пойдем же сегодня! Днем! Или погибнем, или выполним задание!

Он, оказывается, до перехода в разведку был пулеметчиком в 1-й роте, хорошо знал местность этого участка обороны, знал все пути наилучшего подхода к немецкой обороне.

Майор успокоился, скомандовал:

- Марш отдыхать! Я к вам к обеду подойду!

Пришли в свое расположение, уставшие, голодные, морально разбитые.

В разведку ходили, как правило, натощак (на голодный желудок легче перенести пулевое ранение в живот). После обеда надо идти на верную смерть, тем более днем. А жрать хочется, спасу нет. Позвали повара. Попросили, чтобы получил лучшие продукты и приготовил сытный обед. Мы расположились отдыхать. Но какой может быть сон, когда через несколько часов надо идти на такое страшное дело?

Повалялись час-другой, почистили и проверили автоматы. Часов в два дня обед был готов.

Подошел майор, совершенно спокойный, не бешеный, каким был утром. Шутит, угощает всех папиросами. Пообедали вместе, «приняли» грамм по 200. На задание вызвался идти и наш «Кацо» - повар. Снова нас 9 человек (командир взвода – лейтенант с нами не ходил). В разведке, как в театре, роли тщательно распределяются; майор начал подбирать группы: в группу захвата вошло 7 человек во главе с Анатолием Томасом, группа прикрытия (блокирующая) – 2 человека (я был назначен старшим). Надо подойти незамеченными и действовать по обстановке. Группа захвата врывается в немецкие окопы, ловит немца (или двух), вытаскивают за траншею и уходят. Я с напарником остаемся все время на бруствере траншеи и прикрываем отход товарищей, уходим только тогда, когда товарищи вместе с «языком» будут в безопасности. Вооружение: у каждого автомат с запасным диском, возле пояса нож в чехле, по 4 гранаты. У Томаса и у меня ракетницы и по две зеленые ракеты (если заварим «кашу», которую не сумеем расхлебать, тогда ракетой вызвать огонь артиллерии на себя).

Пришли к штабу батальона, построились на 5-и минутный последний инструктаж. Стою в строю и вижу, недалеко под деревом стоит мой земляк Мишка Белый, который «пристроился» вестовым при штабе. Стоит и пристально смотрит на меня, на глазах слезы. После команды «Разойдись!» подхожу к Мишке, вытаскиваю из кармана все бумажки: письма из дому, от братьев с фронта, аттестат за 10 классов (сам не знаю, зачем я его взял из дому) и передаю земляку. Говорю:

- Возьми и сохрани. Если возвращусь, вечером вернешь. А вдруг … чего-нибудь – перешлешь отцу и напишешь. Сообщишь все подробно, а то в нас такая «собачья» часть, что могут даже извещение не послать. А пока, прощай!

– Обнялись, расцеловались, и я побежал догонять товарищей. До передовой по траншеях полчаса ходу. Прибыли в расположение 1-й роты примерно к 16 часов (4 часа дня). Здесь нас еще пулеметчики угостили компотом (сами как-то днем варили в ущелье). Сильная жара, на небе ни облачка.

Опустились к Днестру, придерживаясь метров 30 от берега, пошли между кустарниками. Движемся вверх против течения. Здесь уже советская оборона на противоположном (левом) берегу Днестра, немецкие окопы высоко вверху с левой стороны от нас, нам их совсем не видно. Прошли метров 300 и увидели влево тропинку, которая вела вверх к немецким траншеям. Начиналась тропинка возле берега, где выкопана копанка. Все ясно: по этой тропинке немцы по ночам ходят к Днестру за водой.

За несколько месяцев обороны тропинка «отшлифована» немецкими задницами, что блестит, как асфальт.

По этой тропинке мы и направились вверх к немецким траншеям. Лезем гуськом: один за другим.

Вот и бруствер немецких траншей. По брустверу спирали колючей проволоки, но против тропинки проход. Оказывается, тропинка привела нас прямо к немецкому блиндажу. Расположились цепочкой, прижавшись к брустверу с противоположной стороны от немцев. Слышно, как немцы возле блиндажа разговаривают. Анатолий Томас крайний слева со своей группой захвата, я крайний справа, возле меня мой напарник Иван (фамилию позабыл).

Лежим не дыша, прислушиваемся. Слышим, как по траншее к блиндажу идут несколько человек (когда лежишь, прижавшись к земле, хорошо слышно).

Слышны крики, оживленные разговоры. Страшно, конечно, за несколько метров, по другую сторону бруствера, немцы, и неизвестно, сколько их. А нас всего только 9 человек. Чувствуется, как под пилоткой будто бы волосы подымаются, во рту пересыхает. Значительно позже, спустя 45 лет, я в каком-то журнале прочитал стихотворение поэтессы – фронтовички Юлии Друниной, там есть такие слова:

Я только раз видала рукопашный
Раз – наяву и тысячу во сне
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Эти слова напомнили мне мое состояние под бруствером немецкой траншеи в том далеком 44 году.

Оживление у немецкого блиндажа прошло, слышно редкие отдельные слова.

Пора! Мы, как лежали цепочкой, все переглянулись и без никакой команды – все девять встали. В каждого в руках по две гранаты. Стоим перед немецким блиндажом, рядом большой просторный окоп, целый котлован, посредине котлована – круглый земляной стол, вокруг стола – земляные скамейки, на которых сидят, в разном положении немецкие солдаты и … все читают, не обращая никакого внимания на нас. Оказывается, им только что принесли почту (поэтому мы и слышали радостные возгласы, оживленные разговоры).

Немцы так увлеклись почтой, что не видели, как мы встали. Немцев – человек 10. Срываем кольца из гранат в правой руке, бросаем в котлован, быстро с левой руки перекладываем гранаты в правую – бросаем по второй. И только, когда щелкнули пружины первых гранат, когда они уже летели в котлован, немцы увидели нас. Какой только вой поднялся в котловане. Бросив сразу 18 гранат, мы попадали за бруствер, и когда гранаты «сделали свое дело», мы вскочили на ноги, начали стрелять из автоматов по блиндажу, но ничего не видно: дым, пыль …

Томас со своей группой прыгают в траншею и бегут влево – там тупик обороны немцев, и в наблюдении обязательно кто-то есть. Мы с товарищем вдвоем остались возле котлована следить за правой траншеей и отсекать немцев, если они попытаются прийти на помощь к блиндажу.

В траншее слева, куда побежала группа захвата, слышны автоматные очереди, взрыв гранаты, и все смолкло.

Дым и пыль постепенно рассеиваются, стало видно вход в блиндаж. В котловане лежат несколько убитых немцев. Тишина и со стороны немцев в правой траншее. Нам неизвестно, какой успех в группе захвата. Я решаюсь опуститься в котлован и обследовать блиндаж. Предупредил своего напарника, чтобы не спускал глаз с правой траншеи. Прыгаю в котлован и, прижавшись к стенке, осторожно пробираюсь ко входу в блиндаж. Страшно. Если в блиндаже есть кто-то, то ему меня видно через вход на солнце прекрасно, мне же в темноте блиндажа ничего не видно. Тот, что мог оказаться в блиндаже, запросто имел возможность автоматной очередью перерезать меня пополам. Но из блиндажа никто не стреляет, внутри слышны стоны. Захожу внутрь блиндажа, присматриваюсь: лежит один тяжело

раненный немец – уже немолодой солдат, ему гранатой вырвало правую сторону груди. Я вытянул его в котлован на солнечный свет, определил, что для «языка» он не годный, из левого кармана его летнего кителя вытащил документы, обшарил карманы убитых, забрал их документы. В одном кармане нашел накомарник (на Днестре по ночам часто беспокоили комары) – зеленую сетку, на подобии нашей хозяйственной «авоськи». Сложил все документы в сетку, завернул конец под ремень гимнастерки. Стало не так страшно, захотелось еще что-то прихватить. Снова забежал в блиндаж: валяются немецкие автоматы, брать не захотел, у меня есть свой. Заглянул под длинный и широкий топчан, там лежал на земле бинокль, подтянул автоматом к себе, осмотрел – стекла целы, одел себе на шею. Больше ничего не брал, подошел к брустверу, товарищ подал руку, помог взобраться наверх траншеи. Лежим. Кругом тишина, даже не верится, что мы у немецкой траншеи.

Я решил, что группа захвата к нам не возвратится, если они взяли немца, то зачем им его тащить в немецкий тыл к блиндажу, когда можно добраться в расположение нашей I роты напрямую, через кусты, это совсем рядом. Поэтому говорю:

- Давай, Иван, будем отходить.

Мой Иван рад стараться, мгновенно скрылся в кустах. Я тоже хотел бежать за ним, но какая-то интуиция заставила меня оглянуться.

И в этот момент я увидел в траншее слева одни верхушки пилоток, ребята из группы захвата бежали обратно к котловану. Я возвратился, ожидаю над траншеей. Они, увидев меня, выкатили за бруствер траншеи раненого Анатолия Томаса, снова побежали обратно, ничего не сказав, а я не успел спросить.

Страшно смотреть, каким изуродованным был командир группы захвата: правая нога выше колена оторвана совсем (нет ни ноги, ни ботинка). Кисть левой руки раздроблена, превратилась в какой-то окровавленный обрубок, все лицо в крови. На нем нет ничего: ни оружия, ни ремня, нет даже пилотки.

Я мгновенно подскочил, взвалил раненого на плечи и пополз с ним в кусты напрямую, чтобы быстрее добраться к своим. Он сгоряча еще не потерял сознание, ругается и кричит: - Бросай оружие, спасай меня! – Я ему говорю: - Ты что? Ведь мы остались вдвоем в тылу немцев, а если они утроят погоню? Чем мы будем обороняться?

Затащил я его в такие кустарники, что дальше и сам не поползу и его не протяну, но и немцам нас не найти, можем ждать до самой ночи. Но товарищ истекает кровью, решил сам оказывать помощь.

Нашел в него инд. пакет, вытащил свой, но для перевязки таких ранений нужно намного больше перевязочного материала. Первое – надо сделать закрутку на оставшемся обрубке ноги. В таком нервном состоянии я не чувствую боли: руками ломаю ветки колючего шиповника, из ладоней и пальцев струится кровь, обчухриваю колючки и, приготовив нужную палку, делаю быстро закрутку на культе оторванной ноги (совсем позабыв, что возле пояса есть нож). Кое-как перевязал раздробленную кисть руки, бинты кончились. Раненый потерял сознание.

Снимаю свою пилотку, одеваю на голову раненого, отворачиваю бока пилотки, натягиваю на глаза и, прижимаясь к самой земле, тяну товарища дальше вниз к Днестру. Вот-вот берег, кусты стали реже, продвигаться стало легче. Слышу, совсем рядом, в кустах разговоры. Прислушиваюсь. Наши. Рыскают по кустам, ищут нас. Зову на помощь.

Подбежали товарищи, забрали раненого и быстро унесли. Я и еще 3 человека идем сзади, возле самого берега, где деревья совсем редкие. Наши пехотинцы с противоположного берега наблюдают за нами (в этом месте Днестр узкий – метров 150). Вдруг сзади слышим выстрелы, стреляют разрывными. Оглядываемся и видим, что по берегу метров за 300 от нас бегут человек 10 немцев и на ходу стреляют по нас из винтовок. Пули свистят, а зацепившись за ветки деревьев – лопаются. Мы попадали на песок, но из 4-х автоматов лишь в одного из нас автомат «заработал», в остальных не стреляют (засорены песком). Под автоматным огнем немцы тоже попадали. Мы подсовываем товарищу запасные диски, чтобы он быстро мог перезарядить свой автомат. Немцы прижимают головы в песок.

Наша пехота из траншей на противоположном берегу смотрит это «кино» и никак не поймет: почему мы шли и попадали, по ком ведет огонь наш автоматчик. Тогда мой напарник Иван подымается во весь рост и громко орет на другую сторону: - Ребята, прикройте огнем, а то вон «фрицы» нас домой не пускают!!!

Начал объяснять и показывать, где лежат на песке немцы. Наконец, на левом берегу увидели немцев. Открыли огонь из 2-х ручных пулеметов. Немцы еще плотнее прижимаются к песку.

Мы в это время подхватываемся и бегом преодолеваем расстояние, оставшееся до I роты.

Здесь, под скалой, мы увидели лежащего на плащ-палатке раненого немца, который был совсем раздет, лежал в одних трусах с повязкой на животе по самую грудь, ему Анатолий Томас успел из автомата вогнать в ребра 3 пули. Рядом фельдшер из медсанбата делал перевязку нашему Томасу.

Отдыхаем, перекуриваем. По связи, видать, раньше доложили в штаб о результате разведки. Нам сообщили, что командир батальона подполковник Степанов требует всех разведчиков к себе на НП (наблюдательный пункт). Ребята ушли, а я никак не могу отдышаться после такой нервной и физической перегрузки, я совсем ослаб, не могу прийти в норму. К тому меня еще здесь на Днестре часто мучила малярия.

Иду последним, наши давно ушли. Солдаты других частей и подразделений подсказывают, куда по траншеях пошли наши разведчики. Наконец, увидел в траншее указатель «Х-во Степанова». Иду по указателю, который начал повторяться чаще. Вот и НП подполковника. Возле блиндажа все наши ребята, ждут меня. Командира батальона нет, позвали на связь. Ожидаем.

Появляется подполковник и спрашивает: - Прибыл ваш товарищ? – Я подымаюсь и докладываю. Весь я в крови: одежда, руки, лицо, волосы на голове. Передаю комбату бинокль (не пойму, как он остался цел), немецкие документы.

Командир протягивает руку, пожимает мою, говорит:

- Спасибо, товарищ Сердюк!

Я ему:

- Что вы, товарищ подполковник, я же весь в крови, вы испачкаетесь!

В него на глазах появились слезы, говорит:

- Ничего, ничего, сынок! Это наша русская кровь. Эх, как ее много пролилось в эту войну и еще прольется. Спасибо за образцовое выполнение задания командования!

Мы хором гаркнули:

- Служим Советскому Союзу!

- Идите, товарищи, в свое расположение, я там в отношении вас дал указание.

Прибыли к своему блиндажу, где нас ожидал превосходный ужин и водка (кто сколько выпьет).

Пошли к Днестру, помылись (было уже темно). Я бросил свое обмундирование возле берега (его нельзя было одевать), пришел в одних ботинках и кальсонах.

В блиндаже, при коптилке организовали ужин.

Пришел из штаба рассыльной – мой земляк Михаил Белый, вернул мне все бумаги, которые я ему давал на сохранение, еще передал два письма от братьев Григория и Василия с фронта и сообщил нам горькую весть: наш товарищ Анатолий Томас умер. Его нельзя было нести на носилках по траншеям, ожидали вечера, и когда стемнело, уложили на лодку и за течением везли в медсанбат. В лодке он и скончался. Со всего взвода разведки нас осталось 8 человек.

Утром из склада вещснабжения мне выдали полный комплект (даже и ботинки) обмундирования, не новое, а снова б/у, только чистое (один бушлат, вместо шинели, дали новый). Мы пошли в медсанбат, забрали тело своего товарища и сами похоронили возле Днестра, где было небольшое кладбище тех, кто умер от ран. Это было 3 июля 1944 года.

Документы об нашем освобождении из штурмбата для нас были готовы. Каждому выдали розовую справку (бланки были отпечатаны в типографии), где от руки было прописано: фамилия, имя, отчество, воинское звание (офицерское) и время прохождения службы в 5 отд. Штурмов о батальоне, указано, что за образцовое выполнение задания командования освобождается от службы в этом батальоне.

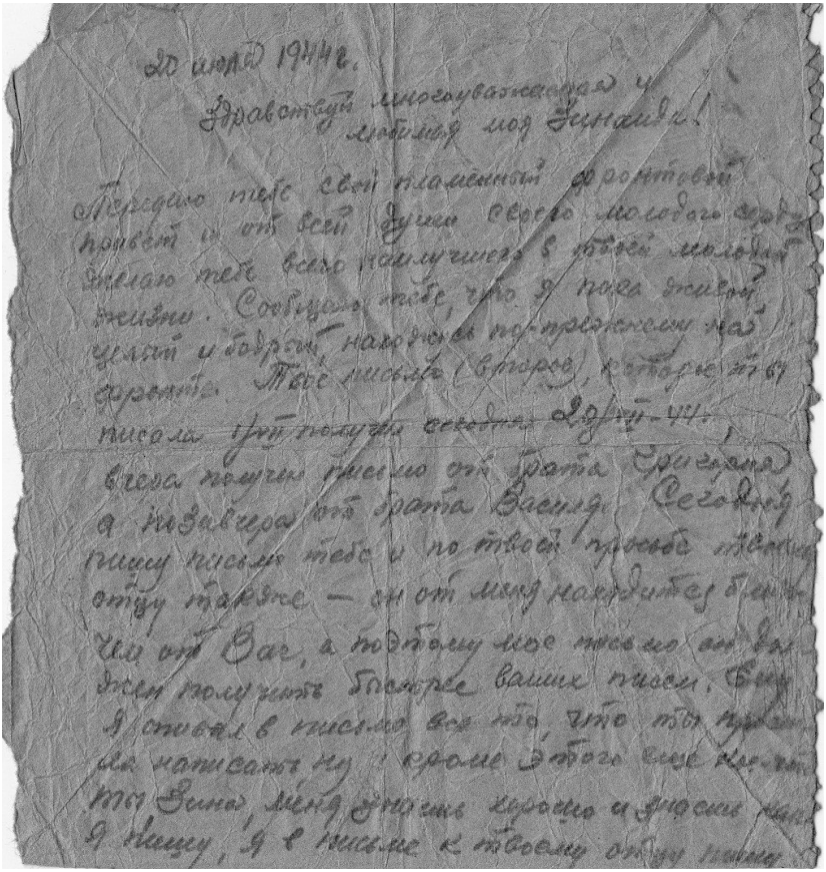
На всю команду выдано командировочное предписание, согласно которого мы должны прибыть в полк резерва офицерского состава 3-го Украинского фронта 5 августа 1944 года. Этот полк находился в с. Сталино недалеко от Одессы, до которого от Днестра можно было добраться не более, чем за одни сутки.

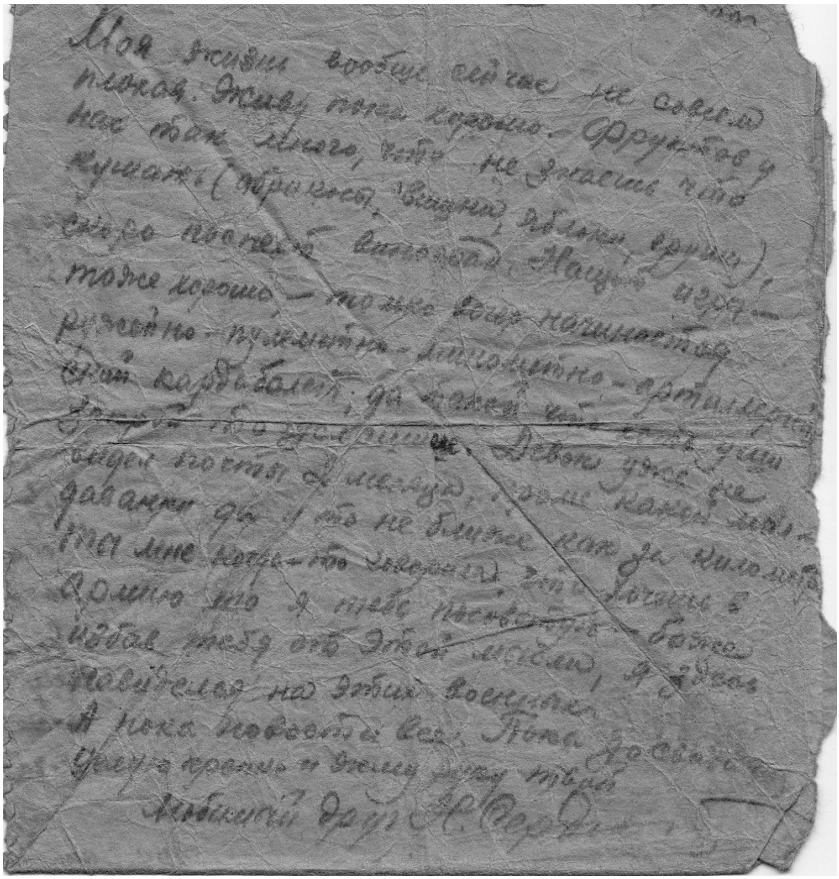
Вероятно, командование нашего батальона дало нам целых 5 суток, чтобы мы погуляли и отдохнули.

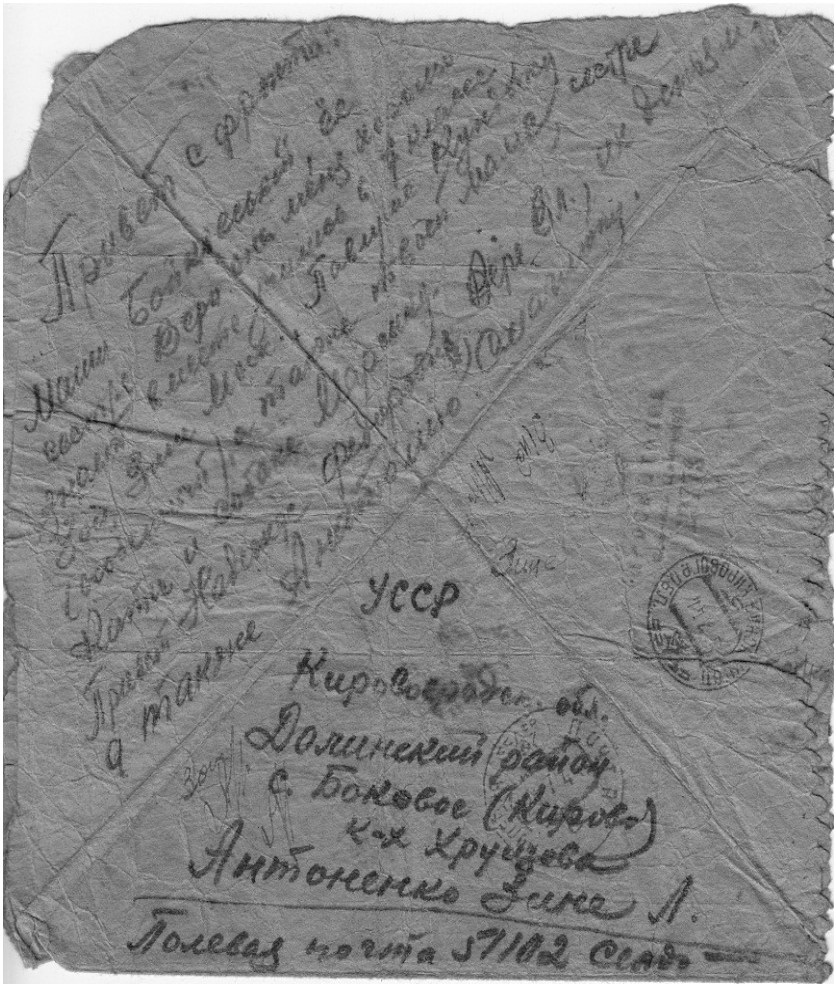
Наши ребята, которые доставили «языка», прихватили с собой одежду и обувь раненого немца: пригодится – все можно обменять молдаванам на вино и табак, а немца в госпитале или в лагере военнопленных все равно оденут. Получили продукты на дорогу: продуктов выдали почему-то больше, чем положено: каждому досталось банок по 4 американской тушенки, по 2 банки английского бекона, другие хорошие продукты. Часа в 2 дня переправились на лодке на левую сторону Днестра и начали двигаться по направлению Одессы. Шли пешком, ехали на попутных машинах и в тот же

день добрались до станции Раздельная. Время было к вечеру. Сели под деревьями покушать и обсудить, что делать дальше. Некоторые жили недалеко от Одессы, решили заскочить домой, ведь до 5 августа еще далеко.

Письмо Сердюка Н. П.







Другие с ними решили не разлучаться. Так как я в разведке новичок, то никто не знал, откуда я.

Спросили:

- А где твой дом?

Я объяснил, но никто не знал станции Долинской на Кировоградчине, тогда я уточнил, что это в районе Знаменки, которую знали все. Решили, что

это недалеко от Раздельной, и я могу за сутки быть дома. Рассчитали: сутки домой, сутки обратно, суток двое побуду дома и на 5 августа прибуду вместе со всеми в полк. В этот момент подошел товарняк, который двигался в сторону Знаменки, и я … (к своему счастью или несчастью) поехал. Ехал до вечера и всю ночь, в тамбурах и на сцепках, на крышах вагонов, пересаживался с одного поезда на другой. Летел, как на крыльях, домой. В пути встречал многих таких, как и я, «зайцев». Сумел обменять свои ботинки на новые офицерские хромовые сапоги и пилотку на артиллерийскую фуражку, свой парусиновый ремень на кожаный офицерский. Можно было и лейтенантские погоны нацепить, но на это я пока не решался.

Короче говоря, я внешне преобразился, стал хотя немного похожим на офицера. Не так стыдно было стать перед глазами родителей и односельчан.

Весь этот обмен состоялся с дотацией с моей стороны за счёт продуктов. Мой вещевой мешок сильно «похудел», зато я обрел достойный вид.

Прибыл я в Знаменку на рассвете 1-го августа. Было еще темно. На путях встретил железнодорожника, спросил, не будет в скорости какого-нибудь товарняка в сторону Николаева? Он ответил: - Вон только что ушел, а когда будет следующий, не знает. – Я с сожалением увидел удаляющиеся красные огоньки заднего вагона.

Решил идти на вокзал, узнать, возможно, будет идти какой-то пассажирский поезд в сторону Долинской, и я смогу уехать. Только прибыл на вокзал, рассветало. Но лучше бы я сюда не приходил.

То, что здесь случилось, искорежило мою судьбу на длительное время, а возможно и на всю жизнь.

Злая шутка судьбы. Впервые в тюрьме

Перед восходом солнца вокзал ст. Знаменка окружили «краснопогонники» (так называли внутренние войска НКВД), начали проверять документы. Я ехал домой без документов, которые давали бы мне право на это. Меня задержали и доставили в железнодорожную комендатуру ст. Знаменка. Все мои бумажки отобрали, а меня закрыли в старый заброшенный подвал, где было много крыс. Где-то в часов 10 утра меня привели к майору – коменданту станции. Я ему объяснил, что только позавчера, рискуя жизнью, ходил в разведку. За образцовое выполнение боевого задания досрочно освобожден из штурмбата и должен прибыть в запасной офицерский полк 5 августа (мое объяснение подтверждала отчасти

моя розовая справка), объяснил, что мне очень хотелось заскочить домой, так как к 5 августа я вполне успею прибыть к месту назначения. Как будто все правда, и майор мне верит, но по закону я же самовольно, без разрешения и без документов еду домой и вообще неизвестно, куда я еду. Полк под Одессой, а я еду в противоположную сторону. После беседы майор сказал: - Иди, гуляй. Подойдешь часа через 3-4.

Так в этот день ничего не выяснилось. К вечеру майор сказал прийти завтра. А где же ночевать? На вокзале? Продукты в меня еще в вещмешке были. Пошел в с. Знаменку за 3-4 км от вокзала, где жил брат тетки Фроси - жены дядьки Григория Семеновича. Разыскал родственников, в которых никогда не был. Хозяин был железнодорожником, его по брони на фронт не брали.

Приняли хорошо. Накормили. Переночевав, рано утром возвратился в комендатуру, где сказали идти в Знаменский райвоенкомат, куда переданы все мои отобранные документы, и там выяснять, что со мной будут делать. При военкомате уже собрали человек 20 задержанных – все военные, были и девушки в военной форме. Дня три «выясняли». Разместились в разрушенной хатенке рядом с военкоматом, ели, что в кого было. Пустым стал и мой вещмешок. По ночам начали «промышлять» по огородам, воровать картошку и овощи. Я несколько раз обращался к райвоенкому: отдайте мне мои документы, и я поеду обратно в полк, уже домой не хочу. Отвечает: ожидай, выясним. Наконец, на 4-й день вызвали 8 человек и в сопровождении 2-х автоматчиков направили в Кировоград. Ехали товарным поездом на каких-то бревнах.

В Кировограде нас сдали в гарнизонную комендатуру. Посадили в подвал, где было несколько камер КПЗ. На следующий день вызвали на допрос, а через день предъявили ордер на арест и закрепили за мной постоянного «опекуна» - следователя гарнизонной комендатуры ст. лейтенанта Опарина. Следователь попался не грубиян, обходительный, он на меня не кричал, не оскорблял, не ставил провокационных вопросов. Я чувствовал, что Опарин мне верит, но предъявленное мне обвинение в дезертирстве в военное время было в некоторой степени серьезным основанием для моего ареста и содержания под стражей. Не знаю, делали ли обо мне запрос в Запасной полк, куда мне надо было прибыть 5 августа, или решили без тщательного разбирательства определить мне меру наказания, но сидел я довольно долго. После 2-3-х допросов меня отправили в Кировоградскую областную тюрьму, и никто меня не вызывал на допросы

почти 2 месяца. Один только раз приезжал в тюрьму Опарин, кое-что спросил, попытался «уговорить», чтобы я «сознался», что я дезертир и уехал. Известно, что за дезертирство в военное время даже расстреливали, но уже шел 4-й год войны, и мне угрожала штрафная рота. Этот вопрос мог решиться даже без трибунала, а за решением какого-нибудь генерала – коменданта гарнизона. Напишет на моем деле: «3 месяца штрафной роты» - иди, воюй, смывай кровью вину перед Родиной, все равно оттуда живым и целым не вернешься. Я привык к своей участи за два месяца заключения в тюремной камере. Волновало и не давало покоя другое: дома родители ничего не знают долго обо мне. Ведь я все время пребывания в штурмбате старался ежедневно с передовой отправлять домой краткое письмо: нахожусь на фронте, пока жив, здоров. В обороне было времени предостаточно для писем, почтовый ящик рядом в траншее. Трудно бывало с бумагой, но и тут нашли выход – для писем использовали грубые обвертки обойм винтовочных патронов, среди которых можно было выбрать и чистые от смазки. Намочишь в котелке с водой и пиши химическим карандашом, получается красиво, как через копирку, только письмо, как «царская грамота» - узкое и длинное. Сложил треугольником, подписал адрес и бросай в ящик. Доходили все до единого. И вдруг … домой перестали приходить письма. Нет неделю, вторую, месяц и больше … Что обычно думали родные и близкие в таких случаях? Или погиб, или тяжело ранен, где-то в госпитале и не может написать. Дома всегда слезы, ожидание почты, которая принесет или письмо, или … похоронку. А каково моей маме с ее сердцем?! … - Эти мысли не давали мне покоя ни днем, ни ночью.

Из тюрьмы разрешалось сообщить домой, что я нахожусь под следствием, но я не хотел волновать родителей.

Как можно было писать, что я арестован. Ведь у нас никто в роду не сидел в тюрьме. Только более чем через два месяца, уже в начале октября я решился: вызвал надзирателя, попросил конверт и бумагу и написал домой письмо. Конечно, из тюрьмы нельзя было писать все подробности, как и почему я туда попал, но дома узнают, что я жив и где нахожусь в настоящее время.

Прошла неделя, и мне в камеру передали передачу, отец прибыл в Кировоград. Но для подследственных свидания не разрешались. Я был уверен, что в меня впереди штрафная работа, поэтому решил передать отцу хромовые сапоги и написал, чтобы он мне передал свои ботинки (размер обуви в нас с отцом одинаковый).

Написал еще, чтобы отец передал табаку (я почти не курил, но «братия» по камере попросила). На второй день была суббота, нас повели в баню, куда я ходил босиком. Дали для каждого по котелку воды, но мы ее выпили и грязные возвратились (в тюрьме было очень трудно с водой, водопровод не работал), зато нашу одежду обработали от насекомых в прожарке.

Возвратились в камеру, где уже была сделана дезинфекция, сильно воняло хлоркой. Принесли баланду, пообедали и начали ожидать передачи от моего отца (передачи разносили обычно часов с 4 дня). Подошло время передач, прислушиваемся к каждому шороху в коридоре. Вдруг залязгали запорами у двери нашей камеры. Дверь открылась, и коридорный дежурный сказал: - Сердюк есть? Быстро соберитесь с вещами!

Это меня ошарашило. Я ожидаю передачи, и вдруг – собраться с вещами. Значит, меня куда-то отправят.

Дверь камеры закрылась. Ребята начали комментировать (они знали все тюремные порядки), объяснили мне, что все будет хорошо, ибо суббота, а по субботам не вызывают на медкомиссию перед судом, по субботам не бывает заседания военного трибунала и суда.

Значит, меня вызывают или на свободу, или отправят в запасной полк или в штрафную роту. Минут через 10 камера снова открылась, и дежурный скомандовал: - Сердюк, выходи!

Я вышел в коридор. Возле нашей камеры стояли еще 3 человека, таких, как я в военной форме. Нас повели из второго этажа вниз и через тюремный двор завели в какую-то тюремную канцелярию, которая была возле ворот. За столом сидел мл.лейтенант милиции и что-то писал. Нам приказали сесть прямо на пол. Мл.лейтенант поднял глаза и начал нас рассматривать, и вдруг лицо его исказилось … он увидел, что я босиком. Заорал: - А ты, сука, мать-перемать, почему босой? Где твоя обувка? В карты проиграл, стервец? – Я объяснил, что меня водили в город к следователю, конвой попался хорош, на обратном пути зашли на базар, «толконули» сапоги, выменяли жратвы и курева и т.д. (такие случаи были). Правды о том, что я передал сапоги отцу, я не сказал. Еще меня он поругал отборной матерщиной, потом сказал:

- Что с тобой, герой, делать? Я тебя обратно в камеру засажу!

Но я уже был не тот, каким был в первые дни, когда прибыл в тюрьму. За два с половиной месяца я прошел хорошую начальную подготовку среди уголовников, «нахватался» блатных словечек. Стал по-другому смотреть на тюремных чиновников, перестал их стесняться и бояться.

Говорю: - Э, начальничек, этого ты не сделаешь, ты должен меня отправить обязательно, ибо это приказ свыше. А не выполнишь приказ, не меня, а тебя накажут. Чего доброго смогут и на фронт послать (они очень боялись фронта).

Тогда мл.лейтенант зовет: - Старшина!!! – Прибежал какой-то сержант. – У тебя нет в каптерке колодок? – потом ко мне: - Какой размер обуви носишь? – Я ответил, что где-то 43-й.

Через минуту мне к ногам бросили эти «колодки» - обыкновенные парусиновые туфли, только подошва деревянная, толще, чем на палец. Шнурков не было. Я обулся на босую ногу. Тесноваты, но идти можно. Поднялся на ноги и начал пробовать ходить по комнате, а мои «туфли» гремят, как кандалы.

Мл.лейтенант кричит: - Да сядь, мать твою, что ты гремишь, как лошадь? - Я снова сел на пол.

Ребята, которых привели вместе со мною, смеются. Наконец, все процедуры оформления на нас бумажек закончились, и нас вывели за ворота тюрьмы.

О, Боже! За воротами нас ожидал конвой: человек 10 автоматчиков, старший конвоя сержант с пистолетом за поясом (наголо) и еще огромная псина – овчарка. И этот конвой должен сопровождать нас, 4-х арестантов. Стало как-то не по себе. Так, вероятно, не сопровождают и смертников, приговоренных к расстрелу.

Я мельком посматриваю налево, где толпа людей, что приносят передачи, и увидел своего отца.

Подал ему знак, подняв руку к козырьку фуражки. Отец заметил и направился к нам, но я жестом предупредил, что приближаться нельзя. Нас гонят по мостовой, отец идет параллельно по тротуару, посматривает на меня, … вытирает платком слезы. Свернули вправо в какой-то глухой переулок, заросший с обеих сторон бурьяном и кустарниками. Здесь конвой догнала пожилая женщина и жалобно просит: - Солдатики! Разрешите покормить арестованных. Сержант сказал: - Обождите немного, пока мы отойдем подальше от тюрьмы, я разрешу. Немного подальше нас остановили, тетка поднесла в кастрюльке картошку – пюре. Была одна деревянная ложка, какие-то лепешки. Ребята были голодные, они втроем быстро начали есть картошку, передавая ложку друг другу. Я в это время обратился к сержанту:

- Сержант, а мне можно с отцом поговорить?

- А где твой отец? – спросил сержант.

- Вон, на обочине стоит.

Сержант увидел моего отца, позвал:

- Папаша, подойдите поближе, - отец подошел, мы обнялись, пока ребята ели, перебросились несколькими словами. Я узнал, что мой отец вчера виделся с моим следователем, и тот сказал, что завтра отец увидит своего сына. Это сообщение ободрило меня, появилась некая надежда. Но с другой стороны – тревожно, почему нас сопровождает такой многочисленный конвой? …

Двинулись дальше. Пришли в центр города. День клонился к вечеру. Суббота. На улицах много народу. Сюрчки конвоя. Транспорт, прижавшись к обочине, останавливается. Нас гонят посредине проезжей части улицы, руки назад, головы наклонены. Как только стыдно и унизительно. Люди нас сопровождают глазами, ведут себя по разному: одни сочувственно утирают слезы, другие довольно улыбаются, думают: «Что, гады, попались!» Прибыли в гарнизонную комендатуру, где мы до тюрьмы находились в КПЗ. Завели в коридор, мы сели на длинной скамейке. Коридор темный, мало освещенный, без окон. Прошли не больше двух минут, как дверь в конце коридора в одном кабинете открылась, оттуда вышел человек и спросил: - Сердюк прибыл?

Я отозвался. Он приказал:

- Быстро зайди ко мне.

Это был Опарин. Когда я зашел к нему в кабинет, он уже сидел за столом и насквозь пронизывал меня глазами. Спрашивает:

- Ну как, дезертир?

Я ответил:

- Виноват. Допустил необдуманный поступок, но я не дезертир. Готов понести наказание. Пошлите меня в штрафную роту.

Такое я ему уже многократно говорил. Он предложил мне сесть, начался разговор:

- Отца видел? Знаешь, что он в Кировограде?

- Видел на расстоянии, когда выводили из тюрьмы.

- А твой старик – молодец, он помог нам разобраться и доказал, что его сын не дезертир, а воевал честно. Но обо всем он тебе сам расскажет. Значит так: судить мы тебя не будем, в штрафную роту направлять не будем, ты там побывал. Но в запасной офицерский полк 3-го Украинского фронта ты уже не попадешь. Фронт сейчас за границей, и где твой полк, нам неизвестно. Мы тебя направляем в резерв Одесского военного округа, а оттуда – куда

пошлют. Надеюсь, это тебе будет урок на всю жизнь, и ты больше не решишься ехать домой самовольно.

Я ему ответил, что своим детям и внукам закажу быть осмотрительными.

Предупредил, что у них сейчас кончается обеденный перерыв, и через полчаса я в комнате № … получу все документы, и завтра с утра отправлюсь в Одессу в штаб округа. Меня удивило, что у них обеденный перерыв под вечер, но я промолчал. Я тогда не знал, что следователи в то время работали по ночам.

Из кабинета вышли вместе. Опарин громко позвал: - Конвой! Этого человека (указал на меня) можете не охранять (возле скамейки, где сидели прибывшие со мной ребята, был только один автоматчик).

Я знал, где выход во двор, побежал в туалет, а оттуда обратно, и вышел на парадный выход на улицу. На крыльце сидел отец. Начали беседовать. Отец мой оказался более предусмотрительный, чем я ожидал. Он, отправляясь в Кировоград, захватил с собою два письма, которые писали домой мои однополчане из 5 штурмбата Ефим Ветряк и Михаил Белый (жена Ветряка и отец Белого были соседями моих родителей). В обоих письмах товарищи писали обо мне примерно так: Николай Сердюк уже не с нами, он был разведчиком, взял немецкого «языка», отличился, и его перевели в другую часть. Этого было достаточно, чтобы подтвердить мои показания на следствии, поэтому следственный отдел гарнизонной комендатуры г. Кировограда решил, что человек, только что вышедший из штурмового (такого же штрафного) батальона, как герой, не мог дезертировать из армии, тем более его направили не на фронт, а в тыл.

Поэтому дело прекратили за отсутствием состава преступления, и меня освободили.

Мой отец встретился со мною по пути из тюрьмы в комендатуру, не спускал с меня взгляда на всем пути и сейчас, разговаривая на крыльце комендатуры, он не обращал внимания на мои ноги. И, вдруг увидел на ногах колодки, он спросил:

- А во что это ты обутый?

Я рассказал, что вчера передал из камеры ему свои сапоги и написал записку, чтобы отец мне передал свои ботинки. Но сапог отцу не передали, сообщили, что сын, мол, передавал вам сапоги, но это не разрешается тюремным режимом, и сапоги ему обратно вернули в камеру. Не передали отцу и мои записки, пустого мешка.

Все стало ясно: тюремщики мои сапоги уворовали. Что же делать? Ехать в Одессу в колодках, или в колодки переобуть отца? Ни то, ни другое не подходило.

Поэтому, получив все документы и ж.д. билет до Одессы, мы с отцом пешком пошли к тюрьме. Кто бывал в Кировограде и знает, где на окраине города находится тюрьма, знает, что расстояние от центра города для пешехода далекое (да еще, когда он обут в колодки), поэтому пришли к сумеркам. Возле окна комнаты, где принимали передачи, было много людей (преимущественно женщин и стариков). Они узнали отца. Я попросил пропустить меня к окошку. Очередь расступилась. В комнате стало тихо. Слышу сзади шепот: «Это сын того дедушки. Его выпустили».

Подхожу к окошку, в которое с обоих сторон видно только голову по плечи. Вижу погоны лейтенанта. Объясняю:

- Вчера из такой-то камеры следственного корпуса подследственный Сердюк передал своему отцу сапоги, которые ему не передали. Какая судьба этих сапог? Лейтенант, даже глазом не моргнув, отвечает:

- У нас не положено никаких вещей передавать из камеры своим родственникам и знакомым, поэтому мы сапоги возвратили обратно подследственному.

Это меня возмутило и взорвало, я, сколько было мочи, закричал:

- Ах, ты подлец! Как же тебе не стыдно? Да я тот самый подследственный, который передавал эти сапоги! Сморите, во что вы меня обули!

– снимаю с ноги колодку и тычу ему через окно под самый нос.

– Я же сам офицер, сегодня меня освободили, а завтра ты можешь попасть на фронт под мое начало. Как же ты будешь смотреть мне в глаза? Да я тебя сам пристрелю как собаку! Немедленно вызови начальника тюрьмы!

Лейтенант так перепугался, что не мог внятно говорить. Дрожащим голосом он начал выпутываться:

- Товарищ, успокойтесь! Обождите немножко! Это какое-то недоразумение. Сейчас выясним,

- окошко закрылось. Не прошло и двух минут, как окошко снова открылось, и мне выбросили мои сапоги вместе с мешком, в котором отец передавал передачу. Окошко снова захлопнулось. Я выругался, и мы с отцом пошли на улицу. Пришли на квартиру к одной старушке недалеко от тюрьмы, где отец прошлую ночь ночевал, договорились о ночлеге уже на двоих. Эта старушка подрабатывала тем, что давала приют иногородним, которые навещали

тюрьму. Бабка сварила суп, нашелся хлеб, лук, принесла бутылку самогона, и мы «отпраздновали» мое освобождение. Почти всю ночь не спали, разговаривали. Поднялись рано, позавтракали, чем Бог послал, я обул свои сапоги, и мы пошли на восточную окраину города, я решил проводить отца, а потом уже ехать в Одессу. Сели на обочину дороги, начали переобуваться: отец обул мои сапоги, а я его ботинки. Отец встал, попробовал ходить, говорит:

- Какие мягкие и легкие.

Колодки отец в мешке забрал домой для «памяти» о моем пребывании в Кировоградской тюрьме. Прощаемся, плачем (возможно, навсегда, ведь впереди еще 7 месяцев войны).

Была средина октября, но погода теплая, солнечная. Я пришел на вокзал, устроился на воинский эшелон, который направлялся на фронт. На Полюшной этот поезд задержался, и я пересел на товарняк, снова на какой-то станции пересел у вагон, в котором ехали две еврейские семьи из эвакуации в Одессу. Меня не пускали в вагон, но я, проявив настойчивость, сумел с ними договориться. В вагоне было два здоровых мужика, их жены и дети. Сначала было тревожно, чтобы меня не выбросили из вагона на ходу. Но дальше наши взаимоотношения наладились, и меня евреи в пути даже подкармливали. Отец дал мне на дорогу из скудного своего запаса немного денег.

Прибыв в Одессу, я в первую очередь зашел в парикмахерскую подстричь волосы, которые только начали отрастать, побрился.

Пошел искать штаб Одесского военного округа, который находился на улице Островидова. Зайти в штаб было не просто. Из проходной позвонили в штаб, и только потом выписали мне разовый пропуск. Меня принял уже немолодой полковник – начальник штаба округа. Полковник был украинец, говорил с сильным украинским акцентом.

Выслушав мои похождения, он посмеялся и успокоил:

- Ничего, сынок, ты еще и «герой». К нам и не такие приходят. Все будет хорошо, - позвал старшину, приказал меня накормить. Ночевал я в штабе на столах, ибо в полковника не было времени заниматься мною – все работники штаба спешили на похороны – трагически погиб командующий округом генерал Захаров.

Дальнейшая служба в армии

На следующий день утром полковник направил меня в 64 ОПРОС (отдельный полк резерва офицерского состава) Одесского военного округа. Подробно рассказал, где находится этот полк, и предупредил:

- Из расположения полка никуда не отлучайся. По городу не болтайся, не позорь своим внешним видом Советскую армию. Там тебя будут кормить. Есть хорошая библиотека, лежи и читай. А я тебя буду иметь в виду и в скорости направлю на работу, где тебя оденут и обуют, и ты будешь иметь приличный вид советского офицера. В нашем полку тебя переобмундировать нечем.

– В этом полку я пробыл всего несколько дней. За это время мне выдали только шинель из английского сукна, ибо свой бушлат, который мне дали в штурмбате, я отдал отцу домой и остался в одной гимнастерке, которая уже была рваная. Теперь шинель могла прикрыть мое до предела изношенное обмундирование, к тому же ремень в меня был хороший. Но на ногах оставались старые ботинки отца без обмоток – этого ничем не прикроешь. Погоны, конечно, одевать было нельзя.

На фото – центр г. Одеса в 1941 г.

В скорости меня и еще 2-х офицеров вызвали в штаб округа и направили в Запасные полки в г. Николаев, я – на должность заместителя командира маршевой роты. Поезд Одесса – Николаев отходил ночью. От полка до вокзала было далеко, а ночью по улицам Одессы ходить было не безопасно, поэтому надо еще засветло прибыть на вокзал и ожидать до 2-х часов ночи. Но в моих товарищей, с которыми я направлялся в Николаев,

была знакомая буфетчица Аня, торгующая водкой на розлив у самого вокзала. Она и жила рядом (ул. Чижикова, 60), поэтому мы прибыли к Ане на квартиру. Она жила со своей матерью – старушкой Марией Тимофеевной. В товарищей были деньги, они попросили старушку сходить на Привоз, который совсем рядом, купить, что нужно для ужина. Водка в бабки дома всегда была.

Так я познакомился с этой семьей, и часто здесь мог найти приют, когда позже неоднократно приезжал или уезжал с Одессы. В Ани был еще сынишка Юра, лет 6-и, где муж Ани и вообще, был ли в нее такой, меня не интересовало, да я ее почти никогда не видел. Меня принимала и провожала Мария Тимофеевна.

Поезд на Николаев шел долго. На Буге мост был взорван, и все поезда шли на Знаменку через Котовск. На мою родную станцию Долинскую прибыли через сутки на следующую ночь. В вагоне я приготовил домой письмо и во время стоянки соскочил из вагона, и на вокзале бросил в ящик.

Дом совсем рядом, но я после горького урока в Знаменке и Кировоградской тюрьме поклялся никогда и никуда самовольно не отлучаться.

В Николаеве я попал в 23 запасной полк какой-то Алтайской дивизии, мои попутчики попали в другие полки (их в Николаеве было три). Здесь я получил все новое: обмундирование (пока летнее), хорошие яловые сапоги, фуражку, погоны и т.д.

Предъявив в финансовую часть полка свои документы, которыми меня снабдил начштаба округа, я в скорости получил кучу денег, мне уплатили зарплату за 3 месяца – за все время моего пребывания под следствием (я сейчас не помню своего оклада, но сумма была солидная). Часть денег выслал родителям, а то оставил для себя: надо было немного приодеться, поправить свое здоровье. Здесь я перешил свою шинель на двубортную, гимнастерки под форму кителя и др. Жил я на квартире в городе по ул. 2-я Военная, квартиру оплачивал полк.

Солдат в запасном учебном полку кормили плохо по самой низкой тыловой норме. Но для нас, офицеров, была отдельная столовая, где питание было значительно лучше. За наши деньги нам выдавали талоны на завтрак, обед и ужин. В тюрьме я дошел сильно, кроме этого снова в камере вернулась малярия, ее «глушили» акрихином, и вся кожа на мне была желтая, как в покойника.

Поэтому я садился за стол три раза на день, ложил возле себя, кроме талона, еще 1 рубль. Официантка знала, что к обеду (завтраку или ужину) надо принести стакан виноградного вина.

Так я ежедневно выпивал по 3 стакана вина и через неделю в меня на лице появился румянец.

Работы в меня было мало. Запасные учебные полки готовили совсем необученных мобилизованных запаса и молодых ребят, только призванных в армию, которые после окончания обучения направились на фронт в действующую армию, которая сейчас вся воевала за границей. Наша Родина полностью была освобождена от немцев. Поэтому солдаты были самого разного возраста.

Я, как зам. командира маршевой роты, был нужен во время марша – при отправлении солдат на фронт.

Поэтому в полку я временно выполнял самые разные приказы и поручения. Возглавлял группы по выявлению в городе подозрительных лиц: немецких прислужников, дезертиров, спекулянтов, уклонявшихся от мобилизации.

Часто был дежурным по полку, заменял пом. Начальника штаба полка по строевой части и т.д.

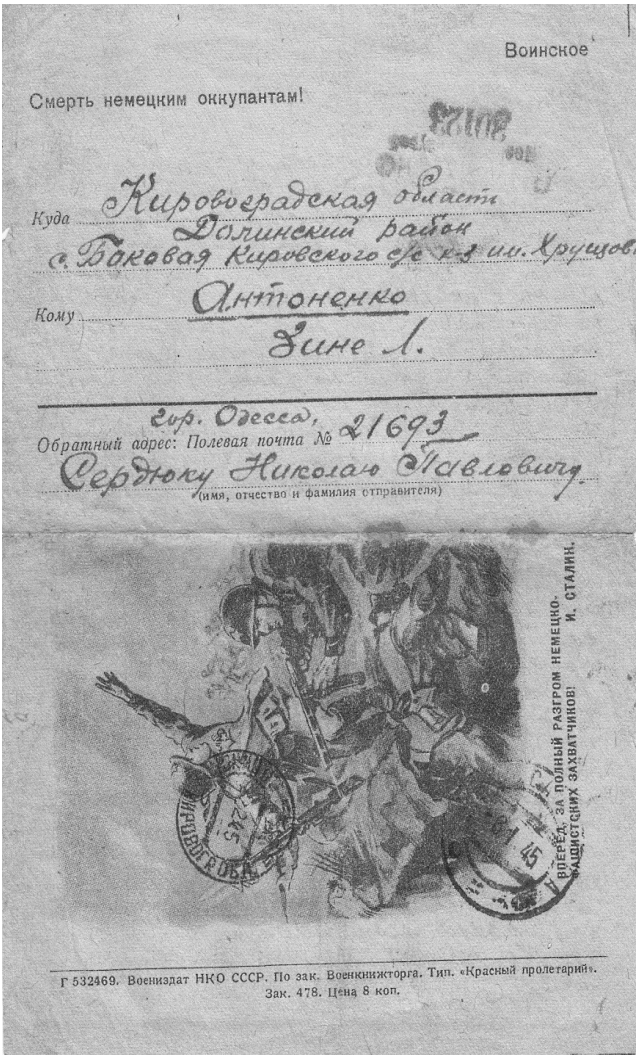
Но долго здесь я не служил; в средине ноября в Николаев прибыл какой-то генерал из наркомата обороны для инспекции учебных полков. Занялся он и проверкой офицерского состава. Или он сам, или по чьей-то подсказке, генерал заглянул и в мое личное дело - формуляр, где было записано все: о плене, о штурмовом батальоне, о нахождении под следствием.

По-видимому, я ему не понравился, он вызвал меня на собеседование, очень вежливо обо всем расспросил, а потом, под предлогом сокращения штатов сказал, что меня снова возвращают в резерв округа.

Я обратно вернулся в 64 ОПРОС. Обратно в Одессу снова ехал через Долинскую, и снова проезжая мимо дома, не посмел навестить родителей.

Наш полк резерва офицерского состава округа был теперь в другом районе Одессы, он находился на Молдаванке в здании школы. Кормили здесь очень плохо: на обед щи из черной кислой капусты, на второе – та самая капуста и ложка тушенки, чай. Зарплату платили мне, как зам. командира маршевой роты, но ее хватало в Одессе на несколько дней.

Письмо Сердюка Н. П. Антоненко З.Л. из Одессы:



Воинское

Смерть немецким оккупантам!

Куда Кировоградская область
Долинский район
с. Боковая Кировского с/с к-з им. Хрущов

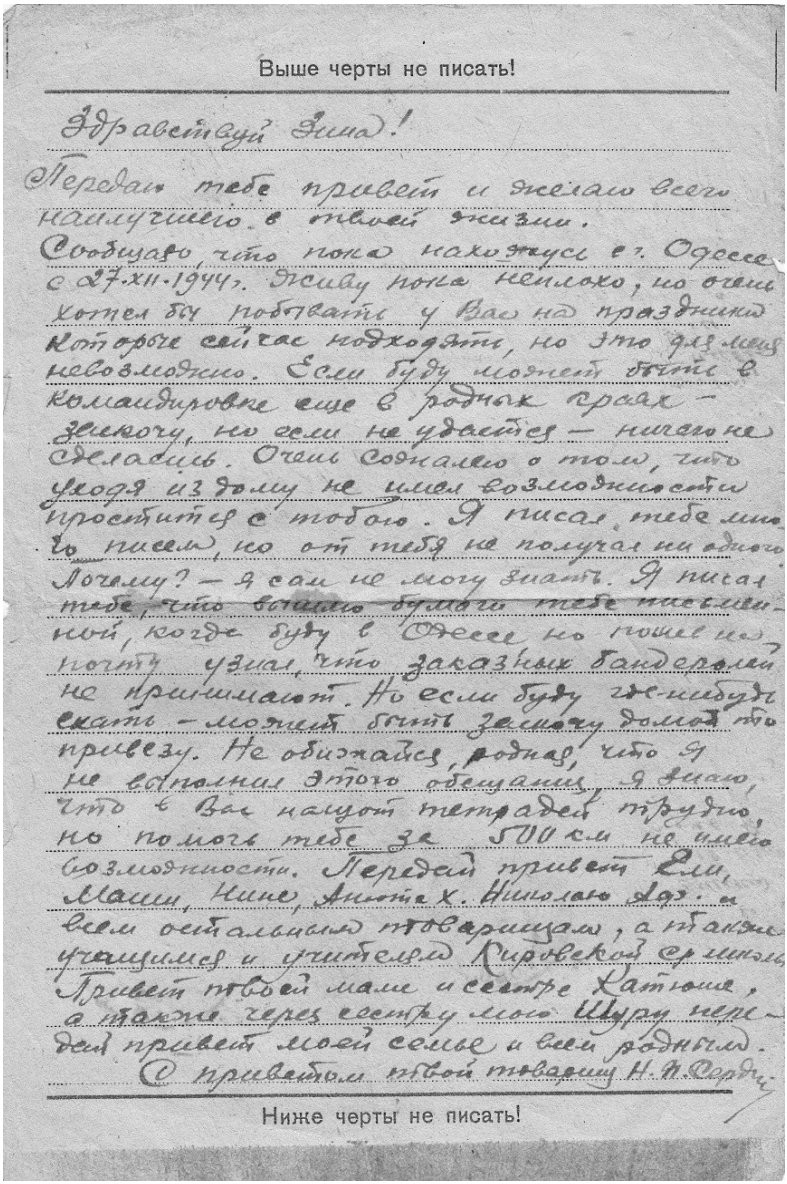
Кому Антоненко
Зине Л.

г. Одесса, 21693

Обратный адрес: Полевая почта №
Сердюку Николаю Павловичу
(имя, отчество и фамилия отправителя)

ВПЕРЕД, ЗА ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ! И. СТАЛИН.

Г 532469. Воениздат НКО СССР. По зак. Военкнижторга. Тип. «Красный пролетарий».
Зак. 478. Цена 8 коп.



Выше черты не писать!

Здравствуй Зина!

Передаю тебе привет и желаю всего наилучшего в твоей жизни.
Сообщаю, что пока нахожусь в г. Одессе с 27.XII.1944 г. Живу пока неплохо, но очень хотел бы побывать у Вас на праздники которые сейчас подходят, но это для меня невозможно. Если буду может быть в командировке еще в родных краях — заскочу, но если не удастся — ничего не сделаешь. Очень сожалею о том, что уходя из дому не имел возможности проститься с тобою. Я писал тебе много писем, но от тебя не получал ни одного. Почему? — я сам не могу знать. Я писал тебе, что вышлю бумаги тебе письменной, когда буду в Одессе но пошел на почту узнал, что заказных бандеролей не принимают. Но если буду где-нибудь ехать — может быть заскочу домой то привезу. Не обижайся, родная, что я не выполнил этого обещания, я знаю, что в Вас нашут тетрадей трудно, но помочь тебе за 500 км не имею возможности. Передай привет Ели, Маши, Нине, Анюте х. Николаю Адр. и всем остальным товарищам, а также учащимся и учителям Кировской ср. школы. Привет твоей маме и сестре Катюше, а также через сестру мою Шуру передай привет моей семье и всем родным.
С приветом твой товарищ Н. П. Сердц

Ниже черты не писать!

Жили мы в комнатах, которые раньше были классные комнаты. Где-то недели через две в нашу комнату поместили двух офицеров: майора и

капитана. Познакомились. Они прибыли из командировки и на второй день должны были снова уезжать. Работали они в военторге округа и занимались заготовкой овощей и картошки для округа. Разъезжали по областях и районах, входящих до территории ОДВО. Они меня пригласили поработать в военторге. Для этого надо было разрешение командира нашего полка. Ком. Полка Герой Советского Союза полковник Рашевский почти всегда был пьян и редко появлялся в расположении полка.

На мое счастье мне в этот день удалось «поймать» полковника, он не возражал отпустить меня на работу в военторг, написал записку в штаб, а оттуда соответствующее отношение в военторг, и я на второй день вместе с новыми товарищами направился к начальнику военторга (полковник – еврей, фамилии сейчас не помню).

Принял он меня хорошо, но предупредил, чтобы в командировках не пьянствовал, не хулиганил, работал добросовестно, ибо оттуда на меня дадут характеристику, она должна быть безукоризненной, если характеристика будет отрицательной – это грозит для меня серьезными неприятностями. Я пообещал оправдать доверие.

В тот день получил командировку в г. Проскуров в обл. отделение военторга Каменец Подольской области, проездные документы и продовольственные талоны, по которых можно было покушать на любой ж.д. станции или в крупных городах (продуктов не выдавали). Для этого были специально во время войны организованы столовые на колесах (в вагонах, поставленных в тупик).

Из Проскурова меня направили в какой-то район, а оттуда в село для заготовки картошки, которую из кагатов возили на станцию, грузили в вагоны, утепляли соломой, ибо было совсем холодно. Мое дело было держать связь с местными организациями и «нажимать», чтобы побыстрее отгрузить картошку и оформить на станции документы для отправки вагонов в Одессу. Дней через 5 я закончил работу, возвратился в Одессу и снова был направлен в командировку в Котовский район Одесской области заготавливать картошку и капусту. Здесь я пробыл дней 7. В командировках было беспокойно, работать приходилось почти по целым суткам, но зато везде кормили отменно. Меня помещали специально в какую-то зажиточную семью, чтобы я был не голодным и имел чистую постель. И все это бесплатно. У меня оставались продовольственные талоны и деньги. Приезжая из каждой командировки в Одессу, я отчитывался в военторге

округа, сдавал туда свою характеристику и шел ночевать в свой полк (64 ОПРОС).

После Котовска я задержался в Одессе дня три. В это время прибыли из командировки, и мои знакомые майор с капитаном. Скоро нас всех троих вызвали в военторг округа и вручили новые командировки, которые уже были приготовлены.

Я должен ехать в Кишинев. Вышли в коридор, майор спрашивает: - Куда, лейтенант, едешь?

Отвечаю: - В Кишинев.

- От, счастливчик. А я в Кировоград. Я бы с удовольствием поехал в Кишинев, хотя бы вина попил.

- А я очень хотел бы поехать в Кировоград. Это же моя Родина, возможно, удалось бы и домой заскочить.

- Так давай поменяемся командировками.

- А разве это сделать можно?

- Можно. – Пошли к полковнику, майор начал меня хвалить, что я с Кировоградщины, хорошо знаю там все районы, и там мне будет легче работать, чем в Кишиневе. В то время я даже не знал хорошо своего родного Долинского района.

Полковник, выслушав доводы, ответил:

- Добро! Перепишите командировки, обменяйтесь проездными билетами и в добру путь.

Когда я взглянул в обмененную командировку – обрадовался: в Кировоград я направлялся на целый месяц. За такое длительное время я все равно сумею побывать дома. Начальником отделения военторга в Кировограде был ст. лейтенант, прибыл я к нему рано утром. Он сразу вручил мне пакет и сказал:

- Поезжай в Знаменку. Там в 3-4-х км от станции в таком-то селе (названия я уже не помню) расположен мех. Корпус генерала такого-то. В пакете все написано. Он должен дать для нас несколько (сколько сможет) грузовых автомашин «Студобекер» для перевозки картошки и капусты к ж.д. станциям. В нас все заготовлено, но нет транспорта.

Я немедленно помчался на вокзал, сел на первый попавший товарняк, и через час был в Знаменке. Расспросив дорогу в нужное село, пошел пешком. На окраине поселка, переходя пути, увидел в тупике солдат, которые разгружали из рефрижератора соленую рыбу, руководил работой старшина. Подошел, поздоровался, закурили. Потом спросил старшину: - Можно у вас

попросить немного рыбы? Днями я должен заскочить домой и хотел бы своим старикам привезти хотя бы какого гостинца.

Договорились. Я для солдат вытянул из вещмешка и отдал большую пачку легкого табаку, а они наложили мне «немного», а, наверное, более 10 кг рыбы. Мой мешок стал тяжелым. Можно было его оставить в каком-нибудь доме на окраине и забрать на обратном пути, но я не знал, какой дорогой буду возвращаться; если генерал даст мне машины, я на них поеду, а по какой дороге они пойдут на Кировоград, неизвестно.

Поэтому я пошел с мешком за спиной. Пока прошел 4 км по грязи, приустал. Мой «визит» к генералу был неудачным. В транспорте он нам отказал, ссылаясь, что в него еще не вся техника отремонтирована, и не сегодня-завтра может поступить приказ отправляться на фронт. По моей просьбе генерал свой отказ объяснил в письменной форме и передал мною письмо нач. отд. военторга.

Снова тащу свой тяжелый мешок 4 км в Знаменку. Сажусь снова на товарняк и еду в Кировоград. Нач. отделения военторга, прочитав письмо от генерала, говорит: - Раз нет автотранспорта, то ты мне не нужен. Отправляйся обратно в Одессу.

Как же быть? Снова быть недалеко от дома и не навестить родителей?

Говорю:

- Товарищ ст. лейтенант! Как только я стремился попасть в Кировоград. Я же отсюда родом.

Начали беседовать:

- А откуда? С какого района?

- Из Долинского района. Там живут мои родители старики. Хотелось бы навестить.

- Понимаю. Это можно сделать. 5 суток тебе хватит?

- Вполне, - он обращается к секретарше:

- Напиши, Муся, лейтенанту убытие в Одессу с заездом в Долинский р-н на 5 суток.

Ст. лейтенант пошел в свой кабинет, я достал свое командировочное удостоверение, передаю девушке и говорю:

- А ты, Муся, допусти ошибку, вместо 5, «ляпни» 7. – Она улыбнулась и на обороте командировки напечатала: «Убыл в Одессу (дата) с заездом в Долинский р-н на 7 (семь) суток».

Пошла в кабинет, поставила печать, выходит, улыбается, передает документ и говорит:

- Счастливо вам погостить дома!

Я поблагодарил, подхватил свой вещмешок, который стал намного легче, и бегом помчался на вокзал.

На перроне стоял воинский эшелон «лицом» на Запад. У вагонов встретил знакомых офицеров из Николаева, где я с ними служил в 23 запасном полку. Они отправлялись на фронт. Тоже узнали меня. Поговорили минут 10 до отправки их поезда. Ребята, узнав, что я еду домой, сразу не поверили, но убедившись, стали завидовать моей удаче. Я пожелал им остаться живыми и целыми. Поезд ушел.

Во время моего разговора с ребятами, в стороне стояла девушка и все время наблюдала за мной. Когда я остался один, она подошла и спросила:

- Это ты, Николай? Ты куда едешь?

Это была Вера Гайдук, девушка из нашего села, которая до войны окончила 9 классов нашей школы. Теперь, поле освобождения местности от немцев, начали работать школы, но учителей не хватало, поэтому брали девчат из 9-и и даже 8-и летним образованием на курсы по подготовке учителей. На таких курсах в Кировограде оказалась и Вера. Она собралась ехать домой, но не знала, чем ехать, боялась, ибо день клонился к вечеру. Сильно похолодало. Узнав, что я тоже еду домой, девушка обрадовалась. Мы поехали вместе. На Знаменку шел транзитный паровоз с одним товарным вагоном, мы сели в тамбур. Пока доехали, замерзли, как суслики. Я – в летней форме, под шинелью кроме гимнастерки нет ничего, на голове фуражка. Белье тонкое, летнее. Вера в куртке, пошитой из трофейного немецкого одеяла, юбка из немецкой плащ-палатки, на ногах рваные ботинки. В Знаменке я быстро отыскал вагон – столовую, зашли голодные и замерзшие. Талонов в меня было сэкономлено много (ими можно было расплачиваться и за спиртное), денег не надо. Я заказал хороший ужин, себе 150 грамм водки, Вере – стакан вина и по 3 стакана горячего чаю. В вагоне тепло, горят железные печки.

Хорошо поужинали, отогрелись. Пошли искать, чем ехать на Долинскую. На путях темнота непроглядная. Осмотрелись, попривыкли, стало виднее. Я сориентировался на Николаевское направление, отыскали подходящий товарный состав, встретили железнодорожника с фонарем. Спрашиваю:

- Куда поезд?

- На Николаев.

- Скоро будет отправляться?

- Минут через 10-15.

Это нам вполне подходит. Ищу, куда забраться. Вагоны разные. Идем по над составом. Начались 16-тонные (их называли телячьими), двери открытые, но забитые досками выше, чем до половины. Можно залезть, но высоко. Не беда! Снимаю вещмешок, подпрыгиваю, цепляюсь за верхнюю доску, поджимаюсь, в вагоне солома, а под соломой - картошка. Из внутри слышно голос: - Кто там лезет?

Показывается солдат, увидел меня, спрашивает: - А, лейтенант! Чего надо?

- Да мне надо подъехать до Долинской, это совсем недалеко (он впервые на этой дороге, Долинской не знает).

- Не положено брать в вагон пассажиров. Не знаю, что с тобой, лейтенант, делать, - потом, подумав, спросил: - А курить есть?

Узнав, что в меня есть табак, солдат совсем подобрел и сказал: - Залезай!

Я подал ему вещмешок, котомку Веры, потом говорю: - Солдат, принимай! – подхватил Веру и подаю вверх. Солдат, увидев девушку, говорит: - О, лейтенант, так ты не один? С такой!

Солдат был пожилой мужик, говорил на местном диалекте и к каждому обращался на «ты».

В вагоне было теплее, чем на улице, да и картошка немного снизу «дышала».

Вера сразу зарылась в солому и уснула. Мы с солдатом еще долго разговаривали, осторожно курили (кругом сухая солома). Поезд двинулся. Уснул я, уснул и солдат. Проснулся. Поезд стоит. Вдоль состава идет с фонарем железнодорожник, постукивает молотком по колесам. Высовываюсь из отверстия дверей, спрашиваю:

- Какая станция?

- Долинская!

О, Боже! Еще немного поспать, и уехали бы на Николаев. Зажигаю спичку. Ищу в темноте Веру. А она спит сном младенца. Расталкиваю.

- Давай, Вера, быстрей, а то поедем в Николаев!

Опускаю Веру на руках из вагона, подаю вещи, спрыгиваю сам. А солдатик наш спит.

Пришли на вокзал. Здание уцелело, но стекол на окнах нет. Они забиты, чем попало: фанерой, листами железа, просто завешены тряпками. На улице температура плюсовая, но сыро, холодно. На вокзале полно людей,

спят просто на полу, не раздетые, отопление – горят железные печки, трубы которых выведены в окна, в помещениях дым, испарение от развешенных мокрых портянок, одежды. Воздух тяжелый. Сесть негде. Стали возле окна, из которого дует. Начало рассветать. Надежды на какой-то транспорт, чтобы добраться домой, нет. Надо шагать 35 км пешком.

Пошли. Идти совсем хорошо, не холодно, а тем более с вещмешком на спине, даже жарко. На дороге большая грязь, держимся обочины. Идем не на Новомихайловку, чтобы было ближе, а по центральной дороге на Ново-Шевченково, где живет сестра Веры (она там замужем). Зашли к ней, у нее трое детей, старшему не более 8 лет. У меня в вещмешке было немного сахару, угостил ребятишек, дал женщине одну большую рыбину. Ее муж на фронте, не знает, жив ли, или погиб. Бедность ужасная. Хозяйка угостила нас борщом, хотя в нем кроме картошки, бурьяна и капусты ничего не было, он нам показался очень вкусным, свежий, горячий. Поставили на стол бутылку самогону из бурьяна. Я выпил грамм 200, Вера отказалась. Ведь идти еще километров 10, а мы уже изрядно приустали. Поблагодарив за обед, пошли дальше. Вот уже и родные поля. Идем по полевых дорогах. Дальше Вера пойдет прямо, а мне надо свернуть влево, чтобы ближе добраться домой.

Пошел напрямую, чтобы срезать расстояние. Много полей не обрабатывалось, прошло только 9 месяцев, как изгнали немцев. Иду по бурьянах, которые выше моего роста. День клонится к вечеру. Начался туман. Блуждая по бурьянам, совсем потерял ориентацию. Заблудился на своих полях, да еще днем.

Вспомнил, что в полевой сумке есть компас. Начал идти прямо на север и точно попал на полевой стан (табор) 2-й бригады своего колхоза, а оттуда через 500 метров табор 1-й бригады.

Здесь встретил сторожа – старика, деда Лариона, нашего соседа, который присмотревшись, узнал меня. Спрашиваю:

- Как, дедушка, в нас дома?

- Да, слава Богу, пока все живы, здоровы.

Курим. Беседуем. Я обратил внимание, что в такой горькой бедности, когда в колхозе не было никаких средств, кукуруза хранилась под навесом, построенным из жердей и крытом камышом. Початки чистые, сухие. А что же делается сейчас через почти 50 лет? Сколько гибнет урожая, гноится на токах, в ворохах, на элеваторах!

Государство, в котором такое отношение к человеческому труду, никогда не будет богатым.

Выхожу на дорогу, иду по обочине, преодолеваю последние 4 км. Сильно устал, но ноги сами несут, как на крыльях. К вечеру туман разошелся, при подходе к селу на западе показалось солнце.

Иду по тропинке через кладбище, откуда в переулок и прямо – в свой двор.

Сестра Шура, что-то делала во дворе, взглянула в переулок, увидела военного, на расстоянии узнала меня, вбежала в хату и закричала:

- Тато! Мамо! Наш Коля идэ!

Этого нельзя было делать. В мамы начался сердечный приступ. Я уже был возле ворот, когда выбежала сестра, зовет: - Давай быстрее, маме плохо. Я вбежал в хату, быстро сбросил шинель, наклонился над матерью и начал тереть мокрым полотенцем ей грудь.

Мама открыла глаза, тяжело вздохнула, горько заплакала и сказала:

- Здравствую, сынок! Слава тебе, Господи, дождалась! Бог услышал мои молитвы. Шура говорит: - А в нас сегодня были гости, сегодня же праздник, пришли старики – соседи, немного выпили самогону, ели картошку и капусту, ибо больше в нас ничего нет. Ели больше кашу, крупу из зерна делали на ступе, а для лепешек надо было молоть в жорне – ручной мельнице, которой в нас своей не было. У меня в мешке было всего 2 банки тушенки, я ее попросил в столовой – вагоне в Знаменке, уплатив за все талонами. Зато было много соленой рыбы. Какой это был дорогой подарок для моих родных. 4-х летнего племянника Володю пригостил сахаром, жалко, что в меня не было ни одной конфеты для мальчишки. Если бы я заблаговременно готовился к поездке домой, можно было чего-нибудь раздобыть, а то мой «визит» состоялся совсем неожиданно.

Семья наша (как почти все в селе) жила в крайней нищете. Слава Богу, на огороде собрали свои овощи, немного картошки. В хозяйствах только кое-кому удалось спасти коров. В селе неслышно было лая собак, пения петуха. Немцы все съели, собак и кошек постреляли. Дома я пробыл дней 4. Посетил родственников, побывал на провожании в армию племянника – сына двоюродного брата, несколько вечеров ходил в компанию молодежи, которая состояла с одних девчат и мальчишек – подростков (все молодые хлопцы были на фронте). В школе работали несколько довоенных учителей, которые знали и помнили меня, как фронтовика, пригласили на встречу с учениками. Ученики все были оборванные, худющие, на многих одежда с убитых немецких солдат (фронт был рядом, и когда немцев прогнали, ходили и собирали, что попадалось: раздевали убитых немцев, подбирали одеяла,

плащ-палатки, шинели). Некоторые ученики даже немецких петлиц и орлов с френчей не спороли. Не школа, а лагерь немецких военнопленных. Учились в две смены, не было помещений (немцы, уходя, сожгли главный корпус школы).

Писали дети на старых газетах чернилами, изготовленными из бузины.

Но, несмотря на такую ужасную бедность и нищету, люди платили множество разнообразных налогов. Каждому колхозному двору предъявлялись планы обязательных поставок мяса, яиц, продналога, «добровольно» заставляли подписываться на заем, другие налоги. Труд в колхозе не оплачивался, работали за трудодни, на которые выдавали по 150-200 г зерна и по 3-5 копеек денег. Человеческий труд не мог покрыть налогов. Воровать ничего нельзя, ибо жестоко действовал закон от 7 августа 1932 года (расхищение государственной собственности) – его народ наименовал – закон 7/8 (семь восьмых). За несколько кг уворованного зерна судили на 10 лет лагерей (ни больше, ни меньше), и приговор по этому закону не подлежал ни помилованию, ни амнистии, он был на уровне пресловутой политической статьи 58 УКРСФСР (54-я УК УССР).

Мои родители платили также все налоги, хотя отцу и матери было больше, чем по 60 лет, потому что с ними жила трудоспособная дочь – моя сестра Шура. То, что три сына на фронте – никаких льгот не давало. Пенсии в то время не было никакой.

Я решил помочь родителям и своей семье, хотя немного облегчить их положение. Поэтому, не добув дома своих законных 7 суток, мы с сестрой пешком пошли в Долинскую, чтобы в меня было время похлопотать лично, как офицеру, в райисполкоме и в райвоенкомате о льготах для семьи. За сутки я сумел оформить все формальности, мне твердо было обещано, что налоги из нашей семьи снимут (за 1944 год), и на 1945 год облагать не будут. От налогов семья была освобождена – это было ощутимое облегчение.

Сестра провела меня на поезд, я поехал в Одессу, а она пешком пошла домой, сообщить родителям радостную новость.

Прибыв в Одессу, я еще два раза съездил в командировки и решил пока воздержаться от поездок.

Наступила настоящая зима, подходил новый 1945 год. Стало очень холодно. Надо было получить зимнее обмундирование (однополчане 64 ОПРОС'а уже все получили). По прибытии в полк, меня направили во 2-й батальон. В штабе батальона было два майора: командир батальона, а другой – майор Иванов – комиссар батальона.

Комиссар майор Иванов начал интересоваться, где я воевал, какие должности занимал, с какого времени в армии и т.д. и т.п. Я ему рассказал все подробно: участвовал в обороне Севастополя в составе 675 мином. дивизиона 388 стр. дивизии Приморской армии, был командиром минометного расчета, а позже – завделопроизводством дивизиона, был легко ранен и тяжело контужен, 2 июля 1942 года попал в плен, побывал в Бахчисарайском, Симферопольском и Кировоградском лагерях для советских военнопленных и бежал из лагеря, будучи на с-х работах. С осени 1942 г до весны 1944 г жил на оккупированной территории по месту жительства родителей. С марта 1944 г после проверки контрразведки, был в 5 штурмбате 7-го Украинского фронта на положении рядового. За образцовое выполнение боевого задания в разведке был досрочно переведен в запасной офицерский полк фронта, но туда не доехал, ибо, имея свободное время, хотел навестить родителей, задержан на вокзале в Знаменке, попал под следствие в подозрении – дезертирство с армии. Разобрались, дело прекратили, а меня направили в резерв округа и всякие другие подробности. Рассказываю и наблюдаю за комиссаром: в него глаза сделались «квадратными». По окончании беседы, Иванов сказал: - Вот, возьмите бумагу и все напишите, о чем рассказали, передайте мне написанное завтра, - Я все выполнил, как сказал комиссар. На следующий день я получил новое зимнее обмундирование и шапку, отнес на квартиру (Чижикова, 60) и там оставил (в Одессе потеплело, и я ходил в фуражке). На эту квартиру шли все письма для меня, родители знали хорошо об этой квартире.

На фото ул. Чижикова г. Одессы в 60-тые годы:

Новый арест. Снова в тюрьме

В полку резерва офицерского состава округа дисциплины никакой не было. Командир полка полковник Рашевский был ежедневно пьян, не отставали от него и его подчиненные. Многие офицеры редко бывали в полку, временно «женились», жили на квартирах, искали «невест», которые могли бы содержать «жениха» (спекулянток в Одессе хватало). Нелегально существовали оставшиеся румынские публичные дома. После освобождения Одессы их не разогнали, пока оставили. Военные все равно искали связи с женщинами, а в таких заведениях не было риска заражения венерическими болезнями. Но в штабе каждого батальона было известно, по какому адресу (если понадобится) отыскать кого нужно. Еще шла война, и офицеры запаса жили сегодняшним днем, любого из нас в любое время могли направить на фронт.

В нашей комнате собрались ребята относительно дисциплинированные, отлучались в город только днем, но на ночь были в расположении.

Я тоже ежедневно бывал в городе, часто заходил на Чижикова, 60 навестить старушку, забрать (если были) письма. Из Молдаванки до вокзала недалеко.

Ежедневно утром приходил комиссар майор Иванов, читал нам политинформацию – сообщал сводку сов.информбюро о положении на фронтах. Это для нас было не интересно, ибо мы с 6 часов утра по несколько раз слышали эти сводки по радио (в каждой комнате была радиоточка).

Во время одной из таких политинформаций я с одним капитаном на моей кровати сидели и играли в шахматы, переговаривались, другие офицеры тоже не слушали, занимались каждый своим делом: тот подшивал подворотничок, другой писал письма.

Иванов дал нам замечание, что мы его не слушаем. Мы замолчали, но скоро снова заспорили в полголоса, обсуждая очередной ход.

Тогда Иванов грубо обратился непосредственно ко мне:

- Вам, Сердюк, надо быть особенно внимательным, чтобы наверстать упущенное! Не забывайтесь, где вы бывали! Вы немцев более внимательно слушали.

Для меня это было горьким оскорблением. За такое в старой русской армии стрелялись на дуэли.

Мне стало обидно до глубины души, но ничем я не мог себя защитить. Только сказал резко:

- Да, товарищ майор, я многое упустил. Если бы я был не в блокированном Севастополе, а в Ташкенте, я бы ничего не потерял!

– Поднялся из своей койки и вышел из комнаты, чтобы дальше не взорваться и не наговорить комиссару грубостей. В комнате установилась тишина. В коридоре я стал у окна и жадно курил одну за одной папиросы. В скорости из нашей комнаты вышел комиссар и, не обращая на меня внимания, пошел в штаб батальона. Ко мне подошли товарищи, начали успокаивать (в комнате знали все обо мне).

В последующие дни все проходило по-старому, утром майор Иванов читал политинформацию, после которой мы были свободны до следующего утра. Я бывал в центре города, на ул. Красноармейской, сфотографировался, заказал фотографии 3х4 с уголком для документов и другие побольше 9х12, чтобы выслать домой родителям. В фотоателье пообещали заказ выполнить на 11 января, но в этот день я забрал только маленькие фотографии, большие были готовы, но еще мокрые, и я решил их забрать завтра, но 12 января меня назначили дежурным по батальону. Предвиделось построение полка по случаю смотра его каким-то генералом. Я мотался по коридорам 2-го этажа, где размещался наш батальон, всех «шуровал» во двор на построение. Здесь был и штаб батальона. Пробегая мимо лестницы, я чуть не столкнулся с двумя офицерами в полевых погонах – ст. лейтенантом и капитаном, которые, увидев у меня на рукаве повязку, спросили:

- Товарищ дежурный, где здесь штаб 2-го батальона?

Я указал на дверь, и они вошли.

Через несколько минут по коридору уже бегал рассыльный и искал меня. Меня срочно вызывали в штаб батальона. Только я вошел в штаб, не успел даже доложить, как майор – командир батальона сказал:

- Так вы, Сердюк, дежурный по батальону. Вот, товарищи, - показал глазами на прибывших офицеров,- интересуются Вами.

Капитан, сидевший возле стола, обратился к майору:

- Вы, товарищ майор, временно подмените лейтенанта, мы с ним поедем в одно место, поговорим, он скоро возвратится и приступит к исполнению служебных обязанностей.

Майор кивнул, соглашаясь. Я снял повязку, положил на стол, мы втроем спустились по лестнице и вышли на улицу, где нас ждал «Вилис», крытый тентом. Сели и поехали по улицам Одессы.

Приехали на ул. Чичерина, где размещался особый отдел контрразведки «Смерш» Одесского военного округа … В полк я больше не возвратился.

Завели в какой-то кабинет, где сидели два майора, остался и капитан, с которым мы приехали. Началась беседа. Расспрашивали больше о моем пребывании в плену, как это мне днем удалось бежать из лагеря.

Я почувствовал неладное. Многократно я бывал на подобных беседах – допросах, но чтобы мной занимались сразу три человека – это впервые.

Из разговора я начал догадываться, что меня подозревают в сотрудничестве с немцами в лагере, и за это меня освободили из лагеря сами немцы.

Потом прочитали мне рапорт – донос комиссара майора Иванова. То, что я услышал, меня возмутило и повергло в ужас. Майор писал, что я будто бы в откровенном разговоре с ним, рассказал, что был завербованный немцами и дал обязательство выдавать военнопленных комиссаров, командиров, коммунистов, евреев и т.д.

Я все понял. Мой разговор на политзанятиях, когда я сказал, что если бы я воевал в Ташкенте и т.д. Иванов мне не простил. Сам Иванов ни одного дня не был на фронте, был штатным осведомителем особого отдела, спасая свою шкуру.

Меня заставляли упорно «сознаться» во всем том, о чем писал Иванов. Двое суток я проходил «конвейер», когда следователи менялись один за другим, не давая мне ни спать, ни кушать. Потом начальник следственного отдела майор Смигельский сказал:

- Не хочешь нам сознаться в своих преступлениях, все расскажешь нашему генералу, в него и мертвые говорят. Ночью меня повели в кабинет генерал-майора Ширманова – начальника контрразведки округа. Кабинет – большущая очень длинная комната, вся в коврах, никакой мебели, даже нет ни единого стула (я понял, что перед генералом его подчиненные, выслушивали его указания и распоряжения стоя), майор Смигельский сопровождал меня. Я вошел первым, майор сзади. Далеко у противоположной стены за столом сидел генерал лет 40-45, лицо полное, какое-то квадратное, поседевшие волосы, прическа под Ежова (бока). Отчетливо рассмотреть его глаза не удалось, на столе горела одна настольная лампа под темным абажуром. Я начал докладывать:

- Товарищ генерал-майор! … - но генерал зарычал:

- Отставить! Какой я тебе товарищ, мать твою…..! Брянский волк тебе товарищ! Ты же изменник Родины! Предатель! Ты же, сука, скрыл свои преступления и пробрался на командные должности в нашу Красную армию! Почему не сознаешься? Почему не говоришь правды моим сотрудникам? Не поможет!!! Мы все о тебе знаем! Расскажешь правду – освобожу, будешь запираться – сгною в тюрьме! Расстреляю! В-о-н!!!

Я шел к генералу с надеждой, что генерал же, не майоры, это наверняка спокойный, уравновешенный, внимательный, он разберется во всем справедливо (надеялся – барин нас рассудит). А что я узнал?! … Стою перед ним по стойке «смирно» и мне стыдно…Перед кем это я так вытянулся? На кого надеялся? Наконец, генерал выдохнулся, откинулся на спинку своего «трона» - кресла, замолчал. Я совершенно спокойным голосом сказал:

- То, в чем здесь меня обвиняют, вымысел нашего комиссара майора Иванова. Я со всей ответственностью заявляю, что во всем нашем роду не было предателей.

Генерал еще раз «попросил» меня вон, и мы с майором Смигельским вышли из кабинета. Прошли еще сутки, но меня уже никто не допрашивал. Вечером 15 января 1946 года меня провели во двор, а оттуда в подвал, где в дровяных сараях были оборудованы камеры предварительного заключения (КПЗ). Сначала завели в маленькую комнатку (в подвале), дали прочитать и подписать ордер на арест, сорвали погоны, обрезали все металлические пуговицы, отобрали ремни, повели глубже и водворили в одну из камер, в которой уже было несколько человек, но все гражданские. В ту же ночь меня вызвали на допрос уже не как задержанного, а как арестованного – подследственного. Снова допрашивали втроем: льстили, обнадеживали, «брали на понт», угрожали, но не били – видать, мое дело было чепуховое. На следующую ночь меня привели в другой кабинет, где я раньше не был.

За столом сидел майор – совсем незнакомый. На большом расстоянии от стола была табуретка, привинченная к полу. Майор отрекомендовался:

- Я ваш новый следователь майор Скляр. Советую быть откровенным и не портить со мною отношений.

Внешне Скляр был мрачным человеком, смолисто черные волосы на голове, такие же черные, широкие (брежневские) брови. С первого взгляда он казался жестоким садистом, но с первого допроса я понял, что он более порядочный от других. Перед допросом он спросил:

- У Вас есть какие вопросы ко мне?

Это было новое. Раньше мне говорили: - Здесь мы задаем вопросы, твое дело отвечать.

Я спросил: - Вы меня предупредили быть откровенным и не портить с вами отношений. Как это понимать? Если я говорю правду – мне не верят, тогда я должен оговаривать себя, и в нас будут хорошие отношения.

Майор сказал: - О, нет. Этого делать не надо.

Он на меня никогда не повышал голос, на допросах я свободно сидел на «своей» табуретке, никогда он не вызывал меня на допрос по два раза на ночь. Я все время повторял то же самое, и скоро допросы стали скучные, майор вызывал, по-видимому, для того, чтобы в моем деле было необходимое количество протоколов. Я требовал, что для опровержения моего обвинения надо разыскать и допросить моих товарищей по плену: Пантелея Хорольского, Павла Шумейка, Ивана Коржа, с которыми я был неразлучно вместе с Симферопольского лагеря и до моего побега. Я был уверен, что эти ребята не будут оговаривать меня. Иногда мы с майором просто разговаривали, ни единым словом не касаясь дела, он кое-что рассказывал мне о себе, о своей семье, я рассказывал ему. В конце такого разговора он писал краткий протокол, я подписывал, на одну бумажку добавлялось к делу.

В начале февраля меня отправили в Одесскую тюрьму, где я месяцев 9 сидел в камере № 8 следственного корпуса № 2. В нашей камере большинство было одесситов: профессор Одесского университета, балетмейстер оперного театра, артисты, аптекарь, других образованных и культурных людей – все обвинялись по ст. 54 (разные пункты) УКУССР (изменники, предатели, пособники врагу, антисоветские агитаторы и пропагандисты). Уголовников в нашей камере не было. Если в камере Кировоградской тюрьмы я «просвещал» уголовников, рассказывая им по ночам содержание прочитанных книг (что называлось «травить романа»), то здесь мне было у кого учиться, и я многое узнал о писателях, поэтах, артистах, об истории Одессы, ее исторических памятниках, о годах революции и гражданской войны в городе.

Пребывание в Одесской тюрьме намного расширило мой кругозор, повысило образовательный и интеллектуальный уровень, а главное – я узнал лучше людей, их жизнь, психологию, мораль, поведение. Никогда так не узнаешь человека, как в его трагическом положении.

Я сидел в Одессе очень долго – целых … 14 месяцев. Проходили через нашу камеру многие, одних вызывали на суд, и они больше к нам не

возвращались, они – осужденные, попадали уже в первый корпус, там были огромные камеры по 80-100 человек, откуда отправляли на этап.

В камере № 8 я пробыл 9 месяцев. Эта камера была на первом этаже, окно невысоко, так что, стоя, можно было смотреть во двор, а наблюдать было чего: мимо нашего окна ежедневно проводили многие сотни заключенных на прогулку и обратно, ибо прогулочный дворик (высокая круглая каменная ограда) находился по нашу сторону следственного корпуса. Из камер переговаривались жестами с проходящими мимо окон. Особенно это было удобно летом, когда из окон убирали стекла, через одну решетку видимость была хорошая. С верхних этажей было хуже. Кричать, разговаривать запрещалось – такие действия наказывались лишением права на прогулки. Но этого запрета не придерживались уголовники, они содержались в камерах на 4-м этаже, и с верха до нас доходили их крики, свист, реплики. Особенно уголовники неистовствовали, когда на прогулку проводили женщин, каких только эпитетов можно было услышать, какая отборная ругань на босяцком жаргоне падала с верхних окон на несчастных женщин, среди которых большинство было порядочных и совсем невиновных.

Сидел с нами один румын, который хорошо говорил по-русски, имел приятный голос, часто нам пел румынские песни, знал некоторые и русские. Кто он, за что сидит, мы не знали, о нем как будто забыли, никогда никуда не вызывали на следствие. Был мальчик лет 12 из семьи немецких колонистов Одесской области. Его сестра – девчонка лет 15, тоже находилась в Одесской тюрьме, сидела в женской камере этажом выше. Ее иногда брали помогать раздавать баланду. Открывалась камера, и пока наливали на всю камеру пищу в бачек, эти дети горестными со слезами глазами смотрели друг на друга. Говорить строго запрещалось.

Описать этого детского горя нет возможности. Где их родные, они и сами не знали. Мальчик был воспитанный, скромный. Он совсем не знал немецкого языка, говорил по-украински. Его в камере все жалели, одесситы часто получали передачи, и каждый что-то давал мальчишке. Подкармливали немного и нас, которые передач не получали. Переписка и свидания для подследственных были запрещены, книги и газеты тоже. Газетную бумагу для самокруток передавали только порезанную, и мы из всех этих смешанных маленьких кусочков на асфальтном полу камеры складывали по частям газету, чтобы прочитать текст. Все же существовала переписка с волей. Письма на папиросной бумаге плотно сворачивались веревочкой,

которой привязывали крышки к кастрюлькам, чайникам, укладывали в углубление под ушками кастрюль, кружек и замазывали смоченным хлебом. Писали письма на чистой бумаге (ее не резали) лимонным соком. На сухой бумаге ничего не видно, а помочишь в воде – четко появляется текст. Высохнет – снова ничего не видно. Все передаваемое в камеру тщательно проверялось: разрезалось, прокалывалось, разламывалось, перемешивалось, чтобы не допустить проникновение заключенному недозволенного. Но хитрость все равно побеждала. Если рыбу резали на кусочки, то голову не трогали, поэтому во рту и за жабрами рыбины можно передать маленькую записку.

Тюрьму в Ленинграде называют «Кресты». Так примерно построена и Одесская тюрьма в 1894 году, но только ее можно назвать «Крест» - это пятиэтажный круг по центру, а в четыре стороны «креста» от круга расположены четыре корпуса. В каждом корпусе по 100 камер – одиночек (на каждом этаже по 25 камер), из которых выделены несколько спецназначений: карцер («кандей»), для дежурных надзирателей, умывальник с туалетными. Если до революции каждая камера предназначалась для одного человека, то нас в такую камеру загоняли по 21-22 человека – это уже до предела. 23-й уже никак не помещался, ночью негде ему было лежать, и он вынужден сидеть у двери на параше. Все камеры одного размера, метра 3 шириной и метров 5 длиной. Сидеть по над стенками было хорошо, но спали «валетом» - все на одном боку, переворачивались по команде. Никаких нар, никакой постели не было. Стлали на асфальт, что у кого было. Меня спасала шинель. Зимою было холодно (камеры не отапливались). Летом было жарко, но наша камера окном выходила на север, и в нас было терпимо. Во дворе совсем отдельно стоял 5-й корпус 3-х этажный, построенный позже при советской власти. Здесь на верхнем этаже содержались «смертники» - приговоренные к расстрелу. Два раза на неделю (среда и пятница), часа в 2 ночи к 5 корпусу подъезжал «черный ворон», приговоренных увозили на расстрел.

В камерах смертников двери были двойные: толстые деревянные, окованные железом, открывались в коридор, внутренние решетчатые – внутрь только настолько, чтобы мог боком пройти человек. Когда приносили смертнику пищу, открывали внешнюю дверь, командовали:

– Отойди к окну! Ложись! Лицом вниз!

Заходили два надзирателя, оставляли пищу, закрывали дверь. Только теперь можно подниматься и приниматься к пище.

На фото – Одесская тюрьма:

Смертников водили в баню на первый этаж в наручниках, по одному человеку в сопровождении 2-х надзирателей. Мыли их ЗЭКи из обслуги бани (наручники не снимали). Снимали всю одежду в камере, ее забирали в прожарку. После санобработки одежду доставляли люди из обслуги в камеру. Смертники сидели в камерах по одному. Иногда человек ожидал смерти или помилования по несколько месяцев, пока придет решение Президиума Верховного Совета СССР – утвердить приговор суда или военного трибунала или заменить расстрел сроком заключения. Были случаи, что Верховный Совет заменял расстрел заключением.

Я встречался позже с такими людьми, поэтому и подробно пишу обо всем этом. Эти люди уже потеряли свою полноценность, их нервная система была разрушена. Как мог остаться нормальным здоровым человеком тот, кто на протяжении 3-х месяцев по ночам два раза на неделю слушал рокот «ворона»? А ему заменили расстрел 10 годами заключения. Я вам передаю то, что слышал от такого человека.

На верхние этажи вели железные лестницы, между этажами прочные металлические сетки, расположенные ниже прохода к дверям камер. По проходу с одной стороны - двери в камеры, с другой стороны – ограждение, чтобы никто не мог выброситься, но если бы кто и посмел это сделать, он не разобьется, сетка его задержит. Так что самоубийство в такой способ исключалось.

На кругу тоже были камеры, также узкие, но довольно длинные. Они имели специальное назначение: для венерических, чесоточных, туберкулезных, психически больных, а также на кругу содержались временно

те, кого привозили по этапу до распределения по камерам всех четырех кФорпусов. Здесь дела шмон. Мне тоже приходилось побывать на кругу.

Когда к нам в камеру № 8 привели немецкого мальчишку, о котором я писал, его тщательно не досмотрели, у него была чесотка, и он заразил всех нас. Вот всю нашу камеру сделали карантинной, а всех нас перевели на круг в камеру чесоточных, где были чесоточные и иНа верхние этажи вели железные лестницы, между этажами прочные металлические сетки, расположенные ниже прохода к дверям камер. По проходу с одной стороны - двери в камеры, с другой стороны – ограждение, чтобы никто не мог выброситься, но если бы кто и посмел это сделать, он не разобьется, сетка его задержит. Так что самоубийство в такой способ исключалось.

з других камер. Все мы разделись донага, одежду нашу забрали на санобработку и дезинфекцию, а нас начали лечить. Лечение было простым. Приходил зэк с ведром воз других камер. Все мы разделись донага, одежду нашу забрали на санобработку и дезинфекцию, а нас начали лечить. Лечение было простым. Приходил зэк с ведром вонючей противочесоточной мази и щеткой на длинной палке, вымазывал нас, как чертей. Мазал буквально все тело, даже лицо и волосы на голове. Было лето, в камере было очень жарко, нас туда собрали полно, окно было плотно закрыто. Так мы и парились, валяясь на асфальтном полу. На следующий день лечение продолжалось тем самым образом, и так три дня.

Здесь я увидел одного чесоточного старика – мадера, истощенного до основания (у него была еще подагра). На нем совсем не было ткани, были одни шкура и кости. Он не мог ни стоять, ни сидеть, поэтому его мазали лежачего, перекатывая на полу. Ему было 70 лет, не знал ни единого слова по-русски, да, наверное, он вообще не в состоянии был говорить, только тяжело дышал. Он ничего не кушал, когда нам приносили пищу, и на второй день скончался. Долго еще мне снился этот старик.

На нижнем этаже пятого корпуса была баня, прожарочные камеры для одежды, пустые камеры, куда загоняли заключенных, где они ожидали, пока одежда прожаривалась. Дней через 4-5 наше лечение от чесотки было завершено, и нас погнали совершенно голых, как туземцев, через тюремный двор в баню. Бежим, прикрывая руками срамные места, а с окон других корпусов нас видят, слышится хохот, возгласы, свист, реплики. Хорошо вымылись горячей водой (дали даже мыла), одели свою одежду, хорошо прожаренную и продезинфицированную, и возвратились в свою «родную» 8-ую камеру, где было слышно острый запах хлорки.

Плохо было ходить в баню зимою. Времени для мытья давали мало, а одежда в прожарке находилась очень долго, поэтому нас голых и разогретых закрывали в холодную камеру ожидать одежду. В камере не было стекол, и часто асфальтный пол был покрыт снегом. Сбившись кучей друг к другу спинами, мы мерзли минут 30-40, стоя на снегу голыми ногами. Зато какое было блаженство, когда нам приносили горячую одежду, быстро одевались и направлялись в свою камеру.

Я до сих пор не пойму, почему нам не оставляли обувь, ее же в прожарку не сдавали и она стояла в коридоре, пока мы не получим одежду. Наверное, режимом предусмотрено было подержать нас босиком на снегу.

Ровно год никто меня никуда не вызывал, никто меня из контрразведки не посещал, обо мне будто забыли, и только месяцев через 13 уже в феврале 1946 года меня повезли снова на ул. Чичерина.

Снова встреча с майором Смигельским, другими работниками следственного отдела. Снова уговаривали «сознаться», ибо им все «известно», в общем, старые приемы «брать на понт», дескать, мы разыскали твоих товарищей по плену Хорольского и Шумейка, и они подтвердили, что ты был немцами завербован. Мы не принуждали тебя наговаривать на себя, что ты кого-то предавал, сознайся, что ты был завербован, и нам больше ничего не надо. Я все по-прежнему отрицал. Требовал показать мне протоколы допросов Хорольского и Шумейка, или предоставить очную ставку с ними. Но таких протоколов или не было, или там были совсем другие показания. Меня посадили одного в подвал – в большущую камеру – сарай, где было два длинных, но узких окна без стекол, голые нары, деревянный пол во многих местах проломан, откуда вылазило множество крыс. Через решетки окон залетал снег; пол, нары были покрыты снегом. А на мне одна шинель, под шинелью гимнастерка – и все. Трое суток я совсем не спал из-за холода и крыс, наконец, днем садился на голые нары и уснул, не слышал, как в камеру зашел надзиратель и врач (или фельдшер), меня растолкали, но я так озяб, что сам не мог подняться и дрожал – не мог говорить. Осмотрев меня, они ушли. В тот день меня перевели в другую камеру, где находился один парень из Брянщины, и было довольно тепло. Он был страшно заросший волосами, сидел давно в одиночке, отвык от людей или боялся расплаты за свои преступления (он служил в карательном отряде немцев против партизан).

Только того, что живая душа рядом, а поговорить не с кем. Больше молчал или скулил, жаловался на свою судьбу. А во сне кричал, говорил

какую-то чепуху. Честно говоря, с таким «чокнутым» было неуютно и неспокойно. Удавит сонного в порыве невменяемости.

Слава Богу, через день меня вызвали на допрос, для формальности кое-что спросили и отправили в тюрьму. Снова возвратился в камеру № 8.

Не прошло и месяца, как камера открылась, и меня вызвали на коридор. Возле камеры стояла совсем молодая девушка, спросила для формальности: фамилия, имя, отчество, год рождения и т.д., потом сказала: - Вы ещё молоды, я вам принесла неприятную новость. Возьмите, прочитайте и распишитесь.

Я взял из ее рук бумажку и прочитал: «Решением Особого совещания при НКВД СССР, Сердюк Николай Павлович 1922 года рождения, обвиняемый по ст. 54 $^{1-б}$ УК УССР приговорен к 5 (пяти) годам лишения свободы».

Решение было от 12 ноября 1945 года. До сего времени не пойму, зачем меня надо было еще в феврале 1946 года привозить на допросы, издеваться и таскать по подвалам контрразведки, когда приговор уже был готов. Расписавшись об объявлении приговора, я зашел в свою камеру, а на второй день меня перевели в корпус № 1, где содержались осужденные, ожидающие отправки в лагеря ГУЛАГа.

Я достаточно поведал о людях, горькая судьба или совершенные преступления которых привели их в тюремные камеры. Но почти ничего не рассказал о надзирателях, которым дано было неограниченное право ругать нас, оскорблять, унижать. Большинство все же было еще неразвращенных этой проклятой службой. Ну, попал парень во внутренние войска, послали его в тюрьму надзирателем или заставили конвоировать заключенных, терпит, служит, лишь бы быстрее домой. Но были сверхсрочники – это садисты добровольцы без души, без жалости, преданные служаки, отпетые негодяи. Пока шла война, они старались, чтобы не попасть на фронт, а после окончания войны не спешили демобилизоваться, ибо ни на что не были способны: малограмотные лодыри, учиться – Бог ума не дал, работать не хочется, вот они и служили верой и правдой сталинскому режиму по тюрьмах и лагерях. Здесь не нужны были способности: овладел искусством отборной матерщины, имеет тяжелые кулаки, больше ничего не надо.

Расскажу о старшине Рымаре, с которым мне пришлось познакомиться в подвалах на Чичерина в КПЗ контрразведки. Он был старшим надзирателем на все подвальные камеры.

Когда меня привели впервые в подвал и зачитали ордер об аресте, вызвали Рымаря. Он обрезал на мне все пуговицы, снимал ремни. С каким наслаждением он с «мясом» срывал с меня погоны. Здесь же при мне он мой офицерский поясной ремень напялил на свой мундир выше своего ремня. А сколько злорадства было в его маленьких свинячьих глазах. Он готов был вытряхнуть меня из нового офицерского обмундирования, но…ростом не вышел - совсем низкорослый коротыш. Я его сразу сненавидел. Видать, он это почувствовал и всегда грубо обращался со мною. Прогулок в КПЗ не было. Каждое утро, один раз в сутки, выносили по очереди бачок – парашу. Парашу несли вдвоем по коридору в отдельный отсек подвала, где был водопровод и отстойник в форме ковша, куда выливали нечистоты, бачок ополаскивали и возвращались в камеру. Вот мы с одним товарищем по камере принесли парашу, а отстойник полный, канализация засорена, и нечистоты не проходят. Надо палкой или толстой проволокой с тряпкой на конце прочистить трубу отстойника и все будет в порядке. Но Рымарь захотел поиздеваться. Говорит мне: «А ну, сука, снимай гимнастерку и залезай рукой в отстойник, прочищай!». Я говорю: «А зачем рукой? Можно же палкой или проволокой». Он начал орать: «А мне хочется, чтобы ты руками полез в г-вно и ты полезешь! Захочу, по-пластунски полезешь в канализацию!», хватил меня за левую руку, начал заламывать назад, я его оттолкнул и сказал: «Расстреляй меня сейчас, здесь же в подвале, но руками канализацию чистить не буду!»

Рымарю же захотелось показать свою власть, и он заставил моего напарника, пожилого образованного интеллигентного человека раздеться до пояса и рукой прочистить отстойник. Тот после этого вымыл руку холодной водой без мыла, но это не помогло, руки воняли нечистотами, человек со слезами на глазах возвращался в камеру. Меня же Рымарь в камеру не пустил, провел дальше по коридору и затолкнул в карцер. Так я, случайно, узнал, что это такое. Это был настоящий каменный мешок – камера, размером не больше 2м х 2м, бетонный пол, потолок, перекрытый бетонными плитками, между плитками канавки, по которой циркулировала вода. На голову все время шел дождь. Высота камеры не больше 1,5 м, можно стоять только согнувшись. Нет ни сидения, ни нар. Глубоко в стене за густой решеткой слабо светит лампочка, в углу коробка с под краски (параша). Вода от «искусственного дождя» стекает через решетку в полу куда-то в канализацию. Холод собачий под постоянным дождем. А я в одной гимнастерке. Понял, что здесь долго не выдержишь. Начал стучать в дверь,

но никто не подходит. С интервалами колочу все сильнее – тишина. Наконец, подошёл Рымарь, обругал меня матерщиной и ушел. Только часа через три пришел нач. корпуса, открыл карцер, расспросил, в чем дело и перевел меня обратно в камеру, но на мне уже рубца сухого не было. Ребята помогли мне раздеться, дали переодеться в сухое (кто что имел) и я еле согрелся. К счастью, моя шинель была сухая, она осталась в камере.

Позже мне рассказывали, что в этом карцере некоторым приписывали следователи отсидеть по трое суток и добивались «сознаться» в «совершенных преступлениях». Слава Богу, мой майор Скляр был не таким. Я понял, что человек, просидевший в таком каменном мешке несколько суток, подпишет что угодно: что он убил отца или изнасиловал родную мать.

Вскорости после моего ареста из Одессы, поступило распоряжение в наше Долинское отделение НКВД допросить моих родных, и протоколы допросов переслать в прокуратуру Одесского военного округа.

К нам в Кировский сельский совет приезжал следователь райотдела НКВД какой-то мл.лейтенант, допросил отца и мою сестру Шуру. Так дома узнали, что я снова в тюрьме. Опять дома слезы, переживания из-за неудачливого сына.

Отец собрался и поехал в апреле 1945 года в Одессу. Он прибыл на известную квартиру по ул. Чижикова, 60, кв. 13 к старушке Марии Тимофеевне Слободенюк. Там ему сказали, что я давно уже не был у них, а вещи мои они сохраняют. На квартире не знали о моем аресте. Слава Богу, в контрразведке не знали об этой квартире, а то не дали бы покоя совершенно чужим и добрым людям.

Отец разыскал «учреждение» на ул. Чичерина, имел беседу с майором Смигельским, но здесь был совершенно не тот разговор, что в Кировоградской гарнизонной комендатуре в октябре прошлого 1944 года. Ему сказали, что хотя он отец, ему жалко сына, но он не знает, чем занимался сын, будучи в плену у немцев, а поэтому пообещали разобраться. На вопрос отца: «Что будет с моим сыном?» - Смигельский ответил: «Не знаю. В нас все возможно. Мы и «шлепку» (т.е. расстрел) даем.» - Называется, «успокоил» старика. Отец передал мне передачу (писать ничего не разрешали), забрал на квартире мои вещи (летнее обмундирование, белье и еще кое-что) и уехал домой совсем убитый горем. Как он мог успокоить дома маму и Шуру – не представляю.

О том, что дома отца и сестру допрашивал работник районного НКВД, я узнал только в феврале 1946 года (почти через год), когда меня из тюрьмы

привозили на ул. Чичерина. Протоколы допросов, написанные малограмотно корявым подчерком мл.лейтенантом из Долинского райотдела, мне показал и дал прочитать мой следователь майор Скляр. Показания в точности подтверждали мои показания на следствии. Я ожидал, что меня освободят и вдруг…5 лет лишения свободы. О приговоре – решении Особого совещания дома еще не знали, но в селе было уже известно, что я нахожусь в тюрьме.

Сын моей учительницы Анатолий Смаглюк, отец которого был репрессирован в 1937 году, был уже в армии (он 1926 года). Это был самый близкий друг детства, так как они с матерью жили по соседству, всегда мы были неразлучны. Служил он в Одессе и не где-нибудь, а во … внутренних войсках НКВД. Как он туда попал – не знаю, видать его об отце не спрашивали, ибо сына «врага народа» туда бы не допустили. Но факт есть факт. Мой закадычный друг мог меня охранять или конвоировать (вот как в жизни бывает). Из писем своей матери он узнал, что я нахожусь в Одесской тюрьме. Но за что я туда попал? Как же узнать? Связаться со мною было очень трудно, к тому не безопасно. За связь с заключенными, к тому подследственными, грозило страшное наказание, можно самому попасть под трибунал и быть осужденным на большой срок.

Это Анатолий знал, он неоднократно подписывал разные сов. секретные обязательства и инструкции. Но мой друг не испугался. Я восхищался и преклонялся перед его верностью нашей дружбы, перед верой в товарища, которого постигло большое горе. На такое не каждый способен.

Анатолий познакомился с девушкой Катей, которая служила также в их войсках и работала надзирательницей в Одесской тюрьме. Он поручил ей связаться со мною любым способом и узнать, за что я арестован? Катя часто была дежурной на нашем этаже, по картотеке узнала, в какой я камере, и во время приема или сдачи дежурства, когда заключенных проверяют по карточкам, называя каждого фамилию, она дольше, чем других, начала задерживать взгляд на мне. Но я не мог понять, в чем дело. Убедившись, что я тот самый, которым интересуется Анатолий, Катя решила как-то поговорить со мною. Но как? Подследственных ни на какие работы при тюрьме не брали, чтобы надзиратель мог перебросится несколькими словами с заключенными. К тому же этот разговор должен состояться с глазу-на-глаз.

И вот Катя придумала и решилась.

Каждый вечер после отбоя, когда в камерах свет выключался, из каждой камеры по очереди вызывали одного человека, набрать на ночь в

камеру воды. Девушка работала в нас давно, поэтому кое-кого знала по фамилии. К заключенным была вежлива, никогда никому не грубила, со всеми была обходительна, обращалась на «Вы»: «Подойдите к кормушке, получите хлеб», «Выходите на прогулку», «Вас вызывают» и т.п. Одного вечера она открыла дверь и позвала: «Сердюк, идите по воду!» - Я быстро поднялся, взял бачек и быстро побежал в конец коридора, где были рукомойники и краны с водой.

Катя закрыла камеру и прибежала в рукомойник. Вода шумела сильным напором в бачек, надо было его обмыть от баланды и набрать чистой воды. Сквозь шум струи мне послышалось, что меня кто-то зовет, но в рукомойнике никого нет. Оглядываюсь, у двери стоит Катя и рукой показывает увернуть кран, уменьшить шум воды. Потом подходит ко мне, протягивает руку и говорит: «Здравствуй, Николай!» Это меня ошарашило. Она заметила мое смятение и быстро объяснила все, потом спросила: «Как ты сюда попал? За что тебя арестовали? – этим интересуется твой друг Анатолий». Я очень быстро и сжато рассказал Кате, как все случилось, и передал Анатолию, что это какая-то ошибка, и я уверен – все уладится, разберутся и меня освободят. Тогда я еще не знал о беззакониях, которые творились в нашей стране на протяжении многих десятилетий. Катя, как я узнал намного позже, передала моему другу наш разговор в тюремном умывальнике, и он узнал, как я оказался арестантом. Еще эта девушка передавала мне тайно табаку, но после моего возвращения домой и при первой встрече с Анатолием, когда мы вспоминали это время, Анатолий отрицал передачу им для меня чего-нибудь. Значит, Катя от себя решила мне помочь. Большое ей спасибо за ее доброту.

Вот я навел два примера об отношении ко мне двух тюремных надзирателей: старшины Рымаря и девушки Кати. А сопоставление и выводы пусть сделает самостоятельно читатель моих записок.

На этапах. По лагерям ГУЛАГа

О люди,
Люди с номерами!
Вы были люди, не рабы,
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.

Я с вами шел в те злые годы
И с вами был не страшен мне
Жестокий титул «враг народа»
И черный
Номер
На спине.

Анатолий Жигулин – поэт и лагерник.

Итак, моя судьба печально разрешилась. Пять лет из моей жизни выпадет бесполезно, впустую и то, при условии, если вообще останусь жив. В этот срок уже вошли 14 месяцев жизни по тюремных камерах, но впереди еще почти 4 года неизвестности. Тюрьма надоела. Хотя бы побыстрее в лагерь. Пусть там будет тяжелая работа, но больше свободы, свежего воздуха, не будешь видеть через окно кусочек неба в клеточку, круга прогулочного дворика и верхушек тополей за тюремной стеной. На первом этаже из 8-ой камеры больше ничего не было видно. Хочется простора, солнца. Но страшно. Впереди неизвестность. Как там? Что день грядущий мне готовит? О лагерях у меня никакого понятия. Но я молод. Мне только 24 года. Худющий, истощенный, но физически здоров. Жалко родителей, жалко себя. Как подло и несправедливо поступила судьба. Кончилась война, остался жив и не покалечен. За 5 лет можно было бы окончить учебу в каком-нибудь институте, получить специальность, устроить жизнь… обидно до слез, что так пропадут лучшие годы ранней молодости. А потом? Что меня ожидает, если останусь жив и вернусь через 5 лет домой? Всеобщее презрение к бывшему арестанту. Работы хорошей не найти, учиться не пустят. Везде запрет.

А может быть все, что вытворяет со мною судьба - к лучшему, и все несчастья – это мое счастье? Ведь миллионы таких молодых и юных, как я, погибли, а молитвы моей матери дошли до Бога, и он прятал меня от пуль и осколков за тюремными стенами. Ведь в 1944 – 45 году, когда еще шла война, я провел почти 7 месяцев по тюрьмах в Кировограде и Одессе. За это время можно было не один раз погибнуть.

Где-то в средине марта 1946 года я попал в камеру для осужденных. Кончился покой родной камеры № 8 среди порядочных, культурных людей, где у нас всегда был порядок, тишина, взаимоуважение. Камера для осужденных была огромна, в ней было человек 150-180 людей – смешаны все, и политические, и уголовники. Главенствовали, конечно, жулики. Они объединялись все в одну группу, все подчинялись старшему, имеющему «крупные заслуги» среди преступного мира. «Атаманы» - это отъявленные бандиты, крупные «воры в законе» и прочая отборная мразь. Они пытались показать свой «патриотизм», поэтому одеты в военную форму, и не в какую-нибудь солдатскую, а в офицерскую (так было в войну и сразу после войны). Вокруг них целая свита прислуги: адъютанты, денщики, носильщики, массажисты и просто мелкая рыбешка, которая, не мигая, смотрела «пахану» в рот и готова исполнить все распоряжения и капризы своего «батьки», который имел неограниченную власть, за непослушание мог жестоко наказывать или миловать. Но самое главное – атаман был богат; в него было несколько мешков, плотно набитых вещами: хорошая одежда (костюмы, гимнастерка, новое бельё, свитера, перчатки), одеяла, простыни и другое богатство. За все эти «тряпки» можно было достать что угодно, в основном курево и продукты. Связь между жульем и надзирателями была прочная и надежная. Работники надзора жили в нужде, и некоторые из них шли на нарушение режима: брали в жуликов вещи, выносили их за ворота тюрьмы, в городе обменивали их на нужный «товар», который на следующее дежурство доставлялся в камеру. Все это делалось, конечно, нелегально. О таком «бизнесе» знали только некоторые лица, проверенные и надежные. Надзиратели эти услуги делали не без корысти, им щедро давали «на лапу». Чаще такие комбинации делались во время ночного дежурства надзирателя.

Изредка были и такие случаи: ночью вызывают из камеры одного их жуликов, и его нет несколько часов, потом тихонько впускают обратно. Все ясно: надзиратели обеспечили жулику свидание с женщиной в какой-то пустой камере (за хорошее вознаграждение).

Откуда в жуликов целые мешки вещей? Они их «нажили» в основном в тюрьме, ибо, когда попадаешь в тюрьму, много вещей нет. А здесь людям, осужденным к лишению свободы, которых скоро отправят на этап, родственники приносят теплые вещи, все лучшее, а в камере уголовники, что понравится, просто отнимают. Жаловаться некому и бесполезно. Отдай сам, будет лучше, если хочешь сохранить здоровье и жизнь. Я видел, как это делается. В Одессу прибыл этап из Кишинева, привезли партию осужденных молдаван, человек 20, все из крестьян, тихие, скромные, запуганные дядьки. Всех их «запихнули» в нашу камеру, которая и так была перегружена до предела. Люди сидели на полу, прижавшись друг к другу. Но уголовники для себя заняли в углу большую площадь, пол застлали одеялами, разложили постели, оставили еще место для игры в карты. «Шпилить» в карты целыми днями – их основное занятие. И вдруг, открывается дверь, и в камеру вталкивают прибывших молдаван, каждый с большущими мешками. Жулики обрадовались, в них загорелись глаза, все бросили игру в карты – все внимание в сторону двери. Один поднимается и говорит:

- О-о-о! Кто к нам пожаловал?! Господа лорды! А какие торбы?! Какие богатые джентльмены! Какие дорогие гости?!

- на перепуганных новичков льётся поток реплик, непристойностей, колкостей, издевок. Боязно поглядывает на старшого, ждут команды, но тот пока молчит, любуется красноречием братвы. Я сижу рядом с «атаманом», с интересом наблюдаю. Наконец старшой дает «указание»:

- Чего же ты, Васек (его правая рука), такой невнимательный к людям? Мы же их так долго ждали. Им же у входа неудобно, там и кислорода мало. А людям с дороги надо отдохнуть. Потрудись, промети мусор (т.е. растолкай сидящих), пусть гости проходят сюда, где майдан побольше.

Довольные «гости» проталкиваются к нам в угол, не зная, что их ожидает. Им «объясняют», что надо «поделиться» содержимым в мешках, сначала едят вместе, а потом все лучшее просто забирают, а остатки оставляют. Мешки «гостей» стали совсем «тощие». Дальше идет «обмен» вещей, к уголовникам переходят новенькие полушубки, брюки, шерстяные свитера. Особенно красивые расшитые молдаванские меховые безрукавки. На следующий день молдаван не узнать; они одетые в старые ватные телогрейки, бушлаты, только по шапках-Качурах можно узнать их национальную принадлежность (таких шапок жулики не любили и презирали).

Все произошло мирно, «полюбовно», потому что «гости» оказались «сходчивыми», как выражаясь блатным языком – «воспитанные». Но горе тем, кто попытается сопротивляться, - отнимут все, изобьют и ничего не дадут в обмен, он попадает в немилость – будет все время унижен и осмеян. Очень трудно тому, кто впервые попадает в такое окружение. Мне было намного легче; я прошел хорошие «курсы», просидев 2 месяца среди уголовников в Кировоградской тюрьме, в меня неплохое интеллектуальное развитие, жизненный опыт, подвешенный язык: мог часами рассказывать о фронте, о боях под Севастополем, о разведке, содержание давно прочитанных книг. Таких босяки любили. Кроме того, я был в офицерской форме, неплохо владел жаргоном. В уголовной среде меня никак не могли разгадать, кто я? Поэтому принимали за своего. Трудные, экстремальные ситуации, в которые так часто бросала меня судьба, выработали в характере решительность, быстро ориентироваться в обстановке, действовать напором. Надо было выжить в тех условиях, самортизировать удары судьбы, а для этого не грех кое-где проявить артистичность, сыграть роль. А уголовники – «зрители» глупые, они в своем большинстве малограмотные, ничего не читали, больше жизни проводят за решеткой, в разговоре между собою больше «травили» легенды о своем «профессиональном» мастерстве, кому удалось околпачить на майдане фраера, кому из чужого кармана «переселить» в свой карман лопатник, отвернуть угол из вагона поезда и т.д. Особенно много разговоров о женщинах, об успехах среди баб, о распашных застольях, выпивках, о суках, продавших мамину или надежную хату, о побегах, погонях лягавых и тому подобное.

Все это я наблюдал еще в Кировограде, и как оно мне пригодилось теперь. Вот несколько случаев из общения среди уголовников после моего осуждения:

В конце марта 1946 года прибыл я по этапу в Днепропетровскую тюрьму, меня почему-то одного бросили в одну с камер. Людей полно, как селедок в бочке. Найти место, чтобы сесть, невозможно, только возле двери на параше, что для меня, прибывшего из… самой Одессы, оскорбительно. Но в правом углу камеры расположились вольготно табором босяки, увидели меня и хором заорали: «О, вояка! Привет!» - Больше никакого внимания. Я шагаю через головы сидящих, направляюсь в угол. Босяки насторожились. Замолчали. Смотрят во все глаза. Я осматриваю каждого, присматриваюсь. В компании «крупных» не вижу – все какая-то мелюзга. Это, вероятно,

старшой. Спокойно подхожу и со всего размаха бью его сапогом под грудь, ору:

- Что, падла, своего не узнаешь, сука??? Смотри, разлегся как фараон! Никакой культуры. Человек только с ящика, чугунки, и его не встречают!!

Босяк подхватывается, окружают, но не трогают. «Старшой» корчится от боли, стонет, но не орет (видать, его и не так били). Слабым голосом распоряжается:

- Что, не поняли? Устройте же человека!

Быстро мне было предоставлено место, кое-какая постель. Раздеваю шинель, небрежно бросаю на кучу босяцких шмоток. Понял, что курить у братвы нет. Ложусь, закрываю глаза, показываю смертельную усталость. Потом спрашиваю:

- Похмелиться не найдется? - (т.е. покурить),

зная, что нет. Говорю:

- Возьмите в кармане шинели (там был табак), да и мне соорудите.

Через минуту мне преподносят готовую раскуренную папиросу. Меня с радостью приняли в босяцкую компанию, где я пробыл пару недель, откуда попал в Днепропетровский лагерь, где я пробыл месяцев 8.

Другой пример: С лагеря на строительство автозавода в Днепропетровске я снова переправлен в пересыльную тюрьму, а оттуда – на дальний этап. Это было перед Новым 1947 годом. Зима. Сильные холода. Заключенных с тюрьмы к вагонам сопровождал плотный конвой автоматчиков с собаками. Списки по вагонам были составлены по алфавиту, вызывали по фамилиям. Пока вызвали меня, в вагоне было уже много, запущенных раньше. Грузили человек 40-50. Захожу и вижу, что в вагоне хозяйничают уголовники. Из нашего лагеря среди них никого нет. По обе стороны от двери – нары, у противоположной двери деревянный лоток для стока нечистот и умывания, на полу бачек с водою. Никакого отопления нет.

Жулье – народ опытный, они знают, как лучше, удобнее ехать зимою в таких вагонах. Надо занимать места в вагоне в стороне к голове поезда, там будет намного теплее, не будет сквозняков. Уголовники уже заняли нары на этой стороне, а наши работяги из лагеря (несколько человек) и другие - по лагерному «черти и ишаки» - люди второго сорта будут ехать на нарах с противоположной стороны, а то и под нарами. А я только зашел в вагон. Надо устраиваться. Мгновенно оцениваю обстановку. Уголовников – человек 10, меньшинство, но если их не пресечь, они будут господствовать на протяжении всего пути следования.

В лагере я окреп, поправился, еще больше нахватался опыта, блатного духа. На мне по-прежнему военная форма. Работал все эти 8 месяцев нарядчиком, ежедневно сталкивался со всяким народом. Решил немедленно взять инициативу в вагоне в свои руки. Вижу в проходе между нарами «выкаблучивается» старшой блатной группы, снимаю шинель, даю ему подержать, другого босяка «приглашаю» полить на руки. Мою руки, а мне уже подают полотенце. «Спектакль» получился превосходно. Так я стал вожаком в вагоне. По своему усмотрению я «назначил» своим заместителем босяцкого старшого, сделал «переселение»: всю блатную мелюзгу переселил на противоположную сторону. На нарах со стороны головы поезда ехал я, мой «заместитель», земляк Леня Зануда из Кривого Рога, с которым познакомились в лагере и еще все те, что попали на этап из нашего лагеря. Ехали на Печору в Коми АССР долго. В нашем вагоне был порядок: продукты распределялись строго поровну, никто никого не грабил, не обижал.

Я немного забежал наперед, поэтому возвращаюсь и буду писать по порядку. В Днепропетровской тюрьме я познакомился с Леней Занудой, это был парнишка моложе меня, бывший студент Горнорудного института, судили их (группу студентов) за то, что во время лекции перед студентами начальнику городского НКВД задавали какие-то «каверзные» вопросы. Лене дали 10 лет. Также в камере познакомился с одесским архитектором – художником, умнейшим интеллигентным человеком Иваном Львовичем Сильвестровичем (в Одессе я его не встречал). Он тоже получил 10 лет за то, что создавал для румын во время оккупации какой-то проект (сотрудничество с оккупантами).

Леня и Иван Львович попали на этап на несколько дней раньше меня, и какая была моя радость, когда в лагере на автозаводе я их обоих встретил. Они уже «устроились»: Иван Львович работал художником, а мой земляк Леня – чертежником.

Я стал нарядчиком и выполнял писарскую работу в УРЧ (учетно - распределительной части) лагеря, у меня был неплохой почерк, который мне часто помогал. В лагере переписка разрешалась. Дома узнали, что я уже не в Одессе, а в Днепропетровске, но еще не знали, что мне дали пять лет заключения. Получить свидание с родными было не просто, особенно для осужденных по такой статье, как у меня. Разрешение на свидание полностью зависело от начальника особого отдела лагеря (ох, эти особые отделы). Но мне скоро удалось наладить «блат» с «особняком». Я для него изготовил

картотеку на всех заключенных лагеря, которых в нас было более 900 человек. Старался, как мог, карточки были стандартные на ватмане, красиво написанные тушью. «Особняку» понравились, он мне давал табаку, папирос, дал указание, чтобы меня лучше кормили. Письма из дому приходили часто. Отец собирался приехать ко мне. Через «особняка» удалось оформить разрешение на свидание, оно было заготовлено заранее, на случай приезда родных.

В мае, после Пасхи, приехал отец и сестра Шура, передали передачу, нам дали свидание, и мы проговорили около часа. Я уже немного поправился на лагерных харчах, физически не работал, болтался в лагерных «придурках». Это успокоило моих родных. Мне передачи были не нужны, а вот увидеться с родными всегда хотелось. Обещали, что кто-нибудь к осени еще навестит меня. Но до осени было еще далеко.

Из передачи я угостил кое-кого из своих новых знакомых и в первую очередь Леню и Ивана Львовича. Помню, как он крестился и благодарил, принимая от меня пасхальные крашеные яичка. Ему было, наверное, труднее, чем многим из нас. Он рос, воспитывался и жил в культурной интеллигентной среде, и моральное падение людей в лагере для него было более мучительно, чем физические невзгоды. Каждое утро, на протяжении всего лета, его возили в сопровождении конвоира в центр Днепропетровска, где он на каком-то здании рисовал портрет Сталина, высотою в 2-х этажный дом; работал на риштовках в разных положениях: стоя, сидя и даже лежа. Привозили его в лагерь к вечеру совсем изнуренного, смертельно уставшего, голодного. Он по национальности был серб, возраст – лет 35, высокого роста, лоб высокий, с залысинами, выразительные крупные глаза, которые всегда выражали грусть и переживания убитого горем человека. Очень худой, лицо землисто – желтого цвета. Он с каждым днем таял, как горящая свеча.

В Одессе в Ивана Львовича осталась жена и малолетняя дочка. Каким он был внимательным и любящим мужем и отцом! В ИТР-овском бараке наши спальные места были рядом, я ежедневно наблюдал за этим человеком. После возвращения с работы он мылся, потом ложился на койку, лежал неподвижно час, другой, молча смотрел в потолок барака. Но каким бы он не был уставшим, после передышки каждый день (повторяю - ежедневно) Иван Львович писал домой краткое письмо и для дочки рисовал (очень быстро) веселую детскую картинку. Для этого в него были нарезаны кусочки ватмана, размером почтовой открытки. Ежедневно письмо отправлялось в Одессу. Очень часто, как никто другой, он получал письма от семьи.

К празднику Октября портрет Сталина был окончен, и Иван Львович, после передышки, работал в проектном бюро на стройке автозавода. Немножко посвежел, начал отходить морально, повеселел. Возможно из дому стали приходить более утешительные письма. Позже мы с Леней ушли на этап, а Иван Львович остался. Так я и не знаю его дальнейшей судьбы.

Днепропетровский лагерь – новая исправительная колония. Это несколько деревянных бараков среди поля за городом, обнесенных двумя рядами колючей проволоки. Один, самый большой барак на несколько блоков для мужчин, значительно меньше – для женщин, между ними небольшое помещение для работников ИТР. В бараках были двухъярусные нары, для ИТР-овских работников – деревянные двухъярусные топчаны. Здесь же за перегородкой была и бухгалтерия лагеря. Отдельное помещение занимали кухня, столовая, хлеборезка, продовольственные кладовые. Все эти строения стояли в один ряд.

Напротив бараков множество разных подсобных строений – деревянных будок: караульное помещение для внутренней охраны, надзирательская, разнарядочная, кабинеты разных начальников из администрации лагеря и технических служб новостройки.

Внутри лагеря была еще летняя эстрада, где выступали участники художественной самодеятельности. В лагерь можно попасть только через двойные ворота, ворота широкие, вмонтированы в проволочных ограждениях. Через них пропускался транспорт, въезжающий и выезжающий из лагеря, бригады рабочих, уходящие утром на работу и возвращающиеся обратно.

Рядом с воротами проходная, а рядом в проволочной ограде – деревянная будка для свиданий.

С другой стороны ворот отгорожена колючей проволокой от лагеря небольшая территория – это механические мастерские бригады Горбачева. Здесь под навесами установлены токарные, резальные, фрезерные, шлифовальные и др. станки. Эта бригада самая авторитетная, состоит из специалистов только самых высших разрядов. Она всегда впереди. Все время в лагере висели плакаты и транспаранты: «Бригада Горбачева дала 250% плана!», «Берите пример из бригады Горбачева!» и т.п.

В лагерях соцсоревнование также было модой. Мужчины и женщины здесь не были изолированы одни от других. Связь между ними формально пресекалась режимом, но фактически существовала. Надзиратели, дежурившие по ночам, проверяли после отбоя, чтобы мужчин не было в

женском бараке, а женщин – в мужском, но это надоедало надзору копаться в грязи сугубо частных интимных отношений (надзиратели тоже были разные). Хотя не открыто, но связи существовали.

За нарушение режима можно было иметь неприятности: попасть в карцер (в землянку возле вышки), или на самую худшую работу. Многие побаивались, да и сдерживала еще совесть и порядочность людей, случайно попавших в заключение от морального падения. За что только не судили? После войны жизнь была тяжелая: украл несколько килограмм зерна в колхозе – получай 8 – 10 лет, выгнала бабка самогон, чтобы продать, и одеть детей, отец которых погиб на фронте, или уплатить налоги – судили до 3х лет. А сколько было в лагере молодых девчат? Согласно указа 1946 года молодежь насильственно брали из села в города для восстановления разрушенного пр-ства. Условия ужасные: кушать нечего, жить негде, ни одежды, ни обуви и каторжный физический труд. Многие не выдерживали, убегали. За это согласно указу можно было «схлопотать» 4 - 8 лет тюрьмы, как за дезертирство с трудового фронта. Вот и попадали массово молодые девушки и ребята за колючую проволоку, откуда уже не уйдешь.

Позже, когда я уже был на севере где-то в 1948 году, к этому указу была внесена «поправка»: женщины, осужденные за самовольный уход с производства, которые в местах заключения стали беременными, немедленно освобождались. Какое варварство!... Хочешь вырваться из-за колючей проволоки, распрощайся со всеми нормами человеческой морали. Прощайте женские чувства, скромность, стыд! Прощай самое святое – девичья честь, любовь!

Девушка решается отдаваться кому угодно, лишь бы выйти на свободу. Где еще, в какой стране так были растоптаны, унижены, выгажены в болоте женские чувства?...

Мало того, что тяжелый труд в нечеловеческих условиях изнуряли в лагерях женщину физически, забирали здоровье, ее надо было еще использовать, как самку, для восполнения потерь людей. Даже сейчас, спустя почти полвека, никто не назовет, хотя бы приблизительно, число потерь войны. А голодные годы? А массовые репрессии?

Люди считались человеческим материалом, его расходовали без жалости, без милосердия. Сколько было случаев во время войны, когда за взятие какой-нибудь незначительной высотки или маленькой деревушки гибли тысячи солдат.

А какие тягости вынесли женщины после войны? Об этом я уже вспоминал. Прошли десятилетия, но и сейчас на строительство автодорог или ремонте железнодорожного полотна часто встречаются женщины в желтых ватниках, которые лопатами раскидывают горячий асфальт, кирками выдалбливают шпалы, ломами ворочают рельсы. Такое издевательство над женщиной я наблюдал не только на Украине, в России или Белоруссии. В 80-х годах мне пришлось побывать в Грузии на встрече однополчан, где мы посещали предприятия. На Кубанском заводе (завод изготовлял краски) в цехах работают одни женщины, где нечем дышать. По 8 часов они дышат испарениями ацетонных растворителей, работают в респираторах, в очках, лица обмотанные повязками. Не от роскошной жизни они гробят там свое здоровье, идут на такое предприятие потому, что там заработок побольше. Многие работают еще сверхурочно, когда заводу надо выполнить план.

Не в лучших условиях работают женщины и на шелко-мотальной прядильной фабрике в городе Цулукидзе. В отдельных цехах, где в большущих чанах кипятят коконы тутового шелкопряда, воздух перенасыщенный водяными парами и такая специфическая отвратительная вонь, что мы с трудом выдержали там не больше 10 минут. А женщины в таких условиях работают всю смену, на следующий день снова, и так многие годы. Могут ли такие женщины родить здоровое поколение??? ... На этих двух предприятиях видели мы и мужчин, но их совсем мало (среди администрации, в парткомах, комитете комсомола, пожилых старичков в цехах по изготовлению тары). А как работали женщины на хлопковых плантациях в республиках Средней Азии, где во многих местах местные власти не давали даже декретных отпусков, и женщины рожали детей прямо на плантациях?

Извините, что я снова увлекся, отступив от лагерной темы. В днепропетровском лагере я познакомился с молодой девушкой Марией Письменной, которая имела 5 лет по Указу за уход с производства. Она была из Софиевского района Днепропетровской области, сельская скромная девчонка, прибыла в наш лагерь позже меня, работала в столовой лагеря. Между нами была временная любовь, юношеское увлечение, которое ограничилось разговорами, после работы вечерами перед отбоем. Я был старше нее на несколько лет, имел большой жизненный опыт, долго пробыл по тюрьмам, поэтому старался ее сохранить от морального разложения, внушал ей, что наше положение временное и надо надеяться на скорое более радостное будущее. Наши встречи кое-как скрашивали жизнь в неволе. К

зиме я ушел на этап, Мария осталась в Днепропетровске. Сначала на Севере я попал в такие условия, что мне было не до Марии, даже домой письма писал редко. Когда же мне стало легче, когда в меня было достаточно бумаги и времени, я вспомнил о Марии, захотелось узнать о ее дальнейшей судьбе. Я написал письмо ее отцу (домашний адрес я знал). Отец ответил, что их дочка в лагере уже на Урале и сообщил мне ее адрес. Написал ей письмо. Мария ответила быстро, но после этого письма я больше ей не писал. Она писала о том, кто из девчат с Днепропетровского лагеря, многих из которых знал и я, попали вместе с ней на Урал, кого из них освободили по беременности и о всех прочих лагерных новостях. Но все написанное было таким босяцким жаргоном, «приукрашено» такой бесцензурной гадостью, что меня стошнило. Вот, что делают лагеря и тюрьмы с людьми… На этом наша связь прекратилась навсегда.

Я надеялся, что к осени ко мне кто-нибудь приедет из родни, поэтому разрешение на свидание заготовил заранее. И вдруг, где-то в августе по лагерю бегает посыльный и ищет меня - срочно явиться к проходной. Прибегаю, и вижу за двойной проволокой, стоит молодая, чернявая, симпатичная девушка, совсем незнакомая, стоит на…деревянной ноге. Надзиратель спрашивает сначала меня:

- Ты ее знаешь?

– Отвечаю

- Нет!

Спрашивает девушку:

- А Вы его знаете?

Она тоже отвечает:

- Нет!

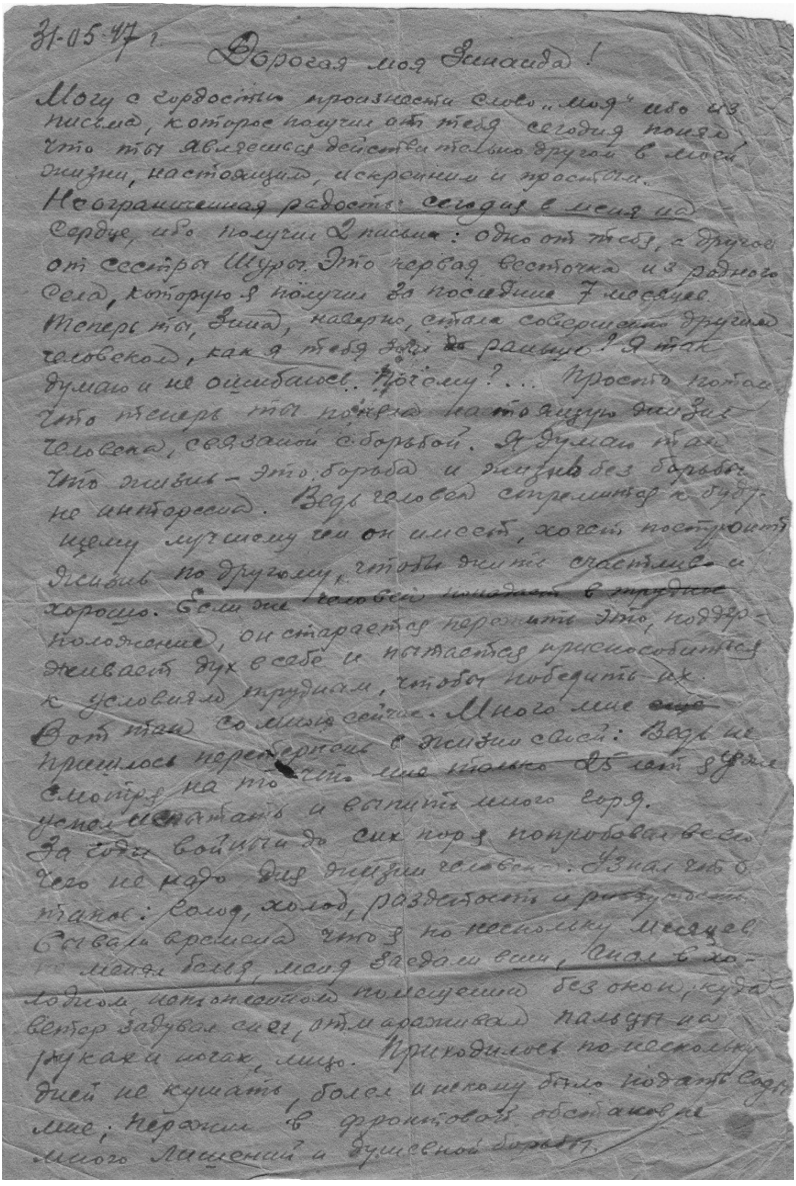
- К кому же Вы пришли?

- К Сердюку Николаю Павловичу!

Расстояние между нами метров 3, хорошо видно и слышно. Девушка начала

объяснять, что она сестра жены моего двоюродного брата Сергея Тихоновича, который еще до войны был моряком на Балтике, ехал домой в отпуск и по дороге женился на проводнице вагона. После отпуска уехал дослуживать, застала война, воевали все время в блокаде Ленинграда, остался жив и после войны поселился на родине жены, недалеко от Днепропетровска.

Письмо Сердюка Н. П. из заключения:



31-05-47 г.

Дорогая моя Зинаида!

Могу с гордостью произнести слово „моя“ ибо из
письма, которое получил от тебя сегодня понял
что ты являешься действительно другом в моей
жизни, настоящим, искренним и простым.
Неограниченная радость сегодня у меня на
сердце, ибо получил 2 письма: одно от тебя, а другое
от сестры Шуры. Это первая весточка из родного
села, которую я получил за последние 7 месяцев.
Теперь ты, Зина, наверно, стала совершенно другим
человеком, как я тебя знал раньше? Я так
думаю и не ошибаюсь. Почему?... Просто потому
что теперь ты поняла настоящую жизнь
человека, связанной с борьбой. Я думаю так
что жизнь – это борьба и жизнь без борьбы
не интересна. Ведь человек стремится к буд-
ущему лучшему чем он имеет, хочет построить
жизнь по другому, чтобы жить счастливо и
хорошо. Если же человек попадает в трудное
положение, он старается пережить это, поддер-
живает дух в себе и пытается приспособиться
к условиям трудным, чтобы победить их.
Вот так со мной сейчас. Много мне ~~еще~~
пришлось перетерпеть в жизни своей: ведь не
смотря на то что мне только 25 лет я уже
успел испытать и выпить много горя.
За годы войны до сих пор я попробовал всего
чего не надо для жизни человека. Узнал что б-
такое: голод, холод, раздетость и разутость.
Бывали времена что я по несколько месяцев
не менял белья, меня заедали вши, спал в хо-
лодном, непотопленном помещении без окон, куда
ветер задувал снег, отмораживал пальцы на
руках и ногах, лицо. Приходилось по нескольку
дней не кушать, болел и некому было подать воды
мне; перенес в фронтовой обстановке
много лишений и душевной борьбы.

И вот, Зина, как видишь до настоящего
времени я пока жив и можно сказать
еще и здоров. Не знаю как будет дальше, но
если бы я сейчас прибыл домой, меня бы
еще узнали, ибо похоже на того Николая,
которого ты знала, до раньше.
Во мне горит пламя жадности к жизни, я
хочу жить, ибо еще молод, жизнь моя впереди и
мне внутреннее чутье подсказывает, что я
еще буду счастлив.
Зина! Хочу открыть перед тобою всю душу по
отношению к тебе: В Дн. ровску я получал пись-
ма от тебя, от подруг твоих в т. ч. и от сестры
Лиды. Некоторые девушки (не говоря, конечно,
о всех) были настроены против тебя, писали
мне разные кляузы о тебе, но я все же не
верил этому, ибо позабыть прошлое и залечить
сердцевые раны прошлого не так уж легко.
Теперь я тем более поверил тебе в том что ты
все же — искренний, настоящий друг.
Спасибо тебе, сердечное, от глубины души за
то что ты меня не оставила в этой глухой
Северной тундре, где каждое слово с родного
края дорого для меня. Спасибо маме твоей,
что вырастила такую дочку. За эту малень-
кую письменную поддержку для души моей, я
буду вечно благодарен как тебе так и всей ва-
шей семье. Передай же от души, родная, самый
теплый привет своей маме и сестре Кате.
Выражаю глубокое соболезнование по поводу
смерти отца. Пусть вечная память оста-
тся в наших сердцах о нем. Я все время
мечтал о встрече с Вашим папашей и так не
удалось . . . . . Дорогая Зина! Одна просьба
в меня к тебе: не оставляй своей мамы и помо-
гай ей всем чем сможешь, ибо она тебе роди-
ла, растила и много вылела слез о тебе. И если
ты когда-нибудь потребуешь помощи — мать
тебя никогда не забудет, а на других надеятся
нельзя, ибо я знаю это так-как на себе испытал
и испытываю сейчас.
Пока до свидания. Целую тебя крепко Н. Сердюк

Сергей, приезжая к родителям, от моего отца узнал, где я, и адрес Днепропетровского лагеря. Этот адрес взяла Паша – девушка, стоящая сейчас напротив меня за колючей проволокой. Меня поразило, удивило и растрогало до слез, что совсем чужая девушка – инвалид решила меня навестить, морально поддержать в этом нерадостном моем положении. Не задумываясь, я решил сейчас же «загасить» свое разрешение на свидание, сбегал в барак, принес разрешение, и мы с Пашей начали знакомиться ближе. Даже надзиратель расчувствовался поступком этой девушки и дал нам беседовать вместо положенных 30 минут, сколько нам хотелось (беседовали более 2х часов). Распрощались, и Паша ушла. Она почти постоянно жила в Днепропетровске, училась в химико-технологическом техникуме. Еще один раз она приходила ко мне, как и первый раз, передала мне фрукты (у них дома был хороший сад), табаку. Но свидания больше не было, я ее видел только через проволоку. После этого мы не виделись почти 20 лет.

Я снова заготовил разрешение на свидание, ожидал посещения родных из дому. Но проходила осень, ко мне никто не приезжал. Меня два раза забирали из лагеря в тюрьму на этап, но первый раз возвратили обратно (у меня почему-то обнаружили отеки на ногах). Примерно в средине декабря меня забрали насовсем, и я в скорости был отправлен этапом на Север. Дома ничего не знали, поэтому в это время ко мне приехал брат Василий, но меня в лагере не было, не застал он меня уже и в Днепропетровской пересыльной тюрьме. Так и уехал брат домой ни с чем.

В Коми АССР поезд шел более 2-х недель. Зима. Чем дальше на север, тем холоднее. Вагоны не отапливались. В некоторых вагонах свирепствовали уголовники. На стоянках выносили трупы замерзших или убитых людей. Слава Богу, в нашем вагоне был порядок, доехали все живыми.

Вагоны с заключенными – груз не срочный, иногда целыми сутками простаивали на станциях, пропуская встречные поезда. Каждую ночь изнуряли проверки: только поезд остановится, конвоиры колотят деревянными молотками по стенкам вагонов, проверят, не проделали где-нибудь отверстий во время движения поезда, другие врываются в вагоны, начинается проверка: всех перегоняют в одну сторону вагона и считают. Люди сонные, измученные, проверка проходит быстро, в ход пускают деревянные молотки, в вагоне полутемно (фонари конвоиров светят слабо), лупят молотками людей по чем попало. Хорошо, если за первым разом счет сойдется, а то приходится несколько раз перебегать под ударами молотков из одной стороны вагона в другую. И так по несколько раз за ночь. Едем на

Север. Проехали Ярославль, Вологду, Котлас – дальше Коми АССР. Здесь много лагерей: Ухтинские, Печорские, Воркутинские. Мы приехали в Печору. Здесь огромный пересыльной лагерь. Прошли карантин, прошли санобработку. Нас переодели: выдали телогрейки, ватные бушлаты, спецовки из грубой хлопчатобумажной ткани, валенки, кое-какие рукавицы, связанные из пакли, через которые продувает. Я распрощался со своей военной формой, которую так берег и жалел целых два года.

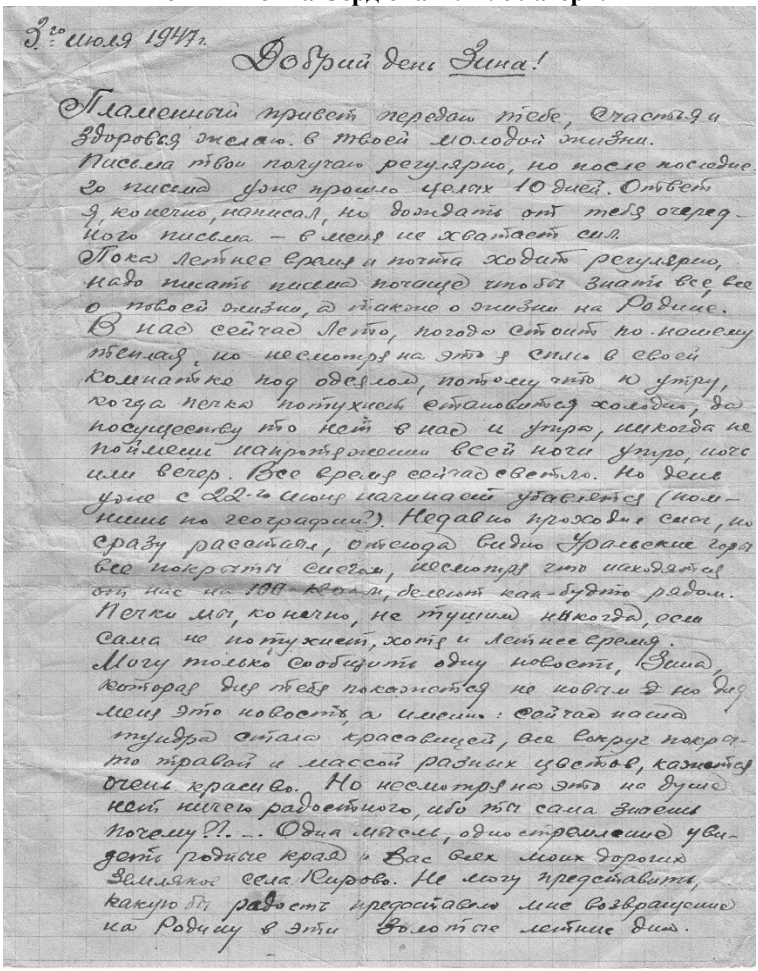
Распределили на партии – группы, и снова погрузили в вагоны – открытые пульманы, которые перегоняли под уголь на Воркуту, и повезли дальше на Север. Мы с Леней Занудой держимся все время вместе. Морозы около – 40°, замерзаем до основания, да еще без привычки, как только прибывшие с юга страны.

Нашу группу, человек 50 привезли на станцию Чум, где был один из самых северных лагерей Печорлага. На Севере структура лагерной системы следующая: управление Печорлага находилось в г. Печоре, оно состояло из отделений, в каждом отделении было десятка полтора колонн – это самостоятельные лагеря, наподобие как-бы наш в Днепропетровске. Каждая колонна располагалась рядом с полотном Северо-Печорской железной дороги, которая строилась заключенными до войны и первые годы после войны, чтобы перевозить воркутинский уголь в центральные районы страны. Дорога строилась в тундре на болотистой местности, основание полотна все время проседало, требовался постоянный ремонт. Этим в основном и занимались бригады заключенных на колоннах Печорлагах. До отправки с Печоры мы прошли медицинскую комиссию. По состоянию здоровья и трудоспособности заключенных делили на 5 категорий: I – самые здоровые, II – немного послабее, II^6 – еще слабее (без права использования на тяжелых работах), III – слабые, III^6 – совсем слабые, которые были дневальными, истопниками, убирали снег в зоне и пр. легкие работы. III^6 – это кандидаты для отправки в лазарет, откуда почти никто не возвращался. Мне определили I категорию.

Не помню номеров ни колонны, ни отделения, куда я попал впервые. Помню, что колонна была маленькая и на воротах надпись: «Труд в СССР – дело чести, дело славы, дело доблести и геройства» - выписка из статьи Сталинской Конституции. Бараки грязные, отапливались плохо, двухъярусные нары без постели, спали не раздеваясь. Но в нас с Леней Занудой были кое-какие тряпки в одном мешке на двоих.

Намерзшись в дороге, мы застлали на нарах одеяло, легли, прижавшись друг к другу, согрелись и уснули. Просыпаемся, а в нас ничего нет. Наш мешок с вещами жулики «увели». Смотрим друг на друга и чуть не плачем. Осталось одно байковое одеяло на двоих. В это время поступила команда: новоприбывшим выйти из барака на построение. Подошел начальник колонны, мужчина лет сорока, одетый в новенький белый полушубок, подпоясанный офицерским ремнем, на шапке звездочка, видать НКВД-шник, но погон не видно. Познакомил нас, куда мы попали, с режимом на колонне, нашими правами и обязанностями. Сказал, что нам разрешается переписка с родными без ограничения, можно получать посылки. Предупредил, что климат на Севере не любит расхлябанных, надо всегда быть застегнутыми, чем-нибудь подпоясывать бушлаты (хотя веревкой или куском проволоки), следить, чтобы валенки всегда были сухими, не терять рукавиц. Работать начинали на следующий день. Я со своей I категорией попал на разработку выемки для стока вод возле полотна железной дороги. На работу выходили еще затемно и ночью возвращались. Светлого дня в Заполярье во второй половине января не больше 2-х часов. Работали по 9 часов на бешеном холоде. Только когда морозы были ниже - 35˚или сильная пурга, на работу не гоняли. Но во время снегопада работа находилась – чистить на станции железнодорожные пути. Работа на выемке каторжная: надо 9 часов киркой и ломом долбить скалистый, мерзлый грунт, набрасывать на санки лопатой и отвозить в сторону на отвал. Хлеба получали по 900 гр., но на кухне жидкая баланда и 400 гр. кукурузной каши, смешанной одной чайной ложкой растительного (соевого) масла. Это обед, который нам подвозили на трассу. Перед работой на завтрак суп из брюквы и кипяток, на ужин снова суп; иногда давали по кусочку рыбы. Пайку хлеба и 20 гр. сахара (коричневого) выдавали утром на весь день. Как видите, кормили не сытно. Кроме этого на колонне было много уголовников, которые не работали. Они жили на штрафном котле: получали только 400 гр. хлеба и один раз на день жидкую баланду. Поэтому они грабили кухню, угрожая поварам расправой, отнимая в работяг также скудные крохи.

Копия письма Сердюка Н. П. с лагеря:

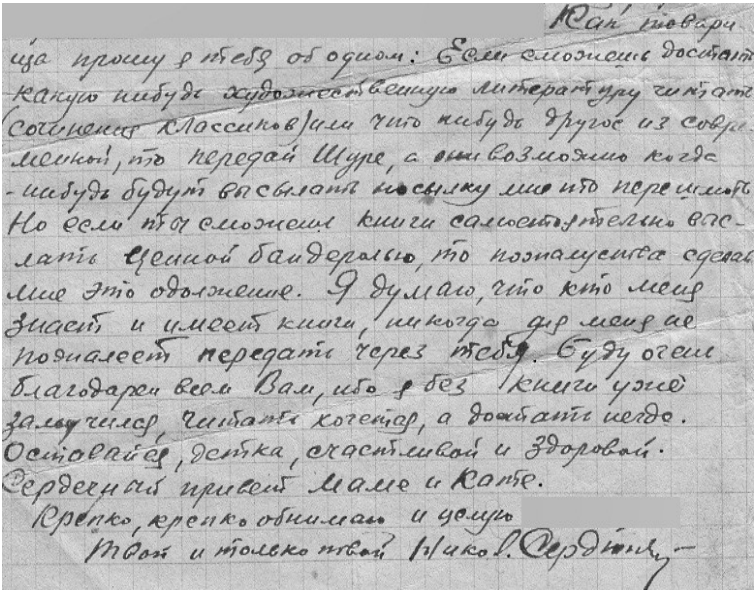


3-го июля 1947 г.

Добрий день Зина!

Пламенный привет передаю тебе, счастья и здоровья желаю в твоей молодой жизни. Письма твои получаю регулярно, но после последнего письма уже прошло целых 10 дней. Ответ я, конечно, написал, но дождать от тебя очередного письма — в меня не хватает сил. Пока летнее время и почта ходит регулярно, надо писать письма почаще чтобы знать все, все о твоей жизни, а также о жизни на Родине. В нас сейчас Лето, погода стоит по нашему теплая, но несмотря на это я сплю в своей комнатке под одеялом, потому что к утру, когда печка потухнет становится холодно, да посуществу то нет в нас и утра, никогда не поймешь напротяжении всей ночи утро, ночь или вечер. Все время сейчас светло. Но день уже с 22-го июня начинает убавляться (помнишь по географии?). Недавно проходил снег, но сразу расстаял, отсюда видно Уральские горы все покрыты снегом, несмотря что находятся от нас на 100 км, белеют как-будто рядом. Печки мы, конечно, не тушим никогда, если сама не потухнет, хотя и летнее время. Могу только сообщить одну новость, Зина, которая для тебя покажется не новым ~~д~~ но для меня это новость, а именно: сейчас наша тундра стала красавицей, все вокруг покрыто травой и массой разных цветов, кажется очень красиво. Но несмотря на это на душе нет ничего радостного, ибо ты сама знаешь почему?!... Одна мысль, одно стремление увидеть родные края и Вас всех моих дорогих земляков села Кирово. Не могу представить, какую бы радость представило мне возвращение на Родину в эти золотые летние дни.

Может быть в силу создавшегося обстоятельства мы увидимся раньше. Сейчас в нас начальств принимать во внимание зачеты, кто хорошо работает, может быстрее быть отпущен. Кратко о личной жизни: Живу я пока хорошо, ничем почти не нуждаюсь, материально обеспечен также неплохо, работаю по своей специальности, пользуюсь уважением среди товарищами и начальством. Что только мучит — это скука ужасная.



В нашей бригаде было человек 25. Бригадир – плотный молодой еще мужчина, который кончал срок 10 лет (из репрессированных в середине 30-х годов), по национальности украинец. Таких «ветеранов» в лагерях осталось совсем мало.

Хлеб получали перед завтраком. Для этого каждая бригада имела свой деревянный поднос. За хлебом к хлеборезке шли 2 человека, но были случаи, что уголовники нападали и отнимали хлеб. Вся бригада на целые сутки оставалась голодной. Приходилось посылать «охрану». За хлебом шли не два, а человек 10 из бригады с хорошими дрынами, чтобы прогнать нападающих. Мой друг Леня намного слабее меня, ему дали III категорию и послали работать в бухгалтерию, откуда он приносил мне бумаги на письма, а иногда и кусочек хлеба. Я почувствовал, что начал слабеть, я жалел за Днепропетровским лагерем и даже за Одесской тюрьмой и «родной» камерой № 8.

Доходило иногда до того, что жить не хотелось. Тянешь санки с грунтом вдвоем с напарником, а в это время мимо выемки тихим ходом движется поезд. Иногда возникала мысль: оставить эти проклятые санки и броситься на рельсы, … несколько секунд и…конец всем мучениям. Но сразу же настигает и другая мысль: какая глупость лезет в голову, ведь я молод и в

меня только 5 лет сроку, из которых осталось 3 года, а моему напарнику – латышу лет 50, в него срок 10 лет, и он не бросается под поезд. Примерно через месяц мне была определена уже II категория, и наша вся бригада была переброшена на другую колонну немного южнее, где на реке Сейда строился мост. Мы рыли котлован под опору моста, укладывали бетон. Работа тоже тяжелая, но немного легче, чем на выемке на лютом морозе. Здесь можно иногда погреться у костра или у раскаленных печек, которыми в тепляках обогревался уложенный бетон. Бетон смешивали бетономешалки, мы подвозили материалы (гравий, песок, цемент), загружали бетономешалку и откатывали загруженный у вагонетки бетон к эстакаде, откуда их тащили в гору лебедки, приводимые электродвигателями. Здесь совершенно случайно, работая в ночную смену, я встретил земляка из нашего села Кобца Григория Федоровича, который был из соседней колонны, также работал на строительстве моста. На Север он попал значительно раньше меня, работал бригадиром, получал часто из дому хорошие посылки (его брат был в нашем районе председателем колхоза). Срок у него был 10 лет по той же статье, что и у меня, но за что его судили, мне он не говорил (думаю, что он был власовцем). Еще один раз мы с ним встречались, он принес мне немного бумаги для писем и табаку. С Леней мы теперь не встречались, он остался на первой колонне.

Фотография – Архипелаг ГУЛАГ:

Гриша Кобец был здоровый парень, богатырского сложения, года на два старше меня. Позже я встречал ребят из его колонны, спрашивал о Грише. Мне сообщили печальную новость, Гриша подрался на колонне, пришиб до полусмерти какого-то «хмыря», его судили, добавили еще один год сроку и отправили дальше на Север под Воркуту, где славилась стройка Хальмер-Ю своими лагерями строгого режима. О ней блатные пели:

Есть на свете стройка Хальмер-Ю,
Что творится там, я не пойму.
Колют, режут, убивают,
Всех легавых проклинают.
Эх, зачем нас мама родила??...

Но Гриша выжил. Отбыл свои 11 лет до звонка, еще несколько лет работал на Севере шофером, женился, создал прекрасную семью, сейчас имеет 4-х взрослых детей, кучу внуков, живет за 7 км от нас в с. Баштино. Работал шофером в колхозе, попал за воровство зерна снова на 3 года в заключение (был 1,5), срок отбывал в лагере строгого режима (но это было давно, где-то в 60-х годах).

Там, в районе Хальмер-Ю летом 1948 году было восстание заключенных, которое организовали военные арестанты под руководством какого-то полковника. Они перебили охрану, захватили оружие и начали освобождать лагеря. Но большинство заключенных не примкнули к восставшим и не захотели выходить из зоны, считали, что восстание будет подавлено внутренними войсками НКВД.

Не вышел из зоны и Григорий Кобец. Группа восставших, человек 200, продвигались по болотам тундры на север, надеялись дойти в какой-нибудь порт и устроиться на зарубежный корабль, чтобы бежать за границу. Но конец восстания был трагичен. Против восставших бросили «краснопогонщиков» - войска НКВД (мы тоже видели, как на открытых платформах в сторону Воркуты ехали солдаты, вооруженные автоматами и пулеметами), применили даже авиацию, многих перебили, а оставшихся, которых захватили, судили и всех расстреляли. Таскали по следствиях всех очевидцев событий, которые отказались выходить за ворота лагерей. Северные лагеря расформировали, а заключенных распихали по другим лагерям, подальше от Хальмер-Ю. Гриша Кобец добывал свой срок на Колыме.

Холод, тяжелый труд и плохое питание истощали мое здоровье. Из I категории через 3 месяца я уже имел III[6], стал истопником. Топил железные

печки в тепляке, которыми обогревали бетонную кладку на опорах моста. Я стал настолько слаб, что не мог тащить ведро с углем, которое надо было еще поднимать по лестнице к тепляку. Письма из дому я уже получал, но посылок не требовал, хотел успокоить родителей. Из дому тоже писали, что в них хорошо, не сознавались о страшном голоде весною 1947 года. Наконец я не выдержал и написал всю правду о себе. Но лучше было не писать. Я не знал, что мои родные голоднее, чем я. Все же они прислали мне посылку: я получил стакана 3 ячменной крупы и сушеного табака.

В это время к нам на колонну прибыла комиссия врачей из главного санитарного управления Печорлага. Начался медосмотр всех заключенных. Многие были истощены. Для их поправки организовывали специальную колонну ОП (отдыхающий пункт), куда направляли всех доходяг. Главным врачом ОП назначили врача Задворного из заключенных. Я оказался одним из самых слабых, которых смотрела комиссия. Меня осматривал сам начальник сануправления профессор Сажин и определил, что меня на ОП поправить уже нельзя, надо отправить в лазарет. Но меня отстоял Задворный, убедил Сажина, что этот парень не больной, а только истощен до основания и на ОП я поправлюсь.

Сам профессор Сажин также из заключенных, отбыл свои 10 лет, но ему не разрешался выезд из Коми АССР. Его обвиняли в «отравлении» Максима Горького.

Так я попал на ОП. Колония ОП находилась недалеко от нашей, где-то за 8 км. Мы очень долго шли по железнодорожному полотну это расстояние (часов 5), многократно садились на рельсах отдыхать, все мы (человек 30) были сильно истощены и слабы.

Здесь все было приготовлено для нас: в бараках чисто, тепло, стены свежо побелены, на нарах матрацы, одеяла. По сравнению с рабочими колоннами – курорт.

Был конец апреля 1947 года. Снег почти растаял, но было сыро, ветрено, и мы, пока дошли, сильно замерзли. Окружили две печки в бараке, стоя обогревали руки. Вдруг в барак вбежал маленького роста мужчина, подбежал к нам и громко спросил: «Ребята, кто из вас хорошо пишет?» Из наших меня кое-кто знал, отрекомендовали, как писаря. Тот, что спрашивал, сразу забрал меня и повел в какую-то конторку – маленькую комнатушку, где было сильно натоплено, стояло два столика, несколько стульев и койка. Это была «резиденция» Кости Жукова – нарядчика колонны, он же ведал и учетом заключенных. За столиком сидел очень худой молодой парень.

В бараках ГУЛАГа:

Костя сразу предложил мне выписать карточку, чтобы увидеть мой подчерк, но я объяснил, что пока не могу, руки озябли, не слушаются. Костя сказал:

- Хорошо. Обогревайся. Можешь закурить (на другом столике лежала большая куча самосада).

Сам куда-то побежал. Этот человек был всегда в движении. Живой, как ртуть. Его не было примерно полчаса. Мои руки отогрелись. Захотелось закурить. Я свернул самокрутку, но только раз потянул папиросу, голова закружилась, и я чуть не упал со стула. Курение оставил. Завел разговор с парнем, он оказался предыдущим писарем, которого Костя привел передо мной. Он был совсем малограмотным с корявым подчерком, «хозяину» не понравился, и он привел меня.

Пока возвратился Жуков, я выписал аккуратно одну карточку. Он посмотрел и восхитился, произнес: «Вот это да!», - прогнал того парня, а я стал постоянным писарем Жукова на все время моего пребывания на ОП. Костя сразу же послал дневального на кухню, который принес полный котелок густого супа и пол котелка каши. Это все я быстро «оприходовал».

Кормили нас на ОП немного лучше, чем на рабочей колонне. Хлеба давали 850 гр. на сутки, зато была больше нормы и сытнее горячая пища:

утром и вечером разные супы с крупой, вермишелью, горохом, по 100 г рыбы, чай. В обед - густой суп из сушеной картошкой с кониной или свежей рыбой и по 400 г каши (кукурузной, ячменной, пшеничной или гороховой), заправленной растительным маслом, компот из ягод. Кроме этого, каждый из нас в обед получал по одному дополнительному пайку по предписанию врача – еще 400 г каши (Задворный имел право приписывать от одного до трех доп. пайков, которые назывались лепкомовские).

Для Задворного я был «подопытный кролик». Он «отвоевал» меня у профессора Сажина и решил во что бы то ни стало «поставить меня на ноги». Сначала приписал мне два, а потом три ликпомовские пайки. Кроме этого, меня крепко подкармливал Костя Жуков. Аппетит в меня был волчий. Я за сутки съедал, наверное, больше, чем 2-х годичный кабан, живот, как барабан, а кушать хочется. Задворный через день меня осматривал, прослушивал, проверял вес, который быстро добавлялся, но силы не добавлялось, ноги отекли и так болели, что я еле передвигался. Чувствовал себя слабым, вялым, как тряпка. Всегда хотелось спать. Когда я прибыл на ОП, мой вес был 53 кг, а примерно через месяц стал весить 90. Потом вес начал уменьшаться, ноги отпухать. Задворный сказал, что это хорошо. Я почувствовал, что чувствую себя бодрее, начали добавляться силы. Скоро могут выписать снова на работу. Но мне здесь на ОП крепко повезло. Помог сам начальник отдыхающей колонны Мещеряков.

В конце мая, когда в Заполярье началась весна, всех начальников колонн вызвали на селекторное совещание, и Управление Печорлага распорядилось: всем лагерям (колоннам) представить лично в Управление на Печору планы – проекты озеленения колонны. Но кто его может сделать? Как Мещеряков не мотался среди заключенных ОП, но никого не нашел, кто бы начертил план. Зашел в комнатку Жукова, где как раз был и я, начал жаловаться, что некому сделать эту работу. Я подумал и сказал: «Давайте я, гражданин начальник, попробую». – Начальник обрадовался и спросил: «А что тебе для этого надо?» Говорю: «Листы ватмана и цветные карандаши, длинную линейку. Только ватмана побольше, ибо я могу часть бумаги попортить. Я никогда такого не делал, но немного знаком с топографией.»

Мещеряков в тот день доставил мне рулон ватмана и несколько коробок карандашей. Посадил меня за стол в своем кабинете (рядом с комнатой Жукова), и я начал работать. План надо было через неделю в 3-х экземплярах доставить в Управление. Сначала прошли с начальником по колонне, взяли 2-х зэков, рулеткой промеряли, где будут грядки, кустарники,

клумбы. Я все записал для себя. На чертеже надо было показать все: бараки, подсобные строения, вахту, даже ограждение лагеря. Начал чертить неуверенно, было даже не по себе: пообещал, а вдруг не сумею. Через три дня план – проект был готов. Не буду хвастать, что получилось идеально, но со стороны красиво, чисто. Мещеряков повез мое «творение» в Управление, а я волнуюсь: а вдруг сбракуют.

На второй день Мещеряков вернулся, улыбка до ушей, радостный. Наш план – проект оказался самый лучший на все Управление. Вручил мне 5 пачек папирос «Беломорканал». Так я заслужил авторитет у начальника колонны. Среди отдыхающих заключенных нашлись специалисты – агрономы, они практически осуществляли план озеленения. В июне нашу колонну было не узнать: везде зеленая трава, кустарники, цветы. В июне ночи нет, море, солнце (погода стояла хорошая), все растет бурно: траву на газонах не успеваем скашивать.

Мещеряков был добрый мужик. Ему было лет 35, стройный, красивый, бывший фронтовик, ходил в военной форме, но без погон. Его жена, красивая, совсем молодая, жила неподалеку на поселке, часто приходила к мужу на колонну. Сам он почти всегда ночевал в зоне в своем кабинете. С заключенными обращался вежливо, на Вы, не повышал никогда голоса, не грубил. Да и контингент на ОП был спокойный, совсем не было уголовников, - все из работяг, большинство осужденных по ст.58 УКРСФСР или соответственных таких же статьях других республик. Колонны требовали рабочую силу (да еще летом), поэтому на ОП часто являлась комиссия для переосвидетельствования отдыхающих, кто чуть-чуть поправился, давали I или II категорию и – марш на работу.

Но Мещеряков решил меня не отдавать. Только приедет комиссия, он приходит к Жукову, вытаскивает мою карточку и прячет себе в карман, а меня предупреждает, чтобы сам не шел к врачам.

Комиссия уедет, Мещеряков ложит карточку на место. Так он раза три «прятал» меня от комиссии. Я был уже здоров как бык, но продолжал «околачиваться» на отдыхающей колонне.

Раньше, до расположения ОП, эта колонна было женской венерической колонной, где заключенные работали и одновременно лечились. Поэтому штат ИТР был как на рабочей колонне. Потом женщин отправили, а некоторые зэки из прежней администрации остались. Из таких был Костя Жуков, экономист Женя Якимас, культорг, повар-китаец Ли-Ки-Мао (все его звали Володя), женщина – кладовщица и еще несколько человек. Все эти

лагерные «придурки» совсем ничего не делали, их держали как резерв, если вдруг поступит команда снова сделать колонну рабочей. Прислали еще нормировщика Николая Савостюка. Все занимали штатные должности, один я среди них болтающийся писарь в Жукова и Мещерякова. Меня в любое время могли выпереть на рабочую колонну. Все эти придурки на ОП жили как откормленные коты, в них был дневальный, который приносил им жратву получше. Возле них подкармливался и я. В них была одна обязанность – по очереди дежурить на кухне, но им и это было в тягость, поэтому они предлагали мне их подменять. Так я почти стал постоянным дежурным по пищеблоку. Здесь я по-настоящему отъедался. Ли-Ки-Мао был превосходным поваром и отдельно готовил обеды для начальника колонны, для семьи начальника охраны Шуракова. Эти обеды ели и мы с поваром. Но тревога не оставляла меня, страшно было снова попасть на каторжный труд и кушать баланду из общего котла.

Но мне снова повезло.

В нашего экономиста Жени Якимаса кончался срок 10 лет. Его судили в 1937 году за «шпионаж». Он был курсантом военного училища где-то в Закавказье, познакомился с девушкой, а она оказалась будто бы турецким агентом. Вот и «влепили» парню «десятку». За долголетия заключения Женя испытал всего, где он только не побывал, чего не испытал. Но выжил и так «закалился», что не боялся ничего и никого. Ему даже в драке с уголовниками откусили ухо. Среди уголовного мира он проходил за своего.

До освобождения Якимасу оставалось несколько месяцев, но в него не было ни копейки денег на дорогу. Тогда заключенные в лагерях работали за пайку хлеба и баланду, а денег насчитывали самому лучшему работяге 20-30 рублей в месяц (по нынешнему курсу 2-3 рубля).

Экономисту платили оклад 30 рублей в месяц. Заключенные даже на эти скудные гроши не имели возможности что-нибудь купить. За колючей проволокой лагерей не было даже ларьков. Поэтому эти деньги в них отбирали бригадиры и давали взятки прорабу, экономисту, нормировщику – всем тем, от которых зависели проценты норм выработки бригады, а отсюда и лучшие нормы питания членов бригады. Чтобы люди дольше сохранились от отощения и могли работать, их надо поддерживать лучшим пайком.

Здесь учет труда и распределения по труду был, хотя и формальный (на бумаге), но производился в тот же день, когда бригада работала. По возвращении с работы, сразу же закрывались наряды, и каждый бригадир являлся в разнарядочную с нарядом – ведомостью и извивался вьюном перед

экономистом и нормировщиком, чтобы «выбить» для бригады нужные объемы выполненных работ и добиться минимальных норм. Бригадиры врали безбожно, приписывали в наряд всякую ересь, выдумывали самые страшные условия труда, лишь бы выбить проценты. За выполненную работу можно было получить от 400 г хлеба до 1 кг 200 г и, соответственно, больше дополнительных пайков: от 400 г каши до 800 г, также кусочки рыбы, «запеканки» (та сама каша в брикетах по 200 г), супу давали всем по 0,5 л.

Это выглядело примерно так:

До 100% - норма не выполнена – 400 г хлеба

101-125% - хлеба 800 г, 126-150% - хлеба 1 кг

151% и выше – хлеба 1 кг 200 г (это предел).

В наряде – ведомости записаны все фамилии работающих, и против каждого указывалось процент выполнения им плана. Наряд подписывался прорабом, экономистом и нормировщиком, наклеивалась «виза» начальником колонны: «Согласен!», и наряд поступал в бухгалтерию, где счетоводы до позднего вечера делали начисление каждому работяге его «котел» - норму питания на сутки. Утром приходишь в столовую и получаешь завтрак за вчерашний труд. Порядок? Как при коммунизме.

Начисляли и какие-то копейки зарплаты, но их выдавали один раз по истечению месяца. Деньги не интересовали, а вот лучший котел получить хотел каждый.

Нам на ОП денег ни копейки не платили. Поэтому Якимасу хотелось уйти из ОП на рабочую колонну, где он за несколько месяцев смог бы скопить себе несколько сот рублей на дорогу. Тем более, если там узнают, что человек уходит на волю, все бригады будуть стараться ему помочь. Наша колонна входила до III отделения Печорлага. Экономисты колонн подчинялись начальнику КПУ (контрольно-плановой части) отделения, которым был Вельмин – бывший священник, отбывший 8 лет заключения на строительстве Комсомольска – на Амуре (вот какие «комсомольцы - добровольцы» строили этот город).

Якимасу надо было подобрать замену на нашей колонне, тогда его переведут на рабочую. Он предложил мне стать экономистом, но я даже не понимал слова «экономист», что он должен делать. Женя успокоил: «Не бойся, это совсем чепуха. Я тебя немного подучу, расскажу, и будем работать. Пока колонна не работающая, будем только сводки передавать в отделение. А дальше поймешь сам, что делать».

Я согласился. Через неделю Женя представил меня Вельмину, который побеседовал со мною, узнал, что в меня среднее образование, работал счетоводом в школе и зав.делопроизводством в армии, остался довольным, и Якимас уехал на другую колонну.

Пока я был на колонне ОП, моя работа была проста: один раз утром передать по селектору сводку-шифровку, которую научил меня составлять Якимас. Но что я буду делать, когда колонна станет рабочей, я даже не представлял. Зато меня ввели теперь в штат лагерных придурков. Я перебрался из общего барака в комнату ИТР. Нач. колонны Мещеряков сказал мне, что пора меня откомиссовать, и при первом посещении врачей я предстал перед комиссией.

Когда я разделся и зашел в кабинет, врачи удивились. Главврач спрашивает: «Где вы взяли такого Геркулеса?» Задворный смеется, а Мещеряков говорит: «Это наш экономист». Посмеялись, и мне определили II[6] категорию. Теперь я не боялся, что меня отправят на общие работы.

Контингент ОП на протяжении лета менялся конвейером. Поправившихся отправляли на рабочие колонны, ослабевшие прибывали. Побывал у нас и Леня Зануда – мой друг и земляк. Здесь я его поддержал, он помогал счетоводам в бухгалтерии, откормился и снова ушел на рабочую колонну.

Времени было свободного много: читали газеты, книги, играли в шахматы. Карты у нас презирались. Хотя я за долгое время пребывания в тюрьме и лагерях мог имитировать «блатного», но в карты так и не научился играть, эту игру я презирал, презираю и сейчас, даже в «дурака» не играю. Новый наш нормировщик Николай Савостюк молодой парень, года на 2 моложе меня. У него был маленький срок – всего 4 года. Живой, симпатичный парень, хороший художник. Болтаясь на ОП без дела, он занялся «бизнесом» - рисовал на холсте коврики: разных котенков, львов, красивые пейзажи, но особенно пользовалась спросом «Спящая Венера» - голая красивая женщина. Заказы поступали от охранников, а чаще от их жен. К Савостюку приезжали жены разных начальников охраны с многих лагерей Печорлага. Краски ему высылали родители из Западной Белоруссии (он был из г. Барановичи).

Я стал помогать Савостюку: сколачивал деревянные подрамники, натягивал холст, покрывал его грунтовкой (клей и зубной порошок), а Николай рисовал. За сутки у нас «выскакивал» коврик, который стоил 150-200 руб. Мы могли ходить на вокзал ближайшей ж.д. станции и кое-что

купить. Увидела Савостюковы коврики и жена начальника нашей охраны ст.лейтенанта Шуракова. Она была лет на 15 моложе своего мужа, местная комячка – вторая жена Шуракова (первую он оставил с детьми в России).

Вторая жена Аня окончила в Сыктывкаре медицинское училище и работала медсестрой у нас на колонне.

Внешне красивая, но совсем не развитая, тупая, даже глупая женщина. Все время хохочет по поводу и без повода. У них из Шураковым было двое детей. Шураков, наоборот, серьезный, молчаливый, замкнутый, неплохой человек. Аня его подгуливала, изменяла с разными охранниками. Муж знал об этом, но терпел, жалко было детей; сам виноват, поменял первую семью на молоденькую пустышку. Те, кто знал Шуракова давно, говорили, что он, уезжая в отпуск в Россию, никогда не брал с собою Аню, все были убеждены, что он проводил отпуск возле первой семьи. Но снова возвращался обратно…

Нужно отдать должное, что женщины – северянки долго сохраняются; Ане было под 30 лет, но она выглядела как 17-летняя девчонка, нельзя было говорить, что она мать двоих детей.

Вот эта Аня Шуракова начала часто заходить в Савостюку, долго сидела, наблюдала, как тот рисует, потом эти посещения стали ежедневными. Мало-помалу Аня влюбилась в Савостюка, а тому что? Молодой, здоровый парень, изолированный от внешнего мира, охота развлечься с женщиной. Но здесь, с женою начальника, такой поступок был не то что небезопасным, а даже страшным. За связь зэка с женщиной не заключенной, можно угодить на штрафную колонну, а то и в строго-режимную.

Но Савостюка ничего не остановило. Шураков уехал в отпуск, а Аня с Савостюком целый месяц ходили в тундру за ягодами и грибами (Савостюк был расконвоированный и имел право ходить за зоной).

Узнал ли Шураков после возвращения с отпуска о поведении своей жены за время своего отсутствия, я не знаю, но никакой шумихи не было.

Подходила заполярная осень. Отдыхающих всех после поправки отправили на рабочие колонны, новых «доходяг» не поступало. Стало ясно, что у нас рабочей колонны не будет. Нас осталось человек 10 - только «штатные». Начали и нас «разгонять». Я уже как «специалист» - экономист, один, по спецнаряду, попал дальше на Север в большущий лагерь – колонну № 93, где по штату положено было 2 экономиста, но там был один, и тот через месяц освобождался. Надзиратель сдал меня вахтеру, а тот передал мои «документы» в бухгалтерию. Было часа два ночи, но было светло, меня

поместили в разнарядочную, где я на столе прилег и задремал. Слышу, меня кто-то толкает, открываю глаза и что я вижу? Передо мною стоит Леня Зануда. Оказывается, он попал на 93-ю колонну раньше и работает в бухгалтерии. Узнав из поступивших бумажек о моем прибытии, он ночью меня нашел в разнарядочной на столе. Как-то стало веселей, есть хотя один из своих.

Утром познакомился со старым экономистом, а вечером я уже засел за исполнения своих обязанностей. Надеялся, что старый, опытный экономист мне все будет показывать, но он пришел в разнорядочную, стал в стороне, курит папиросу за папиросой и как-то ехидно посматривает за мною, дескать, а ну покажи, новый «спец», на что ты способный. А я же ничего не знаю, что же мне делать? В лагере 1200 человек, около 50 бригад, всем надо за вечер закрыть наряды. Я понимал старого своего коллегу, ему за 10 лет лагерей все так осточертело, что он был рад побыстрее избавиться от всего им пережитого. В первые дни меня выручал опытный нормировщик Вася Косенков, он фактически сам оформлял наряды, а я расписывался за экономиста, присматривался ко всему.

Начальником колонны был старик Гореликов, который, как я позже убедился, был большой сволочью. Ему было более 60 лет. Его жена Мария Ивановна моложе мужа лет на 30, совсем без образования, глупая ограниченная женщина. Муж ее устроил культоргом на своей колонне. Ее все заключенные звали «Машка».

Машка во время войны сбежала из блокированного Ленинграда, добралась на Печору и пристала сама к Гореликову в «жены», да так и осталась. Они с мужем получали большие деньги, но были очень скупые, одевались неряшливо, зато любили сытно пожрать и выпить. Еще у них был огромный пес – овчарка Жульбарс, с которым Машка не разлучалась, всегда хвасталась, какой он умный. Оба, и муж, и жена заключенных ненавидели, не считали их за людей. Тем самым платили им и зэки.

Вот пример: В красном уголке, где мы зимою по вечерам с нормировщиком Васей Косенковым закрывали наряды, собралось много работяг, сюда приносили почту; одни ожидали письма, другие читали газеты. Здесь же сидит и «воспитатель» Машка рядом с Васей вплотную. Она любила «кокетничать» с Васей, который был очень скромный, стеснительный парень, не мог ее послать подальше, чтобы не мешала. Если бы сидела молча, а то беспрерывно болтает, задает глупые вопросы, то отнимает в нормировщика логарифмическую линейку, то подтолкнет. Вася

краснеет, а Машка хохочет, лузает семечки и плюет шелухой нам на стол. Спрашивает Васю:

«А ты, Вася, когда-нибудь спал с девкой?» Или расписывает о собаке:

«Наш Жуленька такой умный, умнее некоторых заключенных. Он не кушает котлеток, поджаренных на постном масле, а только сливочном».

Вокруг заключенные, только пришли с работы, голодные, уставшие, мерзли часов 10 на лютом морозе. Как им слушать такие «воспитательные» речи культорга?...

Один раз я не выдержал и взорвался. Послал Машку по лагерному, куда надо, и она перестала нам мешать работать. Из красного уголка дверь была в кабинет Гореликова, и он, вероятно, слышал, как я ругал его жену, но мне ничего после этого не говорил, хотя многие предупреждали, что он мстительный, и надо быть осторожным.

Старый экономист освободился и уехал, я остался один, почувствовал себя увереннее, но еще мало знал наше производство. Всеми работами руководил прораб из заключенных Голиков. Это был крупный специалист, прекрасный инженер, видел на расстоянии, где допущена халтура в работе.

А как он «художественно» ругался на лагерном жаргоне. Голос высокий, писклявый, как у женщины, кричит, хоть уши затыкай. Нервный, психический, но был преданный своему делу, требовал, чтобы все было сделано качественно, прочно.

Он с первых дней моего пребывания на 93-й колонне добился, чтобы мне выдали постоянный пропуск расконвоированного.

Я мог в любое время выходить на стройки и с помощью Голикова вникать в процессы всех работ.

А чего только не делали наши бригады: строили станционные здания, насосную станцию, водонапорную башню, мосты, железобетонные трубы под насыпи, лотки и те же выемки, ремонт полотна и путей. Было и гражданское строительство – строили жилые дома. Все работы были рядом с лагерем – колонной № 93 на ж.д. станции Сивая Маска и в ее окрестностях. Леня Зануда работал в бухгалтерии постоянно. Как ни удивительно, в скорости к нам прибыл Николай Савостюк, а немного позже и начальником охраны к нам был назначен Шураков. Приехала с ним и его жена Аня, которая снова работала медсестрой. На 93-й колонне я работал экономистом целый год, другого экономиста не дали. Нормировщиков стало два – Николай Максимчук был младшим, Вася Косенков – старший. У меня

сложились хорошие отношения с начальником контрольно-плановой части III отделения Печорлага Вельминым.

Старшим экономистом КПЧ работала и его жена Юлия Станиславовна, уже не молодая женщина, лет на 10 моложе мужа, по национальности полячка. В молодости видать была очень красивая. Она всю жизнь была верна мужу, никогда не оставляла его в трудные времена. Везде, где он бывал в лагерях, отбывая наказание, она была рядом, устраивалась там по вольному найму, работала и помогала мужу. Настоящая «жена - декабристка». Они меня оба очень уважали. От административного здания отделения до станции Сивая Маска, где было почтовое отделение, расстояние километра три. Зимою, когда дорога закидана снегом, до почты Вельминым (уже немолодым людям) добираться было трудно, вот они и поручали мне разные почтовые дела. Часто высылали по разным адресам денежные переводы своим родственникам. Давали тысяч 10-15 денег, заполненные бланки переводов, а я отправлял. На пересылку давали столько, чтобы что в меня осталось примерно 100 рублей. Я приносил квитанции и оставшиеся деньги, но Юлия Станиславовна говорила: «Спасибо, а деньги, Николенька (так она меня называла), оставь себе, купишь чего-нибудь».

Прекрасные люди. Сами пережили горе и сочувствовали нам – заключенным. Детей у них не было, денег получали много, вот и помогали родне.

У нас на колонне было много всяких специалистов. Часто посылали мастеров ремонтировать что-нибудь в квартирах, и все с охотой шли к Вельмину, где их хорошо покормят, еще и денег дадут, зато не хотели идти к Гореликову, где Машка могла только выругать. Все говорили, что Гореликов - бывший кулак, сосланный на Север в конце 20-х годов.

Между нормировщиком Савостюком и Аней Шураковой снова вспыхнула любовь, хотя они были более осторожны. Но когда Шуракова послали в Москву на какие-то курсы, и Аня осталась одна, все было, как и на отдыхающей колонне. Дошло до того, что они настолько «обнаглели», что вдвоем пошли на концерт приехавших московских артистов. Концерт проходил в клубе рабочего поселка, на котором большинство зрителей – охрана и офицеры НКВД. Можете себе представить: среди чекистов в военной форме одного единственного заключенного, сидящего на пару с женою начальника охраны, которого знали почти все из охраны. Здесь помощники Шуракова не выдержали. После концерта там же возле клуба Савостюка арестовали и под конвоем доставили на колонну, отобрали

пропуск и все – из-за колючей проволоки ни шагу. Когда возвратился Шураков, ему доложили о случившемся. Но Шураков был человек добрый, на другого загнал бы Савостюка, где Макар телят не пас, он же поступил по-другому: вызвал Савостюка, поговорил спокойно, как мужчина с мужчиной, и предупредил оставить жену в покое, отдал пропуск и сказал:

- Недалеко лазарет, там баб хватает, ходи туда и развлекайся, а меня не позорь. Понял? Если ты будешь себя вести по-прежнему, то все может плохо кончиться, особенно для тебя.

Когда Савостюк шел на вызов Шуракова, в него душа была в пятках, он никогда не надеялся, что все кончится спокойно. Влюбленные виделись только на колонне, обменивались письмами, которые Савостюк сразу же сжигал. Он вскорости освободился. Аня, узнав об этом, написала письмо, что готова бросить мужа, детей и уехать с ним в Белоруссию, но Савостюк ее не взял, н просто сбежал от ее преследований.

Между мною и начальником 93-й колонны произошел конфликт, который мог кончиться судом и добавлением мне срока. Подошла весна 1948 года, снег весь растаял, сильная грязь. Несколько наших бригад работали на земляных работах. Вынутый грунт надо было отвозить на отвал. Зимою это делали на санках, а по грязи надо откатывать тачками. Но тачек не было. Их все сожгли зимою, на кострах, остались одни железные колеса с оськами. Еще до начала распутицы, прораб Голиков и я говорили Гореликову, чтобы изготовить новые тачки. Это было не проблема, у нас было хорошо механизирована столярная мастерская, были плотники, и за пару дней тачек можно наделать на несколько бригад. Но Гореликов не давал распоряжения делать тачки. Подошла грязь, а люди продолжали таскать грунт на санках. Бригады норм не выполняли подряд целую неделю, не помогали и приписки, дутые объемы, которые мог вписать в наряды прораб и экономист. Люди сели на штрафной котел, а это голодные пайки, работяги начали слабнуть, бригадиры во время закрытия нарядов поднимали скандалы, готовы вцепиться в горло мне и нормировщику. Я понял, что при таком положении меня просто ночью подрежут. А Гореликов закрылся в кабинете и глаз не показывает, уперся на том, что сами виноваты, не надо было тачками жечь костры. Мы ему доказываем, что тачки сожгли совсем другие бригады, а страдают люди невинные. Но он уперся, как бык. Дошло до того, что я ворвался в кабинет Гореликова, обложил его трехэтажным матом, он подхватился, перепугался, хотел позвонить по телефону, но я подбежал к столу, ударил кулаком по столу, стекло вдребезги, чернильный прибор

полетел на него, облил его костюм. Я разбесился, ору: «Ах ты, гад, кулацкая морда!!! Так ты и здесь, в лагерях замаскировался?! Стараешься вредить, чтобы план не выполнялся?» Видать, я попал в точку. Хотя я и заключенный, а он вольнонаемный, но такое обвинение в то время вызывало страх у каждого, тем более у Гореликова, бывшего в подозрении «бериевских соколов». Он не стал звонить, обмяк и сразу вызвал заведующего мастерской, дал приказ делать тачки. О громком скандале знали только те, кто в это время был в красном уголке, но скоро об этом узнали в отделении, и когда я появился в КПЧ, меня Вельмин спросил:

- Ну как ты, моржовый, там погонял Гореликова?» (он часто, чтобы не говорить «хрен моржовый», говорил короче - «моржовый»).

Я рассказал. Вельмин сказал, что я поступил правильно, попугав Гореликова вредительством, но предупредил, что Гореликов мне этого не забудет и когда-нибудь отомстит. Все же я не боялся, пока здесь Вельмин, он меня в обиду не даст. Я уже стоял прочно на ногах, как экономист, причем самого крупного лагеря III отделения. Летом Вельмина забрали на Печору. Он стал начальником КПЧ Управления Печорлага.

Вскорости сбылись предсказывания Вельмина: Гореликов, подобрав подходящий момент, убрал меня из колонны, включил в этап, следовавший южнее, но совсем в другое отделение. Я снова попал на общие работы. Но теперь я был не новичок, мог не только землю копать, но выполнять и другие работы, научился «пристраиваться», где полегче: иногда помогал экономисту на колонне, писаревал, плотничал; когда тепло, хорошо крыть дома (там меньше комаров), а зимой в домах, отапливаемых железными печками, хорошо ставить перегородки.

Колонна, на которую я попал, находилась близко от административных зданий отделения, поэтому меня иногда брали помогать в КПЧ, я смог познакомиться с многими экономистами.

Нужно не позабыть еще о зачетах, которые были введены в 1948 году, когда я работал экономистом на 93-й колонне. Согласно введенных зачетов, за хорошую работу можно было за квартал снизить срок наказания на 3 месяца. Но эти зачеты просуществовали только полгода, и их отменили, но уже засчитанное осталось в силе. За первый (зачетный) квартал мне снизили срок на 91 день, о чем сделали отметку в моей карточке (формуляре). За следующий квартал – еще на 93 дня, но не успели сделать отметку, ибо меня, по воле Гореликова, отправили на другое отделение. Согласно записям, мой срок кончался где-то в октябре 1949 г. (зачтены 93 дня я считал

потерянными). Зимою 1949 г., когда я работал плотником, меня вдруг вызвал начальник охраны колонны и спросил:

- Ты когда-нибудь ездил на лошадях?

Узнав, что я парень из деревни, умею обращаться с лошадями, он предложил мне стать возчиком, на лошади подвозить продукты, воду, дрова, уголь – все, что прикажут.

Конечно, возчиком тяжелее, чем плотником, но иметь пропуск безконвойного и раскатывать на санках в окрестностях всего поселка намного лучше, чем работать в оцеплении под конвоем. Я согласился. Где находилась кон база, я знал. Подыматься надо было очень рано, идти километра 3 на кон базу, запрягать лошадь, работать до обеда, в обед поехать на кон базу покормить и попоить лошадь, и снова работа до вечера. Прихожу впервые на кон базу, там хозяйничает старший конюх, пожилой зэк из Западной Украины. Объяснил, что я прибыл взамен освободившегося возчика. Начали сходиться другие возчики, познакомились. Попоили лошадей, пора запрягать. Конюх вручил мне маленького серого коня монгольской пароды, выдал дугу, хомут, чересседельник, вожжи, показал, где стоят санки, и сам ушел в конюшню. Подвел коня к санкам, а как запрячь не пойму. Смотрю, нет барка, нет постромок возле хомута, много как будто не хватает. Оставив лошадь возле санок, возвращаюсь в конюшню и говорю: «Дядя, Вы мне не все дали. Нет того то и того». Дядька все догадался, расхохотался. Узнав, что я из восточной Украины, он понял, почему я не умею запрячь лошадь, в наших краях в дугу не запрягают.

Конюх помог мне первый раз запрячь, все разъяснил, и я поехал. До обеда ездил хорошо, но после обеда пришлось запрягать самому. Затяну гужи, проеду метров 10-20, а дуга упала, лошадь распряглась. Стыдно снова обращаться к конюху или другим возчикам. Запрягаю наново, и так 10-20 раз. Получается лучше и лучше. Так и научился. Запрягу с утра, можно весь день ездить. Я обслуживал свою колонну: возил продукты для заключенных и в охрану (в них была своя кухня), воду в охрану, уголь, дрова из лесу. Воду брал в себя на колонне, здесь была утепленная колонка. Рядом с колонной Станция Инта, от которой за 12 км в сторону железная дорога уходила на Инту - угольную. Там уже свои лагеря, не Печорлага. Инта далеко от Сивой Маски на юг, здесь уже начинается лесотундра, встречаются леса с довольно большими деревьями, где мы брали из заготовленных штабелей дрова. Рядом у ж.д. полотна множество кагатов угля разных организаций, куда хочешь подъезжай и бери, они не охраняются, как и дрова в лесу.

Зима в разгаре. Морозы 40˚, а часто и больше. Нигде не работают на воздухе, а возчику надо ехать. Эта зима была самая холодная за все три зимы моего пребывания на Севере. Помню, были морозы до -53˚. Первые недели две я ездил только куда пошлют, а потом освоился и в свободное время мог и самовольничать, кое-чему научили старые возчики.

Узнал, что стоимость санок угля на поселке 70 руб., дров елочных 40 руб., березовых 50 руб., начал делать «бизнес». Подъезжаешь к дому, стучишь в окно, хозяйка выглядывает, спрашиваю: «Дрова надо?» или угля. Завелись деньги. Здесь же на поселке магазины, можно купить что угодно. Имею уже и хороший «тормозок», когда рано иду на кон базу.

Лагерной баланды не кушаю, ее получают и съедают товарищи по бараку. Забирают они и мой хлеб. Меня хорошо накормят женщины – повара на кухне охраны. Мой конь тоже там кормится, был приучен пить помои ведрами, как свинья, всегда был справным, сильным. Воду наливал на колонке в железную бочку, выкачаю воду, и бочка через 1-2 минуты делается сухой от бешеного мороза. Заезжаю с бочкой на поселок, покупаю буханки хлеба, набросаю в бочку и свободно провожу ребятам на колонну, куда въезжаю через ворота за водою, отдаю дневальному нашего барака, а потом набираю воду. За эту зиму я так закалился к холодам, что не боялся самого сильного мороза. Мороз градусов 40, а я без рукавиц наливаю воду, ибо рукавицы все равно, облитые водою, превратились в камень. Пока налью, у моего коня образуются сосульки возле морды до самой земли. Собьешь их рукой и вперед. Самая противная работа – привозить из склада отделения тюленей, из которых готовили пищу заключенным.

Тюлень – это такая тварь, что при самом сильном морозе не замерзает, всегда скользкий, в рукавицах его не возьмешь, а голыми руками нельзя – сразу отморозишь руки. Сначала кантуем его палками на носилки, а потом вдвоем несем и выворачиваем на санки. Возле кухни проще – можно палкой ссунуть на снег, а дальше рабочие топором с ним разделаются. Если сварят суп с тюлениной, жиру на целую ладонь, но редко кто будет его есть, почти все знают вкус рыбьего жира. Мясо темно-коричневое, почти черное, то же самое отдает рыбой или жиром. Так я до самой весны был возчиком. Совсем неожиданно меня в мае вызвали в КПЧ отделения и сообщили, что я им нужен как экономист, сказали немедленно сдать лошадь и приходить завтра в КПЧ.

Подходило лето 1949 года, срочно организовывали передвижные колонны для капитального ремонта железнодорожных путей Северо-

Печорской железной дороги. До этого время эта дорога была у ведомстве НКВД, и ее надо было передать народному комиссариату путей сообщения (НКПС).

Железнодорожники в таком состоянии, в каком она была, дорогу принять не могли, вот и надо было ее отремонтировать. Для создаваемых колонн нужны были прорабы, десятники, экономисты, нормировщики, бухгалтеры и другой обслуживающий персонал.

Меня записали первого в штат одной такой колонны и предложили пойти в ЧТЗ (часть труда и зарплаты), согласовать расчеты на все работы, ориентируясь примерно 250 человек, и на это число рабочих составить план на июнь месяц.

Планы колонны составлялись на каждый месяц и так же отчитывались, составляли новый план и работали дальше. Для такой маленькой колонны, да еще одного вида работ план составить было просто. За 2-3 дня план был готов. Быстро укомплектовали наш маленький лагерь на колесах рабочей силой, погрузились в вагоны и поехали на юг от Инты километров за 70.

Рядом со станцией Черная для нас был приготовлен тупик, туда загнали вагоны, паровоз уехал, а мы остались на лоне красивой северной природы: лесотундра вся в зелени, в цветах, погода безоблачна, круглые сутки солнце не заходит, трава растет поминутно. Но комары, мошкара не дают покоя. Впереди состава большущий трофейный немецкий пассажирский вагон, переоборудован на ширину нашей колонны - это жилье для ИТР, среди которых из заключенных экономист, нормировщик и несколько человек бухгалтерии. Нам отделено перегородкой часть вагона, другую, большую часть, занимают вольнонаемные, среди которых и начальник колонны – мужчина средних лет, низкого роста, ходил в военной форме без погон. Он был замкнутый, неразговорчивый, трудно понять, какой это человек. Мы с нормировщиком занимали первое «купе» возле входа в вагон, я на нижней полке, экономист – на верхней. На противоположной стороне полки убраны – там стоял стол для оформления нарядов и скамейки. За нашим купе вглубь вагона 2 или 3 купе (полки убраны) находилась бухгалтерия.

Я со своим «детским сроком» был расконвоирован, мог ходить свободно в любое время на объекты, где работали бригады, а также ездить за 70 км до Инты в КПЧ отделения. Письма домой я теперь не отправлял через лагерную цензуру, а опускал в почтовый вагон пассажирского поезда Воркута – Москва, который на 1-2 минуты останавливался на станции Черная. Письма так доходили намного быстрее. В моей карточке –

формуляре было указано, что я кончаю срок где-то в октябре 1949 года, следовательно, на путевой колонне буду 4,5 месяца, как раз до осени, когда планировалось закончить ремонт дороги, и путевые колонны расформируют. Те 93 дня зачетов, о которых я говорил выше, не были отмечены, да и я сам их не считал.

Работа шла хорошо, грунт на вертушках из карьеров поступал регулярно, без задержек подвозили шпалы, рельсы, ремонт быстро продвигался.

Работали в две смены, круглые сутки светло. Прошел месяц нашей жизни на колесах. Кончался июнь. Я отчитался в КПЧ за месяц работы и составил новый план на июль. Одного дня нормировщик ушел на объект с бригадами (у него был «свеженький» срок 10 лет и пропуска ему не давали). Я остался в нашем купе один. Лежу, читаю газеты, журналы. Слышно, как в бухгалтерии стучат костяшками счетоводы. Тихо, спокойно, хочется дремать. Вдруг кто-то зовет: «Сердюк! Ты здесь? Иди к перегородке, тебя начальник зовет!»

Когда я подошел, начальник просунул мне в щель бумажку и сказал: «Возьми, причитай и верни обратно.»

На этой бумажке было написано:

Проездной талон

выдан з/к Сердюку Николаю Павловичу

на проезд от ст. Черная до ст. Инта

на освобождение 4 июля 1949 года.

Такого я не ожидал. Я думал, что начальник мне дает какую-то накладную на грунт из карьера.

Я молча возвратил через щель бумажку, зашел к себе и лег на свою полку. До 4 июля оставалась еще целая неделя. Чего только я не передумал за эти дни. Что мне делать? Ехать домой или остаться на Севере по вольному найму? Начальник уговаривает остаться и продолжать работать экономистом. Это его интерес, ибо, если я уеду, ему надо искать нового экономиста. А где его взять? Заманчиво немного поработать, приодеться, заработать денег и потом вернуться домой более на человека похожим.

Но сразу же настигает другая мысль… Дома же совсем слабая, убитая горем, исстрадавшаяся мать. Она так хочет увидеть перед смертью сына, больная сердцем, 67-летняя старая женщина, которую любовь к сыну только не дает уйти из жизни - ее последняя надежда скорой встречи.

Я решил ехать домой. Пусть меня там ожидают новые испытания, лишения, тяжелый труд, но я исполню свой сыновний долг. Стану перед матерью на колени и скажу: «Прости, дорогая мама! Прости неудачливого сына за все горе, которое я принес тебе. И спасибо тебе за любовь твою, за все твои молитвы, которые сохранили меня.»

В тот же день, когда я узнал точную дату своего освобождения, я написал домой письмо и вбросил его в почтовый вагон. Вернулся в свой вагон и снова лег, обдумывая свое положение. Первая смена пришла с работы, пришел и нормировщик. К нам ворвалась шумная компания бригадиров, чтобы побыстрее оформить наряды и уйти отдыхать. Я лежу, отвернувшись к стенке. Меня зовут, но я молчу, не поднимаюсь. Ничего не поймут. Спрашивают: «Что с тобою? Ты заболел?» Поворачиваюсь и говорю: «Ребята, с сегодняшнего дня и целую неделю до 4 июля оформляйте все наряды, чтобы во всех бригадах нормы выработки каждого работяги были 151%. Неделю я кормлю всех по самому высокому пайку.»

Еще никто не знает новости. Спрашивают, почему я такой щедрый? Я объяснил: до 20 июня я отчитался, к 20 июля будет за объемы работ отчитываться другой экономист, а 4 июля я ухожу на волю. Сначала не поверили, потом начали поздравлять, ибо я первый освобождался с этой новосозданной путевой колонны. На следующий день уже все знали, меня поздравляли работяги, смотрели на меня с завистью.

Целую неделю я почти не спал, всякие мысли не давали покоя. Ходил на путя, где работали бригады, заходил в вагон – кухню, где повара готовили пищу, ходил на станцию, но сон пропал.

Начальник непрерывно уговаривает меня не уезжать, но я твердо решил – еду домой. Чем ближе 4 июля, тем сильнее чувство ненависти к этому проклятому людьми краю, к этим страшным холодам зимою и облаками мошкары летом, где я почти 3 года не видел свежих овощей и фруктов, позабыл вкус арбуза и дыни. А тут подходит середина лета, какая благодать на родной Украине. Но самое главное – увидеть мать.

1-го или 2-го июля нашим заключенным выдали «зарплату» - скудные крохи по 10-20 рублей за месяц тяжелого труда на земляных работах. Бригадиры организовали сбор денег мне на дорогу, собрали где-то 700-800 рублей. Я получил своих «законных» 30 рублей.

Пришло 4 июля. Меня позвали к начальнику, возле которого был надзиратель, который должен был меня сопровождать до Инты и там сдать в УРЧ отделения. У меня был небольшой чемодан из фанеры, который мне

столяры сделали еще в Сивой Маске. В чемодане новенький костюм, перешитый из спецкомплекта (брюки и куртка) лагерным портным. Он сделал брюки пошире и более аккуратную куртку (без подкладки). Еще в чемодане было мыло, полотенце, пара чистых портянок, десяток пачек папирос – примерно все.

Начальник колонны приказал открыть чемодан – произвести еще обыск. Увидев костюм, он приказал его отобрать. Боже! Как только стало обидно, что я за 4,5 года неволи даже не имею право на эту тряпку. Говорю:

- Гражданин начальник, как же Вам не стыдно? Я же попал в заключение в новом офицерском обмундировании, которое сгнило на моих плечах. Разве я не заработал этой х/б спецовки?

Начальник махнул рукой - пусть забирает, а сам быстро ушел, даже не простившись со мною. Он был недовольный, что я не дал согласия остаться работать экономистом по вольному найму. Мы с надзирателем сели на разгруженную вертушку, которая подвозила грунт нашим бригадам, и уехали на Инту, которая была за 70 км на север. У меня еще была новенькая фуфайка. День был теплый, солнечный. Ехать на открытой платформе было не холодно. Но северная погода коварна. Со стороны Уральских гор появилось черное облако, которое быстро приближалось, и пошел снег. Мгновенно похолодало, пришлось одеть фуфайку. Через 10-15 минут снова показалось солнце, снег мгновенно растаял.

Прибыли в Инту к обеду. Надзиратель сдал меня под расписку в УРЧ (учетно-распределительную часть) отделения и ушел. Начальник УРЧ сказал, что целый час я могу погулять по поселку, пока кончится обеденный перерыв. На поселке шло строительство домов и других объектов, поэтому здесь работало много бригад заключенных, и весь поселок входил в зону оцепления.

Я пошел по магазинам, подходил к ближним объектам, где работали зэки, встретил некоторых знакомых, которые поздравили меня с освобождением, передали письма, чтобы я опустил их в почтовый вагон или лучше в Москве.

После перерыва мне выписали справку об освобождении с оттиском указательного пальца правой руки (вместо фотографии),

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Форма «А»

ВИДОМА ЖИТЕЛЬСТВО НЕ СЛУЖИТ. ПРИ УТЕРЕ НЕ ВОЗОБНОВЛЯЕТСЯ.

3-АХ

СПРАВКА № 27297

«4» июля 1949 г.

Выдана гражданину (ке) Николаю Павловичу

года рождения, уроженцу (ке)

гражданство (подданство) национальность

осужденному (ой)

«» 1949 г. по ст.ст. УК

к лишению свободы на лет с поражением в правах на года, имеющему (ей) в прошлом судимость

в том, что он (она) отбывал (ла) наказание в местах заключения МВД по «4» июля 1949 г. и по

С применением

Освобожден (на) «4» июля 1949 г. и следует к избранному месту жительства Долинский район (город, село, дер., район, область) Кировоградской области.

до ст. железной дороги.

Место для фотокарточки или дактилоот. тиска указательного пальца правой руки

Начальник лагеря (ИТК)

Нач. ОУРЗ (УРЧ)

Печать

выдали направление в УРЧ Управления Печорлага и проездной талон до Печоры. Все. Дальше на Юг я буду ехать один, без «телохранителя».

На станции встретил своего надзирателя, который меня сопровождал в Инту, обождали пассажирского поезда и вместе поехали обратно на юг. Вот и наша станция Черная, а рядом в тупике вагоны нашей колонны. Бригады первой смены возвратились с работы, а второй – еще не уходили – все были

вместе. Поезд на объекте ремонта дороги идет медленно. Я вышел на подножку тамбура вагона, все наши люди мне машут, желают счастливого пути. Я прощался со своими товарищами по неволе. На Печору прибыл ночью, хотя здесь намного южнее, еще круглые сутки светло, но солнце заходит. Недалеко от вокзала разыскал пересыльной лагерь, где я буду несколько дней ожидать оформления документов. Меня пропустили через проходную, сдал свой чемодан и деньги в камеру хранения. Провели в зону, указали барак, где я буду находиться. Это рядом с проходной, предупредили никуда не отлучаться, чтобы я мог явиться по вызову.

Захожу в барак. Голые нары. Людей совсем мало, некоторые спят, небольшая группа босяков играют в карты. Познакомились, закурили. Я подстелил на нарах свою фуфайку и лег спать.

Кормят в столовой три раза в день. Хлеба 800 г, баланда тюремная, хуже, чем в лагерях.

На второй день меня и еще несколько человек повели к фотографу, надо для паспорта. Фотографии будут готовы через два дня. Эти дни совершенно свободные. Можно ходить по городу. Печора – город деревянный. Дома больше 2-х этажные, деревянные тротуары.

Я решил разыскать своего благодетеля Вельмина, который теперь был начальником КПЧ Управления. Хотелось увидеть его, Юлию Станиславовну, поблагодарить им за все доброе и проститься с хорошими людьми.

Разыскал Управление Печорлага – большой трехэтажный деревянный дом. Зашел в тот подъезд, что надо, но до Вельмина теперь попасть не так просто. В вестибюле два военные из НКВД, сразу меня остановили, начали спрашивать: Куда? До кого? Зачем? Я рассказал, что мы работали вместе с Вельминым в III отделении, теперь я еду домой и просто хотел проститься. Мне сообщили, что у Вельмина сейчас совещание, предложили обождать. Совещание продолжалось довольно долго. Я сидел в вестибюле, выходил несколько раз покурить, но решил дождаться, пока Вельмин освободится. Наконец начали спускаться по лестнице со второго этажа участники совещания, громко разговаривают. По голосу узнаю нашего заводного, всегда эмоционального старика. Вот и он: высокий, сухой, немного сутулый, такой же живой, болтает, размахивает руками.

Он был тот же, только чисто одет, на нем хорош костюм, при галстуке, в шляпе. Такой опрятности в одежде мы за ним не замечали, когда он был начальником КПЧ III отделения.

Я подошел ближе, торкнул за плечо. Вельмин присмотрелся, узнав, воскликнул:

- Это ты, моржовый?

- (любимое его слово).

- Где ты здесь взялся?

Кратко я объяснил причину моего появления на Печоре. Взял меня под руку, махнул охраннику и повел меня на 2-й этаж к себе в кабинет. Позвонил где-то в другой кабинет жене, чтобы она немедленно зашла к нему. Появилась Юлия Станиславовна, узнала, обрадовалась, спросила:

- Почему, Николенька, такой черный?

Муж шутит:

- Да он к нам с Ялты приехал. Загорал на пляжах Крымского побережья Черного моря. Посмеялись. Я действительно был сильно загоревший от зимних морозов, когда ежедневно ездил на лошади. Говорили долго. Вельмины не советовали мне ехать домой, объясняли, что там меня ожидают новые испытания. Конечно, они были правы. Я очень часто вспоминал их советы. Но я им объяснил, что должен немедленно ехать домой, нужно было навестить мать, перед которой я в большом долгу. Вельмины одобрили мой поступок, но сказали: если мне дома будет очень трудно, написать им о своем согласии возвратиться обратно на Север. Они готовы даже прислать денег на дорогу.

Тепло распрощались, все немного прослезились. Давали денег, но я отказался, объяснил, что ребята мне помогли, и на дорогу хватит.

Через пару дней я получил годичный паспорт (с ограничением места жительства), проездной билет от ст. Печора до ст. Долинская – места жительства родителей.

Выдали продукты на дорогу: несколько буханок черного хлеба, ржавую селедку, узелок сахара.

Все эти продукты поместились в мой полупустой чемодан.

Дорога домой

Поезд Воркута – Котлас. Последний вагон в хвосте состава для таких же как я - освободившихся из мест заключения: едут с Воркутлага, Печорлага, лагерей угольной Инты. Вагон набит до отказа. По дороге познакомился с одним парнем (Николаем), своим тезкой. Молодой, здоровый, боевой (как будто с уголовников). Прибыли в Котлас. Здесь надо компостировать билеты, чтобы ехать дальше. Зашли с Николаем на вокзал и

…ужаснулись. Очередь до одного окошка кассы – человек 500. Есть люди, которые здесь по две недели и никак не могут ехать. Закомпостируют 20–30 билетов, и окошко захлопнулось – билетов нет. Узнали, что касса для компостировки будет открыта еще не скоро. Пошли по городу. Такой же деревянный, как и Печора. Пришли на берег Западной Двины. Погода жаркая, градусов 25. Разделись, растянулись, но беспокоят комары. Решили искупаться. Вода довольно холодная, но все же искупались.

Пришли снова на вокзал, до открытия кассы осталось два часа. Очередь бурлит. Решили вдвоем брать кассу штурмом. Пробрались совсем близко до окна, но нас заметили: какие нахалы, только приехали и сегодня хотят уехать. Позвали милиционера, который предупредил нас: в случае нарушения очереди, посадит нас в кутузку. Пообещали, что будем смирными, как голуби. Милиционер ушел. Мы прошли в самый хвост очереди, ведем себя смирно.

Здесь стоит молодая девушка, худенькая, измученная. Она оказалась с Украины, полтавчанка, почти моя землячка. В Котласе она уже 17 дней и никак не может уехать. Отвели ее в сторону, дали ей деньги и свои билеты, провели ближе к окну и начали вталкивать в очередь. Как нажмем, наша девчонка на несколько метров ближе к окошку. На нас рычат, мы отходим в сторону, успокоятся, снова толкаем свою девочку к окну, на нее никто не кричит, она давно на вокзале. Касса работает. Смотрим, девушка сует в окошко билеты и деньги. Мы успокоились, отошли в сторону. Ожидаем. К нам пробирается девчонка, радостная, сияющая. Билеты закомпостированы, и к вечеру мы уехали дальше на юг. Поезд Воркута – Москва. Последний вагон для нас – бывших арестантов. Билеты закомпостированы только до Вологды. Ясно, что здесь наш вагон отцепят, нам снова надо будет компостировать билеты дальше, ехать на перекладных. У вагоне человек 150. Много уголовников, но отношения вполне дружественные, никого не обижают.

Решили действовать смело; в Вологде не дать отцеплять вагон. Ведь поезд идет до Москвы и почти все из нашего вагона едут домой только через Москву. Но, видать, железнодорожники получили «указания» свыше – не допускать в столицу «грязной лагерной заразы», пусть добираются бывшие зэки домой другими поездами, подальше объезжают Москву. По прибытии в Вологду, никто из нашего вагона не сошел, но возле вагона поставили пикет, чтобы не дать отцепить вагон. К нам пришли разные ж.д. начальники,

обещали нас немедленно отправить на … Киров, вызвали милицию, но ничего не помогло. Мы категорически заявили:

- Если мы не поедем на Москву, ночью будем грабить город. У нас нет ни денег, ни продуктов, а голодные люди пойдут на все.

Вероятно, это подействовало, вагон не отцепили, и мы поехали на Москву.

Прибыли на Ярославский вокзал, оттуда – на Курский. В Москве наша компания рассеялась – люди разъезжались по разным направлениям.

Надо компостировать билеты. Но возле касс тысячи пассажиров, лето – время отпусков, много людей едут на юг. Очереди по списках, в каждом по 500-800 человек. Я понял, что здесь нужно каждому в отдельности действовать, чтобы уехать на юг.

По расписанию уходил скорый поезд Москва – Минеральные Воды. До отправки оставалось минут 30. Чтобы попасть на перрон, нужен перронный билет, который стоит 3 рубля, но чтобы его купить, надо постоять в очереди. Решил действовать напором. Зажал в ладони «трешку» и направлюсь через туннель к перрону. При выходе останавливает контролер – усатый дядя в ж.д. форме:

- Ваш билетик?

Я сую ему в руку «трояку», он машет рукой – проходи. Так я оказался на нужной платформе. По перрону прохаживается милиция, заканчивается посадка, много провожающих. Несмотря на послевоенную бедность, московские девушки – проводницы одеты аккуратно, обращаются с пассажирами вежливо. Но я пассажир особый: еду из заключения, да еще и билет не компостирован. Как же сесть на поезд? Прохаживаюсь возле вагона, на руке фуфайка, в другой – фанерный чемоданчик. Присматриваюсь к проводницам, к которой обратиться. Наконец выбрал – эта, видать, с доброй душой, подхожу и спрашиваю:

- Девушка, как мне в вашем вагоне проехать до Харькова? У меня билет есть, но он не компостирован.

Она внимательно посмотрела и спросила:

- Вы едете из заключения?

Я махнул утвердительно. Подумав, проводница сказала:

- У меня следующий тамбур открытый, только поезд тронется, быстро прыгайте на подножку и проходите в тамбур.

Только я вскочил на подножку, как почувствовал, кто-то меня сзади тянет. Смотрю, милиционер в малиновой фуражке пытается стянуть меня с

поезда. Я вцепился за поручни, поезд набирает скорость, милиционер немного пробежал и оставил меня в покое. Я еще помахал ему – до свидания. Здесь же на сцепи оказались два мальчика, которые регулярно ездят «зайцем», привозя за сотни километров на продажу грибы.

Зашел в тамбур, сел на чемоданчик, еду. Поезд идет без остановок. Вдруг в тамбур из вагона вышел майор, расспросил кто я, куда еду, и предложил мне перейти в тамбур соседнего вагона, дескать, здесь едут военные, даже генералы с семьями, и мне в другом вагоне будет спокойнее. Чувствую, что мной брезгуют, а возможно и побаиваются. Да, собственно, какая разница? Главное – я еду на юг. В майора оказался ключ, он открыл дверь в тамбур соседнего вагона и мы перешли. Покурили, простились, и майор ушел в свой вагон. Я попробовал наружную дверь – не закрыта. Покушал «ржавой» селедки с хлебом, а воды то нет. Сильно хочется пить.

Первая остановка – Серпухово, за 100 км от Москвы. Здесь поезд стоит довольно долго, меняется бригада: до Серпухово железная дорога была электрифицирована, дальше поезд потащит паровоз.

Пить хочется, терпения нет. К тому же к моему вагону подкатили лоток, продают газированную воду. Нащупал в кармане мелкие деньги, выскочил из тамбура попить воды, но… не успел. Ко мне подошел милиционер и спросил:

- Ваши документы? Ваш билет?

Забрал все мои бумажки и скомандовал:

- Пройдемте!

Я говорю:

- Там в тамбуре мои вещи.

- Заберите!

Я забрал фуфайку и чемодан, мы прошли к вокзалу, рядом здание комендатуры ст. Серпухово, провели меня по лестнице вниз, открыли скованную железом дверь и бросили в подвал. Это большое помещение наподобие камеры, на окнах решетки.

Здесь было уже более 100 человек, таких «зайцев», как я, наловленных с московских поездов. Слава Богу, в подвале была вода. В Серпухово я прибыл часов в 10 утра, а начали с нами «разбираться» часов с 16. Меня вызвали почти последнего. Подходил вечер. Расспросили, поругали, предупредили, что я имею право добираться домой только рабочими (пригородными) поездами. Отдали документы, и я поехал дальше. Пригородный поезд пройдет 40-50 км, и 10-12 часов ожидай следующего.

Хорошо, что в меня были деньги, можно купить покушать. Так я проехал на перекладных Тулу и Орел. В Туле купил себе парусиновые туфли, носки, переобулся. Лагерные рабочие ботинки спрятал в чемодан. Где-то южнее Орла в ночном пригородном поезде мне посоветовали сойти на какой-то станции, куда через несколько минут прибывает Московский экспресс, который останавливается всего на 1-2 минуты. Быстро садиться на сцеп между вагонами, и на утро я буду в Харькове. Так я и сделал. Прыгнул на сцеп скорого поезда, где также «зайцем» ехала девушка в Белгород. Она оказалась учетчиком тракторной бригады и ехала в Белгород в МТС по своим делам. Прибыли в Белгород поздно. Девушка соскочила и убежала. Вокруг темно, только возле вокзала слабый свет. Выглядываю из своего укрытия, вижу, кто-то идет и карманным фонариком просвечивает между сцепами вагонов. Луч света «нащупал» и меня. Я увидел милиционера. Подумал – все! Повторится то, что случилось в Серпухово, сейчас снимет меня с поезда, заберет документы и будут «варить воду», задержат мое продвижение еще на лишние сутки. Но милиционер оказался порядочным человеком, подошел ближе к вагону, поздоровался, расспросил, откуда и куда еду, спросил закурить, я сошел вниз, покурили, поговорили, он оказался земляком из Николаевской области. Распрощались, он пожелал мне счастливого пути и ушел. Я забрался на свое место и поехал дальше. Рано утром перед восходом солнца я был в Харькове.

Сижу на вокзале, интересно, везде слышно украинскую речь. Не верится, что скоро буду дома. Вдруг в толпе увидел девушку – полтавчанку, с которой ехали с Котласа в Москву в одном вагоне, окликнул. Какая она была рада, встретив меня. Вся грязная, прокопченная, ехала из Москвы до Харькова в люке пульмана из под угля. У нее маленький узелок с вещами. Я послал ее умыться к колонке, а сам остался сторожить вещи. Потом я пошел в парикмахерскую, побрился, умылся. Пошли покушали, потом пошли к кассе компостировать билеты. Здесь проще, очередей почти нет. Закомпостировали свободно. Я до Долинской, девчонка до Полтавы. Ехать будем в одном купе поездом Харьков – Херсон, который отправляется после 19 часов. Походили по Харькову недалеко от вокзала, город еще не был восстановлен, много разрушений, оставленных войной. Наконец поехали. Я совсем измученный дорогой, девчонка тоже. Забрался на верхнюю полку, постелил фуфайку, под голову чемодан и уснул мертвым сном. Растолкала меня девушка, мы прибыли в Полтаву, на улице темно, она считает дома, а мне ехать до утра. Возле вагонов женщины бойко торгуют ранними

фруктами. Купил два «грона» вишень (на Полтавщине вишни продают, привязывая ягоды за хвостики к лозинке, получается как гроно винограда). Снова залез на верхнюю полку. Поезд тронулся. Кушаю вишни, за которыми очень соскучился, косточки выбрасываю в окно. Под монотонный стук колес опять крепко уснул. Просыпаюсь, утро, скоро взойдет солнце. Проходит проводник. Спрашиваю:

- Какая будет станция?

Отвечает:

- Шаровка.

Быстро подхватываюсь. После Шаровки – Куцовка, а следующая – родная Долинская. Побежал, умылся. Вышел в тамбур, смотрю, возле дороги лужи – ночью был дождь. Надо жалеть новые парусиновые туфли. Переобулся: одел ботинки, туфли спрятал в чемодан. Часов в 6 утра прибыл в Долинскую. Хочется кушать, но еще везде все закрыто. Ждать не стал, надо было пешком пройти до дому более 30 км. После дождя на дороге грязь. За Долинской догнал женщину, которая идет на поселок Новомихайловка, это мне попутно и через этот поселок – кратчайший путь для меня. Вдвоем веселее. Идем, разговариваем. Прошли Александровку, дальше напрямую балкой до Новомихайловки. Погода теплая, солнечная, приближается жатва. Иду поселком один. Женщины выглядывают из дворов, присматриваются – многие еще ждут из войны своих близких. Возле одного из дворов сидят разговаривают две женщины. Поздоровался. Они ответили. Одна из женщин близко знакомая, но узнать не могу, еще совсем молодая, а волосы седые, такой я ее не знал. Она улыбается, сразу меня узнала, но спросила:

- Это ты, Николай?

Оказалось, я встретился со своей учительницей Марией Алексеевной, которая меня учила в школе еще с 6 класса. Война побелила ей волосы: муж ушел на войну, она осталась с 3-мя детьми. Окончилась война, возвратился муж и вскорости умер, растить детей пришлось одной.

Присел и я возле них. Мне принесли целую миску вишень, кушаю, разговариваем.

Другая женщина – сестра мужа учительницы, она учительница младших классов, работает в поселке, а Мария Алексеевна пришла к ней в гости.

Во время разговора Мария Алексеевна сообщила, что в воскресенье старики шли из церкви, и она разговаривала с моим отцом, который рассказал, что от меня ждут телеграмму, и я скоро буду дома. Я понял, если

старики шли с церкви – это отец с матерью, значит, дома все живы, поэтому не стал расспрашивать о доме. Поблагодарив за вишни, я ушел дальше: вот знакомая тропинка через лес на окраине поселка, по которой я много раз ходил в Долинскую еще учеником, а потом, когда работал в школе.

Все ближе родные поля. Ноги сами добавляют шаг, лечу домой, как на крыльях. Выхожу к двум могилкам, которые в народе называются до сих пор «Близнецы». Отсюда с возвышенности видно за 4-5 км дорогу, ведущую на восток – это дорога до села. Время подходит к обеду. Дорога хорошо подсохла. Решил переобуться. Очистил ботинки, завернул в портянки, спрятал в чемодан, обул снова туфли. Идти стало совсем легко. Через два километра будет колхозный табор. На дороге видно далеко белые повязки – это женщины и девчата идут к табору на работу. Ночью был дождь, с утра мокро, а к обеду подсохло, надо идти работать. Чем ближе к табору, тем сильнее колотится сердце: сейчас я встречу многих из своих людей, здесь, вероятно, и братья Григорий, Василий, сестра Шура. Прихожу на табор. Здесь до войны была большая хата на две половины, просторные сараи для животных. Сейчас хаты нет, ее сожгли немцы. Не стало и других построек. Остался один сарай, и тот без крыши, но потолок уцелел. Здесь с одной стороны оборудовали одну комнатку, где рабочие могли спрятаться от дождя, пообедать.

На таборе много людей: женщины, девчата, молодые ребята, старики. Мужчин совсем мало. Все меня поздравляют с возвращением. Одеты очень бедно, на каждом латанные – перелатанные рубашки, брюки. Многие босиком. Худые, измученные люди. Курят самосад. Я, возвратившийся из заключения, выгляжу намного лучше. Физически здоровый (последнее время в лагерях я не голодал), на мне, хотя и спецовка, но чистая одежда, да и в чемодане еще совсем новая спецовка. Курю, хотя дешевые, папиросы. Зашел в комнатку. Скамеек нет. Меня усадили на плитку. Достаю из чемодана папиросы, угощаю всех курящих. Беседуем. В хате полно народу, одни выходят, другие заходят. Некоторых девчат не узнаю, из совсем маленьких девчушек стали взрослыми. Настроение приподнятое, радостное. Братьев и сестры нет. Говорят, что сестра должна подойти, а братья на таборе 2-й бригады за километр отсюда, им уже передали, что я здесь.

И вдруг… Заходит в хату Андрей Щоголь – уже немолодой мужик, нам родственник (его жена – двоюродная сестра моего отца), увидел меня, подошел и говорит:

- О, Николай, вернулся, слава Богу, живой, здоровый. Поздравляю…А бедная старуха так и не дождалась сына…

… Меня как будто обухом кто-то врезал по голове. Никто из наших людей даже не мог догадаться, что я не знаю о смерти матери…

Я был шокирован. Мгновенно замолчал. Нагнулся. Смотрю сквозь слезы и не могу ничего сказать. Люди все поняли, женщины крайками платочков утирают слезы и потихоньку одна за одной выходят из хаты. Вышли все. Я остался на плитке один. Не могу подняться с места. Обида на свою горькую судьбу сдавила грудь, но мысли работают. Зачем я сюда вернулся, почему так спешил домой. Ради мамы, а ее нет. И причиной ее смерти был я, она преждевременно истлела, ее слабое сердце не выдержало. Она же и, умирая, думала о сыне, но так, бедная, его и не увидела.

Сижу, окаменев. Во дворе на таборе разговаривают много людей, но я не различаю речи, ко мне доходит только гул голосов. Вдруг среди этого шума раздается истерический крик, плач и причитания, как по умершему. Это мгновенно привело меня в чувство. Я понял, что пришла сестра Шура, и ей сообщили обо мне. Подхватываю чемодан и фуфайку, выскакиваю из хаты и вижу, как Шура ползет на коленях от самого колодца мне на встречу, падает, снова подымается на колени и ползет, горько плачет и причитает:

- Ой, братику! Ой, родненький! Прости нас, что мы тебе не написали за маму! Мы же тебя не хотели волновать, тебе и так там было горько, без нашего горя!

И т.д. и т.п.

Я подбежал, подхватил сестру под руки, поднял и поставил на ноги. Резко сказал:

- Быстро пошли отсюда!

Обнял сестру, и мы, как пьяные, пошли на дорогу. На таборе все были ошарашены такой встречей, многие плакали и долго провожали нас глазами.

Не прошли мы и километра, как бежит через поля брат Василий, а за ним Григорий. Вася наш слабее, плачет, как женщина, Григорий – крепче, полны глаза слез, но крепится. Обнялись, расцеловались по-братски, немного поговорили, и мы с Шурой пошли дальше. На околице села от дороги тропинка сворачивает вправо через кладбище, по ней ходили всегда, чтобы ближе. В центре кладбища отдельный участок, где похоронены многие поколения всех наших родственников. Вот совсем свежая могила с крестом. Стали на колени с сестрой, здесь я дал волю слезам. Шура тоже не была на

похоронах мамы, она тяжело заболела и лежала в больнице в с. Братолюбовке, ей не сказали правды, пока она не возвратилась из больницы.

От кладбища идем переулком, прямо на свои ворота. Видим, отец пошел из хаты в камору, не обращая внимания на переулок. Что-то там стучит молотком о рельсу, мастерит. В каморе дверь двух феленчатая, одна половина открыта. Окон в каморе не было.

Шура подошла к двери и собой закрыла свет, я смотрю на отца через плечо сестры. Он приподымает голову и удивленно спрашивает:

- Чего это ты так рано с работы, что, сегодня работы нет?

Сестра говорит:

- Тато (так она называла отца), от Коли пришла телеграмма.

Отец меня не видит, поправляет очки, говорит:

- А ну, давай сюда, узнаем, что он сообщает.

Я не выдерживаю, отстраняю сестру в сторону, вхожу в камору и к отцу:

- Нет, отец, никакой телеграммы нет, вот я сам явился, живой, здоровый и невредимый.

Дальнейших подробностей встречи не буду писать.

Мое первое время «на свободе»

На второй день пришли братья с женами и детьми – моими племянниками, накрыли (что Бог послал) стол в каморке, решили в семейном кругу отметить мое возвращение, выпили по рюмке-второй самогону из буряка. Отец вышел покурить, и в это время возле двора проходил председатель сельского совета Билый С.В. Отец позвал:

- Степан Васильевич, зайдите к нам, выпьете рюмку за возвращение сына»,

На что Билый сказал:

- Я с изменниками Родины не пью,

- и пошел дальше. Когда об этом рассказал мне отец, я понял, что меня дальше ожидает на «свободе».

Через 2-3 дня было воскресенье. Утром я пошел на наш сельский базар, который был рядом, увидел многих односельчан, все поздравляли с возвращением домой. Здесь же встретил и председателя нашего колхоза им. Хрущева Д.М. Горбенко, он первый подошел ко мне, поздоровался, поздравил с прибытием домой, а потом спрашивает:

- Чем думаешь, Николай, заниматься?

Я ответил:

- Все понимаю, Демьян Мефодиевич, много мужчин забрала война, не хватает людей на уборку урожая. Приду и помогу.

На следующий день я поехал в район, приписал паспорт, зашел в райвоенкомат, предъявил справку об освобождении с ходатайством о получении военного билета. В справке было написано, что я был осужден к 5 годам лишения свободы без поражения в правах, следовательно, военкомат обязан разыскать мое личное дело офицера и на его основании выписать мне военные документы.

Меня обо всем расспросили, потребовали объяснительную и пообещали вызвать позже, когда выяснят мой вопрос. Пока выдали временное удостоверение.

Через пару дней началась жатва, и я сразу пошел в колхоз на работу. От села до табора 5 км, надо было подыматься на рассвете, чтобы пешком добраться до табора, и по восходу солнца запрячь лошадей в жатку и начать косить.

Урожай в 1949 году был хорош, хлеб высокий с зеленью (буряном), скидывать снопы с площадки жатки – лобогрейки было тяжело. До каждой жатки по 3 человека (чередуются), упряжка – две пары лошадей. Косим от восхода солнца до заката с кратковременным перерывом на обед. За жатками женщины и девчата вяжут снопы, подгребают, чтобы ни один колосок не остался на косе. Вечером лощадей оставляем на таборе, а сами пешком «чешем» 5 км домой, чтобы завтра к восходу солнца снова быть на работе. Летняя ночь коротка, времени на отдых мало, да еще мне, как молодому, охота и с девушкой побывать. И так ежедневно, без никаких выходных. Днем всегда спать хочется ужасно, жара страшная, а работа самая тяжелая, какая только может быть для крестьянина.

Кончили косить, начали свозить снопы, и молотьба. Пошел накидать снопы на арбы, класть солому в стоги. Целых 3 месяца без единого выходного. На жатве кормили хорошо, борщ с мясом, особенно поддерживали мужчин – скидальщиков на жатках, ибо там при плохом питании никто не выдержит.

Обмолачивали хлеб комбайном, установленном на стационаре, поэтому снопы свозили в стоги (скирды) или подвозили к комбайну, и бросали в барабан прямо с подводы. Комбайн был один на весь колхоз, в колхозе две бригады, и комбайн перетягивали на быках из бригады – в бригаду. Комбайнер – Филимон Лавриненко. Комбайн старый, двигатель все время

перегревался, терял мощность, поэтому комбайнер пытался ставить его радиатором к ветру (если ветер был). На молотьбе я клал на скирде солому.

Вот здесь и столкнулся я с бригадиром Петром Васильевичем Радченко, который все время пытался мне напоминать, кто я и откуда прибыл, хотел сделать с меня колхозного безропотного раба, бессловесное покорное животное.

Был такой случай: солому от комбайна набрасывали на сетку, а дальше на скирду тащили быками. Комбайнер скомандовал поставить комбайн против ветра, и получилось так, что все сетки на скирду шли на край и сваливались вниз. Мы требовали поставить комбайн так, чтобы сетка двигалась посередине, но прибежал к нам рассвирепевший бригадир, начал ругаться матерщиной, требуя, чтобы мы при каждом движении сетки руками тянули трос и направляли солому на середину скирды. Это делать было невозможно: на сетке примерно тонна соломы, у нас вдвоем не хватает сил ее перетянуть в сторону, к тому стальной трос во многих местах имеет поломанные жилы, торчат острые концы стальной проволоки, которые ранят руки, обдирают кожу. А бригадир нас ругает, набросился на меня:

- Ты помни, откуда пришел, где был? Ты сидел за измену Родины, а теперь здесь занимаешься вредительством, саботажем. Я тебя снова отправлю туда, откуда пришел.

И т.д. и т.п.

Здесь я уже не выдержал. Зверем с нечеловеческим криком, с вилами прыгаю со скирды, глубоко проваливаюсь в солому, которой много нападало вокруг от свалившихся сеток, и, пока выпутался с соломы, бригадир был от скирды метров за 100, продолжая кричать, угрожать, ругаться.

Мои нервы сдали, я сорвался и побежал с вилами за бригадиром, он наутек, убежал на табор. В этот момент я готов был заколоть бригадира вилами, а потом что будет. Но и он порядком струсил. Никуда он на меня не жаловался, ибо сам был «замаран» во время войны: будучи коммунистом, в 1941 году эвакуировался вместе с председателем колхоза, нагрузили подводу продуктов, забрали деньги из колхозной кассы и уехали на восток, но, доехав на Донбасс, почему-то возвратились и все время при оккупации жили дома, аккуратно каждую неделю являлись к коменданту – немцу, отмечались, что не будут вредить оккупационным властям. Конечно, после освобождения местности Красной армией они потеряли партбилеты, но один устроился председателем (Жиденко Демьян Романович), а второй – бригадиром. К 1949 году, когда я возвратился домой, Жиденко Д. Р. уже не был председателем и,

так как и я, проливал пот на лобогрейке. Комбайн переставили на другое место, как нам – скирдоправам, было удобно, и молотьба продолжалась. После этого инцидента бригадир долго меня не трогал, даже начал со мною заигрывать. Я же много в жизни знал таких людей и цену их «доброты», при удобном случае они всегда готовы на предательство. Так я проработал в колхозе целых три месяца, помог до конца убрать урожай. Был октябрь. Начали пахать поля на зиму. Немного тракторами, больше на быках и лошадях. Бригадир дает мне наряд – на быках подтянуть с другого поля тракторный плуг и быть прицепщиком возле трактора на пахоте. Я возмутился. Ведь я не член колхоза и добровольно пришел только на уборку урожая. Уборка закончена, и я требую со мною расплатиться.

Но не тут то было. Бригадир позабыл случай возле скирды, снова начал напоминать кто я, откуда прибыл, и буду работать там, где он пожелает, иначе… и снова пошли угрозы. Снова довел меня до каления.

Но я стал умнее, не стал ему угрожать, а просто в присутствии многих свидетелей начал доказывать, кто такой он, напомнил, как он эвакуировался, как возвратился навстречу немцам, как где-то на Донбассе сжег партбилет, как покорно ползал на коленях перед оккупантами и клялся не делать им зла. Это подействовало намного сильнее, чем раньше мои вилы, к тому же эту мою тираду слушал и уполномоченный райкома партии, который как раз был на таборе. Бригадир Радченко готов был провалиться сквозь землю. В конце я сказал:

- Сейчас я ухожу домой. Если буду работать в деревне, то в другой бригаде или даже в другом колхозе, но подлецу подчиняться не буду.

Больше я до самой старости в колхозе не работал. За 3 месяца имел примерно 400 трудодней, но оплаты никакой не получил, ни копейки денег и ни килограмма зерна, даже еще остался я должен колхозу. А почему? Объяснили в конторе, что нам готовили на жатве борщ с мясом, за который удержали наш заработок. Я понял, что «свобода» колхозника ничем не отличается от лагерей ГУЛАГа, только и преимущество, что его не отрывают от семьи. Но жизнь идет.

Мне идет 28 год. В конце октября я женился. А как жить? Я, жена, сестра Шура из колхоза ничего не получили – ни денег, ни хлеба. А семья 5 человек. Решил поискать счастья на Криворожье, но, чтобы найти работу, надо иметь документы. А у меня только годичный паспорт – «волчий билет» из сталинских лагерей, где сделана соответствующая отметка, и аттестат за 10 классов.

Даже нет военного билета. Военкомат все «ищет» мое личное дело, а я имею временное удостоверение военнообязанного запаса. Требую дать мне хотя бы какой военный билет. Езжу в райвоенкомат по 2-3 раза на неделю. Наверное, я там изрядно надоел, и мне выписали, наконец, красный военный билет, в котором было прописано: рядовой, необученный, в Советской армии не служил, в Отечественной войне не участвовал. Рад и этому. Теперь все документы на руках, можно попытаться искать работу. Поехал в Кривой Рог, ездил, ходил несколько дней, но везде только посмотрят на мой паспорт, говорят:

- Мы вас принять не можем.

Там была какая-то записана статья (по-моему, 39) – запрет жить в крупных городах. Только в одном месте мне сказали, что могут принять в шахту. Но туда я не хотел. Бог избавил меня от угольных шахт в лагерях, и я почему-то боялся их всегда. Вот на 3-й день моих поисков, возле базара на улице меня кто-то окликнул:

- Николай!!! Это ты???

Это была бывшая ученица, которая в 1941 году окончила 9 классов нашей школы, Маруся Лысенко. Она два года до войны со своей подружкой Юлей Мачулян вместе учились в одном классе. Семилетку окончили в своем селе Баштино, что за 7 км восточнее Боковой. Поэтому в нашем селе жили на квартире по соседству с нашим домом, а по субботам ходили пешком домой. Я еще в 1940 году учился в 10 классе и имел краткий «роман» с Юлей.

… Разговорились. Маруся ничего не знала о перипетиях моей горькой судьбы. Теперь она не Лысенко, а Кухта, вышла замуж и живет в Кривом Роге, работает учительницей младших классов. Узнав, зачем я приехал в Кривой Рог, о безуспешном поиске работы, она посоветовала:

- А ты, Николай, не обращался к заведующему районо (районного отдела народного образования) в Долинской Андрею Архиповичу Москаленко? У него в районе много не хватает учителей. Ты же толковый парень, имеешь 10 классов образования, отличник. Он тебя примет с дорогой душой. Едь в Долинскую и попытайся счастья.

Я пообещал следовать совету Маруси. Тепло попрощались и разошлись. Иду и думаю: так-то-оно-так, но как меня могут принять на пед. работу с моими документами, вчерашнего арестанта, отбывающего наказание по такой «грязной статье». Но ладно! Попытка – не пытка. Андрея Москаленко я прекрасно знал, как и он меня. До начала войны я работал деловодом – счетоводом в школе, а он учился заочно в Кировоградском

пединституте на физмате и был у нас учителем. С 1938-39 годов учителей много забрали в армию, многих преподавателей не хватало, поэтому Андрей преподавал математику, физику, физкультуру и еще что-то. Часто я ему по вечерам помогал проверять тетради. Близко подружились, он только на два года старше меня. Так что обращаться к нему было просто. Но и было сомнение. Время было такое, что брат отказывался от брата, сын от отца, может и друг побояться помочь другу. Решил ехать в Долинскую. Не возвращаясь домой, переночевал на вокзале и на рассвете поездом поехал в Долинскую. Разыскал районо. Москаленко не было, но вскорости должен подойти. Смотрю, идет, я его сразу узнал, вовсе не изменился, такой же чернявый, высокий, симпатичный, только более возмужалый. Проходя мимо меня, говорит:

- Добрый день!

И вдруг, резко оборачивается, улыбается и спрашивает:

- Николай??

… Пригласил в кабинет. Разговорились. Оказалось, что Андрей знал кое-что о моих «хождениях по мукам». Он когда то был в нашей школе, встречался с моим отцом и расспрашивал обо мне. Я объяснил цель моего приезда к нему. Андрей с радостью готов мне помочь, сказал, чтобы я спокойно ехал домой, собрал нужные учебники, немного подчитал и накануне нового 1950 года приехал к нему. Он напишет рекомендационное письмо директору Александрийского педучилища (там директором была женщина, хорошо знакомая Москаленко), и она зачислит меня на заочное отделение, я прослушаю зимнюю сессию, и с января он даст мне направление на должность учителя I-IV классов, а возможно, сделает меня заведующим какой-нибудь начальной школы.

Было начало декабря. Приехав домой, достал учебники и занялся повторением материала. В конце декабря приехал к Андрею, но он меня разочаровал. Объяснил, что недавно был в Кировограде, встречался с директоршей педучилища, говорил с ней обо мне, но она ему сказала, что сейчас строго запрещено принимать на заочное отделение среди года, и прием будет только летом с июня месяца. Такая «новость» меня огорчила. До лета еще полгода, а как жить? Андрей это прекрасно понимал и пытался мне чем-нибудь помочь. Долго думал и вдруг решил: с нового 1950 года в Кировской школе добавляется штатная должность завхоза (тогда она была семилетка). Таким образом, Бурейко Павел Терентьевич будет завхозом, а я

стану деловодом – счетоводом, оба мы возвратимся на свои довоенные должности.

Мой оклад будет 300 рублей (это до денежной реформы 1961 года). Андрей позвонил сначала к главному бухгалтеру райфинотдела, а потом послал меня с запиской к нему. За пару часов вопрос о моей работе был решен. Москаленко написал записку директору нашей школы, чтобы тот переместил Бурейко на должность завхоза, а меня принял деловодом – счетоводом. Еду домой рад – радехонек. На первое время имею хотя и небольшую зарплату, но гарантированную. С Андреем договорились, что я поработаю до лета, а потом поеду в Александрию учиться на педагога.

С 1-го января 1950 года я приступил к исполнению обязанностей, а к 20 числу получил первую зарплату. Мои 300 плюс 180 руб. получал отец, работая сторожем возле магазина, можно жить. Купили ведра 2 пшеницы на базаре, несколько ведер кукурузы, на ручную мельницу (жерно) смололи. На ступе наделали крупы, есть немного картошки, кое-какие овощи, а самое главное, имеем еще и корову. Нет топлива. Не беда, пойдем зимою по льду с молодой женой за 3 км, где были колхозные огороды, насгребаем две хорошие вязанки бурьяна, принесем, натопим печку, и хорошо. Мне кажется, что тогда мы были полуголые, полуголодные, но вполне счастливые: спокойствие, согласие, любовь. На работе свободного времени достаточно, начал усиленно повторять украинский язык и литературу, которые изрядно позабыл, русский язык и литературу, математику, историю, географию – потихоньку готовиться к поступлению в педучилище. Незаметно прошла зима. Поехал одного разу в Кривой Рог по своим делам, иду возле площади им. Сталина (сейчас это площадь Освобождения) и увидел на большущем щите объявление: Криворожский педагогический и учительский институты принимают на заочное отделение студентов. Факультеты пединститута: филологический (украинское и русское отделения), физико-математический, химико-биологический. Учительский институт принимает только на физмат. Здесь же на площади и здание института. Захожу, разыскал заочное отделение, расспросил подробно обо всем и решил, лучше мне не поступать в педучилище, которое дает среднее специальное образование (общее среднее я имею), а попытаться поступить на физмат учительского института. Через 2,5 года буду иметь диплом учителя математики и физики 5-7 классов, это же не то, что учитель начальной школы (1-4 классов).

Собрал документы и поехал через несколько дней в Кривой Рог, но в институте за эти дни произошли изменения: получили новые указания –

учительский институт при пединституте закрыть, а тех, кто его еще не окончил, перевести в Никополь. Там же можно поступать и на первый курс. Мне предложили: или ехать в Никополь, или переписать заявление и поступать на физмат пединститута здесь в Кривом Роге. Подумал, разорвал приготовленное заявление, бросил его в корзинку, попросил лист бумаги и написал другое заявление. Пединститут готовит учителей математики и физики для средней школы (5-10 классов), срок обучения – 5 лет. Конечно, долго, но ехать в Никополь я не имею средств. Далеко. Здесь я смогу поехать домой, взять с огорода картошки, привезти, наварить, купить в магазине дешевой тюльки или салаки соленой и покушать. Возвращаюсь домой и начинаю повторять усиленно те предметы, по которым буду сдавать экзамены, особенно математику и физику. Хотя в меня аттестат отличника, но после окончания школы прошло ровно 10 лет.

Если бы в меня были документы участника Отечественной войны, я бы попытался требовать принять меня без экзаменов. Но кто я? Даже говорить правду о себе стыдно (и страшно). В автобиографии я аккуратно обошел свою судимость (до войны работал деловодом – счетоводом, ну и сейчас работаю на этой должности в школе). На следующий год отличников (довоенных выпусков) принимали без экзаменов, а мне пришлось сдавать все вступительные экзамены, и, наверное, это для меня было лучше, я вынужден был все переповторить и серьезно готовиться.

А.А. Москаленко ничего не знал об изменении мох планов. Где-то в мае я приехал в районо с финансовым отчетом. Был обеденный перерыв, в бухгалтерии никого нет. Я сел за стол и начал что-то подсчитывать на счетах. Заходит Андрей, поздоровался и прошел в свой кабинет (дверь оставил открытой), потом зовет:

- Николай! Зайди ко мне.

Я зашел, он спрашивает:

- Что же ты молчишь, ничего мне не говоришь о поездке в Александрию? Ведь скоро нужно ехать, или ты разленился учиться и думаешь остаться деловодом навсегда?

Смеюсь и говорю:

- Я и не думаю туда ехать. Просто не хочу поступать в педучилище. Я изменил свое решение и уже сдал документы в Криворожский пединститут.»

Андрей тоже смеется и спрашивает:

- И, наверное, на физмат?

Говорю:

- Конечно.

- Вот молодец, Николай, а я до этого и не додумался, ты же в школе был первым математиком. Если только поступишь, сразу даю работу. Желаю тебе удачи, хорошо сдать экзамены и успешно учиться.»

На этом и разошлись. Собрал немного денег и поехал на экзамены. Только в институте узнал, что на экзамены добавилась химия (ее в списке экз. предметов не было), а я ее совсем не повторял. После сдачи физики, в воскресенье пошел на базар, купил старенький учебник «Неорганическая химия», встретил людей из своего села, которые сообщили, что дома родилась у нас дочь. Так получилось, что родился наш первый ребенок, а меня и дома не было. Экзамены были часто, и приезжать домой времени не было. Ночевал у родственников, вечером просмотрел страниц 50 химии, ее надо было завтра сдавать. Учебник имел страниц 400, ясно, что я к экзамену не подготовлен, на консультации не был, преподавателя не видел. Прихожу в институт, все абитуриенты ждут, волнуются. Наконец появился преподаватель – экзаменатор, разыскали для экзамена аудиторию. Фамилия преподавателя Александровский – старый, седой, очень высокого роста инвалид, ходит с палкой, хромает. В первую очередь я идти не решился, пошел позже. Захожу и вижу, что билетов никаких нет. Преподаватель предложил садиться возле его стола, взял мою экзаменационную картку, посмотрел на фотографию, потом на меня и сказал: «Вам, товарищ, будет тема Кальций. Садитесь вот за тот стол и готовьтесь.» Учебник был со мною. Конечно, вчера вечером я далеко не дочитал до того злополучного «Кальция», а поэтому ничего о нем не помнил и не знал. Но сдавать то надо. Обращаюсь к старику:

- Товарищ преподаватель (имени, отчества не знал), а таблицей Менделеева можно пользоваться?

Отвечает:

- Пожалуйста.

Я обрадовался, подсовываю к себе учебник, быстро листаю, ища тему «Кальций». Преподаватель заметил, сразу среагировал:

- Нет, нет! Учебник положите в сторону, а таблица вон на стенке.

Действительно, на стенке висела периодическая таблица элементов огромного формата, а выше нее – портрет Д.И. Менделеева. В этот момент я немного растерялся: что я буду говорить о Кальции, когда ничего о нем не знаю. Все же беру указку, подхожу к таблице, умоляюще смотрю на портрет творца таблицы и в мыслях умоляю: дорогой, милый Дмитрий Иванович,

помоги мне, подскажи хотя малость об этом Кальции. Возвращаюсь на место, делаю скудные записи на чистом листе бумаги: Кальций – металл, 2-х валентный элемент, находится в IV группе таблицы, его атомный вес такой-то и… пожалуй все, мои знания кончились.

Подошло время садиться за стол экзаменатора. Только я произнес первые слова, как в аудиторию зашел зав. нашей кафедры Запольский, сел рядом с Александровским, и они начали разговаривать. Я замолчал. Старик – химик был немного глухой (чего я не знал), поэтому повернулся до «гостя», наставил ладонь к уху и внимательно слушал. На меня оба не обращали внимания. Смотрю, на столе лежит учебник химии, потихоньку притягиваю его к себе, быстро по содержанию нахожу тему «Кальций», просматриваю и выписываю на свой листок кое-какие реакции, и еще кое-что по теме «Кальций». Преподаватели сидели и разговаривали минут 10-15, потом Запольский простился и ушел. К этому я уже положил книгу на место. Преподаватель повернулся ко мне:

- На чем мы, товарищ, остановились?

Я начал отвечать немножко увереннее, но экзаменатор понял, что мои познания по химии довольно скудные. Взял мою экзаменационную карточку, посмотрел на оценки предыдущих экзаменов, где были неплохие оценки – лишь одна «тройка» по украинскому сочинению, спросил, когда я кончал среднюю школу, и спросил:

- Вы не возражаете, если я Вам поставлю удовлетворительно?

Я с радостью ответил:

- Вполне буду благодарен.

Получив «тройку» за химию (это был последний экзамен), я вихрем вылетел с аудитории. Был уверен, что буду зачислен студентом, ибо в том году на физмат был недобор. В тот же день я уехал домой: до Гуровки на грузотакси, а дальше 12 км пешком. Первая встреча с новорожденной дочкой не вызвали в меня никаких отцовских чувств. Просто маленький, красный живой (но орущий) комочек, до которого страшно дотронуться. Где-то дней через три надо снова ехать, теперь уже на занятия, на первую (настановчую) сессию, которая будет длиться целый месяц. Взял с собою ведра два молодой картошки, немного яиц, еще кое-чего и все привез домой до двоюродного брата Михаила Кирилловича Хлевного, где я больше ютился во время экзаменов. Спасибо его жене Моте, которая всегда к вечеру оставляла для меня тарелку борща. У меня не было денег, чтобы нанять квартиру.

Иногда заходил к другим родственникам, но везде я был нежеланным «гостем», в 1950 году все еще ощущали материальные трудности. Нагрузка на первой сессии была очень большой. С утра 6-8 пар лекций, иногда 4-6, потом к вечеру по 2-4 пары лабораторных занятий по физике. Времени не оставалось даже на сон. Во время обеденного перерыва выходил, покупал хороший кусок черного хлеба и бутылку газированной воды (без сиропа), садился в бурьяне за институтским корпусом, обедал и снова на занятия. Пустую бутылку прятал в бурьяне до следующего обеда. В часы, свободные от лекций, занимался в читальном зале до 10 часов вечера, когда библиотека закрывалась. Денег было мало, да еще надо было купить некоторые, самые необходимые учебники. Занятия каждый день, один выходной через две недели. Ездить домой за 50 км времени не было. Так я проучился почти два месяца без квартиры и впроголодь. Зато за первую сессию сдал успешно все зачеты. Домой возвратился к 1-у августа, уставший и похудевший, зато с веселым настроением. Приезжаю, а дома застолье, мой отец организовал крещение внучки Зои – нашей маленькой дочурки.

Числа 10-го августа поехал в районо. Возле районо собралось много людей: директора школ, учителя, прибывшие из институтов выпускники – все по вопросу работы: одни хотят рассчитаться и уехать, другие - перевестись в другую школу, третьи – устроиться на работу. Все ожидают заведующего. Вот идет Москаленко. Поздоровался со всеми, увидел меня и говорит:

- Я все знаю. Молодец, Николай! Поздравляю и желаю успехов! Иди к секретарше, и пусть напечатает приказ назначить тебя преподавателем математики и физики в Баштинскую неполно-среднюю школу (НСШ) 1-7 классов.

Так я, не заходя в кабинет заведующего, во дворе районо получил назначение на работу учителя. Это была радость для всей нашей семьи.

Хотя учителям тогда платили не ахти много, но все же больше, чем деловоду. Пед.ставка зависела от классов, где преподаешь, от образования и стажа пед.работы. Стажа у меня не было, образования тоже, я всего только студент I курса пединститута.

По всем этим критериям устанавливался разряд заработной платы. Я имел разряд II – 10%, что составляло 544 руб. 50 коп. за ставку (18 уроков – часов на неделю). Если имеешь больше 18 часов, соответственно заработок увеличивался. Кроме этого были еще мизерные доплаты за классное

руководство и проверку тетрадей. Нагрузку давал директор школы (от наличии часов согласно учебного плана).

Начало педагогической деятельности

Работу в Баштинской НСШ я должен начать с 15 августа, но с должности деловода я не рассчитывался до 1 сентября. Мне же хотелось получить 150 руб. за пол месяца, работая по совместительству. Директор Кировской школы Дмитриев Иван Васильевич не возражал. Это был загадочный человек, никто не знал кто он, откуда прибыл, как складывалась его жизнь. Школа была по соседству, я видел Дмитриева на улице, но знаком не был до поступления к нему деловодом. В селе в это время редко кто имел паспорта, и когда я приписывал свой годичный паспорт, мне дали в сельсовете домовую книгу, в которой были записаны все с паспортами. Из-за нечего делать, я начал просматривать фамилии, кто имел паспорта. В книге была графа: кем выдан паспорт. Против фамилии Дмитриева значилось, что ему паспорт выдало отделение МВД Кожвинского района Коми АССР. Это меня удивило и озадачило: мне и Дмитриеву паспорта выдавало одно и то самое отделение милиции. Значит, он тоже был в заключении и освобождался раньше меня из Печорлага. Начал спрашивать, кто такой Дмитриев и мне объяснили, что это директор школы, прибывший к нам в прошлом году. Тогда я не мог предвидеть, что нам придется еще вместе работать. Начав работать деловодом, я ближе познакомился с Дмитриевым, присматривался к нему, но никогда не говорил (намеком даже) о его паспорте. Он был женат на нашей местной женщине, где они нашли друг друга, неизвестно, но приехали к нам вдвоем, жили в директорской квартире при школе. Детей в них не было. Жены он не любил, часто выпивал, подгуливал с другими женщинами (их было очень много после войны). Преподавал русский язык и литературу в 5-7 классах. Позже я узнал, что из документов об образовании имел только копию диплома об окончании Ашхабадского учительского института. Подлинника диплома не было, вероятно, его не существовало, а копию он где-то купил. Прекрасно владел босяцким жаргоном, как отъявленный уголовник. Имел хорошие деловые качества: прекрасный хозяйственник, не корыстолюбивый, жил скромно, имел много связей, друзей, знакомых. Мог достать все, что можно было в то время для школы: краску, стройматериалы, стекло для ремонта, парты, мел, некоторые наглядные пособия, учебники, тетради – все это тогда было дефицитом. В меня тогда еще не улетучился лагерный «диалект», поэтому

мы с Дмитриевым могли свободно разговаривать на «блатном» языке. На вопрос, где он научился этому жаргону, он, не задумываясь, соврал: мол, служил в конвойных войсках и, как филолог, интересовался босяцким жаргоном, многое записывал. Конечно, я ему не поверил и промолчал. О том, что я возвратился из лагерей, он знал.

Все вопросы, связанные с нашими очень скромными финансовыми возможностями, с Дмитриевым решать было легко. Денег в банке не давали, или давали совсем мало, но они были так нужны, особенно для ремонта школы. Для Дмитриева не было проблем. Мы ехали в Долинское отделение банка с подготовленными чеками. Возле банка человек 200 очередь. Не верится, что здесь можно сегодня получить деньги. Но Дмитриев говорит:

- Николай, не дрейфь. Сейчас будем делать колеса (это его любимое слово). Ты жди меня здесь, а я пройду к кирпатому.

- управляющий банком был курносым. Где-то через полчаса выходит и размахивает подписанными чеками, заходит за барьер в расчетный отдел, я наблюдаю через стекло. Смотрю, наклоняется к женщине, сидящей за столом, обнимает ее, что-то говорит на ухо, та хохочет, он из портфеля тянет букварь, отдает женщине (знает, что в нее малыш идет в I класс), передает ей чеки и выходит ко мне. Говорит:

- Ну, я пошел, а ты ожидай, скоро из кассы позовут.

Точно, через 10-15 минут от кассы вызывают:

12. Кировская школа!

Подхожу и получаю деньги. А очередь в 200 человек осталась почти недвижима.

К новому учебному году Дмитриев перешел директором в другую Федоро-Шуличенскую НСШ, а я уехал в Баштино.

Примерно числа 13-го августа я попросил совсем старый велосипед и впервые посетил Баштинскую школу, где должен был начинать работу учителя. Школа размещалась в 3-х крестьянских хатах под соломой, полы земляные. Классные комнаты маленькие, вместо парт – длинные столы – «козлы», за каждым могли сесть по 5-6 человек детей. В школе я застал директора Савченко Михаила Ивановича, только назначенного на эту должность (до этого работал учителем в соседнем селе Варваровка). Как и я, он заочно учился в Криворожском пединституте на филологическом ф-те (русское отделение). Обо мне он слыхал, хотя мы с ним до этого не встречались. Мне хорошо была знакома его жена Валентина, которая жила в Баштино, и до войны окончила 9 классов Кировской средней школы. Она и

дала прекрасную характеристику мне в разговоре с мужем. Савченко сообщил, что нашел для меня квартиру в одной бабки через берег на противоположной стороне речки, показал даже эту хату (под хатой стояла лестница). Окончив занятия с учениками, которым была назначена переэкзаменовка на осень, мы вдвоем поехали на велосипедах к его теще, где пообедали и поехали смотреть мою будущую квартиру. Нас встретила еще не старая женщина невысокого роста, живая, подвижная и очень разговорчива, пригласила в хату. Дверь в коридор была завешена от мух рядном. Когда приоткрыли рядно, я увидел молодую чернявую женщину, которая стирала над корытом. На наше приветствие ответила, улыбнулась ко мне, но работы не оставила. Комната, где я буду жить с семьей, большая, светлая, на 4 окна, полы (как и везде) земляные. Квартира мне понравилась, на лучшую я не рассчитывал. Вышли во двор, посмотрели сарай, погреб (будут же в меня какие-нибудь овощи и возможно, что-то из хозяйства). Выкачиваем велосипеды на улицу, хозяйка нас провожает, все время говорит – строчит, как с пулемета. Я ее спросил: «Простите, тетя, а как ваша фамилия? Возможно, я когда-нибудь вечером привезу книги и некоторые вещи и не смогу найти вашу хату, то спрошу соседей». Она отвечает:

13. Да я Ульяна Мачулян, меня здесь всякая собака знает.

О, Боже!!! Не мать ли это Юли – моей первой довоенной любови? Как то стало не по себе, но все же спросил:

14. До войны не ходили ваши дети в Кировскую школу?

15. А как же, Юля там училась и Галина, та, что вон стирает.

Все стало ясно. Я угодил на квартиру к своей «теще». Попросил позвать Галину (я ее прекрасно знал, они с Юлей были на одной квартире, только Галя на класс училась ниже). Выбегает, на ходу вытирает о фартук руки, смеется, протягивает руку, говорит:

16. А ты, Николай, меня не узнал? Я тебя сразу узнала.

Галина жила в Кривом Рогу, была там замужем и приехала к матери помочь по хозяйству, на огороде.

О Юле я ничего не спросил. Поговорили немного, и я уехал домой. Дома рассказал своей жене Зине, что я «устроился» на квартиру к матери Юли. Юлю Зина хорошо знала. До войны Зина училась в 6 классе, а Юля постарше была в них пионервожатой. Пошутили этому совпадению и успокоились. Подходило 1-е сентября. Надо было идти на работу в Баштино. Своего велосипеда не было, поэтому по несколько раз на неделю приходилось 8 км (в один конец) ходить пешком. Мне дали нагрузку немного

больше 20 часов, понедельник в меня был свободный от уроков день, поэтому я в субботу шел домой в Кирово и на работу являлся во вторник. Старшие классы (5-7), где я работал, учились во вторую смену. Иногда приходилось ночевать на квартире. Жена еще не приезжала, пока не будет убранный огород. До переезда было почти 2 месяца. Для меня, как для начинающего учителя, работы было много. Кроме этого, я еще и студент – заочник, должен был заниматься по программе физмат факультета, выполнять контрольные работы, готовиться к зимней сессии. Поэтому я долго засиживался по вечерам при плохом свете керосиновой лампы, готовился к урокам, занимался по учебникам института.

Хозяйка часто сидела рядом, писала письмо сыну, который служил в армии; она была малограмотна, поэтому письмо писалось несколько вечеров. Я подписывал адрес на конверте. Когда я делал краткие перерывы, хозяйка пыталась поразговаривать. Рассказывала мне о своей жизни, жаловалась на своего мужа Андрея, который, возвратившись с войны, бросил ее с детьми и ушел к другой, более молодой женщине. Позже я узнал и ее мужа, он работал бригадиром в колхозе. Кто-то осведомил хозяйку, что еще до войны я и ее дочь Юля в ранней юности были неравнодушны друг к другу. Это было раннее, еще детское увлечение. Это долго мучало тетю Ульяну, она очень хотела завести разговор об этом. А я, как назло, упорно молчал, никогда не спрашивал о Юле. Наконец, хозяйка не выдержала, подобрала момент и затеяла разговор на эту тему. Рассказала, что Юля еще совсем молодой девушкой во время оккупации в начале 1942 года вышла замуж, чтобы не забрали в Германию. Ее муж Федя был очень добрым, но после освобождения местности в 1943 году попал на фронт, где и погиб. Юля осталась одна с маленьким сыном. Позже, после войны, снова вышла замуж, второй муж оказался пьяницей, грубияном, часто издевался над женою. Они несколько раз расходились и снова сходились. От побоев Юля несколько раз рожала недоношенных, мертвых детей. Сейчас они живут здесь в Баштино: Юля работает на разных работах в колхозе, муж – тракторист. Мать начала вытаскивать из сундука разные фотографии, показывала и все рассказывала о нелегкой жизни старшей дочери. Я слушал все равнодушно, меня мало интересовала чужая семья, своих хлопот было предостаточно. К этому вопросу мы с хозяйкой больше не возвращались. Утром я позволял себе поспать дольше, подымался часам к 8 утра, шел во двор, где был рукомойник, умываться. Одного утра, как обычно, я вышел с полотенцем, поздоровался с хозяйкой, которая готовила обед на плитке во дворе, только

начал умываться, как совсем рядом заскрипела дверь погреба. Я оглянулся, с погреба вышла Юля, увидев меня, быстро прикрыла погреб и молча, почти бегом направилась к воротам на улицу.

Я окликнул:

- Юля! Почему ты от меня убегаешь, как от прокаженного? А ну, подойди сюда, хотя поздороваемся. Мы же не виделись почти 10 лет…

Возвратилась. Медленно подошла, как-то виновато посмотрела, протянула руку, поздоровались.

- Как же ты живешь?

- спросил я.

- Хорошо,

отвечает, хотя я уже знал, что не хорошо.

- Мой сын пошел в I класс.

- А моей дочке только 3 месяца.

- сообщил я,

- Твоего сынишку я видел, в школе показывали.

Еще перебросились несколькими словами и разошлись. Бывала Юля в матери редко, и я ее почти не видел. Весною я настолько «разбогател», что купил новый велосипед, мог часто ездить к отцу и в Кирово на базар. Уже под осень я ехал к отцу, дорога от могилы все время под уклон, ехать легко. Далеко увидел женщину в белой повязке, догоняю, а это Юля идет в Кирово, чтобы в школе взять документы, что она в 1941 г. до войны окончила 9 класс. Сообщила, что они семьей собираются уезжать в Кривой Рог. Я ее усадил на раму велосипеда и подвез до Кирово. Они уехали. Позже, когда я уже работал в Кировской средней школе, я увидел обоих сестер в Кирово на базаре (Юлю и Галю), а еще позже узнал, что Юля умерла, ушла из жизни еще совсем молодой женщиной.

Зимою 1951 года в Баштино я случайно узнал, что отец наш 68-летний старик женился. После моей женитьбы мы разобрали клуню и построили хату сестре Шуре с расчетом, что отец будет жить возле меня.

Но я уехал в Баштино, предложил и ему ехать с нами, но отец отказался, сказал:

- Ты сам еще полунищий, гол-как-сокол. Я уеду, а здесь и окна повытаскивают. Я останусь здесь, как-нибудь проживу, рядом дочка, а еще два сына, чем-нибудь помогут.

Конечно, он был прав. Я не мог пожалеть отца при моем материальном положении в то трудное время. Отец, несмотря на старость, продолжал

работать сторожем возле магазина. И вот отметили 2 года после смерти матери, и отец привел в хату бабку Марину, которая была лет на 5 моложе и могла досматривать за стариком. Как будто отец поступил правильно, теперь уприючен, не один в хате, но это известие в меня вызвало определенную обиду: как так? Я - самый младший, и отец сделал такой шаг, не поставив меня в известность. Возникла какая-то ревность, как так, какая то чужая женщина вошла в нашу семью, и как мы ее должны называть? Мама? Но она же нам не мать. Мы возле нее не росли и не жили ни одного дня. Совсем не знаем, добрая она или злая.

Подошло воскресенье. Я еще до рассвета поднялся и пешком отправился на Кирово с расчетом успеть рано на базар, зайти к отцу и увидеть мачеху. Идти было тяжело, снег взялся водою, идешь и все время проваливаешься, все же добрался рано, кое-что купил на базаре, иду к отцу, волнуюсь, с чувством лишнего в родной хате. В отца как раз были в гостях оба старшие сыновья: Гришка и Василий – мои братья. Видно завтракали, на столе не убрана посуда, бутылка с самогоном. Братья собрались и ушли, мы остались с отцом вдвоем, да еще новая бабка, которая, увидев меня, засобиралась готовить на стол, пошла на кухню.

Я обращаюсь к отцу:

- Как же так получилось, Павел Семенович, когда я женился, то Вас спрашивал, а Вы упороли такого трюка и меня, как младшего, не спросили?

Отец после завтрака с сыновьями был навеселе и ответил с юмором:

- А что мне было делать, когда мы остались вдвоем с Набатом (это большой рыжий собака, с которым отец ходил охранять магазин). Сойдемся оба голодные и разговариваем. Набат спрашивает:

- Дед, кто из нас будет жениться – я или ты? Наверное, ты, дед, женись, тогда нам обоим будет легче. Вот я и послушался Набата. Теперь нам обоим хорошо.

После такой шутки, в меня отлегло от души, я был рад за отца. Мачеха подала на стол, выпили немного с отцом и с новой матерью. Я пожелал добра, здоровья, счастья «молодоженам» и начал собираться домой. Они мне кое-чего положили в сумку, поделились, что имели. Теперь за отца мы были спокойны.

Баштинская 7-летняя школа была маленькая, где-то человек 180 учеников, но тогда после войны были и еще меньшие сельские школы. В старших классах учились переростки, которые во время войны в школу не

ходили, но большинство детей учились хорошо, несмотря, что не было во что одеться и обуться, не хватало учебников и тетрадей.

В 1951 году в нашем выпускном 7 классе было 12 человек отличников (из 27 учеников). В школе было половина учителей мужчин (преимущество против других школ), работали дружно, жили все бедно, но были, как одна семья, ходили часто друг к другу в гости. Работать и учиться было тяжело, надо было успевать готовиться к урокам, проверять тетради, работать над программой студента – заочника, выполнять контрольные работы.

Классные комнаты маленькие, переполненные (хотя в классах было по 20-27 ученика), отопление печное (топили соломой), освещение – керосиновые лампы, помещения не проветривались (берегли тепло), дети и учителя дышали чадом. Весною и осенью было легче.

Первый год работы в школе запомнился: меня избрали председателем профкома. В мои обязанности входило: сбор членских взносов, оформление больничных листов, согласование вопросов обеспечения учителей топливом, организация помощи одеждой и обувью детей – сирот, многодетных бедных семей и т.д.

В феврале 1951 года в школе случилось ЧП, сгорела одна школьная хата, где было две классные комнаты. Зима была бесснежная, холодная с сильными ветрами. Уборщицы на рассвете затопили соломой печи, чтобы до начала занятий натопить в классах. Тяга была сильная, пламя разорвало дымоход, загорелась сажа, а дальше солома кровли. Потушить не было возможности: снегу не было, колодцы с водою далеко. Хорошо, что ветер был в сторону, где близко не было построек. Ветер срывал пламя и относил далеко от здания. Сбежались люди, растаскали баграми загоревшийся лес кровли, потушили. Метлами смели жар с потолка и за полчаса со всем покончили. Не пострадало ни одно окно, даже все стекла остались целыми. С 8 часов, как всегда, началось занятие в сгоревшей хате. О ЧП доложили в районо, в милицию. Выехала комиссия, определила причину пожара и заключила: во всем виноват директор школы, пожар случился из-за бесхозяйственности директора, что не проконтролировал очистку сажи в дымоходах здания. Директора вызвали в милицию и объявили решение: до 1 мая за свой счет покрыть сгоревшее помещение, в противном случае будет открыто уголовное дело. Приехал М.И.Савченко домой в отчаянии, рассказал о своем горе. Собрали профсоюзное собрание и единогласно решили все помочь директору: при получении зарплаты, каждый дал на восстановление кровли по 50 рублей. За эти деньги купили вербы на пню для стропил, сами

срезали, притащили к школе, ошкурили. Объявили ученикам принести из дому тонкомеру для обрешетки (это было не проблемой, в селе по берегам много молодых верб, возле Баштино небольшой лес), натаскали столько лесу, что можно перекрыть два таких здания. Колхоз бесплатно дал соломы, транспорт, запрягали по две пары быков у арбу, начали завозить по грязи мокрую солому. Работали все: учителя и ребята – старшеклассники. Сошлись родители, среди которых оказались плотники, за день поставили стропила, сделали обрешетку и начали крыть. Тогда еще были мастера крыть соломой, и за несколько дней кровля была готова, дымоходы были надежно обмазаны. Дружная работа всех захватила. Осталось много лесу. Решили перекрыть рядом еще одно помещение, что и сделали. За месяц раньше, уже к 1-у апреля, директор школы доложил в милицию, что сгоревшая кровля на школе восстановлена. Я до сих пор тепло вспоминаю этот наш маленький дружный педагогический коллектив, который не оставил в беде своего директора, да и не только это. Все помогали в те трудные годы друг другу, ибо во всех материальные условия были нищенские.

Мои дела в школе улучшались, среди старших товарищей я учился методике преподавания, работать становилось легче, интересней. Неплохо успевал я и в институте, первые два семестра полностью выполнил учебный план и в 1952 году перешел на 2-й курс. Теперь, когда я работал учителем, заработок был намного выше, чем в деловода, я на время сессии мог нанимать квартиру, лучше питаться, купить учебники, кое-что с одежды.

В Баштино я проработал 2 года. Но детей в школе становилось меньше, классы сокращались, нагрузки математики и физики оставалось только для одного учителя, а нас было два, вторым был Ветряк Михаил Ксенофонтович – мой земляк из Боковой (Кирово), который за год раньше меня в 1939 году окончил 10 классов. Он был инвалид, на войне потерял ногу, ходил на протезе. Мы договорились, что он уедет в другую школу, а я останусь в Баштино. Отбыв летнюю сессию в институте, я к 1августа вернулся домой. Какое было мое удивление, когда числа 10-го августа приезжает Ветряк и заявляет, что он никуда не поедет и останется в Баштино. Значит надо переводиться мне. Переезжать не хотелось, да еще с семьей (Ветряк был один). Решил: если переезжать, то домой в свою Кировскую среднюю школу. Это не семилетка, школа большая, много педколлектива, там я быстрее смогу многому научиться, прочно и надежно сформируюсь, как педагог. Поехал в районо, но там теперь уже не Андрей Москаленко, а другой заведующий Петр Никифорович Таран, мужик умный, толковый, но совершенно меня не

знал, как и я его. В переводе меня в среднюю школу отказал, ибо я только на 2-м курсе, нет достаточного педагогического образования. Через пару дней поехал снова и, еще не заходя в кабинет, узнал, что в Кировской школе есть вакантное место учителя физики для 8-9 классов (10-го класса еще не было).

Говорили долго и серьезно, я упросил зава и уверил, что справлюсь с физикой в старших классах, убедил и получил приказ о переводе учителем математики и физики Кировской средней школы. Надо было собираться к переезду: выкопать картошку, убрать все с огорода.

В 1952 году был сильный урожай и на хлеб в колхозах и на огородах. Нам дали участок под огород к берегу, было посажено порядочно картошки, которая уродила на славу - «Спасибо» местным властям, что нас тогда «раскулачили», а то было бы еще больше картошки.

Более подробно об этом: осенью 1950 года школа купила рядом еще одну хату, чтобы там оборудовать классную комнату, возле хаты был обширный двор, на зиму дети его вскопали, а ранней весной посадили садок.

Директор предложил нам с женою (мы жили рядом) посадить между деревьями что-нибудь, чтобы летом, когда дети на каникулах, обрабатывать этот участок, не допускать расти бурьянам. Мы посадили кабаки.

Лето было (1951 г) сухое, огороды сгорели, но на отдохнувшей, хорошо угноенной почве, наши кабаки выросли хорошие. Мы не держали никакой живности, кабаки нам не нужные, и их собрав, я отвез отцу, который с мачехой имели поросенка.

Весною 1952 года директор снова нас попросил засадить междурядья садка, чтобы участок обрабатывался. Наша хозяйка квартиры выехала к дочери в Кривой Рог, оставив нам всю хату. У нее в подвале мы обнаружили ведра 3 мелкой, как горох, картошки, которая хорошо сохранилась, но для посадки была слишком мелкой. Решили ее посадить. Я копаю ямки, жена прямо горстями бросает в ямки. Говорю:

- Это на счастье нашей дочки Зои.

-, которой не было еще и 2-х лет.

Лето выдалось дождливое и теплое. Наша картошка пошла расти, но и бурьяны не отставали, картошка догнала и перегнала ту, что на огороде, дружно зацвела, сапаем часто, чистая, все, кто проходит по улице, любуются. Я уехал в институт на сессию. И вот, во время моего отсутствия, по предложению председателя сельсовета Макухи Феофана Матвеевича, на правлении колхоза был поставлен вопрос: выкопать нашу картошку, так как я незаконно «захватил» колхозную землю. Утвердили, и картошку, совсем

молодую, но достаточно крупную, выкопали и забрали для кухни детсадика и тракторной бригады. Женщины с огородной бригады позвали жену и дали мешка два картошки, но она была не годна для хранения. Жаловаться было некому, наш труд пропал. Картошки не жалко, в колхозе ее не было, кормить людей и детей было нечем, но обидно, что так по-хамски поступили с учителем. Если бы этот кусок земли зарос бурьяном – хорошо, а увидели картошку, выращенную чужим трудом – отняли. В этом году у нас на огороде было ее много, но жалко было этой, она была редкого тогда еще сорта «ранняя роза», желательно было иметь на посадку. В Баштино я был чужой, а чужого свободно можно было притеснять, хотя в то время все люди были сталинскими «винтиками». А мне тем более надо было быть покорным, не забывать, откуда я после войны пришел. Были и здесь, в другом селе, которые пытались напомнить мне о моем прошлом. Таким рвотошным человеком был секретарь сельсовета Василий Макуха. Пропитый алкоголик, никогда не «высыхающий» пьяница, всегда любил «подковырнуть», напомнить мне о моей судимости и все с одной целью, чтобы я боялся и всегда угощал его вином. На одной гулянке появился и он среди учителей. Вышли в коридор не перекур. Слово-по-слову, сцепились, все ушли за стол, мы остались вдвоем. В коридоре стояла лестница на чердак, я повалил Мозгового на лестницу и начал давить за горло. Где-то в Бога взялась жена, со слезами упросила меня не губить себя и семью и нас развела.

Еще один случай: когда мы в 1950 году уезжали в Баштино, отец дал нам поросенка (в отца и Шуры осталась корова). С трудом додержали его до холодов, кормить было нечем, договорились с отцом зарезать. К нам пришел отец, зарезали и днем соломой осмолили. Только занесли в хату, вдруг прибегает колхозный ветфельдшер Ленька Рудник (наш земляк с Боковой) и спрашивает:

- Твой кабан? (а этому «кабану» было месяцев 7).

Я к нему:

- Заходи, Леня, покушаем свежины, выпьем по рюмке.

Ни в какую. Хлопнул дверью и убежал. Пообедали с отцом, дали ему в сумку мяса, сала, и он ушел. А на второй день меня вызывают в сельсовет, я понял почему. За столом «советская власть»: председатель Макуха – старший и секретарь Макуха – младший. Обвиняют меня в том, что я не снял кожи с зарезанного кабана (тогда смолить свиней запрещалось). За нарушение колхознику штраф 1000 руб., а служащему (следовательно, мне) – 1500 руб.

Я объясняю, что поросенок совсем молодой, на нем сало на 2 пальца, шкура не годится снимать, разрывается. Все мои объяснения не действуют. Тогда я говорю:

- Ладно, я согласен вместе с Вами, Феофан Матвеевич, уплатить штраф по 1500 рублей, ибо у вас на свадьбе подавали на стол сало смоленое и потолще, чем на моем поросенке.

(Он вначале Нового года женил сына, который работал в школе физруком, на этой свадьбе я не был, ибо был на сессии в институте, но о сале узнал от учителей).

С тем я ушел. Меня больше не вызывали и о штрафе не напоминали. Тогда еще при жизни Сталина коммунисты сами побаивались, чтобы на них никто «не накапал».

Стал «добрее» и секретарь сельсовета. Как то я перед вечером попал в магазин, где накануне привезли бочку дешевого разливного вина. Там был и Василий Мозговой, изрядно пьяный, предложил и мне выпить, надеясь, что я его угощу. Деньги в меня были, поэтому я решил его опоить. Он выпил еще стаканов 5 вина, совсем не мог двигаться, продавец выпроводил его из магазина, и он пополз в бурьян. Там утром его обнаружили спавшего в блевотине, мокрого, грязного, беспомощного. Возможно, этот случай или еще были в него подобные случаи, компрометирующие «лицо коммуниста», но вскорости после моего отъезда из Баштино я узнал, что его исключили из партии и выгнали с должности секретаря сельсовета. Через несколько лет он, так и не бросивший пить, умер.

За два года работы в Баштинской школе кроме мрачных воспоминаний в моей памяти остались и светлые дни жизни: хороший, дружный коллектив учителей, порядочные, дисциплинированные и послушные ученики, которые прилежно учились и хорошо работали в колхозе на уборке урожая, очень добрые их родители (особенно тех детей, которые жили на поселках Байраки, Красно-Константиновка, Новопетряка). Все время я был классным руководителем, поэтому побывал дома во всех семьях своих учеников и за эти два года знал почти всех жителей Баштино и на поселках. Пришлось учить двух детей – дочку Катю и сына Николая моего товарища по плену Ивана Коржа, который погиб в конце войны.

С 1-го сентября 1952 года я стал работать в Кировской средней школе в своем селе учителем математики и физики 7-9 классов. Подыскал квартиру, ибо в отца в одной комнате жить было негде. В октябре мы переехали. Только урожая с огорода привезли полную машину. Негде было спрятать

овощи и картошку, пришлось копать яму (погреб) рядом с квартирой (хозяйка разрешила). В это время мы уже имели козу и немного кур. Перевезли топливо, корм для козы. Квартира хуже, чем в Баштино, но совсем недалеко от школы. В Баштино за 2 года сменили 4 квартиры. Начали обживать пятую хату.

Работа в средней школе. Строительство своего «гнезда». Учеба в институте

Средняя школа в моем родном селе преобразовалась из 7-летки год назад. Вокруг были только школы до 7-и классов, да еще начальные. Поэтому сюда без получения среднего образования шли дети с окружающих школ, но в 1951 году в Боковой (Кирово) был открыт только один 8-й класс, в который набирали по конкурсу отметок в свидетельствах об окончании 7-летнего образования. На второй год, когда я приехал из Баштино, прошлогодний класс стал 9-м (34 ученика). Преобладающее большинство в нем были сильные, учились только на «4» и «5». В этом классе мне пришлось преподавать физику. Еще в этом году было открыто три восьмых класса из учеников наших и прибывших из других сел. Вся физика 7, 8, 9 классов досталась мне, к тому еще и математика в двух 7-х классах, да плюс уроки в вечерней школе. Всего получилось более 30 часов на неделю (ставка 18) и классный руководитель 8-А класса. Страшная перегрузка для начинающего, совсем «зеленого» учителя – заочника 2-го курса пединститута. Заработок резко возрос против Баштино, но было ужасно тяжело. Я целыми днями пропадал в школе, а ночью готовился к урокам, занимался по программе физмата. Большинство старшеклассников были переростками, многие учились с жадностью, несмотря на ощутимые послевоенные трудности. В 9 классе организовывалась группа человек 10 учеников, любителей точных наук, которые наперед решали задачи по физике и математике, могли в любой момент обратиться к учителю за помощью. Показать перед учениками свои незнания предмета мне было стыдно, поэтому я сам перерешал все задачи по физике по задачнику Знаменского для 8-10 классов средней школы, я учил детей, а дети принуждали учиться учителя, и за это я им благодарен. Физикой и методикой преподавания я овладел ускоренно благодаря своим ученикам. Это я скоро почувствовал в институте, в нашей группе я физику знал наилучше (все заочники в школах преподавали только математику).

Особенно трудно было зимою, в квартире собачий холод, топка неисправна, в 2-х маленьких комнатках всегда дым, чад, свет от керосиновой

лампы плохой. И при таких условиях приходится ночью заниматься по много часов одетому и обутому. Всегда с нетерпением ожидаешь воскресенья, чтобы выспаться. Перестали с женою ходить в гости (как было в Баштино), времени никогда не хватало, даже на отдых. Где-то в марте надолго заболел учитель математики (арифметики) 5-х классов, который преподавал в 3-х параллельных классах. Надо было его часы распределить, а все учителя перегружены. Директор школы Лящук Иосиф Яковлевич уговорил меня взять два 5-х класса, а это плюс к моей нагрузке еще 14 часов. Моя нагрузка оказалась 47 часов на неделю (почти 3 ставки). Я думал замена ненадолго, но пришлось и экзамены принимать в этих 5-х классах. За все 35 лет работы учителем я не помню такого трудного для меня учебного года, как 1952-53.

Дожили до тепла. Поняли, что на следующую зиму нам нельзя оставаться на той самой квартире, а другой найти негде, в отца тоже негде жить.

Сидим с отцом, горюем, и отец предложил:

- Если в тебя хватит ума, сил и средств отремонтировать сарай и сделать в нем квартиру, бери и делай. Будет тебе своя хата по соседству со школой, надеюсь, мы поладим в одном дворе.

Посоветовались с женою и согласились (другого выхода не было). У меня было немного денег, да еще и отпускные получу, но к этому сараю подойти страшно. Он построен в 1926 году на две половины: камора и конюшня. В конюшне до коллективизации стояли кони, корова, свиньи, позже – корова, иногда поросенок, куры. Когда стал колхоз, камору забрали под зерновой склад. За многие годы стены разрыли мыши и крысы. Соломенная крыша давно протекала, прогнили и поломались отдельные стропила, крыша просела в 2-х местах на потолок. Со стороны сарай напоминал 2-х-горбого верблюда, потолки во многих местах прогнулись и проломлены. Боже, сколько здесь надо приложить труда, чтобы сделать хотя какой-нибудь ремонт и приспособить часть этого сарая для жилья. Труд еще пол беды, нам к нему не привыкать. Но еще надо и материалы. Колхоз не поможет, они сами строят фермы с трудом, к тому, я не колхозник. Поехал велосипедом по селу, возможно, кто-то продаст какое-то бревно или доску, нигде не достал. Все же решили ремонтировать. Начали копать глину и на тачке завозить за километр во двор. Привезли тачек 20. Велосипедом начал возить от скирды старую солому.

Распланировали из каморы сделать маленькую кухню и комнатку, а под коридор и кладовку занять часть конюшни. Потолок в конюшне не

трогать, а в квартире надо обязательно потолки настлать наново. А чем? Ни бревен, ни досок. Снова с отцом думаем, и снова отец предложил дельный совет.

В хате отца дверь была открыта в коридор, и он увидел на полу в коридоре доски (там пол остался, а в комнате немцы сожгли, порубив на дрова).

Отец говорит:

- Слушай, а эти доски с пола тебе не подойдут? Давай их посмотрим, если они годны, сорвем и в коридоре сделаем земляной пол, а ты в комнатке заделаешь потолок.

В это время в хату зашла мачеха. Отец обращается к ней:

- Слушай, старуха, что мы с сыном придумали…

и начал объяснять ей наши планы. Бабка Марина, узнав эту «новость», подняла скандал, начала ругаться, не разрешать срывать пол. Мне стыдно, что я нарушил согласие между стариками и обидно, что совсем чужая женщина не дает мне то, что куплено моей родной матерью. Обидно и жалко, что нет родной матери. Отец вскипел, послал бабу подальше и сказал, что будет так, как он решил.

Бабка начала вытаскивать все свои пожитки с хаты во двор, забежал ее внук, и она послала его на велосипеде к сыну, чтобы тот приехал и забрал ее. Старуха сопит, молчит, а мы с отцом разбираем простенок и срываем доски. Часа за два все 11 штук досок были выброшены из хаты во двор.

Доски оказались крепкие, широкие, толщиной примерно 50-60 мм и длиною метров по 7 (ширина сарая около 6 метров).

Мы с женою вдвоем дружно взялись носить глину с соломой, поправлять потолок против коридора и кладовки. Рассчитали, что досок на потолки кухни и комнаты хватит. Мы работаем, а наша 3-х-летняя дочка бегает от нас в хату к деду и обратно. Где-то часов в 4 дня приезжает на велосипеде сын бабки Марины Сергей и сначала зашел к нам. Поздоровался и спрашивает:

- Что здесь случилось?

Я ему подробно объяснил. Он говорит:

- Вот глупая баба. Разве она не знала, что в деда есть дети, и ему их жалко и надо помочь,

- и пошел к старикам в хату.

Вскорости вбегает к нам наша Зоя и сообщает:

- Папка! Мамка! Дедушка сказал, чтобы вы сейчас шли к нему в хату обедать и вино пить, дядя ходил в магазин и принес вино.

Мы помыли руки и пришли на обед, были очень голодные, за работой не было когда готовить, даже ребенка покормить. Бабка приготовила обед, все сели за стол и договорились мирно обо всем. Я объяснил, что все нами разрушенное сам восстановлю: построю наново топку, простенок, сделаю земляной пол. Мачеха успокоилась, занесла свои пожитки обратно, и они с отцом дальше, как в сказке, стали жить поживать…

Мы продолжали строить свое «гнездо». Работы было очень много, и я понял, что это лето я сессию в институте завалю, нормально учиться не смогу. Поеду, пару дней посещаю лекции, потом на базаре покупаю окна, двери, на попутном транспорте доставляю домой, снова еду, приезжаю, рубаю в стенах проемы для окон, вставляю окна и двери и т.д. Много пропустил лекций, сдал кое-какие экзамены, зачеты, но осталась у меня порядочная задолженность за 2-й курс, пришлось его кончать за два года. Надо было пойти к директору института и попросить академ. отпуск на один год, но я не додумался, и пришлось уплатить 150 рублей за задолженность. Не такие большие деньги по курсу до реформы 1961 года, но все равно жалко. Настлав потолок, над отделенную под квартиру часть сарая, завезли побольше глины и песка, начали делать саман для простенок и сырой кирпич для топки.

Глину и песок возили тачкой, солому мешком на велосипеде, воду носили ведрами с колодца, который против двора, совсем рядом. Все месили ночами прямо во дворе, места для сушки было достаточно. Пока делали саман и кирпич, подсох потолок и закиданные дыры в стенах, начали мазать. Для мазки стен и потолка глина смешивается с мелкой соломой, половой, тырсою, добавляется конский кизяк, которые подвозили тачкой от колхозной конюшни.

Раствор для мазки месил я ногами в яме, жена мазала. Пока помазали первый раз, высох саман, и я начал строить простенки. Пребывание в сталинских лагерях Печорлага многому научило, я был хорошо знаком со строительными работами, кое-что научился делать сам, все это теперь пригодилось.

Старой прогнившей соломенной кровли пока не трогали, все делали внутри помещения. Построили полугрубок с плиткой, маленькую печь для выпечки хлеба.

Заготовили материалы для кровли: купили вербы для замены отдельных стропил, тонкомеру для обрешетки, камыша для крыши. Когда все было готово, сняли старую солому, я отремонтировал обрешетку и за 2 дня три нанятые человека, работающие в колхозе на сезонных работах, покрыли камышом нашу хату. Вывели дымоход, гребешок кровли сделал сосед, дед Гнат Лукьянов соломой с жидкой глиной. Вечером поужинали, угостили кровельщика, а ночью пошел дождь. Мы впервые ночуем в своей хате, по камышу кровли шумит дождь, а мы слушаем и наслаждаемся счастьем. Сделали еще раз внутреннюю побелку и полностью перешли в свою собственную квартиру.

Уютно, чисто, тепло. Топки сделали удачно, прекрасная тяга, горит всякое топливо. Школа по соседству за 50 м от нашей хаты. Последние доделки оканчивали, когда в школе начался новый 1953-54 учебный год. В школу прибыл новый учитель математики и физики, который два года после окончания Кировоградского пединститута работал в Западных областях Украины. Ему, как имеющему высшее образование, дали математику и физику в 10 классе, был он кл. руководителем в этом классе. Я в 10 классе читал только астрономию. Параллельных классов было много, только три 9-х класса. Часов физики было много, и я стал преподавать только физику. Нагрузка (с вечерней школой) доходила да полторы ставки, меньше, чем в прошлом году. Надо было серьезно заниматься учебой в институте, ликвидировать все «хвосты» академической задолженности. За 2-й курс у меня было часть экзаменов и зачетов сдано, поэтому к остальным можно лучше подготовиться, и я успешно рассчитался за 2-й курс и перешел на 3-й. больше я не допускал задолженности в учебе до окончания института. Учиться было трудно, за 10-летний перерыв после окончания средней школы многое позабылось, факультет тяжелый, да еще его учебный план был перенасыщен множеством предметов коммунистической идеологии, которая абсолютно не нужна была для учителя математики и физики: основы марксизма-ленинизма, политэкономия (капитализма и социализма), труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, диалектический и исторический материализм и прочая идеологическая чепуха, которая была особенно модной до смерти Сталина. До самого конца 1953 года меня никогда не оставляла тревога: вдруг кто-нибудь «дунет» в институт, что я был судим, да еще по такой «красивой» статье Уголовного кодекса. Меня же с треском выгонят с института и с работы. Исключили же в 1951 году из физмата Ивана Вовка (Варваровского), который в 1941 году (на год после меня) кончал 10

класс нашей школы с отличными оценками. Исключили за то, что он в автобиографии не указал, что его отец во время оккупации был старостой в колхозе. Об этом все знали, хотя в приказе написали: «за академическую задолженность». Целых три года я и ждал такой же участи. Но, слава Богу, все обошлось. С 1954 года уже было не страшно.

Наша жизнь в одном дворе с отцом была намного легче. Я и жена помогали старикам по хозяйству, они уже имели корову, я помогал косить сено, кормить. Из Кривого Рога привозил топливо сразу для себя и для отца. Жили, как одна семья, только в разных хатах на одной усадьбе. Отец пользовался всем приусадебным участком под огород, мне дали участок в другом месте. У нас по-прежнему была коза, козлята, держали кур, поросенка. Однажды отец сказал:

- Давай, сын, я тебе подарю пол коровы. Все равно больше вы за ней ухаживаете.

Я объяснил, что такого подарка принять не могу. Если бы была родная мать – другое дело, а так не хочу, чтобы дети мачехи не подумали, что я граблю стариков. Так и осталось, корова отцова, а молоком пользуемся все. Козы стали не нужны, и мы их порезали на мясо.

В 1955 году окончили 10 классов ученики, в которых я был классным руководителем 3 года, и на следующий год я попросил, чтобы мне класса не давали, в меня много забот – подходили гос.экзамены в институте. Работал только учителем физики и готовился к экзаменам. В марте 1956 года было последняя сессия, тщательно проверяли выполнение учебного плана каждым студентом и объявили в приказе допущенных до гос. экзаменов.

Забрали наши студенческие книжки (матрикулы), в которых, как в зеркале, был отражен труд каждого за все время учебы. Было сдано 52 экзамена, 48 зачетов, 36 лабораторных работ, более 50-и контрольных и две курсовые работы. На государственные экзамены выносились 4 экзамена: математику и физику (с методикой преподавания и решения задач), педагогику и обязательный предмет на всех факультетах – основы марксизма-ленинизма. Гос. экзамены длились вместе с обзорными лекциями полтора месяца. На это время я нанял другую квартиру в стариков евреев. Занимали комнату с одним однокурсником Иваном из Пятихаток. Он был силен по математике, я – по физике, хорошо было готовиться вместе. Еще к нам примкнул зять (еврей) хозяина квартиры, который жил в другом домике в одном дворе. Он появился в нашей группе перед гос. экзаменами, как он к нам попал, мы не знали, он с нами не учился. Когда познакомились ближе,

этот загадочный еврей Саша Бейлин перед нами «раскололся». Он года на 4 старше нас (Иван одногодок мне) и до войны учился в Криворожском пединституте на физмате. Саша нам говорил, что окончил курс, но почему-то не сдавал экзаменов. Началась война, он эвакуировался в Среднюю Азию, там «провоевал» всю войну, после Победы возвратился в Кривой Рог, сумел купить диплом, работал сначала учителем, а потом директором школы, в которой работала жена преподавателя педагогики пединститута Рябка, который знал о нечестном приобретении диплома Сашей Бейлиным. Что-то там случилось в школе, жена Рябка пожаловалась на директора своему мужу, а тот «продал» Бейлина «с потрохами» - написал все о махинациях с дипломом в Москву. Выехала комиссия, проверила, все подтвердилось. В Бейлина отобрали купленный диплом, его сняли с директора и выгнали с пед. работы. Но Саша не был бы евреем, если бы успокоился. Он поехал в Киев и с помощью знакомства добился разрешения сдавать гос. экзамены с нами – заочниками. Так он появился в нашей группе на последней весенней сессии перед экзаменами. Он же устроил нас с Иваном и на квартиру к деду Марку – своему тестю, чтобы вместе готовиться к экзаменам. Были у нас в группе две девушки – сестры еврейки Малка и Елена Мильманы, но эти вели себя скромно, прилежно учились, так как и все мы «дрожали» перед экзаменами, не искали лазеек и блата, хотя среди преподавателей много было евреев. Еще был еврей Леня Розенберг, но это тупой «дуб», лет 10 учился заочно, и так и не окончил института. Его даже свои (евреи) презирали. Саша Бейлин был парень умный, успешно сдал экзамены и получил (уже заочно) диплом. Через много лет я встречался с ним, он работал завучем в одной из школ Кривого Рога.

В институте у меня были всякие отметки, были и «тройки», но процентов 70 было «4» и «5». На гос. экзамене физику с методикой преподавания и методикой решения задач я сдал на отлично, чем я был очень довольный.

К августу 1956 года я возвратился домой с дипломом и «ромбом» на борту жакета. Вся семья была рада. Отец посмотрел диплом, снял фуражку и перекрестился, произнес:

– Слава тебе, Господи, теперь я спокойный за тебя. Ты теперь имеешь кусок хлеба на всю свою жизнь.

Окончание учебы резко улучшило наше материальное положение, не было лишних расходов, увеличилась ставка в школе (высшее образование и стаж свыше 5-и лет). С весны 1954 года, когда подросла наша дочка, и мы

обосновались в своей собственной хате, жена тоже пошла на работу, устроилась счетоводом в контору потребкооперации. После окончания института я уже постоянно работал в старших 8-10 классах, ежегодно был классным руководителем.

Копия диплома о высшем образовании Сердюка М. П.:

ДИПЛОМ

к № 831630

Цей диплом видано Сердюку Миколі Павловичу в тому, що він в 1950 році вступив до Криворізького Державного педагогічного інституту і в 1956 році закінчив повний курс названого інституту по спеціальності математика

Рішенням Державної екзаменаційної комісії від 30 липня 1956 р. Сердюку Миколі Павловичу присвоєна кваліфікація вчителя математики та фізики середньої школи

Голова Державної екзаменаційної комісії

Ректор (директор)

Секретар

Кривий Ріг 31 липня 1956 року.

Реєстраційний № 1057

ДИПЛОМ

к № 831630

Настоящий диплом выдан Сердюку Николаю Павловичу в том, что он в 1950 году поступил в Криворожский Государственный педагогический институт и в 1956 году окончил полный курс названного института по специальности математика

Решением Государственной экзаменационной комиссии от 30 июля 1956 г. Сердюку Николаю Павловичу присвоена квалификация учителя математики и физики средней школы

Государственной экзаменационной комиссии

Ректор (директор)

Секретарь

Кривой Рог, 31 июля 1956 г.

Регистрационный № 1057

Московская тип. им. В. М. Молотова Гознака. 1955.

На фото – Сердюк Н. П. и учитель математики Колотуша Надежда Федоровна:

Весною 1956 г, когда я возвратился с последней сессии перед гос. экзаменами, уже дома узнал, что моя жена приняла промтоварный магазин, стала завмагом. Это меня «ошарашило», как она могла так поступить при моем отсутствии, когда никогда не было об этом разговора. Оказалось, она на это пошла с разрешения моего отца (своего свекра). Это он дал «благословение» невестке, сказав:

- Принимай, дочка, разве мы глупее других.

Зарплата счетовода была нищенская, и жене захотелось больше заработать. Но это торговля. Там можно и проработаться. Деваться было некуда, начали зарабатывать вдвоем побольше. Так жена многие годы была «торгашом», работая в разных магазинах. Были случаи, что после ревизии приходилось и доплачивать, но страшного ничего не случалось.

Первое лето в 1957 году я весь отпуск был уже дома, не надо ехать в институт. За лето выкопал и оборудовал погреб для себя (до этого пользовались одним погребом отца), заготовили много сена для коровы, переделал много других работ на усадьбе. Отец снова завел разговор с предложением дать нам пол коровы. Договорились, что я пол коровы в отца куплю. Уплатил старикам 1500 рублей (такая цена была за пол коровы на деньги до реформы 1961 г). Эту сумму мы могли вдвоем заработать за месяц. Заботу за корову теперь мы полностью взяли на себя, а старикам, после дойки, заносили в хату готовое молоко.

Все складывалось хорошо. Отец говорил:

– Мне так легко стало жить рядом с вами, что и умирать не хочется.

Смерть отца. Мы сами хозяева на усадьбе

Усовершенствование педагогического мастерства

Отец уже не работал, начал хлопотать пенсию, но так получилось, что у него «не хватало стажа», всю жизнь проработал, никогда не отдыхал, а доказать этого не мог. Последнее время был сторожем, значит служащий, а работу многие годы в колхозе, в шахте, службу в «царской» армии, в советской милиции не признают, да и документов никаких не было. Сельский житель – крепостной раб, ни паспорта, ни трудовой книжки.

Фотография - Сердюк Павел Семенович с внучкой Зоей (в шляпе, дочь автора) и ее подругой Леной Алексеевой возле своего дома:

Такие были драконовские законы. Начислили 74-летнему старику 110 руб. пенсии (это 11 руб. после 1961 года).

В сентябре 1957 года наша дочка пошла в первый класс, до школы ее никто не готовил, родителям не было времени за работой, в детсадике для детей служащих не было мест. Так и росла девочка почти беспризорной: то идет к деду, то к бабушке, к отцу или матери на работу, где она не нужна, то болтается на улице с такими же детьми без досмотра. Не походила и недели в I класс, заболела болезнью Боткина (желтуха) и попала на 48 дней в инфекционное отделение районной больницы. Мы ее навещали, но видели только через окно, в палату не пускали, и ее к нам тоже (инфекция).

Конечно, за полтора месяца девочка отстала от своих товарищей, очень трудно было догонять, пришлось серьезно заниматься дома, учительница также работала с Зоей индивидуально. Так постепенно девочка выравнивалась, догнала и обогнала сверстников и II четверть окончила на отлично. Получая табель за каждую четверть с отличными оценками, внучка бежала к деду похвастать, дед был рад, хвалил и давал рубль. Кончился

учебный год. В июле меня послали на курсы усовершенствования учителей при Кировоградском пединституте сроком на целый месяц. Я дал согласие, надо было подучиться методике преподавания физики, проработать знания по астрономии, понаблюдать звездное небо. Дочка после окончания I класса по путевке поехала в детский лагерь обкома профсоюза работников просвещения за Кировоградом в Компаниевский район (с. Червоновершина). В это время директор школы пригласил нашего отца временно летом побыть сторожем возле школы, где был круглосуточный лагерь труда и отдыха для учеников – старшеклассников. Я не разрешал отцу идти на работу, но он, подумав, сказал:

- Пойду. Это же летом, ночи маленькие, и всего на два месяца. Не знаю, сколько я проживу, а здесь за 2 месяца заработаю купить зерна на весь год.

Я поехал на курсы, съездил навестить в лагере дочку, в которой скоро кончался срок, возвратился в Кировоград и начал заниматься на курсах. Через две недели приехала жена, съездили и забрали дочку с лагеря, я их еще поводил по городу, показал все интересное для 8-и-летней девочки, и они уехали домой. Жена письмом сообщила, что доехали хорошо, дома все в порядке, отец передает привет. Но мне почему-то было неспокойно, ночью долго не мог спать, рано подымался, выходил на улицу и прохаживался по городу, когда на рассвете дворники убирали улицы. Душа чувствовала какую-то тревогу. Подходила суббота, мне так хочется домой, но уезжать нам не разрешали – организовывалась автобусная экскурсия за 120 км от Кировограда, где начала строиться Кременчугская ГЭС. Поехали. Ездили целый день. Там я еще сильно порезал ногу, купался в лимане, отталкивался от дна водоема, чтобы выбраться на лодку и «напоролся» ногой на острый осколок разбитой бутылки (пьяницы – строители набросали). Мне в медпункте стройки сделали перевязку, укол против столбняка. Нога болела, к тому же все были уставшие от долгой дороги, духота в салоне автобуса. К вечеру вернулись в Кировоград, зашли в столовую поужинать и - идти отдыхать. На квартире нас было 4 человека курсантов, но один на экскурсию не ездил. В столовой я попросил ребят заказать ужин и для меня, и в это время зашел наш товарищ, что оставался дома, сказал, чтобы я не задерживался, ибо на квартире меня ожидает жена. Неожиданный приезд жены меня не удивил, я посчитал, что, возможно я, как военнообязанный, понадобился военкомату, и домой пришла повестка (уезжая на месяц, я с учета не снимался). Другого ничего я не предполагал. Я похромал на

квартиру, где во дворе меня ожидала жена. Увидев меня, она, как-то рассеянно, сказала:

- А я приехала.

Отвечаю:

- Вот и хорошо, а то мне так хочется домой».

Жена еле сдерживала слезы. Я понял и спросил:

- Что случилось?

Она начала плакать и сказала:

- Пошли в квартиру, я расскажу.

Когда мы остались одни, жена сообщила, что сегодня утром умер отец. Он рано пришел с работы, лег отдыхать, но почувствовал плохо с сердцем, позвал бабу Марину и сказал:

- Я буду умирать.

Бабка подняла крик, послали за фельдшером, который пришел, сделал укол, но отец скончался.

Это было 19 июля 1958 года. Отцу было 75 лет. Хорошая смерть для старика, но неожиданная, всех ошарашила. Послали телеграмму в Кировоград мне (на адрес квартиры), а потом за телеграммой вслед послали мою жену.

Узнав о смерти отца, я взял себя в руки, еще на квартире побрился (дома будет не до этого), и мы пошли на остановку автобусов, но рейсов на Кривой Рог уже не было (был вечер). После такого нервного потрясения я не чувствовал боли раненной ноги и не шел, а бежал по улицам. Поехали автобусом на окраину города и там «голосовали» до 12 часов ночи, когда нас подобрала частная «Победа» и за час довезла на трассу за 7 км от села. Это расстояние мы пробежали за час и ночью в 2 часа были дома. Вокруг темно (тогда село еще не было электрифицировано), только в хате отца горел слабый свет. Захожу, сидят бабки – соседки возле покойника. Отец лежит накрытый. Чувствую, что млеют в меня ноги, руки. Кто-то подставил стул. Я быстро сдернул покрывало с отца, сел. Слышу шепот:

- Нельзя ночью открывать покойника.

Оглянулся и еле вымолвил:

- Это же мой батько.

Сижу, смотрю и говорю:

- Как же это так получается? Мама умерла, я был далеко, а теперь жили вместе, и я не смог быть при твоей смерти.

Еще посидел. Встал, накрыл отца и вышел из хаты. Увидел возле нашей хаты черный гроб. Было не до сна. Еще темно, начал мотаться на велосипеде по селу, искать и покупать самогонку для поминок. Все остальное для похорон уже было организовано братьями и сестрой Шурой. Отца хоронили в воскресенье. На похоронах было человек 200 людей. Погода теплая, солнечная. Отец был человеком верующим, постоянно ходил в церковь, принимал участие в церковном хоре. В 1958 году в селе еще была действующая церковь, в которой и отпевали нашего отца.

На фотографии – похороны Павла Семеновича Сердюка (4-й стоящий в ряду взрослых возле священника справа – Сердюк Григорий Павлович, в 4-м ряду между хоругвями – Анатолий Григорьевич Сердюк):

Наша 8-и-летняя дочка настолько любила деда, что на похоронах не отходила от гроба. Обычно дети такого возраста боятся покойника. Зоя вела себя, как взрослая, и в церкви, когда начали прощаться с покойным, она подошла к носилкам, на которых стоял гроб (довольно высоко), вцепилась ручонками за носилки, подтянулась, поцеловала деда в лоб, в руки и спрыгнула. Отца похоронили, я еще пару дней побыл дома и поехал в Кировоград добивать курсы, чтобы хотя бы немного рассеяться от этого горя. Еще долго мы привыкали к отсутствию отца, везде во дворе все напоминало о нем. При нем я не знал ладить косу, вилы, грабли, сапы, топоры – все это

делал отец. К тому жили 5 лет (последние) в одном дворе, я один с сыновей был курящим (отец тоже), много раз на день садились на перекур, разговаривали, строили свои хозяйственные планы, обсуждали разные вопросы.

Даже внучка часто вспоминала деда, говорила:

- Кто теперь даст мне рубль, когда я принесу табель успеваемости с «пятерками»? Дед внучку любил за послушность и помощь старику.

Все лето ежедневно была в

Зои постоянная обязанность – пригнать корову из пастбища. Какая бы ни была погода: дощ, град, буря, можно было быть спокойным: корову Зоя пригонит. А наша корова «Квітка» была умная, но с «характером», только упустишь, пойдет по огородам и наделает людям по траву. Никогда Зоя к такому не допускала.

Вот уже 6 лет я проработал в школе своего родного села, среди своих людей, здесь никто мне не напоминал о судимости, да и время после смерти «вождя всех народов» было другое. Начались пересматриваться дела репрессированных, реабилитация, но я никуда не обращался. Просто привык. Никто меня не трогает, и, слава Богу. А то, что в военном билете записали: «рядовой, не обученный, в армии не служил, в Отечественной войне не участвовал», тоже Бог с ним. Льгот тогда для воинов не было, все были равны. Конечно, пятно осталось в биографии, но оно с годами как-то поблекло. Как учитель, я прочно становился на ноги, меня все чаще начали вспоминать, как лучшего учителя физики, на учительских конференциях, расширялся круг знакомств, я становился известным среди учителей всего района.

После похорон отца, наша мачеха, дожив до осени, засобиралась от нас уйти к своим детям, хотя мы ее не обижали, делили молоко, корову кормили мы, помогали, чем могли. Но в бабки завелись деньги, кое-какие тряпки, хлеб, топливо. Все это не давало покоя ее детям: сыну и двоим дочкам.

Старуху начали переманивать от нас, чтобы Сердюки не «пожили добро». Я не противоречил, но перед уходом мачехи, пригласил депутата сельсовета, и переписали все имущество, которое она забирает с собою. Я чувствовал, что старую женщину ограбят ее собственные дети и еще между собою перескандалят, да еще и меня обвинят в корыстолюбии. Мачеха забрала все движимое имущество, все до мелочей, осталась старенькая хатенка, и я не дал ей сена, которое я заготовил для коровы. Вторую половину коровы я откупил, позвал свидетелей и при людях отдал мачехе

еще 1500 руб. Мы стали иметь целую корову, остались хозяевами на усадьбе. В нас во дворе теперь было уже две хаты, ниже старой хаты отца был подержанный глиняный сарай для коровы. Корова была хорошая, еще не старая, молока мы не поедали, поэтому, перезимовав, я половину коровы продал (также за 1500 рублей).

И вдруг весною, когда уже было тепло, к нам возвращается мачеха, ее выгнали ее дети, ограбив до нитки. Пришла со слезами просить, чтобы мы ее приняли. Жалко было обманутую старуху, и она стала жить в старой хате. Мы ей были благодарны, что она 8 лет досматривала за отцом.

Здоровье ее ухудшилось, она потихоньку заняла маленький кусочек огорода, кое-что посадила, остальное посадили мы. Мачеха быстро дряхлела и, дожив до осени, совсем ослабла. Приехала дочка и забрала ее к себе. Больше она к нам не возвращалась. Еще несколько лет ее «футболили» дети между собою, пока она умерла. На похоронах была моя жена, я был занят и не смог пойти. Напарники, с которыми мы пополам держали корову, были люди очень хорошие, и мы еще на два двора держали корову 10 лет, пока она совсем стала старой, тогда сдали ее на мясо. Еще до окончания мною института меня начали выдвигать на руководящую работу, предлагали стать директором какой-нибудь 7-и летки или завучем. Но я не соглашался по разным предлогам: то еще учебу не окончил, то не могу оставить отца – старика, то еще достаточного опыта не имею. Не хотелось оставлять нажитое «гнездо», переезжать и снова скитаться по чужим квартирам. Дома рядом школа, свои люди, нажитый авторитет, в обоих работа. Прожили в своей хате под камышом почти 8 лет, но жилье было тесным, надо было, пока помоложе и имеем заработки, подумать об устройстве лучшей квартиры.

Договорились с женой делать капитальный ремонт и сделать со всего бывшего сарая просторную хату.

Денег лишних не было, но, рассчитав, решили, что кое-как выпутаемся. К тому же во дворе есть еще старая хата отца, есть, где пересидеть на время ремонта.

Пришел март 1961 года, весна ранняя, теплая. За время весенних каникул я в Кривом Рогу купил и перевез сборный дом: лес, шифер, окна, двери – все необходимое для строительства нового дома. Материала было много, но он порезанный на детали сборного дома, не так подходит для ремонта старого помещения, но все же, распланировав, приспособить можно. Окна на нашу хату совсем не подходили (слишком большие), поэтому я их продал там же на складе, а за вырученные деньги нанял большую машину

«Татру», но которую погрузил все, кроме шифера, для которого нанял маленького «Газона».

Готовясь к ремонту, мы еще в 1960 году во время летнего отпуска наделали где-то 1000 шт. самана, сложили в штабель и хорошо накрыли на зиму.

Пришло лето 1961 года. Я ушел в отпуск с 20 июня. Переселились в старую хату, и я начал разрушать свою хату, сбросил с кровли камыш, завалял потолок, выбросил все простенки, топки, весь мусор тачкою возил в старый погреб отца. Снова глина, солома, вода. Только теперь я брал в колхозе конную подводу и глину завозил на лошадях, копал сам вручную. Воду тоже подвозил лошадью бочкой – водовозкой. Лошадьми замесили огромный круг раствора глины с соломой, созвал на помощь людей человек 20, и дружно за полдня по всему периметру здания раствором подморовали сантиметров на 30 стены, выровняли неровности.

Погода стояла прекрасная, жарко, солнечно, очень хорошо для сушки. Пока подсохли стены, мы занимались другими работами: месили глину, закидывали обвалившиеся стены в бывшей конюшне, срогали старую штукатурку, выравнивали стены, убирали мусор. Надо было приспосабливать лес купленного дома к размерам нашего помещения. Если были бы балки метров по 6 и потолще, совсем бы было хорошо, но в колхозе леса не было, и пришлось приспосабливать то, что имели. Балки дома (из деталей) – это пиленые бруски, толщиной 50 мм, шириной 15 см и длиной 4,5 метра, а ширина нашей хаты 5,5 м. Пришлось из 3-х балок делать две, стачивая на планках и гвоздях, добавляя по куску. Выставив по шнуру балки, я заложил промежутки саманом на растворе с глины и песка. Для подшивки потолка давались специальные щиты из досок, но они тяжелые для сточенных балок, и я решил подбивать потолки рейками, которых не было. Поехал в Кривой Рог и из ДОК'а (дерево-отделочного комбината) завез (по дешевке) машину дров – обрезков длинных досок. Этими обрезками и подбил потолок. Надо готовиться накладывать потолок. Снова завез побольше глины, соломы, воду, снова замесили лошадьми побольше раствора, сошлись люди, начали закидывать густой глиной с соломою промежутки между рейками. Мокрая глина тяжелая, и мои сточенные балки начали прогибаться. Не беда. Быстро поставили подпоры и продолжали накидывать. Сверху глины засыпали золой и сверху смазали раствором. Надо было побыстрее ставить кровлю, чтобы не пошли дожди и не размочили потолка. Нанял я хорошего мастера из Тернопольской области, который в нас

в селе был на заработках, и мы с ним вдвоем быстро поставили стропила, сделали обрешетку и покрыли шифером. Весь лес пиленный, ровный, поэтому нигде не нужно подгонять, подтесывать. За 3 дня кровля была готова. Кровля получилась с фронтонами, которые зашили доской – щелевкой, входящей в комплект сборного дома. Теперь пусть все сохнет, дождей не страшно. Мастер еще нанялся ставить кровлю и подшивать потолки на магазине, поэтому я ему помогал на магазине, где одному работать невозможно. При ремонте хаты мастер изготовил 2 новых окна, а 4 остались те маленькие, что были раньше. Мастер имел имя Петро. Он еще сам предложил пристроить к хате небольшую деревянную веранду, ибо много оставалось хорошего пиленого леса.

Так мы на пару все лето и работали. Пока внутри перегородок не было, было огромное помещение – «зрительный зал», длиною 13 метров. Все распланировали и начали строить перегородки саманом. Окончили, тогда убрали стойки, и потолок больше не прогибался. Начали мазку (штукатурку). Глиняного раствору надо было очень много, надо же было помазать все стены, перегородки, потолки. Для раствору смешивали желтую глину с белой, добавляли полову, тырсу, конский кизяк. Я во дворе выкопал круглую яму, куда завозил сразу по 5 тачек каждой глины, наливали воду, и я месил ногами, но этого раствора хватало не больше, как на два дня мазки. Тогда яму раскопал шире, стало входить по 10 тачек рудой и белой глины, такого замеса хватало почти на целую неделю. Привлекли для помощи и свою 11-летнюю дочку, купили для нее 2 маленьких ведра по 6 литров, вот она и носила из колодца воду, всегда следила, чтобы кадушка было полной. Пока жена мазала, мы с Петром строили веранду, работали на магазине. Мазка - это очень трудоемкая, длительная работа. Все окна были поставлены, но без стекол, чтобы постоянно был сквозняк для лучшей сушки. В нас получалась большая комната, спальня, кухня и длинный коридор (прихожая). Позже мы еще раз перестраивались, меняли планировку, меняли и окна, ставили побольше. Работа двигалась, но двигалось и время, кончался мой отпуск, но занятий в школе еще не было. В нас осталась повторная мазка (это полегче), побелка, настилка полов и покраска. Где-то числа 10-го августа меня вызвали в районо и предложили должность завуча (зам. директора школы по учебной части) в своей школе.

Причин отказаться я подыскать не мог. Мне не предлагали переезда в другую школу, институт я окончил, имею 10-летний пед. стаж. Короче говоря, меня «обработали», я и дал согласие. Завуч – такая должность,

которая привязывает человека к школе всегда, каждый день от утра до вечера, это в школе учитель учителей. Надо постоянно знакомиться с методикой преподавания всех (или почти всех) предметов, чтобы контролировать учебно-воспитательный процесс, уметь составить так расписание занятий, чтобы учесть равномерную нагрузку детей, и чтобы каждый учитель был довольным, обеспечить замену уроков при отсутствии учителей. Рановато я впрягся в такую «лямку», если бы хотя на год позже, а то еще дома возле хаты работы много, надо было хотя к осени все закончить.

Жена тоже пошла на работу, тогда она торговала в книжном магазине и в буфете при школе. Пришлось использовать каждый час «выкроенного» времени, ночью за счет отдыха подгонять домашние работы. Вспоминая это лето, я могу подтвердить, что никогда в жизни так много и тяжело не работал, как тогда на ремонте. Ежедневно по 17-18 часов, без всяких выходных, как в котле без всяких перекуров (тогда я бросил курить). Было еще крепкое здоровье (мне еще и 40 не было), питание хорошее, аппетит всегда волчий, а физический труд закаляет. Устаешь ужасно за день, завалишься в глубокий сон, поднимешься рано утром, еще до восхода солнца, и снова свежий, здоровый, полный сил. Даже не верится на старости лет, что мог выдерживать такие нагрузки.

Фото с митинга возле Кировской СШ, первый справа – Сердюк Н. П.:

Завучу свою нагрузку учителя было положено не больше 12 часов, но другой нагрузки хватало. Я взял физику только в 9-10 классах, для подготовки до своих уроков времени много не требовалось (читал предмет не первый год), поэтому иногда, когда в школе все ладилось, или ученики уходили на работу в колхоз, я выкраивал время и дома настилал полы, делал покраску, заготавливал корм для коровы, помогал жене готовить раствор для внешней помазки хаты. Для лаг под полы мы с Петром использовали не те бруски (50 мм х 100 мм), которые были в комплекте дома, они слишком тонкие, а толстые разрезанные вдоль шахтные стойки, купленные в Кривом Рогу на дрова. Поэтому в нас еще остался пиломатериал, который пригодился после.

На фото – дом Сердюка Н. П.

Как ни тяжело поработали, но на Октябрьские праздники все было сделано, и мы сидели за столом в новой хате, принимали гостей. Были спокойны, хаты на нашу жизнь хватит.

Дальнейшая работа в школе

Изменение административного деления. Реабилитация.

После окончания капитального ремонта хаты, я полностью посвятил себя школе. Как завуч, работающий первый год на этой должности, надо было осуществлять контроль и руководство всем учебным и воспитательным процессом, систематически посещать уроки всех учителей, внеклассные мероприятия, делать анализы, выводы и предложения.

Чтобы учителю сказать что-то умное, надо знать предмет, быть знакомым с методикой его преподавания.

Поэтому на должность завучей подбирали большинство более способных и трудолюбивых педагогов, не особенно обращали внимание на их принадлежность к партии.

Директором мог быть кто угодно, даже дурак, лишь бы он был членом КПСС. Ни одного директора беспартийного я не знаю. Иногда между ними (очень редко) попадались и порядочные, умные люди.

К 1961 году, когда я стал завучем в нашей средней школе, поменялось при мне 3 директора. Первым был Лящук Иосиф Яковлевич – самый умный, кто был у нас на этой должности. Это был эрудированный во всех вопросах человек, как ходячая энциклопедия, по любому вопросу он мог всегда дать точный, исчерпывающий ответ. Окончил русское отделение филологического факультета Кировоградского пединститута им. Пушкина (еще до войны). Глубоко знал не только русскую литературу разных периодов, но и западно-европейскую. А как он красиво, увлекательно, интересно читал уроки литературы, сколько он знал на память поэзии, прозы и никогда не пользовался никакими записками. Он мог быть прекрасным преподавателем ВУЗ'а. Но… Его слабость – водка и женщины. Имел красивую жену, 2-х детей, но семейная жизнь не ладилась, все время супруги скандалили, разводились и сходились, но сосуществовали.

За свои пороки Лящук не мог долго работать в одной школе. У нас он продержался 3 года, «погорел» за любовные связи с девочками – старшеклассницами, и был переведен в Братолюбовскую СШ, а оттуда скоро уехал на Криворожье, переводили, но все же он снова получал директорский пост (партбилет спасал).

После Лящука приехал Копаница Александр Степанович – дурак и пьяница, который лет за 10 с горем пополам окончил физмат (заочно) в Кировограде. Редко, когда он не был пьяным. При нем школа держалась благодаря сильному завучу Шевченко Владимиру Антоновичу, математику и

физику, приехавшему к нам в 1953 году из Западных областей Украины (я уже вспоминал о нем). В 1959 году Копаницу А.С. за пьянку выгнали с директора, и больше он никогда в «руководителях» не был.

Третьим директором стал Никоненко Михаил Андреевич, окончивший заочно исторический факультет. Человек ограниченного развития, осторожный, но корыстолюбивый, скупой, жадный, трусливый и льстивый перед начальством и перед своей женой Верой Антоновной, которая была умнее мужа. Она его «двигала» в педагоги с довоенным 9-и-классным

образованием, «достала» ему (и себе) аттестаты за 10 кл., устроила сначала физруком, а потом «протолкнула» в партию и на учебу в институт.

Вот при этом директоре я стал его заместителем. Ясно, что помощи от такого директора я получить не мог.

Зато чета Никоненко была заинтересована иметь завуча именно меня, 3-х-жильного «ишака», который будет тянуть школьный воз за двоих. Поэтому Никоненко и настаивал перед районо, облоно о моем назначении. Директор занимал должность, мне не мешал, директором «руководила» жена, но мы ладили, семьи наши дружили, ходили друг к другу в гости. В этом (1961) году к нам прибыл новый председатель колхоза Миркаленко Николай Владимирович. Кто он, откуда, как он (беспартийный) стал председателем, никто не знал. В селе было 3 колхоза, наш был самый богатый, но предыдущий председатель ушел по семейным обстоятельствам, второй – пропился, а третий – проворовался и к тому уже был стар. Вот и нашли где-то Миркаленко. Новый председатель начал с «завинчивания гаек», создавать аракчеевскую дисциплину, выгонять неугодных, окружаться подхалимами, устраивать по знакомству или по протекции «сверху» своих и чужих. Задался целью сделать колхоз передовым, а, следовательно, создать и себе славу. Создал свою «команду», которым дал жить, а всем остальным рабское существование. Но это было позже, сразу мы считали: вот, наконец, прибыл к нам настоящий хозяин. Школу он поддерживал финансово, выделял деньги на приобретение наглядных пособий, учебного оборудования, спортинвентаря, продукты для детского питания. Мы были довольны. Обожал идолопоклонство, кто мог льстить, ползать, быть сексотом (доносчиком) – жил припеваючи. Но горе было тому, кто не мог пресмыкаться, не терял своего человеческого достоинства, мог открыто сказать в глаза правду. «Барин» такого не терпел. Если человек попадал в «немилость» «хозяину» - прощайся с родным «гнездом», побыстрее бросай все и уезжай. Все равно тебя съедят. Честные, порядочные труженики стали выезжать, наехало всякой нечисти, которой раздавались руководящие должности, блатная доходная работа. Позже Миркаленко все колхозы объединил в одно хозяйство, назвали колхоз им. Ленина. Пришло время «царствования» Л.И. Брежнева – 20-и-летний период пьяной страны, который при М.С. Горбачеве стали называть периодом застоя.

Еще при Н.С. Хрущеве Миркаленко приобрел опыт, как показать желаемое за истинное, как обмануть высшее начальство, пустить пыль в глаза, отблагодарить благодетелей, создать дутый авторитет. Самое

действенное средство – взятки, позже названо коррупцией. Чем-то надо себя показать. Вот Миркаленко ухватился за надои. За какие-нибудь пару лет надои на корову в колхозе стали самые высокие в районе. Появилось много передовых доярок, среди которых выделялось несколько человек рекордсменов. Посыпались награды – ордена и медали, доски почета, премии.

С Нового 1963 года во время Хрущевской перетасовки по укрупнению районов села восточной части Долинского района в т.ч. и наше село вошло в состав Петровского района. Вот здесь наш Миркаленко «развернулся», добился славы, надои стали самые высокие не только в районе, но и в области, его доярки получили высокие правительственные награды, а сам председатель был награжден орденом Ленина. Кроме доярок появились кавалеры ордена Ленина среди механизаторов. Чем больше награжденных, тем больше славы руководителю хозяйства. Миркаленко упорно готовился самому получить звание Героя Труда, но сделал Героем только одну доярку Скрыпник Лидию Ивановну.

Как достигались высокие надои? Выделялась одна или несколько доярок, заслуживающие ласки «папаши» Миркаленко, и давались указания зав. фермой – сделать рекордсменов по надоях. На каждой молочно-товарной ферме имелись скрытые от учета группы дойных коров, плюс молоко от всех яловок – вот и ощутимые добавки в бидоны «рекордсменов». А не хватает, можно и воды долить. Никто из райкома и другого руководства не обращал внимания, что в колхозе им. Ленина самая низкая жирность молока. Надо было количество. Интересно получалось: молока много, а колхоз не справляется с планом за год по молоку (с учетом жирности), и одновременно колхоз передовой по молоку, доярки и руководство получают премии. Какой-то дурацкий ребус.

Как сделать передовых механизаторов, повысить урожайность? Пожалуйста. Для этого имеются скрытые от сводок площади засеянных полей, урожай из которых ссыпается в один ворох. Скрыть это можно легко, ибо пахотной земли в колхозе 14,5 тысяч гектаров. Пусть кто-нибудь попробует перемерить, проконтролировать. Да и кто этим будет заниматься, если все на верхах имеют в колхозе хорошую кормушку. Везде блат, круговая порука. Просапные обрабатывают женщины сапками, сапают за весну по 12-14 га, да еще по несколько раз, а показывают, что весь обработок сахарной свеклы, кукурузы, подсолнуха механизаторы производят с/х техникой без затрат ручного труда. Механизаторы и начальство получают

премии, награды, а женщины, которые на своем горбу вырастили урожай – фигу. Одни обогащаются, другие еле сводят концы с концами. Еще Миркаленко внедрил один способ обмана ради своего обогащения, обеспечения приближенных хорошим заработком, получения средств для благодарности тех, от которых зависела его слава.

В районный отдел сельского хозяйства подавались сводки на площади, отведенные под пар. Но фактически пара не было ни единого гектара. Все паровые площади засевались и скрывались в учете. Обычно засевали арбузами и подсолнухом. Арбузы продавали, и выручку можно без предела воровать. А урожай подсолнуха валить на кучу к урожаю плановому, который числится по сводках. Получается сумасшедшая урожайность, перевыполнение плановых заданий. Подсолнух оплачивается дорого, снова в колхоз куча денег, огромные премии начальству, кое-что перепадает и механизаторам, но только не женщинам, которые сапали. Самые большие премии получали председатель, разные заместители, парторг, главные специалисты и т.д. по рангам.

Можно дать и благодетелям – работникам райкома, обкома. Зарплата таких «хлеборобов» была намного больше любого академика, будь он хоть членом Академии Наук. Но этого Миркаленко было мало. Он решил прославиться на всю Украину. Стало модным строить животноводческие комплексы, фабрики мяса, молока. Наш председатель загорелся, связался с Киевом, где в верхах Республики в него было много связей, блата, друзей. Добился разрешения на строительство свинокомплекса на 36 тысяч свиней с перспективой на большее увеличение. Сколько в газетах было шума (от нашей районной до республиканских). На строительство приехало много студенческих отрядов. Государство выделило займ в несколько миллионов рублей. Отвели строительный участок в степи, недалеко от села. Завезли материалы, работа закипела. А сколько хвастовства. Какие условия выращивания свиней, какие условия работы операторов? Отопление помещений, чистота, кондиционный воздух, никакого запаха. Верили, как и всегда верили «чести, разуму и совести».

Но нужно отдать должное и полезному, что сделал Миркаленко в то время для села. При нем была построена и открыта (хотя маленькая) больница, в первом нашем селе, среди сел района была заасфальтирована центральная улица от одного до другого конца села (длиною примерно 10 км), построен Дом Культуры и контора, построенные мастерские и

автогаражи. Много Миркаленко еще сделал доброго, но и обижал многих. Но об этом я вспомню ниже.

Вернемся снова к школьным делам. Несмотря, что мы попали в новый для нас Петровский район, я очень скоро создал себе авторитет среди начальства районо, учителей района, меня ставили в пример, как лучшего завуча и учителя физики. Наша школа была одной из лучших на фоне тех недостатков в просвещении, которые наблюдались повсюду. Я почувствовал себя прочно стоявшим на ногах. Никто не вспоминал моего прошлого. Особенно после моей статьи, как завуча, о преподавании русской литературы в старших классах, опубликованной в Петровской районной газете, накануне августовской учительской конференции. Статью показали инспектору Кировоградского облоно Броницкому, и он с трибуны конференции вознес меня до небес. Было приятно и для начальства района, и для директора нашей школы Никоненко, да и я показал всем, на что способен.

Примечание издателя. Это старое и солидное помещение школы, красивой архитектуры, бывшее ремесленное училище, которое было построено еще при царе, было зачем-то взорвано по приказанию

председателя колхоза…Камни до сих пор валяются на месте бывшего строения..

В 1963 году - выборы в местные советы, и меня избирают депутатом Кировского сельского совета. Через 2 года в 1965 году снова выборы, и я снова депутат. Как будто все наладилось. Можно жить, в партию я не стремился, директором стать не пытался, должность завуча меня устраивала. Так было до 1965 года. И вдруг стало известно, что наш директор Никоненко себя скомпрометировал как директор, и как коммунист: он присваивал себе деньги, заработанные учениками на работах в колхозе, получал и зерно, что выдавалось за труд детей. Группа учителей написала коллективное письмо в Петровский райком партии о беззаконных, аморальных действиях директора. Тогда в нашей школе своей парторганизации не было, и несколько учителей – коммунистов стояли на учете в парторганизации колхоза. Из райкома письмо учителей было направлено парторгу колхоза им. Ленина и с предписанием: «Разобраться! Заслушать объяснение директора школы на закрытом партсобрании и принять соответствующее решение. Секретарь РК Кравченко».

Такого еще не было, чтобы какие-то беспартийные пытались «поднять руку» на коммуниста. Я об этом письме не знал, узнал значительно позже.

В начале февраля 1966 года закрытое партсобрание с единым вопросом повестки дня: персональное дело коммуниста Никоненко Н.А состоялось, но на нем все выступающие пытались как-то смягчить вину директора, облегчить партийное взыскание. В вину Никоненко ставилось не его жульничество, а то, что, как он допустил, коммунист, не сумел в школе всем зажать рты, чтобы подчиненные не могли даже пикнуть против директора. Председатель колхоза Миркаленко указал директору, как он мог допустить, что завуч Сердюк, бывший осужденный, вчерашний арестант, зэк, командует школой, а ты, тряпка, не коммунист, потерял всякий авторитет в педколлективе. Ну, раз так сказал «пахан», многие из «пресмыкающих» должны его поддержать, и полились ушаты помоев и грязи на завуча, который сном и духом не знает о письме, что в нем написано, и кто его авторы. Решение собрания было мягким: коммунисту Никоненко М.А. указать на допущенные «ошибки».

Конечно, что было на собрании, я не знал, как не знал о его проведении. Даже тех, кто писал письмо, не поставили в известность. Все делалось скрытно, надо было обелить провинившегося товарища.

Но коммунисты не все одинаковы. На второй день я уже знал почти все, что и кто говорили обо мне на собрании. Первым мне сказал об этом Приходько Николай Максимович. Я решил проверить и убедиться. В тот день встретил своего бывшего ученика Билого Анатолия Степановича, коммуниста, благодаря тракторной бригаде (это сын председателя с/совета 1941 г, который сказал моему отцу: - Я с изменниками не пью). Анатолий относился ко мне с уважением, и я спросил прямо:

- Толя, расскажи, как вы вчера на партсобрании стреляли по мне с кривого ружья? Он сразу не понял, потом, когда я разъяснил, начал вилять, отпираться и … раскрылся.

Теперь я узнал, что все, говорившие обо мне гадости, не наши земляки, а чужие приезжие в колхоз нарасхват должностей. Никто из них меня не знал, но, видать, кто-то из наших замолвил слово, «проявил бдительность».

Это меня обидело до глубины души. До самого вечера ходил, не находя места. Вечером «любезно» поговорили с директором в его кабинете, я вспомнил ему колхозный сад в 1941 году, откуда он тоже уходил на восток, но оказался не на фронте, а дома, а это расценивается, как дезертирство в военное время, что это все он скрыл в своей автобиографии, поступая в партию и т.д. Было что высказать. Он сильно испугался, считал, что обо всем этом я напишу в райком. Но я его успокоил, каждому в войну хотелось выжить, каждому хотелось жить, а он мальчишка еще, на 2 года моложе меня. Просто обида давила: за что надо мною так издеваются. Поздно вечером пришел до дому, не ужинал и начал писать письмо – рапорт Министру обороны СССР. В обширном изложении на 4 больших листа описал все, как я был арестован и судим, сколько долгих месяцев находился под следствием и т.д., что в моем деле нет ни единого документа, подтверждающего мою вину.

Очень скоро, дней через 10, я получил ответ: мое письмо (названное жалобой) направлено прокурору Киевского военного округа. Я удивился. Ведь меня «венчали» в контрразведке Одесского военного округа, но снова, через неделю, еще письмо: моя жалоба переслана прокурору Одесского военного округа. Все успокоилось. Работаем по-прежнему. Но жена директора, узнав, кто на мужа писал письмо, и, уверовав, что они остаются «при власти», начала угрожать учительницам – авторам письма. Сказала прямо: «Мы были и будем, а вам еще покажем». Учителя снова написали в райком, с просьбою защитить их от произвола со стороны жены директора. Директора возненавидел весь коллектив, ему был объявлен полный бойкот:

учителя приходили на работу, как обычно, но по всем вопросам обращались только ко мне, иногда в учительской шутили, смеялись, но только появлялся директор, все умолкали и выходили с помещения. Директор со мною разговаривает сквозь зубы, его жена вовсе не разговаривает. Они приревновали меня к коллективу.

И вдруг в апреле из районо приезжает зав. районо Степовый и председатель комитета партийного контроля Татарчук (тогда были такие комитеты при райкомах, позже преобразованы в народный контроль). Зав. районо мы знали, второй отрекомендовался:

- Я –Татарчук!

Слышали такого, им пугали вас, как нечистой силой. Татарчук сразу спросил:

- Кто здесь завуч?

- Я поднялся, он подошел, подал руку и предложил:

- Пойдемте в кабинет, - направился к двери с табличкой «Директор», но, увы… кабинет оказался на замке.

«Гость» психанул, начал кричать:

- Почему в рабочее время кабинет директора закрыт? Найдите немедленно директора!

Разыскали Никоненко. Татарчук устроил ему разнос при всех присутствующих, завел меня в кабинет (директора не пустил), вынул из папки письмо учителей и на бланке первого секретаря райкома предписание:

- Татарчуку! Степовому! Покончить, наконец, с безобразием в Кировской средней школе. Кравченко.

Ко мне:

- Прочитайте внимательно и где-нибудь уединитесь и напишите подробное объяснение.

Такие же объяснения он потребовал и от многих учителей. В письме учителей в райком была написана правда. Школу лихорадило.

Вызвав председателя МК профсоюза, Татарчук приказал после уроков первой смены созвать проф. собрание и обеспечить явку всех, до последней уборщицы и сторожа. Вторую смену отпустить домой. Вот какие права имел партконтроль.

Никоненко ходил ни жив – ни мертв, бледный, перепуган. На него приезжие не обращали внимания.

Я пошел домой (дом рядом) и написал подробное объяснение к прочитанному коллективному письму и об обстановке в школе. Написали и

другие. Никто не знал, что писал другой – все передавали в кабинет, где сидели приезжие начальники.

Точно в назначенное время собралось профсоюзное собрание. Такого сбора никогда не было, часто тех. персонал на собрании не присутствовал.

Собрание вел Степовой, но тон задавал Татарчук. Они ввели в курс дела всех о цели своего приезда, и началось обсуждение. Выступило человек 12, и все говорили о «деятельности» директора школы. Вскрылось такое, о котором я даже не мог предположить. Закопавшись в своих делах учебно-воспитательного процесса, я совершенно ничего не знал о хозяйственной деятельности директора, его финансовых махинациях, об использовании уборщиц для ремонта собственной квартиры, об отношении директора и его жены к отдельным товарищам. В конце собрания Татарчук обратился ко мне:

- А вы что скажете, зам. директора?

- Я не пытался защищать Никоненко, но предложил: до конца учебного года времени осталось мало, поэтому надо оставить Никоненко директором, пока кончатся занятия и экзамены.

Лучше бы я этого не говорил. Татарчук, как ужаленный вскочил и начал орать:

- Вы что? Его жалеете? Наверное, вместе с ним творили беззакония? И т.д.

Было ясно, что судьба Никоненко решена бесповоротно в райкоме, его уже сняли с директора там, выше.

Потом Татарчук обратился к директору:

- Вы что-нибудь скажете?

Никоненко помотал головою, не проронив ни одного слова. Вдруг с места подскакивает жена директора:

- Я, я сейчас расскажу все!!!

Она толковая, умная женщина, но здесь наговорила кучу глупостей, говорила, что здесь сговор, а приехавшие не способны докопаться до истины, все решили погубить честного человека, здесь надо чуть ли не Шерлока Холмса, чтобы мог разобраться. Оба приезжие ее не останавливали, и, когда она «выдохлась», Татарчук спокойно сказал:

- Вы, Вера Антоновна, очень эмоционально говорили, но лучше бы Вы не выступали.

Больше они нам ничего не сказали и уехали в Петрово. Через день в районо вызвали учителя химии Перевязко Федора Никифоровича - члена КПСС, и 3 дня мы не знали, где он, даже его жена Александра Викторовна

начала беспокоиться. Приехали они с инспектором районо Кульменко, который только зашел в учительскую, объявил всем:

- Вот ваш новый директор.

Так Перевязко стал директором, я остался завучем.

Перевязко человек добрый, но очень слабохарактерный, к тому еще слаб здоровьем. Когда его «сватали» на директора, он отказывался, ссылаясь на здоровье, но его пообещали подлечить, сразу повезли в Кировоградский облоно, там вручили путевку в санаторий и добились его согласия. Успокоили, в тебя, мол, есть Сердюк, который за двоих потянет. Я понял, что и при новом директоре тянуть воза мне предстоит одному.

Инспектор районо Кульменко мне сказал:

- Дайте бывшему директору ставку истории (18 часов), и пусть доработает до конца учебного года.

Так мы и сделали. Никоненко остался жить в школьной квартире, в Перевязко Ф.Н. был свой дом. Но новый директор жил немного дальше от школы, и там почтальон был другой, теперь школьную почту надо носить Перевязко, но мы договорились, что пока почту будут носить мне. Я получал почту вечером, пересматривал, а утром приносил в школу. Были не только газеты, журналы, но и письма, иногда для срочного исполнения. Поэтому все конверты я вскрывал и перечитывал.

Где-то в конце апреля прихожу со школы, жена говорит:

- Там на столе почта, какие-то письма.

Я начал пересматривать. На одном конверте штамп обратного адреса «УКГБ по Кировоградской обл.» Зову жену и спрашиваю:

- Знаешь, что в этом конверте? Здесь мной интересуются.

Никогда в школу не приходили письма из таких органов.

Вскрываю конверт и читаю:

«Директору Кировской средней школы
Долинского района Кировоградской обл.

Просим срочно выслать служебную характеристику на учителя вашей школы Сердюка Николая Павловича, 1922 г. рождения, жителя с. Кирово Долинского района Кировоградской области.

Начальник УКГБ по Кировоградской области

Майор Шаповал.»

На второй день утром я принес почту в школу и показал это письмо Перевязко. Попросил не задерживать отправку характеристики, где было написано «срочно».

Директор позвал председателя МК профсоюза Кичату Лидию Дмитриевну и поручил ей составить на меня характеристику. «Сочинили» такую характеристику, что хоть представляй к присвоению звания Героя Труда, что я все уроки веду на высоком идейном и научном уровне, прекрасно владею методикой преподавания, лучший учитель физики и лучший завуч в районе, депутат сельского совета с перечислением депутатских заслуг, лучший пропагандист и агитатор и т.д. и т.п. В конце подписи:

Директор Кировской СШ Перевязко

Председатель МК профсоюза Кичата

Гербовая печать школы.

В тот день характеристика была отправлена в Кировоград. Я понял, что в КГБ приступили к пересмотру моего судебного дела.

В то время председателем сельского совета была женщина, энергичная боевая баба Гопак Галина Макаровна. На вечер 5 мая созывалось заседание исполкома сельского совета по вопросу проведения празднования дна Победы 9 мая. Пригласили и меня, как депутата, чтобы я прочитал лекцию к дню Победы в клубе колхоза «Перемога» (тогда еще было два колхоза). Но в тот день с утра, где-то часов 10 за мною послали из сельсовета рассыльную, чтобы я срочно явился в сельсовет. Так получилось, что рассыльная пришла к нам домой, хата закрыта, пока пошла в школу, я пошел домой пообедать, и мы разошлись. Иду в школу, а рассыльная бежит и зовет:

- Где вы ходите, что я Вас никак не найду. Идите быстро в сельсовет, там приехал какой-то майор из Кировограда специально по вашему делу.

Прихожу, возле сельсовета прохаживается майор, плотный, среднего роста мужчина моих лет. Первый спрашивает:

- Вы Сердюк? – отрекомендовался,

- я начальник УКГБ по Кировоградской области майор Шаповал».

Зашел в сельсовет, майор обращается к секретарше:

- Где мы сможем с товарищем Сердюком уединиться, чтобы нам не мешали?

Нас поместили в зал для заседаний, ибо меньшей комнаты не нашлось. Только расположились, я вспомнил и к майору:

- Товарищ майор, у меня там позже свои уроки в школе, разрешите сходить сказать, чтобы заменили, ибо я могу у вас задержаться.

Майор:

- Зачем ходить? Вон телефон, позвоните.

Я позвонил директору, объяснил, что я задерживаюсь и договорился о замене. Майор вытащил с портфеля свои бумаги, разложил возле себя. Вот и мое судебное дело, на обложке вверху написано: «Сов. секретно. Хранить вечно», все избитое разными по форме штампами. Началась беседа – допрос, которая длилась пять с половиной часов с маленькими перерывами, когда мы выходили во двор. Оба курящие. Покурили все, что было в меня и в майора, вместе сходили в магазин за куревом. Он меня не отпускает одного ни на шаг.

Зачитал майор показания товарищей по плену, Хоральского и Шумейко, которых привозили в Одессу сразу после войны (тогда их показания мне не показали), и снова их же показания сейчас в апреле 1966 года (их снова разыскали и вызывали в Кировоград). Показания 1945 и 1966 года идентичны, ребята ничего на меня не наговорили, наоборот, подтвердили, что я подговаривал всех к побегу.

Освободив меня, майор начал допрашивать односельчан – земляков, которые хорошо знали меня во время оккупации – все они ожидали возле сельсовета, вызвал на допрос и мою сестру Шуру, потребовал от сельсовета справки о смерти отца и матери.

На улице уже темно, съехались на исполком, а зал занят, там майор КГБ работает с людьми. Миркаленко на исполкоме не было. Но явился парторг Фомуляев, спрашивает меня:

- Николай Павлович, что это за новая, чужая машина?

Я, такой измученный, голодный, обалдевший от курения, злой отвечаю:

- Это я вызвал из КГБ этого «бобика», там майор разбирается, как вы все плевали на меня в феврале на партсобрании, защищая негодяя Никоненко.

Парторг испугался, начал юлить, врать, что на собрании обо мне не говорилось и слова, а Никоненко наказан, снят с директора и т.д.

Все ждали, пока майор освободит зал. В конце он позвал меня и сказал:

- Николай Павлович, надеюсь, что все решится в вашу пользу. Ждите решения.

А на улице, когда прощались возле машины, пожаловался, что голодный, как волк. Я ему сказал, что организовал бы покушать, но этого нельзя пока. Он согласился, сказал, что возможно еще когда-нибудь вместе пообедаем в другой обстановке и в другое время. Больше майора Шаповала я не видел. Через лет 10 я узнал, что он умер.

Я зашел на заседание исполкома. Начали говорить по вопросу празднования дня Победы. Я заявил, что читать доклада в клубе не буду и прошу меня освободить от этого. Но председательша сказала:

- Да бросьте, Вы, Николай Павлович, расстраиваться. Какой-то негодяй в армии на Вас наговорил, и Вы пострадали. Успокойтесь, все будет в порядке. Мне майор все рассказал. Тогда время было такое.

Так меня уговорили, до доклада было еще 3 дня, и я согласился. Майор уехал, и все заглохло на многие месяцы. Уже на протяжении 10 лет, как началась Хрущевская «оттепель». Реабилитация незаконно осужденных началась с середины 50-х годов, теперь была середина 60-х. Мне надо было раньше писать в Москву. Об этом мне говорил и майор Шаповал.

Оканчивался учебный год. Никоненко и его жена работали, аккуратно ходили на уроки, ни с кем не разговаривали, молчали. Отбудут уроки и побыстрее домой. В мае новый директор Перевязко уехал в санаторий. Пришлось мне одному руководить школой, организовывать проведение экзаменов и начинать ремонт старых приспособленных под школу помещений.

Летом 1965 года в нас родился сын Олег. Разница между дочкой и сыном по возрасту была более 15 лет (так получилось). Когда мы с дочкой пошли забирать из роддома мать, идем втроем, Зоя несет на руках брата, то со стороны нельзя понять, которая родила. А в 1966 году жена пошла на работу, тогда не давали длинных послеродовых отпусков, да и жили не в роскоши, надо было работать. Ребенка устроили в детский садик. С 1961 года жена устроилась работать в школе лаборантом на два кабинета – физический и химический, и к тому еще по совместительству торговала в школьном буфете, где также были книги и канц.товары. Надо было подработать, ибо все деньги, что у нас были, ушли на ремонт хаты.

Начался новый учебный год. Семья Никоненко выехала в школу на пос. сахарного завода (там была их родина), устроились оба рядовыми учителями. Квартиру освободили. Я воспользовался моментом и за счет этой квартиры немного расширил себе физкабинет. В середине сентября школа готовилась к инвентаризации, должны приехать для этого бухгалтера из централизованной бухгалтерии районо. Мы с женою долго после занятий задержались в физкабинете, пришли домой поздно. Зоя забрала Олега из дет.ясель, накормила, помыла и уложила спать.

Приходим, а дочка докладывает, что была секретарь сельсовета и сказала, чтобы я в понедельник поехал в район в паспортный стол и получил

какую-то справку. Сразу не мог сообразить, а потом подумал, не решилось ли что-то по моему делу? Завтра была суббота, сельсовет работает. Решил завтра расспросить в секретарши.

Утром пришел в школу, организовал начало занятий и начал ожидать возле сельсовета секретаршу, которая приходила на 9 часов (в нас, в связи со второй сменой, занятия начинались с 8-и). Появилась Лидия Петровна, спросил, куда и зачем мне ехать. Объяснила, что из милиции звонил лейтенант Барбара – паспортист, он же и уполномоченный КГБ райотдела милиции, чтобы я приехал получил у него справку. Я спросил:

- Какую справку?

Она говорит:

- Он сказал, но я позабыла.

Спрашиваю:

- Не о реабилитации?

- Да, да, он так и сказал.

Реабилитация – слово новое, непривычное, поэтому секретарь не запомнила.

Все стало ясно. Меня реабилитировали. Мне стало жарко, кровь хлынула в голову, весь мокрый. Иду до школы, плачу, не могу сдержаться. Решил в учительскую не идти, там может кто-нибудь быть, не хотелось, чтобы меня увидели в таком состоянии. Пошел дальше к физкабинету, захожу - вижу, жена пишет в лабораторной, не обращает внимания, я подошел ближе к свету, она взглянула и в крик:

- Что с тобою? Ты заболел?

С трудом начал объяснять со слезами. Она тоже плачет. Сразу вспомнились все обиды, пережитые за 22 года. И за что? А ни за что. Просто жили в такой варварской системе.

Копии документов по реабилитации Сердюка Н. П.:

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ КИЕВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

27 августа 1966 г. № 86/0-66 г. Киев, Чкалова 55а

При ответе ссылайтесь на наш № и дату

СПРАВКА

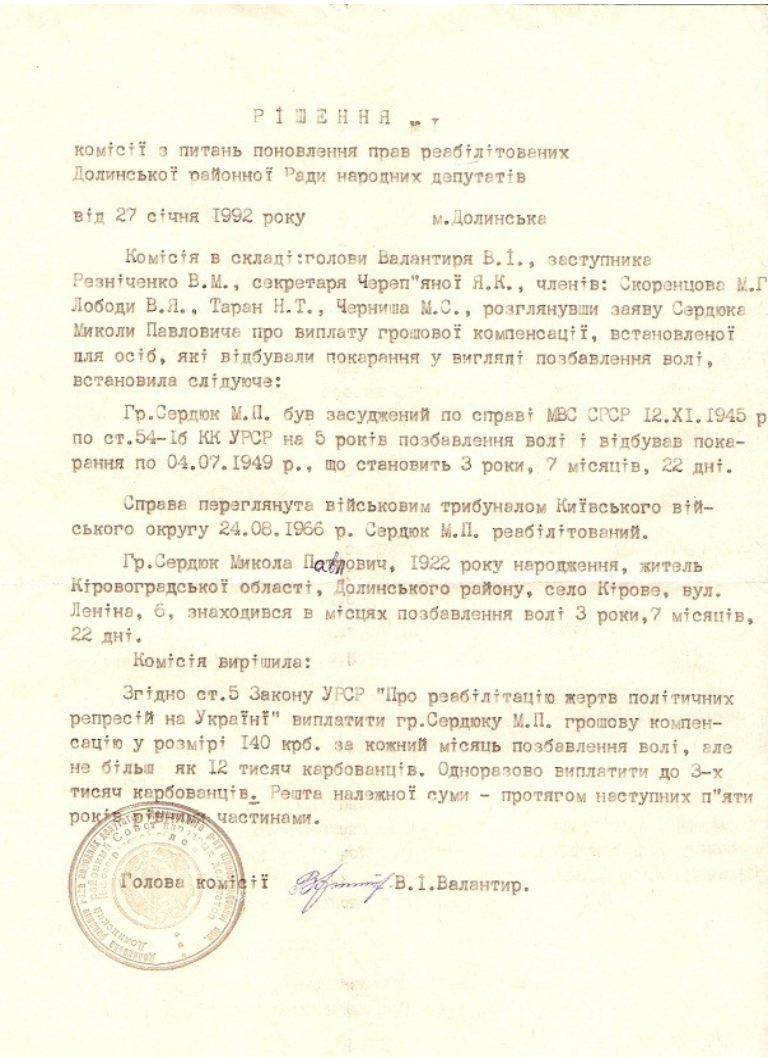
Дело по обвинению СЕРДЮКА Николая Павловича, 1922 года рождения, до ареста - 15 января 1945 года служившего в должности заместителя командира маршевой роты 64 отдельного полка резерва офицерского состава Одесского военного округа, имевшего воинское звание техник-интендант 2 ранга, пересмотрено военным трибуналом Киевского военного округа 24 августа 1966 года.

Постановление от 12 ноября 1945 года отменено и дело прекращено.

СЕРДЮК Н.П. реабилитирован.

ВРИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
К В О - ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

А. Бушуев. /А. БУШУЕВ/



РІШЕННЯ

комісії з питань поновлення прав реабілітованих
Долинської районної Ради народних депутатів

від 27 січня 1992 року м.Долинська

Комісія в складі:голови Валантиря В.І., заступника Резніченко В.М., секретаря Череп"яної Я.К., членів: Скоренцова М.Г Лободи В.Я., Таран Н.Т., Черниша М.С., розглянувши заяву Сердюка Миколи Павловича про виплату грошової компенсації, встановленої для осіб, які відбували покарання у вигляді позбавлення волі, встановила слідуюче:

Гр.Сердюк М.П. був засуджений по справі МВС СРСР 12.XI.1945 р по ст.54-1б КК УРСР на 5 років позбавлення волі і відбував покарання по 04.07.1949 р., що становить 3 роки, 7 місяців, 22 дні.

Справа переглянута військовим трибуналом Київського військового округу 24.08.1966 р. Сердюк М.П. реабілітований.

Гр.Сердюк Микола Павлович, 1922 року народження, житель Кіровоградської області, Долинського району, село Кірове, вул. Леніна, 6, знаходився в місцях позбавлення волі 3 роки,7 місяців, 22 дні.

Комісія вирішила:

Згідно ст.5 Закону УРСР "Про реабілітацію жертв політичних репресій на Україні" виплатити гр.Сердюку М.П. грошову компенсацію у розмірі 140 крб. за кожний місяць позбавлення волі, але не більш як 12 тисяч карбованців. Одноразово виплатити до 3-х тисяч карбованців. Решта належної суми - протягом наступних п"яти років рівними частинами.

Голова комісії В.І.Валантир.

Еле дождался понедельника, рано на автобусе и в район, прихожу в паспортный стол, зашел к Барбаре, он предложил сесть и сразу дал мне два листа, отпечатанные на машинке – это краткое содержание пересмотра моего дела, к ним приколота справка о реабилитации согласно решения трибунала Киевского военного округа и расписка о получении мной справки. Расписался в нескольких местах молча, Барбара, не мигая, следит за мной, потом подымается, протягивает руку и говорит:

- Поздравляю, товарищ Сердюк!

Руку я подал, но не выдержал и стал ругаться. Лейтенант заметил:

- Чего Вы возмущаетесь? Ведь радоваться надо!

Я не выдержал, сорвался на крик:

- Радоваться??? А более 20 лет физически и морально издеваться? Это радость? Переведена юность и вся молодость! Это же никто не возместит!

Постепенно он меня успокоил, начали разговаривать, объяснил, что теперь надо идти в райвоенкомат, и они скажут, что дальше нужно. При мне позвонил военкому и направил меня к нему. Военком и нач. II части меня подробно расспросили, я написал обширную объяснительную и уехал домой. До ноября меня не вызывали, а потом не давали покоя. Если бы сразу сказали, что им надо, а то по одной бумажке требуют, и привезти лично (по почте нельзя). Я, наверное, раз 10 был в райвоенкомате и 2 раза в Кировоградском облвоенкомате.

Разыскали мое личное дело, заведенное еще в 1944 году в штабе Одесского военного округа, оно где-то валялось, было совсем ветхое, рваное. По нему и с расспросов завели новое дело, потом потребовали кучу фотографий разного формата. Вся эта волокита затянулась до нового 1967 года, а с 1-го января снова административная перетряска, и наше село снова возвращается к Долинскому району. Документы всех военнообязанных пока в Петрово, а туда никто не ездит, одна телефонная связь.

По телефону меня требуют приехать получить новый военный билет, а чем ехать? Пешком не пойдешь, дороги закиданы снегом, а расстояние 30 км. Попросил в колхозе лошадь и маленькие саночки, рано выехал и за 3 часа езды еле преодолел расстояние 7 км до Баштино. Дальше дорога была расчищена бульдозерами, поехал быстрее. Явился в военкомат к обеду, поставил лошадь кормить, прикрыл ее, сам с капитаном пошел обедать. После обеда получил военный билет, попоил лошадь и поехал обратно. Домой лошадь шла быстрее, но день слишком короткий, и до Баштино стемнело. Последние 7 км ехал в темноте, лошадь заваливается в снег на брюхо, дергает, упряжка рвется. Часов к 11 вечера еле дотащился домой. Сдал лошадь в конюшню и пошел домой. Обнаружил, что потерял галоши с валенок и рукавицы.

Зато настроение приподнятое – в кармане новый офицерский военный билет, где указано все и в т.ч. и участие в Отечественной войне. Последний раз, когда меня вызывали в облвоенкомат, сообщили, что еще они меня вызовут для получения денежного пособия (или компенсации), как

демобилизованному после войны. В военном билете было записано, что я демобилизован с армии 4 июля 1949 года (это дата освобождения меня с мест заключения).

Частые вызовы и разъезды меня не только утомили, они вносили разлад в работу школы. Я часто отсутствовал на работе, не только, как завуч, но создалось отставание по программе своего предмета. Поэтому я спросил:

- А можно это денежное пособие переслать мне по почте, чтобы я больше не ехал в Кировоград?

Ответили:

- Пожалуйста, только пересылка за ваш счет.

Я согласился. Оставил в облвоенкомате свою заяву и вскорости получил денежный перевод. Уплатили мне 600 рублей. Это было ощутимое пособие к семейному бюджету – примерно 3-х месячная моя заработная плата учителя и завуча. Но не только это. К моему педагогическому стажу сразу добавилось 4,5 года, ибо время в заключении вошло, как время службы в армии, а это засчитывалось в трудовой стаж. Теперь у меня педстаж был свыше 20 лет – стала больше и моя ставка. Кроме этого я стал участником Великой Отечественной войны, пользоваться некоторыми льготами, начал получать юбилейные медали. Но самое главное – мое моральное возрождение, я чувствовал себя не притесненным своим прошлым, никто не имел права меня оскорбить, я мог себя защитить. Совершенно изменилось отношение ко мне со стороны тех, кто раньше смотрел на меня с пренебрежением.

Общественные нагрузки. Поощрения и награждения. Строительство новой школы.

После рождения сына, наша дочка еще два года была дома до окончания 10-го класса. Школу она окончила на отлично и без экзаменов поступила в Криворожский горнорудный техникум автоматики. Дочка за два года много помогла матери, пока немного подрос наш маленький Олег. Нам стало труднее: работа, хозяйство, огород, отправить и забрать сына с яслей. Занятия в школе проходили в старых помещениях, поэтому работали в две, а с вечерней школой – в три смены. К тому несколько дней в неделю были собрания, педсоветы, политзанятия, семинары, другие разные мероприятия, что сильно перегружало время учителя.

Преимущество учителя – 48 рабочих дней отпуска во время летних каникул, да и тогда покоя не было, отпуск многих прерывался – летом организовывались лагеря труда и отдыха, в которых работали учителя

поочередно. В основном дети обрабатывали в колхозе поля просапных культур.

У меня еще добавлялись общественные нагрузки, как депутата; был председателем культурно – просветительной комиссии сельсовета, председателем комиссии по делам несовершеннолетних. Были нагрузки и от районо: внештатный инспектор по проверке других школ, председатель секции учителей физики района и другие. Я стал одним из лучших учителей физики и лучшим завучем в районе. На каждой учительской конференции меня отмечали в докладе зав. районо с лучшей стороны, награждали грамотами, постоянно был на доске почета районо среди работников просвещения. В 1970 году к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина меня ввели в Книгу трудовой славы районного отдела народного образования навечно, а в 1972 году районо и райметодкабинет выпустили буклет – плакат «Сознательное обучение – залог знаний», в котором освещался опыт преподавания физики учителя Кировской СШ Н.П. Сердюка.

Фото – Сердюк М.П. с ученицами:

В конце 60-х годов началось строительство здания новой средней школы, которое тянулось почти 5 лет. Строительство, оборудование, приобретение наглядных пособий – все взял на себя местный колхоз им. Ленина, который был единым в селе. Колхоз начал выделять деньги на приобретение парт, инвентаря, оборудования для учебных кабинетов. Меня

командировали в Киев в Министерство просвещения УССР договориться обо всем, что нужно для нашей школы – новостройки, чтобы, что можно получить, было включено для нас в разнарядку через Кировоградский магазин наглядных пособий.

Еще школа не была окончена, завершались внутренние отделочные работы, а мы уже из Кировограда завозили парты, инвентарь, оборудование, технические средства обучения, наглядные пособия, и все складировали в старых помещениях школы, где еще шли занятия.

Открытие новой школы намечалось на 1 сентября 1972 года. Многие работы еще не были завершены, но нас торопили и заставили переходить в новую школу. Территория вокруг школы еще не была благоустроена, везде множество строительного мусора, в некоторых местах толщиной до 1 метра. Вручную все это убрать и вывезти невозможно, нужна техника, транспорт, а его в колхозе недостает. Директор школы часто болеет, старик – завхоз собирается уходить на пенсию, от него помощи мало. Все хлопоты свалились на меня. Акта о приемке школы я подписывать отказался, не подписал его и директор, к которому ездили в больницу. Все равно сделали, что хотели. Акт был подписан, нас впихнули в недостроенное здание, начальство получило премию, а для нас начались постоянные мучения. По проекту кровля должна быть шатровой, а ее сделали плоской, пьяницы – строители рубероид и смолу пропили, плохо закатали сверху перекрытия, пошли дожди, и потекло нам на головы. Зимой порвало трубы отопления, водоснабжения и канализации. Начался ремонт. А мы же еще и год не учимся в новой школе.

После реабилитации мне неоднократно предлагали поступить в партию. Я колебался, одно время чуть ли не дал согласия. Но… Воспоминания о всей мерзлости, которые творились над народом от имени партии, о тех гадостях и преступлениях, которые совершили многие коммунисты безнаказанно, какой моральный образ жизни вели, меня сдерживало. Если я стану коммунистом, мне придется делать подобное, тогда прощай честь, совесть, дави всех, кто не поддерживает идею. К этому, за время моей работы на должности завуча запомнились два случая, возмутившие меня против партии.

Первый: Работал я почти 10 лет завучем, и, вдруг, наш партком (по инициативе его первого секретаря Гидулянова Петра Леонтиевича) ввел новшества: перед началом каждого учебного года директоров и завучей школ надо обязательно утверждать на бюро райкома, что партия доверяет им руководить школой. Эта «процедура» происходила в августе во время

учительской конференции. На назначенное время мы являлись в райком, где заседало бюро, и по очереди руководители школ заходили на «ковер».

Подошла и наша очередь. Заходим вдвоем с директором школы Перевязко Ф.Н. Мне особенно интересно, я никогда не бывал на бюро райкома, которым всех коммунистов пугали, как чумой, да и вообще, я никогда не бывал в здании райкома. Столы составлены буквой Т, вокруг столов мягкие кресла. В креслах человек 10 членов бюро. Ведущий – второй секретарь райкома. Во всех припухшие, после ночной пьянки в ресторане морды: тот читает газету, тот тупо смотрит в брошюру, другой рисует «чертиков». Все здоровые, с красными рожами упитанные мужики. Боже, как им только скучно и безразлично здесь сидеть.

Метров за 5 от стола «вершителей» нашей судьбы – два жестких стула. Зашли, поздоровались, все в пол оборота посмотрели на нас. «Ведущий» сказал нам:

- Садитесь, товарищи!

И движением головы указал на жесткие стулья. Не знаю, как директору, он коммунист и, вероятно, бывал на таких унизительных играх, но мне стало не по себе. Стыдно, обидно, возмутительно. Взорвался бы с места, выбежал, хлопнул бы дверью, чтобы стекла в окнах посыпались. Но, нельзя. Надо держаться. Сели, ждем. «Судьи» между собой переговариваются, улыбаются, на нас никакого внимания.

Потом секретарь райкома обращается к директору:

- Товарищ Перевязко!

Тот подхватился, вытянулся по команде «смирно», глаза бегают, руки дрожат. Да еще худой, длинный (как Дон Кихот), жалко и смешно смотреть. Ему задавали какие-то вопросы (бессмысленные), не могу сейчас вспомнить. Посадили директора, а меня и не подымали. Сказали обоим:

- Идите, хлопцы, вы утверждены.

Второй случай:

Где-то в воинской части колхоз купил старую списанную автомашину, служившую в армии как санитарная. Отремонтировали, и она служила, как автобус, для перевозки пассажиров. Внутри кузова вокруг скамейки, только мало воздуха и света, но ехать можно, лучше, чем на бортовой машине, не страшно в непогоду. Чаще эта машина ездила в райцентр. Одного разу на этом «черном вороне» мы ехали в Долинскую: парторг колхоза Фомуляев Александр Петрович – в кабине, мы – пассажиры – в будке. Я ехал по школьным делам в районо, кое-кто в больницу, а одна учительница – на

семинар в Катериновскую восьмилетнюю школу, которая от Долинской за 5 км. Приехали в райцентр на стоянку. Я обратился к парторгу с просьбой, чтобы шофер на машине подбросил учительницу на семинар, а обратно она как-нибудь и пешком доберется в Долинскую.

Но парторг отказал, сказал, что машина ему нужна для решения колхозных дел. Договорились собираться на 15 часов в указанное место, чтобы ехать домой. Учительница 5 км пошла пешком. Парторг на машине уехал.

Каждый справился по своим делам, все собрались на стоянке, но машины не было и на 15, и на 16, и на 17 часов. Только около 18 часов она показалась со стороны въезда в Долинскую. Мы не обратили внимания – мало ли что, возможно она ездила домой, а теперь послали шофера за нами. Остановилась, с кабины вылазит пьяный парторг, а с будки выскакивают пьяные, как свиньи, человек пять разных мелких райкомовских работников и быстро разбежались.

В будке катаются пустые бутылки из-под водки и пива, обрывки бумаги, открытые банки консервы, недоеденная копченая рыба и, что самое возмутительное – большие куски белого свежего хлеба. «Партия» целый день пьянствовала где-то в посадке «на лоне природы». Все были возмущены, но каждый боялся высказать свое недовольство против «чести и совести». Только я не смог выдержать, сказал парторгу, что не мешало бы пригласить сюда прокурора, чтобы он увидел, чем в рабочее время занимается «партия» (машина стояла рядом с прокуратурой). Но парторг начал торопить ехать домой, и мы поехали. А что бы сделал прокурор? Он же тоже с одной «команды», я бы, наверняка, имел для себя очередные неприятности.

Все время, общаясь среди коммунистов, я часто наблюдал хамство и гнусность «направляющей и руководящей». Я твердо решил: чтобы сохранить человеческое достоинство, иметь авторитет среди людей, открыто смотреть в глаза своим землякам и товарищам по работе, я должен остаться беспартийным. Партбилет мне ни к чему. Я не карьерист, директором школы стать не собирался, то, чего я достиг, меня вполне устраивало, «доходное место» меня не интересовало.

В начале 1970 года наша дочка Зоя вышла замуж, а в ноябре родилась наша первая внучка Иринка. Наш зять простой парень, местный из нашего села, работал в Кривом Рогу, имел несколько рабочих специальностей, дочка после окончания техникума горнорудной автоматики работала на заводе технологом. Квартиры у них не было, нанимали частную комнату. Поэтому

мы вместе со сватами купили им пол хаты, старенькой полуразрушенной, сделали кое-какой ремонт, и они стали жить в своей квартире. Жили они в Кривом Рогу до 1975 года. Заработки были небольшие, молодой семье было нелегко становиться на ноги, квартира тесная, помогали им, чем могли и мы, и родители зятя.

В 1975 году дочка с зятем уехали по договору на Крайний Север в Магаданскую область, устроились на работу, получили квартиру, где и остались на долгие годы, к нам приезжали в отпуск раз через каждые три года.

Еще в 1972 году наш сын Олег пошел в первый класс (в тот год, когда занятия начались в новой школе).

А в 1974 году летом во время нашего отпуска мы втроем (я, жена и Олег) поехали в Севастополь в гости к моей двоюродной сестре Зое Григорьевне, которая организовала крещение нашего сына (до окончания 2-го класса он не был крещен). Сестра Зоя стала нашей кумой.

Конфронтация с партократией

Изгнание меня с зам. директора школы.

Прошел год нашей работы в новой школе. Весна 1973 года. Директор школы Ф.Н. Перевязко в больнице. Я один «командую» школой. В школе авария – разорвало трубы водопровода, в подвале и котельной вода. Бригада ремонтников, сняв пол в вестибюле, разрыла траншею, начали ремонт водопровода и канализации. Начались занятия после мартовских каникул. Дети через траншею перепрыгивают или ходят по трапу. Во дворе школы прикопан посадочный материал деревьев. Надо убирать строймусор, планировать и немедленно сажать деревья. Запомнился день (мой «день ангела») – день моего рождения 3 апреля. С раннего утра я мотался, организовывая технику для проведения работ по благоустройству школьной усадьбы: бульдозеры, трактора, автомашины. Надо было все спланировать, убрать строймусор, выкопать ямы для посадки деревьев, завезти чернозем и т.д., чтобы с завтрашнего дня поднять всех детей и учителей и быстро за один день завершить посадку. Этот день был беспокойный, хлопотный, напряженный. К тому еще рядом со школой случилось несчастье: колхозный тракторист переезжал плотину возле пруда, плотина земляная, после весеннего паводка размокла, под тяжестью трактора не выдержала, рухнула, и трактор вместе с водителем завалился высоко с плотины к воде. Тракторист погиб.

Узнала жена, прибежала, кричит, причитает над мертвым мужем. Дети со школы все бегут смотреть, не загонишь на занятия, а милиция долго не приезжала на место происшествия. Такой ненормальный выдался день.

И надо же, чтобы в этот день приехало к нам высокое партийное начальство. К председателю колхоза приехали первый секретарь райкома партии Гидулянов и секретарь Кировоградского обкома партии по идеологии Сиволан. Накануне председателю колхоза Миркаленко Н.В. за строительство школы и детских садиков вручили значок «Отличник народного образования УССР». Зашло начальство в кабинет Миркаленко, а он встречает их со значком в петлице, хвастает своими заслугами в деле строительства новых объектов для детей. Поздравили, а потом предложили:

- А ну, поехали, посмотрим, какую ты школу отгрохал.

Приехали. А что смотреть? … В школе беспорядок, идут ремонтные работы в здании, где дети проучились только полгода после начала занятий. Везде грязь, беспорядок. Дети ногами растащили мусор по всем коридорам и классным комнатам. Техники для наведения порядка возле здания и на усадьбе не дали, деревья не сажаются, земля пересыхает. Потребовали директора, а его нет, находится в больнице. Давай завуча. Разыскали меня. Прихожу. Возле школы стоят две «Волги» и приехавшее начальство с председателем колхоза. Возле них зам. директора по воспитательной работе Валентина Григорьевна Максимчук. Высшие партработники района и области набросились на меня, как будто я один виновен в школьных беспорядках. Я оказался виновен во всем: что трубы протекли, что деревья не сажаются, что в школе отсутствуют портреты Ленина и членов Политбюро, что нет наглядной агитации, что не оборудован исторический кабинет и пионерская комната и т.д.

Долго я держался, не возражал, не искал оправдания, но постепенно начал «заводиться», чего не любили партийные «боги». Я с первым секретарем райкома партии оказался немного в стороне от других, и между нами состоялся примерно такой диалог (на высоких тонах):

- Сколько у вас, завуч, детей в школе?

- 450 человек

- Как это так?? 450 детей, и вы до сих пор не могли посадить деревьев?? Ожидаете техники!! Да здесь каждый школьник по несколько лопат отбросит, и площадь будет ровная. Давайте поменяемся. Вы станьте на мое место, а я завучем. У меня через два дня здесь будет все посажено.

- Нет, не будет. Я не знаю, где вы жили, росли, кто ваши родители, а я вырос на земле. И сажать деревья в строймусор не буду. Угробить саженцы, и труд, лишь бы создать «показуху» для начальства я не согласен. Убрать вручную все стройотходы, укатанные и утрамбованные тяжелой техникой за 5 лет строительства и подальше отвезти строймусор от школы мы не сможем.

Наш громкий разговор с Гидуляновым привлек внимание стоявших в стороне. Я доказывал, убеждал, что нельзя так легкомысленно относиться к делу.

К нам подошли остальные. Ко мне обращается обкомовский секретарь Сиволап:

- Слушайте, завуч! Как это вы разговариваете? Вы же знаете, что это первый секретарь райкома?

Я срываюсь и кричу:

- Ну и что же, что он первый секретарь райкома? Что он нам, Господом Богом послан? Вы спросите, сколько он раз здесь был с начала строительства школы? Если бы сегодня вы его сюда не привезли, мы бы его так здесь и не видели!!!

… Гидулянов готов был здесь на площадке сквозь асфальт провалиться. Задрожал, покраснел, потом немного оправился и заискивающе к Сиволапу:

- Вы посмотрите на этого завуча! Как он одет? Он похож на колхозного бригадира 30-х годов! Какая на нем рубашка?

Действительно, я был грязный, ибо уже несколько дней занимался в школе только грязной работой, ездил на мотоцикле, самосвале, тракторах: искал технику, подвозил саженцы, которые прикапывали в траншею и поливали водой.

Вся «компания» сразу же, даже не простившись, сели в «Волги», хряпнули дверками и уехали.

Я понял, что моя карьера завуча кончилась.

Но работать надо. В тот день, к вечеру я встретился с председателем колхоза Миркаленко, договорился об обеспечении нас техникой, на второй день до школы подошли бульдозеры, погрузчики, самосвалы, и работа закипела.

А через день меня вызывают на совет районо по вопросу проверки школьных интернатов, которая проводилась еще зимою. Во время этой проверки перед комиссией «отчитывались» директор школы, организатор

внеклассной работы, воспитатели. Я к проверке никаких отношений не имел. Но, так как директор болел, на совет районо вызвали меня, организатора, воспитателей. Вызвали не на утро, а на 14 часов. Повез нас своими «Жигулями» муж В.Г. Максимчук. В райвно возле кабинета заведующего было много из школ района, инспекторы, методисты райвно. Повестка дня – итоги проверки школьных интернатов. За эти дни «конфликт» между мной и первым секретарем райкома стал известный во всем районе с разными извращениями и «подробностями», даже о том, что будто я подрался с Гидуляновым.

Захожу в приемную и вижу, как на меня многие смотрят «чертом», некоторые не здороваются, никто не подает руки, как это было всегда. Только один старый инспектор А.П. Криворучко подошел и обоими руками пожал мне руку. Другая инспекторша районо О.Л. Муращева, проходя мимо, заметила:

- Что ты там натворил? Не было меня. Я бы тебе дала в морду.

Я, шутя, возразил:

- Разве, Александра Лазаревна, моя морда – телеграфный столб, чтобы об нее каждая свинья чухалась?

– Она покраснела, сверкнула глазами и удалилась. Кто нас слышал, начали смеяться.

Здесь же, в приемной на стене, большой стенд – доска почета районо, на котором и мой портрет.

Я подхожу, указываю пальцем на свой портрет и громко, чтобы услышали все, говорю:

- Ну, Николай Павлович, уходи отсюда немедленно, здесь твоей морде не место. – Поднялся общий хохот.

Долго ожидаем. Наконец приглашают в кабинет всех из школ, где проверялись интернаты. Совет районо ведет заведующий Евсеев Иван Леонтиевич. Он указывает на обнаруженные недостатки при проверке, задает вопросы.

Вот подошла очередь и Кировской средней школы. Меня ничего не спрашивали, кое-что объясняли наши воспитатели, организатор внеклассной воспитательной работы В.Г. Максимчук. Потом зав. районо вручает мне выписку из решения совета районо. Читаю. В решении кратко указаны наши пробелы, недостатки, а в конце – «приговор»: «За все обнаруженные при проверке недостатки в интернате Кировской СШ строго указать зам. директора школы Сердюку Николаю Павловичу».

Вот так. Нашли «козла отпущения». Недостатки касаются хозяйственных вопросов, вопросов воспитательной работы. В школе есть завхоз, зам. директора по воспитательной работе Максимчук, а отвечать «крамольному» Сердюку. Зав. райвно спрашивает:

- Вам понятно, товарищ Сердюк?

Отвечаю:

- Понятно. Только зачем Вы нас 4-х человек отрывали от работы? Чтобы вручить нам этот «пасквиль»? Эту бумажку можно было переслать по почте, и мы бы в тот день ее получили, а драгоценное время работали. В школе работы полно, нужен каждый человек, а мы разъезжаем.

Евсеев смотрит на меня, качает головой:

- Вы, Сердюк, неисправимый. Я завтра приеду к вам в школу, разберусь, там и поговорим.

Совет районо окончился. Все вышли в приемную.

Проходя мимо нас, зав. районо спросил:

- На чем вы приехали?

– Узнав, что в нас есть свой транспорт, он сказал, чтобы мы задержались (я и Валентина Григорьевна), и он с нами поговорит сегодня. Вышли на улицу и ожидали его целых 2 часа. Наконец, секретарша районо нас позвала к заведующему. Время было к вечеру. В районо больше никого не было. Подходим к двери кабинета. Я, как «джентльмен», пропускаю «даму» вперед, но Евсеев замечает:

- Заходите по одному.

Так Валентина Григорьевна оказалась в кабинете первой, я остался ждать в приемной.

Где-то через полчаса Валентина вышла, какая-то растерянная, подавленная. Захожу я. Евсеев сидит за своим столом, предлагает мне:

- Садись!

Я ожидал, что сейчас между нами произойдет громкий разговор, он набросится на меня с руганью, а я тоже молчать не стану, и получится «веселый» разговор. Но Евсеев долго смотрит на меня, потом говорит:

- Николай Павлович, Николай Павлович, разве мне недостает хлопот за все школы района, что ты еще добавил мне неприятностей своим «поведением»? Значит так … На следующий год завучем ты не будешь, останешься учителем физики. До возвращения с больницы директора, его будет заменять Валентина Григорьевна, а ты ни в какие хозяйственные дела не вмешивайся, готовь школу до экзаменов, организовывай набор учеников в

9-й класс, занимайся только своими прямыми обязанностями завуча. А после окончания учебного года ты будешь уволен с должности завуча, согласно поданного заявления «по собственному желанию».

Я поблагодарил Евсееву, выразил удовлетворение таким решением. Работать мне завучем было интересно, но заменять вечно болеющего директора и завхоза, отвечать за все хозяйственные вопросы мне осточертело. По хорошему меня бы не освободили, и помог конфликт с «партией».

Было уже темно, когда мы уехали с Долинской. Валентина сразу «обеими руками ухватилась» руководить школой. По приказанию первого секретаря райкома, новой директорше упорно начали помогать райком, райисполком, райвно, колхоз. Нашлись деньги. Приехали художники, все обмеряли, и худ. мастерская взялась изготовить все необходимое для оборудования исторического кабинета, пионерской комнаты, наглядной агитации в коридорах, вестибюле, на улице школы. Закупили дорогие портреты вождей, членов Политбюро.

Директор школы после возвращения с больницы только числился директором до конца учебного года, школой руководила В. Г. Максимчук. Я пока числился завучем, выполнял свои обязанности. Но в районе все было уже решено. Я был согласен написать заявление уйти с должности завуча по собственному желанию, но меня никто не торопил. Закончился учебный год. Согласно графика я должен идти в отпуск, но не тут то было… При школе на время летних каникул организовывался лагерь труда и отдыха, и меня уже заочно «назначили» начальником лагеря. Так решил председатель колхоза Миркаленко.

О новом моем «назначении» мне сообщила Валентина. Я возмутился. Как так? Меня выгоняют, как негодного зам. директора, а для начальника лагеря я годен.

Валентина передала Миркаленко о моем несогласии. Тот, встретив меня на выпускном вечере, взял под руку, отвел в сторону и начал «обрабатывать», мол, он ко мне относится прекрасно, ценит меня, несмотря на конфликт мой с секретарем райкома и т.д. и т.п.

Я подумал, подумал и дал согласие. Зная, какой Миркаленко подлец, мстительный негодяй, по-другому мне поступить было тогда нельзя. Если бы я отказался, мне бы он никогда ничего не выписал (зерна, материалов, транспорт и т.д.). А в селе учителю без помощи колхоза прожить очень трудно.

В июне состоялись выборы в местные советы. Везде они проходили за «сценарием» сверху. Семья Максимчук – муж и жена стали обое «народными избранниками».

Николай Павлович Максимчук, работающий военруком, стал «мэром» села Кирово – председателем исполкома сельского совета, а его жена – директором школы и депутатом Долинского райсовета.

Теперь я понял, почему меня принудили стать начальником лагеря. На эту должность планировали физрука школы Реця Григория Наумовича, а того забрали на республиканские спорт-соревнования. Тогда решили назначить Максимчука Николая Павловича, а он стал «мэром» села. Рець и Максимчук оба коммунисты, оба ограничены интеллектуально и оба порядочные подлецы.

Вот почему обратились ко мне.

Лагерь труда и отдыха рассчитывали сделать круглосуточный. Надо было организовать спальни, питание, досуг. Собирали везде кровати, матрацы, постельное белье. С питанием было проще, все продукты по распоряжению председателя, какие были в кладовой, выписывал колхоз бесплатно. Готовили пищу работники кухни школьной столовой. Кормили детей очень хорошо.

Работали по 6 часов: 4 часа до обеда и 2 часа после.

Тогда в школах лагеря труда и отдыха были «модой». Их цель: приучать детей к труду, привлекать их к производительно – полезному труду, отвлекать от нарушения дисциплины и преступлений.

Результат: никакого. Дети работали без охоты, некачественно, производительность труда низкая, затраты на содержание таких лагерей превышали пользу для колхоза. Так было надо, так требовали «сверху». Дети, склонны к нарушениям, делали их вне лагеря. Некоторые убегали с лагеря, возвращались, приходили новые. Мы принимали всех желающих, даже ребят из города, гостивших у дедушек и бабушек во время каникул. Мы старались сохранить дисциплину и порядок в себя в лагере, что нам удавалось. Дети и родители были довольны. Довольно было и районное начальство, часто навещающее нас. Кроме работы на полях колхоза, надо было организовать отдых, чем занимались воспитатели. В ночное время по коридорах дежурили няни. Все это учителя, отозванные с отпуска. Я решил установить в вестибюле телевизор, но надо было телеантенну. Телеантенны были на складе в колхозе. Пошел в бухгалтерию выписывать, а мне говорят:

- Вы же для лагеря получили антенну.

- и показывают мне ордер, выписанный на мое имя, и стоит моя (поддельная) подпись в получении антенны.

Я по почерку узнал, расписался за меня новоиспеченный «мэр» села Максимчук. Он узнал, что нач. лагеря буду я, выписал на мое имя антенну (с кабелем), на складе все получил и забрал домой для себя. Когда я к нему обратился, он все отрицал, мол, это сделал кто-то другой. Я подладил старую антенну, и мы кое-как смотрели телевизор. Выписанную из колхоза антенну и кабель надо было возвращать, она года три числилась за мной, пока бухгалтерия колхоза ее не списала. Но я убедился в «совести» Максимчука.

Подходил новый учебный год. Состоялась августовская районная конференция учителей. В докладе заведующего районо нашу школу вспоминали мало, зато очень хвалили организацию лагеря труда и отдыха, и все заслуги в этом были приписаны новой директорше школы В.Г. Максимчук. Обо мне не было сказано ни единого слова.

После совета районо, весною, по вопросу проверки интернатов, буквально на второй день с доски почета убрали мой портрет. Партия начала против меня новые репрессивные меры. Иначе не могло быть. Секретарь райкома был тогда удельным князем, он решал судьбы всех людей в районе. Неугодных и строптивых выгоняли с работы, унижали, преследовали, наклеивали разные «ярлыки». Зато подхалимов, ползающих перед начальством (особенно партийным), жилось привольно. Эти бездарные, совсем посредственные личности умели жить: всегда заискивающе смотрели начальству в глаза, давали взятки, приглашали кого надо в ресторан, приглашали в гости, устраивали пьяные оргии на «лоне природы». Получали «доходные места», часто их, для отвода глаз «критиковали», но не наказывали, не выгоняли, держали десятилетиями, имея от них надежную «кормушку».

Если открытие конференции для меня проходило благополучно, то на мне «отыгрался» Гидулянов на заключительной части, где он выступил с речью.

В районном доме культуры присутствовало более 700 человек – все учителя и приглашенные. Я сидел в средине зала, по обе стороны возле меня – мои самые близкие друзья – единомышленники: Шевченко Владимир Антонович – учитель физики из школы сахарного завода и Дрига Николай Порфирьевич – учитель иностранного языка из Гуровской средней школы. Оба беспартийные.

Секретарь райкома говорил долго, вдохновенно идеологически напутствовал педагогов на новый учебный год и, наконец, начал «избиение» моей «персоны».

Как он только с трибуны не издевался надо мной. Поведал всему залу, что завуч Кировской средней школы Сердюк выдворил из школы В. И. Ленина, в школе нигде нет ни единого портрета вождя, нет портретов членов Политбюро, нет пионерской комнаты, никакой наглядной агитации. А районо сделало его передовым педагогом, лучшим завучем, пропагандировало его опыт среди учителей района, хлопотало, чтобы общесоюзный журнал «Физика в школе» опубликовал в рубрике «Лучшие учителя» опыт работы Сердюка.

Все присутствующие в зале оглядываются, ищут меня глазами. Я весь дрожу. А мои друзья сжали меня с обоих сторон плечами и шепчут:

- Крепись, дед, терпи, не срывайся, пусть трепится.

Спасибо им, без этой поддержки я мог бы броситься к трибуне, и неизвестно, чем бы кончилось. Наверняка я бы попал снова в тюрьму или в психушку.

Гидулянов не скупился для меня грязи и помоев, но не посмел вспомнить о моей судимости, хотя об этом хорошо знал. Это не было секретом, я многим рассказывал свою трагическую автобиографию, да и в личных делах районо и райвоенкомата было подробно все написано. Как мне стало известно позже, Гидулянов даже затребовал из райвоенкомата мое личное дело, но там обнаружил копию справки о моей реабилитации 7 лет назад. Он хотел меня, как судимого, «врага народов», лишить не только должности, а даже деквалифицировать, отобрать диплом и вообще выгнать с педработы навсегда. Этого он не смог. Спасла реабилитация.

Конференция закончилась. Сотни людей вышли из зала на улицу. Некоторые посматривают на меня пренебрежительно, другие с сочувствием, подбадривают глазами, улыбкой, подают знаки рукой, мол, держись, Николай Павлович, и не падай духом, мы тебя знаем и верим тебе.

К началу занятий оставалось несколько дней. В эти дни появился приказ зав. районо Евсеева, состоящий из двух параграфов:

- Освободить от занимаемой должности завуча Кировской средней школы Сердюка Николая Павловича, оставив его преподавателем физики этой школы, согласно поданого заявления.
- Назначить завучем Кировской средней школы учителя географии этой школы Карпец Лукию Сергеевну.

Никакого заявления я не подавал. Меня освободили по приказу (устному) первого секретаря райкома партии.

Мне дали уроки физики во всех классах (6 – 10-х), нагрузка была более полторы ставки, заработок ненамного уменьшился против предыдущего, когда я был завучем. Я попросил освободить меня от классного руководства. Так кончилась моя «карьера» завуча. Работал я завучем подряд 12 лет, с 1961 по 1973 год. Конечно, такую нагрузку преподавателя тянуть было нелегко, у меня не было на протяжении шести дней на неделю ни единого свободного дня и всего несколько «окон» в расписании уроков. Надо было еще заниматься оборудованием физического кабинета.

Последнее десятилетие работы в школе. Очередное «восхождение» на «пьедестал славы».

1973-74 учеб. год начался для меня работой рядовым учителем. В работе дни проходили быстро. В физическом кабинете я был сам себе хозяином, уроки физики в расписании стояли плотно, так что я редко опускался со второго этажа в учительскую. Не успел оглянуться, как окончился учебный год. Мой физ. кабинет стал одним из лучших в районе. В школе часто проходили разные семинары, меня новая дирекция не «обижала» открытыми уроками, часто посылали ко мне на уроки молодых учителей или тех, которые недостаточно владели методикой преподавания.

Моя жена работала лаборантом на два кабинета: физический и химический, демонстрировала все учебные кинофильмы в школе. Кинозала в школе не было, поэтому киноаппаратуру приходилось беспрерывно перетаскивать по классным комнатам.

Мы с женой готовили разные внеклассные мероприятия по физике, руководители и учителя других школ восхищались нашей работой, но директорша и районное начальство относились сдержано к нашему труду.

Вероятно, такие «указания» были от райкома партии. Несколько лет мое имя было полностью забыто, меня не вспоминали на районных конференциях и разных совещаниях.

На фото Сердюк Н. П. с женой и сыном:

До конфликта с Гидуляновым такого не было. Еще на январской конференции в 1973 году зав. районо Евсеев завуча Кировской школы ставил в пример всем руководителям школ, завучам и учителям, на секции директоров и завучей, он показывал всем мою книгу внутришкольного контроля, где я записывал свои выводы и предложения после посещения уроков и внешкольных мероприятий, и говорил примерно так:

- Смотрите и учитесь работать в Сердюка, после его выводов и предложений директору никакого приказа об уровне преподавания любого предмета писать не надо. В записях завуча Сердюка есть все.

А буквально через два с половиной месяца я был оплеван и изгнан из должности завуча. Человек не имел никаких прав, его судьба решалась партией. Было сначала обидно, но за работой скоро все позабылось, и я привык к новой своей роли. Большинство учителей в районе и товарищи по работе в школе относились ко мне прекрасно и доброжелательно, я по-прежнему был председателем секции учителей физики района, часто бывал на разных областных конференциях, совещаниях, семинарах.

Фото – люди в СССР:

Не изменилось ко мне отношение к худшему со стороны работников облоно, областного института усовершенствования квалификации учителей, где меня многие знали. Иногда, шутя, спрашивали:

- Расскажи, как ты там в районе попал в немилость начальства?

Я рассказывал, с юмором, о моей «стычке» с Гидуляновым, ребята смеялись, и все были на моей стороне, каждый понимал, что с любым могло случиться подобное.

Так как военрук школы Н.П. Максимчук стал «мэром» села, в школу прибыл новый военрук, пожилой майор в отставке Колбасов Иван Иванович, который приступил сразу же к оборудованию кабинета начальной военной подготовки, планировал строить возле школы стрелковый тир. В конце каждого учебного года райвоенкомат и районо организовывали полевые 5-10- дневные лагерные сборы юношей – учеников 9-х классов на базе средней школы сахарного завода за 12 км от Долинской (Молодежненская СШ), где была надлежащая база для сборов (просторные помещения, хорошая заводская столовая). Съезжались несколько сот ребят со всех школ района. Обеспечить надлежащий порядок, дисциплину такой массы подростков, смешанной «публики» «жигунов» с разных мест было не просто. Уже тогда на таких сборах изредка зарождалось то, что позже в Советской армии расцвело в «дедовщину». Ребята Долинской считали себя городскими и претендовали на «господство», а мальчишки поселка городского типа сахарного завода не хотели уступить, дескать, чем мы хуже?

Чаще стычки случались между ребятами из двух средних школ Долинской и средней школы сахзавода, но обижали и более скромных сельских мальчишек. Чтобы этого не допустить, военрукам всех школ во время лагерных сборов надо было держать дисциплину, всегда быть рядом с детьми, особенно в ночное время. Весною 1974 года майор Колбасов И.И. впервые повез наших 9-и-классников на сборы, где в конце сборов случилось ЧП.

Военруки «организовали» прощальный ужин с выпивкой, детей оставили без присмотра, произошли драки, в детей из сельских школ «городские» начали отнимать деньги, вещи, избивать их. Прекратить произвол было некому, военруки всю ночь «ужинали».

Дошло до того, что ребята нашей Кировской средней школы, никого не поставив в известность, самовольно оставили расположение лагеря и пешком (за 40 км) ушли домой. Так же поступили и мальчики других сельских школ. Об этом ЧП стало известно не только в районе, но и в области. Между военруком Колбасовым и директоршей школы Валентиной Максимчук отношения испортились, кончилось тем, что майор Колбасов рассчитался и ушел на пенсию. Ушел из школы и бывший директор школы Федор Никифорович Перевязко, а ряд учителей (Бабенко Галина Максимовна,

Яцечко Лидия Васильевна и др.) не выдержали самодурства новой директрисы, ушли на выслугу, не доработав до пенсии. Директорша имела цель – изгнать из школы всех старых педагогов, набрать молодых и добиться беспрекословного исполнения ее воли. Любила повторять:

- У меня требовательности не занимать.

В школу начали прибывать молодые учителя, выпускники пединститутов, среди них учитель физики Сеня Торбенко, химии Сергей Кулиш, молодые девушки. Торбенко и Кулиш наобещали директрисе создать в школе телестудию, киностудию, фотографию, радиовещание. Забрали у меня из физкабинета школьный радиоузел и начали создавать отдельный кабинет технических средств обучения. Дальше обещаний и заверений в молодых людей ничего не получилось, ничего не сделали, а проводить уроки физики и химии они совсем были не способны. Школа получила новый трактор, и Сеня Торбенко стал учителем производственного обучения. Я остался на физике один. Вероятно, директорша приняла в школу нового учителя физики, чтобы изжить меня. Но не получилось. Я знал много ее слабостей, и она меня не трогала, тем более я умел за себя постоять. Новый учитель химии, как преподаватель был непригодный, но имел большой гонор, на каждое замечание директорши реагировал грубо, вспыльчиво. Дошло до того, что он однажды на педсовете в присутствии всех учителей выразился по адресу директорши:

- Такой глупой женщины я еще никогда не видел,

чем довел ее до слез, истерики.

Через год Сергей Кулиш ушел из школы. А еще через год Сеня Торбенко ушел на работу в Органы КГБ в г. Кировоград.

Радиоузел и тех. средства потихоньку начали разворовывать, больше я их в свой кабинет не принимал.

После ухода майора Колбасова, военруком стал молодой парень Сергей Понубратенко, который учился заочно на факультете физвоспитания в Кировоградском пединституте.

В конце следующего учебного года подошло время полевых лагерных сборов для юношей 9-х классов. В нашей школе было два 9-х класса, в одном из которых я был классным руководителем. Молодой военрук уехал на учебную сессию в институт, и меня, как офицера в отставке, командировали на эти сборы, где я был назначен начштаба сборов.

Сборы в этом году длились 10 дней. Нам удалось наладить дисциплину и учебу начальной военной подготовки в полевых условиях на

таком высоком уровне, какого не наблюдалось в предшествующие годы. По всем видам разнообразных соревнований юноши 9-х классов нашей школы заняли призовые места. Мы привезли целую кучу грамот, дипломов и другие призы. Правда, я приехал домой уставшим, вымотанным. Приходилось все 10 дней почти не спать по ночам, чтобы держать строгую дисциплину в лагере (особенно после отбоя). Были попытки нарушений дисциплины, но удалось жестко пресекать. За эти дни ребята всех школ подружились, и в конце сборов не наблюдалось никаких внеуставных отношений.

Но дома в школе меня ожидал «сюрприз»:

Директорша, ни с кем не посоветовавшись, «изобрела» «новшество» - завела в школе журнал учета выхода всех педагогов и техперсонала на работу по, примерно, такой форме: ф.и.о., время явки на работу, роспись, время ухода с работы, роспись. Этот журнал находился в канцелярии под контролем деловода школы.

Вот я возвращаюсь с лагерных сборов, переутомлен до предела, но в хорошем настроении (все обошлось превосходно), а мне предлагают сделать записи в этот журнал за все 10 дней, когда я не был в школе.

Меня поразила глупость «инициатора». Я не выдержал и сделал «разнос». Смотрю в этот «журнал», а там все учителя покорно делают записи и ставят свои подписи, беспрекословно подчиняются самодурости директорши. Такие документы не предусмотрены никакими инструкциями Министерства просвещения и вообще нигде. Это же унижение человеческого достоинства. Никто к этому не додумался, и все, как бараны, подчинились диктату бабы – карьеристки. Даже самый пожилой секретарь парторганизации Левченко Федор Васильевич, последний год дорабатывающий до пенсии, и тот покорно исполняет «волю» начальницы. На шум выбежала из кабинета сама «инициаторша» - директор школы Валентина Максимчук и начала оправдываться, я, мол, вынуждена так поступить, что мне было делать, когда некоторые учителя бессовестные приходят, когда вздумают и уходят из школы через час-два, а то и вовсе не являются в школу, ведь сейчас школа работает не по расписанию, в школе экзамены.

Я ей пытался объяснить, что для нарушителей дисциплины в школе есть свой профсоюз, комсомольская организация, наконец, парторганизация, да и сам директор школы может наложить взыскание своим приказом по школе. Но Валя начала «закатывать истерику», проливать горькие слезы, жалуясь (неизвестно кому), что я ей мешаю налаживать в школе дисциплину.

В тот день ко мне в физкабинет подошел старик Левченко, которому нажаловалась директорша на меня, и настаивает сегодня создать профсоюзное и открытое партийное собрание, чтобы коллективом повлиять на мое поведение. Валя в это время уже была кандидатом в члены КПСС. Я же по прежнему еще был в «оппозиции» райкому. В нее все права и защита «мохнатой» руки Гидулянова, у меня – мнение и поддержка педагогов школы.

Беседуя со мною, Левченко сознался, что он тоже возмущен «стилем руководства» директорши, но он, как коммунист, всю жизнь очень осторожный и на открытую «атаку» не способен. Я дал согласие, от собрания уклоняться не буду. В тот же день состоялось собрание, и какой вопрос рассматривать, не было указано. Собрание открыл Левченко. Спрашивает директоршу:

- Что будем рассматривать?

- Пусть Н. П. Сердюк объяснит свое поведение и грубое отношение ко мне.

- Основание? Вы же письменного заявления не подавали.

- Я устно заявляю и настаиваю.

- Это не основание. Вы напишите и объясните, чего Вы хотите.

Писать заявление она отказалась, но я был заинтересован, чтобы собрание состоялось, иначе Валентина нажалуется на меня в районо, в райком, что я организовал коллектив к неповиновению директору, разлагаю в школе трудовую дисциплину. А на «верхах» сразу же «прореагируют» не в мою пользу, ибо всегда тот прав, в кого больше прав.

Надо было тут же, немедленно проучить зарывающуюся директоршу.

Я попросил слова, объяснил, что страхом, угрозами дисциплину в коллективе создавать нельзя. Люди будут не работать, а присутствовать на работе, отбывать требуемое время часов без абсолютно никакой производительности, даже делать будут на зло. Отметил «стиль» руководства нового директора, ее отношение к подчиненным, что она создает в школе обстановку, когда не хочется людям идти на работу. А им еще надо проводить уроки, учить детей, всегда быть веселым, жизнерадостным, не подавать вида, что в тебя на душе. Как артисту на сцене.

Своим выступлением на собрании я развязал языки людям, все стали смелее, подымались один за другим и высказывали свои обиды по адресу директорши, подхалимы (были и такие) молчали. Валентина сидела мрачная,

потом горько расплакалась, начала сквозь слезы «каяться» перед коллективом за свои «ошибки», пообещала «исправить свой характер».

Собрание так и не пришло до определенного решения (протокол вообще не писался), но оно было хорошим уроком, как для директорши, так и для подчиненных, люди поняли, что дружно можно постоять за свое достоинство.

«Журнал» регистрации выходов на работу навсегда исчез из канцелярии школы. Валентина к людям стала более приветлива, а вскорости меня избрали председателем местного комитета профсоюза школы.

На протяжении 4-х лет я постоянно в конце учебного года был «штатным» начальником штаба на полевых лагерных сборах девятиклассников.

Также все время я был председателем секции учителей физики района. Все эти многие «должности» были на общественных началах, платили мне только за мои уроки физики.

Года три обо мне ни словом не вспоминали на учительских конференциях, потом, сначала вскользь, а потом все чаще начали отмечать с положительной стороны, то как лучшего учителя физики, то как председателя МК профсоюза.

Где-то в средине 70-х годов в школах была введена аттестация учителей. Решение аттестационной комиссии производилось согласно ходатайства из школы за подписью директора, секретаря парторганизации, председателя МК профсоюза. Заключение могло быть:

1. Соответствует занимаемой должности.
2. Соответствует занимаемой должности, заслуживает на поощрение (награждение грамотой облоно и обкома профсоюза).
3. Соответствует занимаемой должности при условии выполнения указанных рекомендаций.

До ухода на пенсию я успел еще два раза пройти аттестацию, оба раза с поощрениями. Посыпались почетные грамоты:

1977 г. – грамота обкома профсоюза и облоно

1978 г. – грамота районо и райкома профсоюза

1979 г. – грамота Министерства просвещения УССР и Украинского республиканского комитета работников просвещения, высшей школы и научных учреждений

1979 г. – грамота районо и райкома профсоюзов

1981 г. – вручен нагрудный значок «Отличник народного просвещения УССР»

1982 г. – к моему 60-и-летию – грамота районо и райкома профсоюза.

На фотографиях Сердюк Н.П. вручает ученицам 10 класса аттестат:

А как я «устроился» на доску почета райкома партии, как «лучший пропагандист»? это похоже на забавный анекдот, и пусть мои записи доставят читающему немного юмора. Все учителя школы были распределены по производственным объектам в колхозе как агитаторы и пропагандисты проводить среди тружеников полей, ферм, среди механизаторов агитмассовую работу (беседы, лекции, чтение газет). Специально оформлялись путевки лекций. Особенно надо было это проводить во время «компаний» (посевная – весной, уборочная – летом и осенью, зимою – на фермах и среди механизаторов). За мной была закреплена постоянно тракторная бригада № 1. Я иногда приезжал на тракторный стан, проводил беседы, сообщал новости из периодической печати (редко кто из работающих в поле читали газеты или смотрели телепередачи).

Весна 1978 года. Идет сев кукурузы. Рано утром меня увидел мой кум и сосед Иван Мефодиевич Грищенко (умер в 1990 г.). Он шел на работу в поле и, убедившись, что мой мотоцикл на ходу, дал 5 руб и попросил где-то к

обеду купить и привезти им на поле бутылку водки. Я согласился. Это очень просто, рядом магазин, только открылся, я пошел и купил бутылку. В этот день было воскресенье, у меня выходной. Кукурузу сеяли возле тракторной бригады № 1, километров два от села. К 12 часам дня я возле сеяльщиков. Мой кум Грищенко и еще один механизатор расположились в лесополосе, пообедали, выпили пол литра водки. Я не пил, ибо мне надо садиться за руль. Завожу мотоцикл и собираюсь ехать домой.

И … вдруг вижу по проселочной дороге перпендикулярно моему направлению, мчаться штук 30-40 легковых автомашин и все заворачивают к нам. Мне не удалось уехать, мой мотоцикл оказался в их окружении. Оказывается, в этот день назначен районный семинар по изучению опыта сева кукурузы на базе нашего колхоза, и вот приехали с колхозов председатели, парторги, агрономы, работники райкома, райисполкома и пр. Выходят с машин, здороваются, а один из работников райкома хорошо мне знакомый Станислав Кушнир подошел ко мне, подал руку и спрашивает:

- А Вы, Николай Павлович, зачем здесь?

Что я должен был ответить? Что я привозил ребятам бутылку?...

Быстро нахожусь и отвечаю:

- Да приехал, хотел механизаторам прочитать лекцию, а они все заняты севом, разбросаны по полю, возле агрегатов и обедают.

Станислав посоветовал:

- А Вы проедьте на тракторный табор, возможно, там кое-кто на ремонте, соберете несколько человек и побеседуете.

На том и разошлись. Я побыстрее поехал домой. Вскорости обо всем этом я позабыл.

Но позже этот случай помог мне приобрести «почет и славу» не где-нибудь, а в стенах райкома партии.

Еще зимою все школы получили распоряжение районо: выделить лучших учителей на доску почета, которую организовывает райметодкабинет. На профсобрании нашей школы все единогласно предложили выделить меня. Надо было ехать в райцентр фотографироваться. Я долго не хотел ехать, помнилась обида, когда меня срывали с доски почета в 1973 году после конфликта с Гидуляновым. Но районо требовало от директора, а Валя «нажимала» на меня. Выбрал более свободный день и поехал в Долинскую. Пришел в фотоателье, а там в этот день фотографируют лучших пропагандистов – лекторов для доски почета райкома партии.

Я объяснил, что мои фотографии надо передать не в райком партии, а в отдел народного образования, это для доски почета меня, как учителя, а не пропагандиста.

Знакомый фотограф Иванцов пообещал сделать так, как его предупредил, но позабыл, и моя фотография оказалась в отделе пропаганды и агитации партии. Там ее увидел Станислав Кушнир и припомнил, как я приезжал «читать лекцию» на поле. Моя фотография попала на доску почета райкома, а мне выдали от райкома свидетельство установленного образца.

СВІДОЦТВО

Видане Сердюку М. П.

в тім, що постановою бюро Долинського районного комітету Компартії України від 20 квітня 1978 року

Вас занесено на районну Дошку пошани ідеологічних працівників за досягнуті успіхи в комуністичному вихованні трудящих.

СЕКРЕТАР ДОЛИНСЬКОГО РАЙКОМУ КОМПАРТІЇ УКРАЇНИ

"12" квітня 1978 року.

м. Долинська

Это свидетельство вручали не в райкоме, а передали директором школы, и она его «торжественно» вручила в школе на заседании педсовета. Так я, минуя доску почета районо, оказался на доске почета в отделе пропаганды и агитации райкома партии. Свидетельство подписал мой «старый друг» первый секретарь райкома Петр Леонтиевич Гидулянов. Директорша никак не могла понять, как это я, без ее «рекомендации», беспартийный, человек «низшей пробы», удостоился такой «чести». Да я и сам сразу не мог понять, как я туда попал. Только когда мне передали выступление на каком-то совещании в райкоме инструктора райкома Станислава Кушнира, в котором он говорил обо мне:

- Во время весенней посевной кампании мы побывали на полях многих колхозов и нигде не встретили агитаторов, и только в колхозе им. Ленина учитель Кировской средней школы Н.П. Сердюк в воскресенье, человек уже не молодой, не посчитался со временем и здоровьем, прибыл в поле к

механизаторам, чтобы прочитать им свежие газеты, провести интересную беседу.

В общем, вознес меня «до небес». Тогда я только понял, что «подтолкнула» меня к «славе» та вовремя привезенная поллитровка. Долго, до самой пенсии, я никому не рассказывал этой «забавной истории», просто было неудобно, да и не хотелось подвести порядочного по отношению ко мне человека Станислава Кушнира. Этот случай помог мне «выплыть» из грязи, куда меня бросил Гидулянов. Он же меня и «облизал».

Многие годы моя «морда» «красовалась» на стенде в райкоме.

На фото Сердюк М. П.:

А директорша восхваляла «порядочность» Гидулянова, какой он добрый человек, совсем не мстительный, увидел и по достоинству оценил мой труд пропагандиста. Только я знал, как это получилось и «доброту» партийного самовлюбленного, опьяневшего от власти негодяя. Да он просто подписывал чистые бланки, а прописывали мою фамилию и клеили фотографию в свидетельство о занесении меня на доску почета другие работники райкома.

Оба супруга: пред. исполкома Николай и его жена Валентина – директор школы, были карьеристы, ползающие перед начальством, оба коммунисты, всегда готовы к угодничеству, не считались ни с чьим мнением, готовы всегда выполнить волю высших «инстанций», тем более, если это был райком партии. Вечно дрожали перед старшими «по чину», старались при посещении школы начальством организовать богатые обеды с выпивкой, наполнить сумки продуктами, а то и отвезти взятку «кому надо» в район или даже в область.

Валентина была умнее и более способной, чем ее муж, более инициативной. За несколько лет сумела улучшить благоустройство территории вокруг школы, создать озеленение, деревонасаждение, но не жалела людей, их здоровья. Пусть холодно, слякоть, уборщицы должны делать по нескольку раз весной и осенью побелку известью стволов деревьев, штукатурить цоколь вокруг здания школы, делать покраску, побелку внешнюю и внутреннюю туалетов. Любила и умела «показать» школу внешним видом, а как происходит учебный процесс, никого не интересовало. Учителя часто менялись, приходили и уходили молодые, которые были слабо подготовленные, к работе относились безответственно. Дисциплина учеников падала, знаний не было, а директорша требовала показать высокий процент качества знаний. Приписывались высокие оценки успеваемости, часто срывались уроки, молодые учителя со слезами убегали с уроков, дорабатывали до конца учебного года и подавали заявление на увольнение, уезжали в другую школу.

За два года из школы ушло 18 учителей. Не привлекали новых педагогов и квартиры, был построен новый 8-квартирный дом для учителей, но он находится за 3 км от школы и без никаких коммунальных удобств (без водопровода, канализации и центрального отопления, отопление в каждой квартире печное). А самое главное – о школе далеко за пределами района пошла нехорошая слава, и хорошие учителя не соглашались идти к нам работать, не желали попадать под начало эгоистки – директорши, которая только требовала, но не умела научить работать начинающего учителя.

Директорше везде давали деньги, которые расходовались на наведение внешнего лоска. В школе была везде идеальная чистота (как в больнице), содержался большой штат уборщиц, которые после каждой перемены беспрерывно «драили» мокрыми тряпками все коридоры, ежедневно подметали двор перед фасадом школы.

«Хозяйка» школы не хотела понимать, что чисто не там, где убирают, а там, где не сорят. Детей не приучали к порядку, а «лоск» поддерживался трудом женщин – уборщиц за нищенскую плату 70 руб. за месяц.

Валя отказалась от школьных огородов, надеялась, что районо и колхоз бесплатно дадут все для питания детей. Я вспоминал, как было раньше, когда мы с Перевязко Ф.Н. командовали школой. У нас на нескольких огородных участках выращивалось достаточно на весь год картошки, овощей, фасоли. Все выращивалось и убиралось учениками и расходовалось на их питание. Как это так, что в школе более 400 учеников, а надо просить деньги в государства для закупки картошки и овощей?

У нас школа жила трудом, а стала иждивенцем.

Зато внутри стала похожа на церковь: все коридоры, вестибюли, кл. комнаты завешаны стендами, призывами, плакатами, картинками, на которые никто никогда не смотрит и не читает. Это показуха для всех приезжающих «гостей» и проверяющих.

По этому ценится работа школы и ее дирекции в первую очередь. Не по дням, а по часам подымалась на вершину славы наша директриса. Быстро стала лучшим директором не только в районе, но и в области, депутат районного совета, член бюро райкома партии.

Молодая симпатичная 30-летняя женщина для начальства была «украшением» всяких президиумов на разных совещаниях. Понравилась она и заведующему Кировоградского облоно Дмитрию Ефимовичу Стельмукову, он часто ее вызывал в область на разные совещания, щедро выделял деньги из бюджета облоно для нашей школы, свой кабинет Валя обставила новейшей модной мебелью, появились «стенки» в некоторых учебных кабинетах, купила лингафонный кабинет для изучения англ. языка – все то, что должно для приезжающих начальников броситься в глаза.

Не позабыла она и про себя. Еще до ее выдвижения на пост директора, в школу был завезен сборный дом для строительства при школе учительской квартиры, но Валя его присвоила, и Максимчуки построили дом лично себе. Стоимость всех материалов и транспортные расходы для их перевозки из Долинской оплатил районо. Надо, чтобы дом был школьный, но он стал собственностью «привилегированной» семьи Максимчуков. Только лет через пять эту «комбинацию» из строительства дома разоблачил бывший военрук майор И. И. Колбасов и добился через прокуратуру, чтобы Валя уплатила стоимость (конечно, не полную) уворованного дома. Пришлось Максимчукам брать кредит в банке и несколько лет подряд возвращать долг.

Конечно, «обида» на Колбасова осталась у нашей директорши навсегда, до самой его смерти.

В районе против молодой директорши зародилось недовольство и ненависть со стороны других директоров (особенно женщин). Среди них были толковые руководители школ и педагоги, работали даже лучше, но они оставались в тени, их полностью затенила «звезда», наша молодая Валя Максимчук. Другие против нее были «старухами», потеряли интерес, а это же для женщин ох, как обидно.

Представьте себе: за один год нашу Валю наградили орденом «Знак Почета», значком «Отличник народного образования УССР», она – делегат всесоюзного съезда учителей в Москве – и все это на протяжении одного года. Всем ясно, что здесь такая слава добыта нечестно.

Узнали, что зав. облоно Стельмухов приглашал часто Валю на застолье в Кировоградский ресторан, где в ночное время собиралась областная «элита». Для нее в гостинице «Киев» заказывался отдельный номер. Правда это или нет, судить не буду, но что она иногда бывала на таких «оргиях» вместе с мужем – правда. Об этом мне говорил сам Максимчук, как во время пьянки в ресторане в кругу областного начальства какой-то «хмырь» приревновал к нему свою жену, и они чуть ли не подрались. Представляю, что там было. Максимчук и трезвый не блистал умом, а дорвался да «корыта» - глотал без ограничения и ясно, что мог наделать глупостей, хотя он по своей природе – трус, не напрасно ученики с самого начала его работы в школе дали ему имя «Заяц». Но водка и зайца делает храбрым. Как не скрывали от окружающих своих отношений муж и жена, но стали заметны их семейные неполадки, Валя стала нервная, возмещала зло на подчиненных, а ее муж стал систематически пить, да и окружала «мэра» села партократовская компания пьяниц. Это был период брежневщины, позже в период «царствования» Горбачева, назван периодом застоя. Вся страна 20 лет подряд была пьяная. Пили все: от ЦК партии до последнего сторожа и дворника. Среди высших эшелонов власти процветала коррупция, взяточничество, пьянка. Тоже самое в областях и районах.

Страну разворовывали и пропивали. Деградировалась человеческая мораль, разложилась дисциплина, отношение к труду. На этой всей гадости воспитывалась молодежь, она не хотела работать, учиться, служить в армии. Росли иждивенцы. Славили КПСС, товарища Брежнева, ЦК партии, ее Политбюро. В Кремле ежедневно встречи и проводы иностранных делегаций, гостей, и на их честь богатые обеды с выпивкой. Слава советской

«Столичной» догнала славу партии. Хотя и в небольшом ассортименте, но пока были продукты, дешевые и достаточно, кое-как перебивались с «тряпками». А что нашему народу надо? Выпить есть, брюхо полно – и счастлив. Он так настрадался, наголодался, что чувствовал себя счастливым.

Умер Брежнев. На партийном олимпе появился Андропов. Он увидел, что творится в стране и со страной. Незамедлительно и строго начал наводить порядок, взялся за дисциплину и партократию. Появились громкие узбекские, краснодарские дела о коррупции, люди услышали имена знаменитых следователей по особо важным делам Верховного Суда СССР Гдляна и Иванова. Банды партийных преступников перепугались: одни притаились, другие «по болезни» пошли в отставку и ушли на персональные пенсии, а были и такие, что кончали жизнь самоубийством. Люди воспрянули духом. Наконец появился человек, который сумеет прекратить произвол в стране.

По своей природе коммунисты трусливы. Они храбро и нагло могут издеваться над простым бесправным народом. Страх перед скорой расправой за преступления прокатился от Москвы до самых до окраин. Надо было как-то спасаться. Много помогала круговая порука, предупреждения друг друга об опасности.

Кто-то из Киева предупредил и председателя нашего колхоза Николая Владимировича Миркаленко. Уходи, друг, чтобы спасти душу, награбленного тебе хватит до конца дней твоих, еще детям и внукам останется.

Незамедлительно Миркаленко «заболел». Начал ездить по больницам, искать связи, чтобы «купить» медицину, через комиссию ВТЭК получить инвалидность и уйти на пенсию, хотя ему далеко не было 60 лет. Возможно, в него и было что-то со здоровьем (сказывались пьянки в молодости), он последнее время не пил (или показывал вид непьющего), но внешне выглядел здоровым, как бык. В областной больнице врачи не обнаружили никакой болезни, тогда по указанию ближайшего друга – первого секретаря райкома партии Гидулянова глав. врач районной больницы «спрятал» Миркаленко у себя. Ему оборудовали отдельную палату, поставили в палате мягкую мебель, цветной телевизор, холодильник, и он долгие месяцы там жил один «монахом - затворником». Позже Миркаленко все же стал инвалидом, получил персональную пенсию и больше председателем не был. Как он боялся, чтобы после него не стал председателем колхоза кто-то из чужих, который мог скрыть расхищение миллионов (за время «царствования»

Миркаленко долг перед государством составлял 12,5 млн. рублей). Он настоял, чтобы после него колхоз возглавил «свой», и им стал бывший гл. агроном колхоза, «заслуженный» агроном республики, алкоголик Евгений Артемович Слипченко.

На это время Слипченко был председателем колхоза в другом селе района, но Миркаленко настоял, и райком возвратил нам этого «кадра». За несколько лет колхоз совсем «зачах». К старым долгам добавлялись новые. Слипченко систематически пил. Подобрал себе личного шофера – здоровенного парня, и тот почти ежедневно привозил его до дому и на руках заносил в квартиру пьяного и беспомощного, как ребенка.

Такой «хозяин» держался благодаря покровительству Миркаленко, который, получив персональную пенсию, продолжал жить в селе, тянул время, чтобы не допустить, не дай Бог, раскрытию его преступной деятельности на протяжении многолетнего руководства огромным хозяйством. Одновременно Миркаленко через друзей и приятелей, которым он много делал одолжений, оформлял кооперативную квартиру в Киеве. И только Миркаленко уехал в Киев, как Слипченко райком снял из председателя (к вопросу назначения и увольнения кадров колхозники были не причастны, а их общее собрание - фикция). Привезли нового «кота в мешке» из Знаменки Шатного Александра Яковлевича, и общее собрание «избрало» его председателем. Раньше он был директором совхоза, откуда его за финансовые махинации убрали, он в Знаменском районе «руководил» лесонасаждением, но в области друзья вспомнили «способного руководителя», награжденного двумя орденами Ленина, следовательно, еще и заслуженного, поэтому, почему не дать товарищу перед пенсией несколько лет еще пограбить там, где его никто не знал.

ПОСВІДКА
про обрання депутатом

На підставі протоколу голосування Окружної виборчої комісії Кіровського найменування виборчого округу виборчого округу № 27 і статей 112 і 113 „Положення про вибори до обласних, районних, міських, сільських і селищних Рад депутатів трудящих Української РСР" Окружна виборча комісія по виборах до Кіровської найменування Ради, сільської що обирається Ради депутатів трудящих свідчить, що

товариш Сердюк прізвище,
Микола ім'я,
Павлович по батькові
обраний 3 березня 1963 року число, місяць виборів
депутатом Кіровської найменування Ради,
сільської Ради депутатів що обирається
трудящих Петрівського району, Кіровоградської області Української РСР
від Кіровського найменування виборчого округу
виборчого округу № 27

Голова Окружної виборчої комісії

м. п.

Секретар Окружної виборчої комісії

„ 5 " березня 1963 року число, місяць видачі посвідки

ПОСВІДКА
про обрання депутатом

На підставі протоколу голосування Окружної виборчої комісії Кіровського найменування виборчого округу виборчого округу № 24 і статей 112 і 113 „Положення про вибори до обласних, районних, міських, сільських і селищних Рад депутатів трудящих Української РСР" Окружна виборча комісія по виборах до Кіровської найменування Ради, сільської що обирається Ради депутатів трудящих свідчить, що

товариш Сердюк прізвище,
Микола ім'я,
Павлович по батькові
обраний 14 березня 1965 року число, місяць виборів
депутатом Кіровської найменування Ради,
сільської Ради депутатів що обирається
трудящих Петрівського району, Кіровоградської області Української РСР
від Кіровського найменування виборчого округу
виборчого округу № 24

Голова Окружної виборчої комісії

м. п.

Секретар Окружної виборчої комісії

„ 15 " березня 1965 року число, місяць видачі посвідки

Послесловие издателя

Фотография – Сердюк Николай Павлович с Марией Григорьевной Тарасенко (Сердюк), 1998-9 год:

Умер Николай Павлович на 77-м году жизни 25.12.1999 г., 6 дней не дожив до нового тысячелетия.

Награды Сердюка Николая Павловича

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
Г № 531284
Сердюк
Николай
Павлович
ЗА ХРАБРОСТЬ, СТОЙКОСТЬ И МУЖЕСТВО,
ПРОЯВЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ,
И В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 40-ЛЕТИЯ
ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 ГОДОВ
Указом ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 11 марта 1985 г.
НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
II степени
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
№ ордена 3657734

За нашу Советскую Родину

СССР

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

СЕВАСТОПОЛЯ

Сердюк

Николай Павлович

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 22 декабря 1942 г. награжден медалью

«ЗА ОБОРОНУ СЕВАСТОПОЛЯ»

★

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль «За оборону Севастополя» вручена „9" апреля 1975 г.

К № 008917

Председатель Севастопольского горисполкома

И.И. Кириленко

(должность, военное звание и подпись лица, вручившего медаль)

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За участие в Великой Отечественной войне

Лейтенант-офицер
Сердюк
Николай Павлович

указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года награжден медалью

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена

„ 9 “ мая 1967 г.

Долинский райвоенком
(должность, военное звание и подпись лица, вручившего медаль)

М. П.

„ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Лейтенант
Сердюк
Николай Павлович

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР

от 7 мая 1965 года

награжден юбилейной медалью

„ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена

5 марта 69 г.

Долинский Райвоенком

М. П.

(должность, военное звание и подпись лица, вручившего медаль)

„50 лет ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Лейтенант
Сердюк
Николай Павлович

в соответствии с Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 26 ДЕКАБРЯ 1967 ГОДА НАГРАЖДЕН ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ

„50 ЛЕТ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР“

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль вручена

5 марта 19 69 года.

Должность, воинское звание и подпись лица, вручившего медаль)

М. П.

„ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

УЧАСТНИКУ ВОЙНЫ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Лейтенант
Сердюк
Николай Павлович

в соответствии с Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 25 апреля 1975 года НАГРАЖДЕН ЮБИЛЕЙНОЙ МЕДАЛЬЮ

„ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль вручена

3 мая 19 76 года

(должность и подпись лица, вручившего медаль)

М. П.

„70 лет ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сердюк
Николай
Павлович

в соответствии с Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 28 января 1988 года награжден юбилейной медалью

„70 лет ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР“

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР медаль вручена

„8“ июня 1988 года

Долинский Хайванком

(должность, воинское звание и

М. П. Хрестоев

подпись лица, вручившего медаль)

МЕДАЛЬ ЖУКОВА

Сердюк
Микола
Павлович

НАГОРОДЖЕНИЙ (А) МЕДАЛЛЮ ЖУКОВА

Президент України

Указ від 18 березня 1998 року

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Сердюк,
Николай
Павлович

за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома Петровградского областного Совета народных депутатов от 25 июня 1982 г. награжден медалью

„ВЕТЕРАН ТРУДА"

Секретарь исполкома

25 июня 1982 г.

Встреча с однополчанином в г. Севастополе:

Другие фото и документы:

Встреча однополчан-минометчиков
675 отд. минбатальона 388 стр. дивизии
в городе-герое Севастополе через 42 года
на празднования 40 летия освобождения
Севастополя от немец.-фашистских
захватчиков 9 мая 1984 года
(Сердюк Николай Павлович
Ворт Григорий Евдокимович)

Детям и внукам на память! Пусть никогда не
будет повторения того, что перенесли мы
Ваш папа и дед Н Сердюк

с. Кірово

Долинський РВК

ПОВІДОМЛЕННЯ
Долинського районного військового комісара

Указом Президента України №288/2001р. від 27.04.2001 року «Про присвоєння військових звань учасникам бойових дій та інвалідам Великої Вітчизняної війни 1941-1945р.р», враховуючи визначні заслуги учасників бойових дій та інвалідів Великої Вітчизняної війни перед Батьківщиною,мужність і героїзм виявлені при захисті Вітчизни,з нагоди 56 річниці Перемоги у Великій Вітчизняній війні та 10 річниці незалежності України,

ПРИСВОЇТИ чергові військові звання:

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ у відставці

Л-ту СЕРДЮКУ Миколі Павловичу

ДОЛИНСЬКИЙ РАЙВІЙСЬККОМ
ПІДПОЛКОВНИК М.В.КУРЯТЕНКО

Праздник победы в Кировской СШ:

Выпуск 1982 года Кировской СШ:

Статьи Сердюк Н. П.

4 стор. ШЛЯХОМ ІЛЛІЧА

До 40-річчя Великої Перемоги 30 серпня 1984 р

НАКАЗ: ВЗЯТИ „ЯЗИКА“

Запеклими були бої за звільнення Молдавії від німецько-фашистських окупантів та їх сателітів. Багато радянських воїнів загинуло за свободу республіки. Серед них майже сто наших односельців. Про один з бойових епізодів згадує голова ради ветеранів Великої Вітчизняної війни при Кіровській сільраді, активіст музею Микола Павлович Сердюк.

«Наші війська на Дністрі перейшли в оборону, яка тривала до серпня. 5-му окремому штурмовому батальйону, в якому я на той час служив, було поставлено завдання будь-що утримати Кіцманський плацдарм. Разом зі мною у відділенні автоматників воювали кіровчани Степан Григорович Шевчук, Григорій Канидійович Довгаль, Юхим Ксенофонтович Вітряк, Михайло Аврамович Білий.

20 липня 1944 року в самому лігві Гітлера стався замах на біснуватого фюрера. Командування 3-го Українського фронту хотіло виявити, чи знають про цей факт німецькі солдати і офіцери. Крім того, треба було уточнити, які зміни відбулися в німецькій обороні. Настала «жарка» пора для розвідників, треба було захопити «язика» на різних ділянках фронту.

Надзвичайно важко було зробити це розвідникам нашого батальйону на плацдармі, де кожний квадратний метр підступів до німецьких траншей був густо засіяний мінами, а дротяне загородження обладнане сигналізацією. Неодноразові спроби наших розвідників закінчувалися невдачами.

Незабаром в розвідку для поповнення стали набирати добровольців. Згодився стати розвідником і я. За кілька днів ми чотири рази ходили і рано-вранці, і вночі, але підійти непомітно до гітлерівців не вдавалося. Тоді вирішили йти вдень, годині о 16-й. Місце вибрали на самому краєчку правого флангу плацдарму.

На виконання завдання вийшло 9 розвідників. Між кущами і поодинокими деревами, пригинаючись, ми пройшли з півкілометра вздовж крутого берега Дністра і тут виявили добре втоптану стежку, якою фашисти ходили по воду. По цій стежці ми піднялися вгору, вивела вона нас прямо на ворожий бліндаж, напроти якого було вирізано прохід в дротяній загорожі. Це значно полегшило нам захопити німців зненацька.

Лежимо шеренгою на бруствері. Крайній зліва Анатолій Томас — старший групи захвату, праворуч я — старший групи прикриття, або, як говорять в розвідці, блокуючої групи. Всі з автоматами напоготові, в кожного по чотири гранати, в старших груп ракетниці і по дві зелені ракети, щоб при скрутному становищі викликати артвогонь на себе.

Прислухаємось. За кілька метрів чути розмову німців, гупання чобіт по траншеї, вигуки. Ми переглянулися і дружно схопилися на ноги. Бачимо, біля бліндажа величезний котлован, в якому чоловік 15 ворожих солдат читали газети, листи: їм щойно принесли пошту, і вони так захопилися, що не почули, коли ми з'явилися перед ними. Зриваємо кільця і кидаємо по дві гранати в котлован та бліндаж. Вибухи, дим, пилюка, крики і зойки німців.

Сім чоловік на чолі з Томасом стрибають в траншею і біжать в тупик оборони противника, де більше шансів схопити «язика», бо в бліндажі та котловані мало надії, щоб хтось залишився живим. Ми з Іваном

На знімку: М. П. СЕРДЮК.

Ткачуком залишаємося на бруствері, не спускаючи очей з бліндажа. Поступово розсіюється пилюка, стало видно убитих німців. Ліворуч, куди побігли наші, чути автоматні черги, вибухи гранат, потім все стихло. Наказую напарнику слідкувати за правою траншеєю, яка веде вглиб німецької оборони, а сам плигаю в котлован, обережно пробираюсь в бліндаж. Знаходжу пораненого німця, але він в такому стані, що як «язик» непридатний. Захопивши бінокль і документи двох німців, вибираюсь з котлована.

Навкруги тихо. Довго не з'являється група захвату. Подумавши, що їм з лівої траншеї до нашої роти ближче, і вони можуть сюди не повертатись, вирішуємо відходити. Ткачук першим побіг до Дністра, а я ще раз поглянув ліворуч і побачив наших, що бігли до котлована, несучи когось. Побачивши мене, вони поклали пораненого на бруствер і побігли назад, нічого не сказавши. Пораненим виявився Анатолій Томас. Я звалив його на спину і повз слідом за Ткачуком. Забравшись в густі кущі, став його перев'язувати. Знову тягну між колючими кущами шипшини. Нарешті кущі поріділи, чую розмову, то хлопці шукають нас. На мій оклик вони підбігли, схопили гуртом пораненого і швидко понесли в роту, де фельдшер з медсанбату зробив Томасу кваліфіковану перев'язку. Поряд на плащ-палатці лежав перев'язаний легко поранений німець.

Як виявилось, німці в лівій траншеї вдень для спостереження і охорони залишили лише одного солдата, а решта відпочивала. Вони не сподівались, що радянські розвідники відважаться діяти в такому важкодоступному місці та ще й вдень. Почувши вибухи в котловані, цей солдат, озброєний автоматом, побіг на допомогу, і зіткнувся в траншеї з Томасом. Вистрілили одночасно. Томас, щоб легко поранити і захопити в полон, німець же влучив в гранату, що лежала в правій кишені Томаса. Відчувши небезпеку, Анатолій намагався викинути її за траншею, але не встиг... Вибухнувши в кишені, граната заподіяла йому страшне поранення.

По лінії зв'язку передали в першу роту, що командир батальйону підполковник Степанов хоче бачити розвідників і запрошує їх на свій командний пункт. На КП він подякував нам за успішне виконання завдання, а я передав йому німецькі документи і бінокль.

Ранком ми довідались, що наш бойовий побратим Анатолій Томас помер, так і не прийшовши до свідомості. Його тіло ми забрали з медсанбату і поховали в окремій могилі біля самого берега Дністра на братському кладовищі, яке виникло тут за час оборони плацдарму».

А. МАНЖЕЛІЙ,
голова ради музею історії села Кірового.

ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ!

23 жовтня 1984р

Трудова слава

ОРГАН ПЕТРІВСЬКОГО РАЙОННОГО КОМІТЕТУ КОМПАРТІЇ УКРАЇНИ
ТА РАЙОННОЇ РАДИ НАРОДНИХ ДЕПУТАТІВ КІРОВОГРАДСЬКОЇ ОБЛАСТІ

40

Медаль за Москву

Рада музею історії села Кірове та рада ветеранів при виконкомі сільської Ради народних депутатів (Долинський район) багато зробили для виявлення бойових подвигів своїх земляків у Великій Вітчизняній війні. Зокрема, збираємо матеріали про тих односельчан, які брали активну участь в жорстоких боях перших років війни, захищаючи міста-герої. Є в нас такі, хто захищав Ленінград, Сталінград, Севастополь, Одесу, Київ, легендарну фортецю Брест, Керч, Новоросійськ. Нещодавно вдалося розшукати ще одного ветерана війни, який боронив столицю нашої Батьківщини — Москву.

Володимир Трохимович Горбенко в 1939 році юнаком був призваний на службу в Радянську Армію і відразу ж направлений в командне піхотне училище, яке успішно закінчив, одержавши звання молодшого лейтенанта. Не встиг молодий офіцер побувати дома у відпустці, як почалася війна. 24 червня 1941 року військовий ешелон, у якому був наш земляк, направляється до західних кордонів, де зав'язалися жорстокі оборонні бої.

Перше бойове хрещення Володимир Трохимович прийняв при обороні міста Дзержинська Мінської області — батьківщині полум'яного революціонера-ленінця Ф. Е. Дзержинського.

Там, із самого початку війни, солдатська доля звела В. Т. Горбенка з товаришем шкільних років Миколою Корнієнком, що був політруком роти. Але не довго товариші були разом. В липні 1941 року Горбенко виносить з поля бою тяжко пораненого Корнієнка, після чого вони зустрілися тільки після війни.

Тяжкі бої, відхід на схід. У 144-й стрілецькій дивізії протитанкова рота під командуванням Горбенка разом з іншими танковими і піхотними підрозділами веде бої спочатку на далеких, а потім і на близьких підступах до Москви. Його рота брала участь і в грандіозному прориві німецького фронту в напрямі Можайська 5—6 грудня 1941 року, коли війська Західного фронту за короткий час звільнили 450 населених пунктів, а вже в січні 1942 року вели бої за 430 кілометрів від Москви на території Смоленщини. У вуличних боях за селище Іванівка п'ята протитанкова рота розгромила близько роти німців і взяла в полон 30 чоловік.

У районі міста Гжатська — на батьківщині майбутнього першого космонавта Юрія Гагаріна — стояла довготривала оборона. Тільки весною 1943 року наші війська пішли в наступ. У березні було звільнено Гжатськ, Вязьму і війська Західного фронту переможним маршем рушили далі.

З кінця 1944 року і до самого кінця війни лейтенант В. Т. Горбенко — командир вогневого взводу, воює в складі Другого Українського фронту, звільняючи країни Європи від фашистського поневолення.

У районі Будапешта, де його взвод знищив 2 бронетранспортери і взяв у полон 15 гітлерівців, був нагороджений орденом Червоної Зірки, а пізніше — медаллю «За взяття Будапешта».

Після війни В. Т. Горбенко бере участь у відбудові народного господарства. Зараз живе в селі Новопетрівка Петрівського району. Нещодавно районний військовий комісар вручив йому медаль «За оборону Москви».

М. СЕРДЮК,
голова ради ветеранів.

«Волосата» дивізія

НА ТРЕТІЙ день після звільнення села Кірового від окупантів, чоловіків мобілізаційного і призивного віку збирав польовий військкомат. Терміново складалися списки, формувалися команди і групами по 25—30 чоловік направлялися в бік Долинської, доганяти фронт. В таку команду потрапив і я.

Ми мали стати «чорнорубашниками» — тими, кого в своєму домашньому одязі, майже неозброєних одразу кидали в бій. Мало хто залишався в живих із таких «вояків».

Серед нас були і офіцери, які втекли з полону і переживали лихі часи на окупованій території. Офіцери відбиралися в окрему команду, яка йшла за фронтом через райони Миколаївської, Кіровоградської, Одеської областей. Чим далі на захід, тим більшою ставала команда офіцерів. На фронт не посилали, кожен проходив ретельну перевірку контррозвідкою 3-го Українського фронту.

Така перевірка тривала майже два місяці. Жили по селах, допомагали людям копати городи, підрізати виноградники, за що господарі нас підгодовували. Нарешті нам зачитали наказ заступника Верховного Головнокомандуючого маршала Василевського. Текст цього наказу я запам'ятав на все своє життя:

«Кожний офіцер, який перебував у полоні, оточенні, чи жив на окупованій території більше півмісяця, повинен пройти службу в штурмовому офіцерському батальйоні на положенні рядового з обов'язковою участю в боях».

Так ми потрапили в 5-й ОШОБ (окремий штурмовий офіцерський батальйон) 3-го Українського фронту, командиром якого був підполковник Степанов. Нас негайно переодягли в старе обмундирування, ніяких погон, навіть зірочок на пілотках не було. Прикро було дивитися на такого «рядового» підполковника, з сивиною на скронях, бездоганною виправкою кадрового військового, але... в полатаній солдатській гімнастерці.

Та найобразливішим для нас було те, що не видали ніяких особистих документів. Це гірше, ніж у штрафних ротах, куди направлялися злочинці за вироком військового трибуналу, бо й там люди мали солдатські книжки, погони, зірки на головних уборах.

Що нам дозволялося? Носити, хто які хоче муби, бороди, вуса. Чим страшніше, тим краще. Німці боялися штурмбатів і називали їх «волосатими» дивізіями.

Строк «служби» в такому батальйоні не визначався. Вихід звідси — або наркомзем (смерть), або наркомздрав (лазарет). Був іще один вихід — відзначитися в бою і бути звільненим достроково.

В цьому батальйоні були і мої земляки з с. Кірового С. Г. Шевчук, Г. К. Довгаль, Ю. К. Вітряк, М. О. Білий та росіянин Ф. О. Сметанін, якого переховували люди в нашому селі в час окупації.

Наш батальйон передали в розпорядження 57-ої армії і направили на відповідальну ділянку — утримувати Кіцканський плацдарм на правому березі Дністра, де ми змінили якусь Сталінградську дивізію, яку вивели на переформування.

Батальйон нараховував 750 чоловік, всі офіцери, від молодшого лейтенанта до підполковника. Я став першим номером ручного кулемета, другим номером був земляк Юхим Вітряк. Довготривалою була оборона на Дністрі.

На кінець липня 1944 року ми взнали, що в Німеччині група генералів і офіцерів вермахту організувала замах на Гітлера, який було здійснено невдало. Гітлер залишився живий і жорстоко розправився із змовниками.

Але чи знали про це німецькі солдати і офіцери на фронті? Для цього потрібні були «язики». Таке завдання одержав від командування 3-го Українського фронту наш батальйон.

При батальйоні був підрозділ розвідки. Розвідники неодноразово ходили на завдання, втрачали людей, а «язика» не могли взяти, оборона німців була довготривалою і добре укріпленою.

Треба було поповнити розвідку. Командир підрозділу ходив по окопах, шукав охочих, адже в розвідку брали лише добровольців. Я погодився. Хоча розвідником був не більше тижня, але побував з хлопцями на завданні чотири рази.

Ходили вранці, ходили вночі, але невдало, тільки втратили двох своїх. Останній раз пішли після обіду десь о 16 годині. Непоміченими вийшли прямо на бліндаж німців, перебили чоловік 15 фашистів, які нас в такий час не чекали, і нарешті взяли «язика».

На жаль, ми втратили одного свого товариша. Старший групи Анатолій Томак був тяжко поранений, в кишені його штанів, куди вцілив німець з автомата, розірвалася граната, йому відірвало ногу, покалічило праву руку. Я виніс його в безпечне місце, але він втратив багато крові і того дня помер.

Нас, 8 чоловік розвідників, які залишилися в живих, за зразкове виконання завдання командування достроково звільнило з штурмбату і направило в резервний полк 3-го Українського фронту, поновили у військових званнях, які кожний мав до полону.

На щастя, всі мої земляки з села Кірового залишилися в живих, з усіма я неодноразово зустрічався після війни. Після штурмбату вони займали різні офіцерські посади і воювали до Перемоги.

Я мав нагоду довго листуватись з доктором філологічних наук, професором Федором Івановичем Сетіним, який жив у Москві. Він сам був у 5-у штурмбаті на положенні рядового ще при форсуванні Дніпра. Ф. І. Сетін задумав написати книгу про такі офіцерські штурмбати і жалівся мені, що дуже важко зібрати матеріал. Адже нас, учасників, залишилося дуже мало, а в архівах або нічого немає, або трапляються якісь крихітки.

Від нього я дізнався, що таких «волосатих» дивізій під час війни в радянській армії було аж тридцять (не враховуючи морських).

Але про це ні в історії Великої Вітчизняної війни, ні в мемуарах, ні в художній літературі не згадується, навіть Олександр Солженіцин в «Архіпелазі ГУЛАГ» згадує лише штрафні роти.

А тисячі людей ішли на смерть, «искупляли кровью небывших грехов», як писала про таких людей Ольга Берггольц. Вони воювали не за нагороди, їх подвиги не оцінювалися, вони йшли на смерть, аби повернути собі добре ім'я, так жорстоко принижене.

М. СЕРДЮК,
ветеран війни.
с. Кірове.

Вічна пам'ять. *(УКРІНФОРМ).*

Я не хочу війни

У квітні я була в Лаврівці у свого дідуся Івана Савелійовича Лихошерстова. Він мені розповів про ту кляту війну. Його саме у квітні було тяжко поранено. І ще розповідав, скільки солдатів у війні поранено і вбито. Я склала цей віршик. Хай його почитають дідусь, фронтовики і мої однолітки.

Війна! Війна! Війна!
Скільки горя ти в кожну
сім'ю принесла,
Скільки сердець ти згубила,
Скільки могил ти нарила,
А скільки сліз гірких
пролила.

Плачуть, плачуть,
Плачуть дітки за татком,
Плаче, плаче мати за сином,
Дружина плаче за чоловіком.
І так минають роки.
Щороку приходить весна,
Могилки дощем полива,
Влітку сонечко їх зігріва,
Восени прохолодою повіва,
А взимку сніжком покрива
І що ж на згадку
лишила ти?

Майже кожній сім'ї
ці прокляті слова —
Війна! Війна! Війна!

Марина ШВЕДЮК,
учениця 3 класу міської школи № 1.

ВКЛОНИЛИСЯ МОГИЛІ МОГО БАТЬКА

Багато років я розшукувала могилу свого батька — Петра Васильовича Пастухова, льотчика-винищувача. Як стало відомо, 17 грудня 1943 року його літак був збитий в районі села Братолюбівка вашого району. Нарешті, після стількох років пошуків, я вперше побувала на його могилі. Разом із своєю родиною прибули в село, де загинув мій батько, зустрілися із свідками його загибелі, із людьми, які поховали його.

Зустріч ця відбулася завдячуючи людині із добрим серцем, жительці с. Братолюбівки Ярославі Юхимівні Кушнір. Колишній директор школи, а нині пенсіонерка — Ярослава Юхимівна чужий біль прийняла як власне горе. Ми щиро вдячні їй та Адрію Федоровичу Клименку, Івану Федоровичу Джогану, Миколі Павловичу Сердюку за увагу, сердечну зустріч на землі, де похований мій батько.

А ще дякую від імені всієї моєї родини правлінню та профкому місцевого колгоспу, працівникам сільської Ради народних депутатів та дирекції сільського будинку культури за добру організацію зустрічі.

І. ОЛЬХОВСЬКА,
жителька м. Донецька.

Газета выходит с июня 1922 года

№ 147 (18802) Пятница, 26 июня 1987 года Цена 5 коп.

ЗАРЯ ВОСТОКА

Орган ЦК Компартии Грузии, Верховного Совета и Совета Министров Грузинской ССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

У СТЕН СЕВАСТОПОЛЯ

В первой половине декабря 1941 года вся наша 388-я стрелковая дивизия на кораблях была переброшена с Кавказа в Севастополь. Не успели опомниться после морской качки, как рано утром немцы начали второй штурм Севастополя. Наши позиции в районе Мекензиевых горок оказались в направлении главного удара врага. Немцы не жалели сил и средств для достижения цели. После сильных артиллерийских и минометных налетов с участием авиации следовали многочисленные атаки пехоты врага.

У нас боеприпасы были на исходе, а с третьего дня штурма они совсем кончились, и из минометчиков мы превратились в стрелков. Часть тяжелых минометов на уцелевших лошадях удалось отвести глубже в тыл, остальные закопать. Вот здесь я увидел командирские способности нашего комвзвода Георгия Нанташвили. До этого мы знали его только как молодого, красивого юношу, всегда жизнерадостного, веселого, улыбающегося. Здесь же лицом к лицу с врагом наш лейтенант мгновенно преобразился, словно стал старше, изменился даже его голос, стал требовательным, приказывающим, волю которого никто не мог ослушаться. С пистолетами в обеих руках он вырывается из траншеи, останавливает нашу отступающую пехоту и увлекает всех в атаку.

Второе наступление врага на Севастополь мужественными его защитниками было отражено. Город стал неприступным, сковывая крупные силы врага на долгие месяцы.

Не досчитались мы в эти декабрьские дни многих своих товарищей, дивизион потерял более трети личного состава. В конце второго штурма нас отвели в Севастополь, доукомплектовали прибывшим с Кавказа пополнением, и с нового, 1942 года мы заняли оборону уже на южных подступах к Севастополю у деревни Кадыковка в районе Балаклавы. За проявленное мужество в декабрьских боях наш командир минометного взвода лейтенант Г. Нанташвили был представлен к правительственной награде. Свидетельство этому копия фотографии из фронтовой газеты СД «На штурм врага!». Вскорости Георгию Нанташвили было присвоено очередное звание—старший лейтенант, он стал командиром 3-й батареи нашего дивизиона. Впереди были упорные бои, долгие годы войны, которые для всех нас вылились в пору жестоких испытаний. Но первые шаги к победе были сделаны уже тогда, в 1941 году.

Николай СЕРДЮК,
ветеран 388-й стрелковой дивизии.

11 січня 1995р.

ЗУСТРІЧ З МАТІР'Ю... НА ЇЇ МОГИЛІ

ТАК склалася служба в лейтенанта Петра Корнієнка, що прямо з фронту потрапив він у резерв Одеського військового округу. Офіцери рвалися на фронт. Деяких брали, на інших не траплялося «покупців».

Була осінь 1944 року і Воєнторг округу став посилати офіцерів з резерву на заготівлю овочів і картоплі для військ, дислокованих на його території. Брали в основному сільських хлопців. Поїхав і Петро. Виконав успішно завдання раз, вдруге і став нібито штатним заготівельником. Якось запропонували поїхати в Кіровоград. Поїхав з радістю, адже надіявся стареньких батьків побачити, хоч трохи втішити хвору матір, знав, як їй тяжко (три сини на війні). Відпустили на три дні. Приїхав в Долинську і 35 кілометрів під дощем пішки пішов додому. Ось і рідні поля, частина яких не оброблена, заросла бур'янами. Несила було обробити їх.

Зайшов на колгоспний табір, зустрів сторожа діда Ларіона. Поговорили, покурили. Довкола (внало у вічі Петрові) — страшенна бідність, але звернув увагу на навіс, споруджений із перевних кілків і покритий очеретом, де була акуратно складена суха кукурудза. Дід сказав: «Це жінки побудували».

Швидко минуло три дні. На околицю, аж до кладовища, вийшли проводжати Петра батько з матір'ю і сестра з малим сином. Сіявся дрібненький дощ. Дощ перед дорогою — добра прикмета, сказав батько. А мати схилилася на груди Петра і залилась сльозами. Шептала: «Відчуваю, що більше не побачу тебе, сину. В мене вже вітліла душа і сліз не вистачає оплакувати вас трьох».

Пішов Петро. Аж до самого райцентру проводжала його сестра.

Тільки перед жнивами 1949 року повернувся Петро додому. Знову пішки з Долинської. Вночі пройшов дощ, але ранок був сонячний, теплий. На вулиці зустрів вчительку, яка навчала його до війни. Але що з нею? Жінка, якій трохи більше тридцяти, зовсім сива. Здогадався. Писали з дому, що її чоловік повернувся з війни хворим і незабаром помер, залишивши її з трьома малолітніми дітьми.

Не встиг запитати, що там дома, як вона сама сказала: «Я знала, що ти скоро приїдеш. Минулої неділі старі йшли з церкви і я розмовляла з твоїм татом, казав, що вони чекають від тебе телеграму».

На душі віддяглло, дома все гаразд. Якщо йшли з церкви, значить, слава Богу, батьки живі. Підходив до табору. Ще здалеку побачив біленькі хустини жінок, які звертали туди ж.

Набилася повна хата людей, всі поздоровляли. Радість переповнювала душу.

І раптом... До хати заходить дід Андрій, підійшов до Петра, радісно потиснув руку і сказав: «Повернувся, слава Богу. Поздоровляю... Вітна твоя ненька так і не діждала сина». Наче хтось обухом по голові вдарив Петра. Замовк, похиливши голову. На нові привітання лише похитував головою. Всі зрозуміли: син не знав про смерть матері. Кінчиками хусток жінки витирали очі і похмурі виходили з хати. Петро закам'яніло сидів. Коли підняв голову, в хаті вже нікого не було.

Через якусь хвилину на подвір'ї табору зірвався відчайдушний крик. Як струмом прорізало Петра. Зрозумів. На роботу прийшла сестра, їй сказали, що брат у хаті. Схопив валізу і вискочив на подвір'я. Від колодязя йому назустріч бігла сестра і голосила:

«Ой, братику! Ой рідненький! Прости нам, що ми тобі нічого не написали. Ми не хотіли тебе хвилювати».

Довкола плачучи, стояли люди, мовчки, одними очима проводжали брата і сестру, які, обнявшись, повільно йшли до села. Їхні стежкою через кладовище. Сірка могила з хрестом. Петро опустився на коліна, промовив: «Ось, мамо, я і прийшов до тебе. Прости рідненька...» І гірко-гірко заплакав.

Тільки три місяці не дожила мати до повернення сина. Дома зустрів його із сльозами старий батько.

Два дні відпочивав Петро з дорогою, а потім пішов допомагати збирати врожай, який в тому році був багатий. В селі ой як не вистачало чоловічих рук.

М. СЕРДЮК,
с. Кірове.

ГЕРОЇЧНА ОБОРОНА

З історії Великої Вітчизняної війни відомо, що героїчна оборона Севастополя 1941-42 років тривала 250 днів — з осені 1941 до липня 1942 року. Можна собі уявити, в яких неймовірних труднощах довелося стояти насмерть захисникам славетної фортеці на Чорному морі, оточеної з суші і блокованого ворогом міста, звідки відстань до переднього краю була від 7 до 18 км. Співвідношення сил і засобів наших та ворога на початку червня 1942 року були нерівні. У фашистів — 204 тисячі солдат і офіцерів, 2045 гармат і мінометів, 450 танків, 600 літаків, а в нас відповідно — 104, 600, 38 і 53.

Оборона Севастополя почалася в жовтні 1941 року і до Нового, 1942 року, ворогом було здійснено два штурми і намагання оволодіти містом до зими, щоб вивільнити з Криму славетну гітлерівську армію фельдмаршала Манштейна і перекинути її на схід в напрямі Сталінграда і північного Кавказу.

Але марно... Як не ретельно готувало німецьке командування другий наступ, в грудні 1941 року німці були відбиті з величезними втратами і оборона Севастополя надійно замкнута на цілих півроку.

Коли надійшов наказ Верховного командування залишити Севастополь, то евакуювати тих, хто залишився, уже не було можливості.

Тільки через довгі десятиліття ми взнали правду про трагедію, яка спіткала захисників Севастополя на мисі Херсонес в районі бухт Камишової і Козачої, куди, прибули всі живі з надією, що надійдуть кораблі і врятують їх. Це було в перших числах липня, але кораблів не було. Останній переповнений пораненими, залишив Камишову бухту вночі 27 червня. А фашисти творили свою чорну справу: по-варварськи розстрілювали з літаків і мінометів притиснутих до води беззбройних, поранених, голодних і спраглих людей, які не могли чинити належного опору. Тільки в полон там потрапило близько 70 тисяч чоловік.

Скільки людей загинуло за час оборони Севастополя, встановити важко і, мабуть, неможливо. Якщо на початок червня захисників було 104 тисячі, а в полон потрапило близько 70 тисяч, то лише протягом третього штурму загинуло більше 30 тисяч, але до цього було ще два штурми і 8 місяців оборони.

В цій легендарній обороні брали участь і наші земляки:

з с. Кірового: Юхим Назаренко, Іван Білий, Петро Халамінець, Василь Панасенко, Микола Гриценко, Петро Довгаль, Іван Пугач, Микола Шкарбан;

з с. Братолюбівки: Пантелій Хорольський;

з с. Новогригорівки Першої: Павло Шумейко;

з с. Гурівки: Павло Шаповал;

з селища Байраки (біля села Баштино): Іван Корж.

З деякими з них я зустрічався безпосередньо в бою під час другого штурму Севастополя в грудні 1941 року, з деякими уже після війни. Але з усіма зустрітися не довелося. М. Гриценко, В. Панасенко, П. Халамінець, І. Білий, Ю. Назаренко назавжди залишилися в кам'янистій землі під Севастополем.

Вічна їм пам'ять!

Наближається 50-річчя Перемоги нашого народу над німецько-фашистськими загарбниками. І я звертаюся до всіх ветеранів - фронтовиків: згадайте своїх бойових товаришів, назвіть їх поіменно, де ви з ними воювали, як склалася їх доля. Ніколи не забувайте полеглих, бо це наш обов'язок, обов'язок тих, хто повернувся з війни.

Пишіть свої спогади до газети, бо з кожним роком свідків війни залишається все менше і менше.

М. СЕРДЮК,
член ради ветеранів 388-ої стрілецької дивізії Приморської армії.

с. Кірове.

ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ!

СІЛЬСЬКІ ВІСТІ

Газета Центрального Комітету Комуністичної партії України

15 травня 1986 р.

ЧИТАЧІ ПОВІДОМЛЯЮТЬ

Сердюк М. П. із с. Кірове (317724) Долинського району на Кіровоградщині пише: «У 1942 р. під Севастополем загинув командир окремого мінометного дивізіону 388-ї стрілецької дивізії капітан Дмитро Герасимович Бережний (1916; із Сумщини). Чи живі його близькі та рідні?».

16 вересня 1987 р.

1941/1945 ВІДГУКНИСЯ, ТОВАРИШУ!

ЗАХИЩАЮЧИ СЕВАСТОПОЛЬ

ЛЕГЕНДАРНИЙ Севастополь. Тяжкі бої точилися там з фашистами. Наш 675-й окремий артдивізіон 388-ї стр. дивізії захищав місто з грудня 1941 р. по липень 1942 р. Хочу сказати добре слово про наших шоферів. У дивізіоні було три автомобілі. Їхні водії Скічко, Цимбал і Шубін часто проявляли мужність при доставці боєприпасів на передній край. Всі вантажі вони перевозили під шквальним ворожим вогнем. Так, під Балаклавою кожен метр шосе прострілювався німецькими мінометниками та артилеристами. До того ж і ворожі літаки полювали за кожним автомобілем. А підвозити боєприпаси треба було. Сміливо й винахідливо діяли наші бойові друзі. Не раз виручали нас у тяжкі хвилини. Скільки подяк одержали водії від нашого комдива, капітана Дмитра Герасимовича Бережного та старшини Аршинова! Востаннє шоферів я бачив наприкінці червня 1942 р. Дальша їхня доля мені невідома. А комдив наш загинув. Дуже прошу озватися бойових друзів-мінометників, а також водіїв. Моя адреса: с. Кірове (317724) Долинського р-ну на Кіровоградщині.

Микола СЕРДЮК.

ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ!

Шляхом Ілліча

ОРГАН ДОЛИНСЬКОГО РАЙКОМУ КОМУНІСТИЧНОЇ ПАРТІЇ УКРАЇНИ
ТА РАЙОННОЇ РАДИ НАРОДНИХ ДЕПУТАТІВ КІРОВОГРАДСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Газета виходить з 15 листопада 1931 року | № 147 (7463) | Вівторок, 9 грудня 1986 року | Ціна 3 коп.

ЗУСТРІЛИСЯ В КРИМУ

Бої за Крим героїчною сторінкою увійшли в літопис Великої Вітчизняної війни. На цій вистражданій землі два міста-герої — Севастополь і Керч. Тут — легендарний Перекоп.

Щорічно в багатьох містах і селах Криму збираються ветерани-однополчани, щоб згадати ратні подвиги давно минулих, але ніколи незабутніх днів.

8 листопада в місті-герої Севастополі відбулася зустріч однополчан 388-ї стрілецької дивізії. Воїни цієї дивізії в 1941 році відстоювали чорноморську твердиню. 250 днів героїчно разом з нашими військовими частинами обороняли вони Севастополь.

В числі тих, хто відвідав Крим, був і житель села Кірового Микола Павлович Сердюк. Йому у колі друзів-побратимів було що згадати. Надсилаю фото про незабутню кримську зустріч вашого земляка.

В. КУНИЦИН.
м. Сімферополь.

На знімку: ветерани Великої Вітчизняної війни зустрілися в Севастополі. Другий справа — наш земляк М. П. СЕРДЮК.
Фото В. Куницина.

ТАМ БУЛИ І НАШІ ЗЕМЛЯКИ

Минав перший місяць, як почалася Велика Вітчизняна війна. Фашисти наближалися до Кіровоградщини. Залізничний вузол Долинська все частіше зазнавав бомбардувань німецької авіації.

Збирати біля військкомату велику кількість людей було небезпечно, тому в кінці липня 1941 року Долинський райвійськкомат переїхав в с. Кіровоградське і розмістився в старому колгоспному саду, де було зручно сховати людей від ворожих літаків. Сюди з усього району прибували старші за віком чоловіки і юнаки — призовники. Їх проводжали матері, дружини, діти. Для багатьох прощання в цьому саду було останнім. Рідні до цього часу не знають долі близьких їм людей.

Я разом з директором і вчителем математики Кіровської середньої школи всі ці дні були при військкоматі, писали списки мобілізованих, формували команди по 150 чоловік і на кінних підводах відправляли на схід.

В Генічеському районі, що на березі Азовського моря, формувалась запасна бригада із мобілізованих з південних областей України. Тут ми одержали обмундирування. Після короткочасного навчання відправили нас в Західну Грузію. Восени 1941 року тут була сформована багатонаціональна 388-а стрілецька дивізія, в якій було більше мобілізованих із республік Закавказзя.

На початку грудня дивізія з Кавказу прибула в блокований Севастополь, а 17 грудня зайняла оборону в районі Мекензієвих гір на північних підступах до Севастополя. В цей день німці почали другий штурм міста. Бої були тяжкими. Особливо великі втрати понесла наша дивізія — слабо підготовлена, не обстріляна, погано озброєна, багато солдатів недостатньо розуміли або і зовсім не знали російської мови. Окремі батальйони в цих грудневих боях втратили до 40 процентів особового складу. Тут, на вогневих позиціях, я зустрів своїх земляків із с. Кіровоградське Івана Пугача, Петра Довталя, моряка Миколу Шкарбана.

Дякуючи морякам Севастопольського гарнізону та підкріпленню, яке вчасно прибуло з Великої Землі, німці були відбиті, їх другий штурм чорноморської фортеці провалився і оборона міста-героя була заперта на надійний замок ще на довгих півроку. Наша дивізія одержала поповнення і була перекинута на південні підступи до Севастополя в район Балаклави, де надійно забезпечувала оборону цього району до кінця червня 1942 року.

Третій штурм Севастополя почався 7 червня з попередньою 5-добовою могутньою артилерійською і авіаційною підготовкою. Порівнюючи співвідношення сил під Севастополем в той період, можна оцінити, яку мужність, героїзм, стійкість і силу волі проявили його захисники.

Трагедія для нас розігралась в перші дні липня, коли німці оволоділи Севастополем, а залишки його захисників притисли до берега моря на мисі Херсонес. Поранені, голодні, знемагаючі від спраги, беззбройні люди ще намагалися чинити опір, чекаючи кораблів з Великої Землі, але... марно. Останній корабель лідер «Ташкент», переповнений пораненими, залишав Камишову бухту ще 27 червня.

Прикро і гірко було читати протягом багатьох десятиліть в творах письменників «радянського реалізму» і в мемуарах великих воєначальників, що за наказом Верховного командування Севастополь був залишений, а всі війська на кораблях евакуйовані. Лише через 40 років ми взнали правду: на підводних човнах і літаках вивезено лише кілька сотень вищих і старших командирів та політпрацівників, а решта — десятки тисяч солдатів були залишені біля берега моря на милість долі. Стало відомо, що на мисі Херсонес потрапили в полон понад 70 тисяч захисників Севастополя. А скільки їх загинуло в боях за час оборони? Скільки загинуло в німецьких концтаборах?

На ці запитання, мабуть, ніхто ніколи відповіді не дасть.

За наказом Вищого командування в 1942 р. дивізія була розформована, як така, що загинула в боях. А в 1944 р. на Далекому Сході було сформовано нову 388-у стрілецьку дивізію, яка брала участь в боях проти Японії і одержала найменування Харбінська.

В складі нашої дивізії (коли прибули в Севастополь) було 406 українців, серед яких були і наші земляки. Не повернулися з-під Севастополя мої односельчани Петро Халкінець, Іван Білий, Микола Грищенко, Юхим Назаренко. В полоні я зустрів Пантелія Хорольського із Братолюбівки, Павла Шумейка із Новогригорівки Першої. Павла Шаповала із Гуріївки, Івана Коржа з селища Байрачки (біля с. Баштино). Всім нам (крім Павла Шаповала) вдалося втекти з полону, пізніше знову брати участь в боях, звільняючи Батьківщину від фашизму. Іван Корж загинув в кінці війни. Доля Павла Шаповала до цього часу мені не відома.

За 30 років існування ради ветеранів дивізії нам вдалось зібрати відомості майже про 400 чоловік, а це менше 3 процентів від її особового складу.

Із 28 жовтня по 2 листопада в Севастополі проводився Тиждень пам'яті, присвячений 50-річчю початку оборони міста. Зовсім мало приїхало наших однополчан — захисників Севастополя. Але значно більше прийджає рідних і близьких загиблих, їх сини, доньки, внуки. Приїжджають, щоб покласти квіти на братські могили (часто безіменні), біля пам'ятників, обелісків, вклонитися кам'янистій землі, щедро политій кров'ю їхніх батьків і дідів.

М. СЕРДЮК,
заступник голови ради ветеранів 388-ї стрілецької дивізії.

До 50-річчя Великої Перемоги

ТЕРНИСТІ СТЕЖКИ ПОЛОНУ

Всіх поранених з медсанбатів і лазаретів звозили в Камишову бухту, деякі приходили самі. Покалічених розмістили у величезному будинку без вікон і дверей — клубі моряків поряд з причалом. Чекали кораблів для евакуації.

Зранку всіх ходячих випроваджували з приміщення, в середині залишатися було небезпечно через часті нальоти ворожої авіації і артобстріл, а на березі бухти було де сховатися. Більш небезпечно було і в напівзатопленому згорілому танкері, але там цілий день треба сидіти чи стояти по груди в воді, а на ніч йти в приміщення, де, можливо, зроблять перев'язку чи дадуть щось поїсти й склянку води.

В один з перших днів липня, після 17-годинної «купелі» ми забралися під дощане покриття клубної сцени і, щільно притиснувшись один до одного, міцно заснули. Почули крик. Хтось гукав до нас: «Хлопці! Швиденько виходьте, бо німці збираються сюди кинути гранати!».

Вибравшись з своєї схованки, побачили, що в кожному віконному отворі стоять по два німці з автоматами, а все приміщення оточене мотоциклами. Нас виганяли надвір далі від приміщення і наказували сідати на землю. Привели ще кілька колон із Козачої бухти. Десь о 16 годині всіх вишикували у колону і повели в напрямі Балаклави повз Сапун-гору. Ліворуч вдалині виднівся скелет обгорілого куполу Севастопольської панорами, на вершині якого розвивався величезний німецький прапор з павучою свастикою... Полонені плакали.

Вийшли на Ялтинське шосе. Настала ніч. Нестерпно хотілося пити, а поряд, за кілька кроків зліва, за кущами маслини дзюркотала вода гірської річки.

Другого дня колону погнали на Бахчисарай. Табір за містом біля могили. Ось тут почалася розправа над севастопольцями. Вони нас не стріляли, а вирішили потравити.

Зранку давали по сто п'ятдесят грамів хліба і кип'яток, а в другій половині дня кидали в бочки зіпсовану протухлу консерву, яку привозили із згорілих складів Севастополя, і заливали сирою брудною водою з річки — ось такою баландою нас поїли. Хто тільки скуштував такої баланди, негайно хворів на дизентерію і помирав. Ми стали відмовлятися від такої «їжі». За кілька днів уже було тисячі хворих. Положення стало загрозливим. Почали швидко відправляти полонених на Сімферополь.

Тут я зусрів своїх земляків П. Хорольського, П. Шумейка, П. Шаповала, І. Коржа. Я був наймолодший, але вони всі горнулися до мене. Ніхто не знав, що я офіцер. Про втечу не могло бути і мови, багато татарського населення ставилось до нас вороже. Почалися нічні дощі, а вдень спека. На всіх полонених напали воші. Німці боялися епідемії тифу, і почали вивозити з Криму полонених, ешелони відправлялися щоденно.

Прийшов день коли і нас відправили. Їхали повільно, пропускали зустрічні поїзди, на яких до теплого моря їхали німці з сім'ями — нові тимчасові «господарі» нашої землі. Проїхали Дніпропетровськ, а трохи далі, в степу, загнали в тупик і почали розвантажувати, возили вагонами в якийсь радгосп поряд, де нам приготували їжу — густу баланду з відходів — лушпиння картоплі без солі. Посуду не було. Їжу одержували в пілотки чи в пелену гімнастерки.

Повезли далі. Проїхали Знам'янку і привезли в... наш рідний Кіровоград. Довго стояли. Потім колону, густо оточену автоматниками і собаками, повели в табір, який був в центрі міста, недалеко від парку. В першу чергу прожарили весь наш одяг — знищили вошей. Захисників Севастополя вирішили негайно відправити в Німеччину. Влаштували щось подібне до медогляду, але серед нас було багато виснажених, які в дорозі могли померти. Тоді вирішили нас підгодувати і оголосили, що направлять на сільгоспроботи недалеко від Кіровограда. Відібрали 450 чоловік «доходяг» і почали групами вивозити за ворота, вантажити на автомашини. Супроводжувати і охороняти на роботі нас мали донські козаки — німецькі добровольці. Вони сказали, що ми їдемо в Бобринець.

А неподалік від табору великий натовп людей — жінки, старики, діти, кричать-вигукують прізвища — розшукують рідних. До нашої машини ближче підійшла немолода жінка і крикнула: «Там немає серед вас Павла Шаповала?». Шаповал був на передній машині, я його покликав. То була його мати з Гурівки. Козаки дозволили підійти їй до машини, передати синові вузлик і поговорити. Їй я кинув записку через конвоїрів.

Мати Шаповала, йдучи з Кіровограда, зайшла в Братолюбівку, відшукала дружину Хорольського і віддала їй мою записку, а та віддала її моїм батькам в Кірове. Сестра одразу впізнала мій почерк. На завтра було повідомлено і сім'ї Коржа в Байраки. Через кілька днів мій батько попросив конячину в колгоспі, забрав дружин Коржа і Хорольського, заїхали в Новогригорівку до дружини Шумейка, яка ще нічого не знала про чоловіка, і всі поїхали розшукувати нас у Бобринецькому районі.

Видно було, що скоро нас відправлять в Кіровоград. Треба тікати поодинці і негайно, групою не виходило.

Між нами з'явився у морській формі молодий, здоровий хлопець, ходив на роботу весь час задумливий, ні з ким не спілкувався. Через два дні він перший не витримує, розпитує, звідки я, чи давно тут в радгоспі, і чому ще не втік.

Домовилися тікати в цей день після обідньої перерви. Поділився з ним своїм планом: в німців порядок — якщо на скирді з'явиться сигнал на обід, їздовий не має права їхати ні метра, випрягає і залишає гарбу серед поля. Ось це і було використано для втечі.

Втеча вдалася. Я вийшов на широку грунтову дорогу, що вела на Долинську, і знову повернув на схід. Зійшло сонце, коли зайшов у Маловодяне, значить уже в своєму районі.

Далі пішов в напрямі Братолюбівки до лісу, де заховався до ночі. Вночі прийшов додому. В селі ніхто не знав, що я повернувся (крім рідних), на людях довго не показувався, жив по родичах, подалі від дому (поряд з нашою хатою була поліція), думав, що козаки прийдуть мене розшукувати, але обійшлося.

Після моєї втечі, незабаром із радгоспу повтікали і всі мої земляки, а Іван Пугач і Петро Довгаль втекли з інших таборів. Так нікого із захисників Севастополя — моїх земляків, яких я назвав у спогадах, фашистам не вдалося вивезти в Німеччину.

А після звільнення району всі знову пішли на фронт, звільняючи Україну, Молдавію, країни східної Європи. Петро Андрійович Довгаль штурмував Берлін. Іван Корж із Байраків не повернувся з війни. Доля Павла Шаповала із Гурівки мені не відома. Микола Шкарбан в полон не потрапив, після другого штурму Севастополя залишився живим, повернувся на свій катер, на якому добрався до Великої Землі.

З усіх наших земляків лише ми вдвох з М. Шкарбаном ще живі. До глибини душі зворушують спогади про взаємостосунки між людьми в роки страшного лихоліття: злагода, дружба, доброзичливість, співчуття, взаємовиручка, милосердя. Люди ділилися останнім, морально і матеріально підтримували один одного.

М.СЕРДЮК,
член ради ветеранів Приморської армії.
с. Кірове.

Статьи Сердюка Н. П. о племяннике С. Т. Сердюке

ШЛЯХОМ ІЛЛІЧА ● № 58, 14 травня 1985 року.

СЕРДЮКИ

Хто не знав у селі Боковій (нині Кірове) ще задовго до революції селянина-бідняка Тихона Семеновича Сердюка і його дружину Катерину Юхимівну. Чим багата була сім'я — це дітьми, виростало їх семеро в тяжких умовах, в убогій хатині. Та після Жовтневої революції легше ставало жити. Підросли старші дочки, два сини, стали працювати разом з батьками в колгоспі. Купили кращу хату, прийшли радість і достатки в сім'ю Сердюків. Так би й жити, а тут — війна. Пішов на фронт старший син Григорій, десь в Естонії вступив у бій з фашистами моряк Сергій. Дочка Євдокія евакуювалася на схід.

І знову бідування в окупації. «Чи живі де старші сини?» — думали батько й мати. А тут і менші Іван та Антон підросли, треба вберегти від фашистів, щоб не забрали до Німеччини. Отак і жили, поки радянські війська не звільнили село. Раділи разом з усіма Сердюки такому щастю.

А через кілька днів пішов Іван на фронт громити ворога. Незабаром п'ятнадцятиріч-ний Антон залишив батьківський дім, поїхав у Кривий Ріг відбудовувати шахти. Залишилися старі батьки з найменшою дочкою Марусею.

Довго ніяких вістей не було з фронту від синів. Нарешті прийшов лист від Івана, а потім від Сергія з Ленінграда. Пише, що всі 900 днів і ночей захищав місто Леніна, місто революції. Після тяжкого поранення лікується в госпіталі. Було про що згадати Сергію Тихоновичу, і як на Пулковських висотах ходив у контратаки морським піхотинцем, і як по тонкій кризі вивозив з Ленінграда голодних, знеслених дітей. В 1942 році його прийняли в партію. А в сорок третьому відважний моряк одержує медалі «За відвагу», «За оборону Ленінграда». За прорив блокади — ще одна нагорода — орден Червоної Зірки прикрасила груди комуніста. Після Перемоги ще рік служив Сергій Тихонович. Тільки в 1946 році повернувся додому, де чекали на нього батьки, дружина і п'ятиріч-на донька, яку він не бачив від дня народження.

Оселився Сергій Тихонович на Дніпропетровщині в селі Новомилорадівці. Працював шофером, трактористом. Заслужив орден «Знак пошани». Виростив трьох дітей. Дочки працюють на залізниці, а син Анатолій — секретар парт-

На знімку: С. Т. СЕРДЮК.

Фото 1944 року.

організації в колгоспі.

Пройшли роки. Вже немає в живих Тихона Семеновича і Катерини Юхимівни Сердюків. Та життя цієї великої родини продовжується. Приїздить діти, внуки провідати рідне село. Вже й Сергію Тихоновичу скоро 70 літ буде, та по можливості допомагає хліборобам. А Іван, повернувшись з війни, одружився і живе в Кривому Розі. Тільки Григорій не прийшов з фронту. Так і не діждалися його батьки. Та згадують його ім'я односельці, ім'я солдата, що віддав життя за Батьківщину.

М. СЕРДЮК,
голова ради ветеранів Великої Вітчизняної війни с. Кірове.

ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ!

НОВІ РУБЕЖІ

ОРГАН КРИНИЧАНСЬКОГО РАЙКОМУ КОМПАРТІЇ УКРАЇНИ ТА РАЙОННОЇ РАДИ НАРОДНИХ ДЕПУТАТІВ ДНІПРОПЕТРОВСЬКОЇ ОБЛАСТІ

9 квітня 1985 року «НОВІ РУБЕЖІ» 3 стор.

ЛІТОПИС ВЕЛИКОЇ ПЕРЕМОГИ

СПОГАДИ, РОЗПОВІДІ, ЛИСТИ І ДОКУМЕНТИ

Лише один місяць залишається до визначної події в історії радянського народу і всього людства — 40-річчя Великої Перемоги над німецько - фашистськими загарбниками, які мріяли про світове панування і знайшли свій безславний кінець на нашій землі. Вічно житимуть в нашій пам'яті ті, хто поліг смертю хоробрих на полях великих кровопролитних битв, відстоюючи незалежність рідної Вітчизни. Найвища наша шана і тим, кому судилося вижити в пекельному горнилі війни і повернутися додому з перемогою.

Про кожного з таких людей є про що розповісти. І чим поділитися, що згадати про ті часи лихоліття кожному ветерану війни, усім тим, хто їх перенісь. У багатьох сім'ях є фронтові листи, знімки, документи, що зберігаються як найцінніші реліквії. Тому редакція звертається з проханням до колишніх фронтовиків, членів їх сімей, до наших робсількорів, юних слідопитів надсилати нам всі матеріали, які розкривають всю велич наших людей у дні великих випробувань, показують їх стійкість, мужність, незламність, вірність комуністичним ідеалам. Давайте разом з вами ще ширше відтворимо в газеті багаті сторінки літопису Великої Перемоги, окремі з яких поки що залишаються маловідомими, у повній мірі розповімо про наших славних земляків, які у грізні роки на фронті і в тилу наближали, як могли, день Великої Перемоги. А сьогодні пропонуємо вашій увазі нарис М. Сердюка про велику хліборобську родину, членам якої у числі інших випали на долю нелегкі випробування у роки Великої Вітчизняної війни.

Життя прожити—не поле перейти

ХТО не знав в селі Бокова, що на Кіровоградщині, (тепер Кірове), ще задовго до революції та і пізніше селянина - бідняка Тихона Семеновича Сердюка. Важко було знайти ще такого в селі. Всього дві десятини землі, а тягла ніякого, хата «на курячих ніжках», плетена із лози, покрита очеретом. Та і то стояла вона на болоті, де лише навколо просихало десь аж в червні і тоді, коли видавалося сухе літо. Ні городини а тут і менші сини Іван і Антон попідростали, стали підлітками, треба ратувати їх від фашистських людоїдів, аби не спіймали та не завезли на каторгу в Німеччину. І таки зберегли хлопців, діждалися весни 1944 року, коли прийшло визволення. Через кілька днів і Іван пішов на фронт звільняти рідну землю від коричневої чуми, а незабаром і 15-річний Антон залишив батьківську домівку, подався відбудовувати залізорудні шахти в травні. З перших днів нападу фашистів Сергій разом з моряками-побратимами захищає Таллін, потім відхід на кораблях до Кронштадту і почалися кровопролитні бої в блокадному Ленінграді.

Є що згадати і є про що розповісти Сергію Тихоновичу, як під шквальним вогнем підвозив боєприпаси на передній край, як на Дудковських висотах ходив в контратаки на ворога в складі морських бомбардувальників, де організовує безперебійне забезпечення літаків боєприпасами.

За прорив блокади ще одна бойова нагорода — орден Червоної Зірки — прикрасила груди воїна. Ще цілий рік після Перемоги довелося воїну продовжувати свою довгу службу. Тільки влітку 1946 року старший сержант Сердюк повернувся додому. Зустріли його зовсім постарілі батьки.

Сергію Тихоновичу через 2 роки і 70, але він не може спокійно сидіти дома. Під час сівби, чи своєї урядової нагороди — ордена «Знак Пошани».

Життя прожити, як кажуть, не поле перейти. Як нелегко було, але пройшов по ньому Сергій Тихонович Сердюк з честю. Згадує, як важко було спочатку після війни «ставати на ноги», коли повернувся з Ленінграда в одному морському бушлаті. А тут незабаром і сім'я добавилась: народилося відразу ще двоє дітей - близнюків, — син і дочка. Потім поступово розжились: побудували новий будинок, а незабаром і автомашину купили. Всі троє дітей виросли, одержали освіту. Дочки працюють на залізниці. Син Анатолій закінчив Інститут. Нині — він секретар парторганізації колгоспу «Родина».

Всі часто з онуками приїздять до рідної домівки в гості, чи допомогти по господарству, а 7 листопада — щоб відмітити річницю Жовтня і одночасно день народження батька і дідуся.

ВШАНУВАЛИ МАТЕРІВ-СОЛДАТОК

Давно не було стільки людей в нашому сільському клубі, як того вечора, коли вшановували усією громадою солдаток-вдів. Мабуть, не було й байдужих, хто б не захоплювався їх героїзмом в тяжкі воєнні і повоєнні роки. Скільки поховронок одержали жінки нашого села! І треба було знайти в собі сили, щоб перебороти біль утрати і жити. Жити в ім'я майбутнього своїх дітей, своєї рідної Вітчизни. Голод, холод, руїни... і славні трудівниці вистояли в цьому лихолітті.

Тож усі адамівчани віддали шану тому поколінню, яке вистояло, вистраждало, захистило рідну матір - Батьківщину в грізну годину. Болем стиснулось серце, коли секретар парткому колгоспу М. І. Стеблянко зачитував списки загиблих односельчан, які не повернулись з поля бою. Хоч минуло майже 40 років після Великої Перемоги, а ще й понині чуюю охоплене серце в Уляни Лук'янівни Пло-

И вновь встречаются однополчане...

В КУТАИСИ ПРОХОДИТ ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ 388-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

...Когда это было? Когда они встречались в последний раз? Ах да — в 1978 году, шесть лет назад. И вот новая встреча старых друзей-однополчан, ветеранов 388-й стрелковой дивизии, прибывших в субботу и воскресенье в наш город.

Необычное оживление царило позавчера с утра в обычно тихом вестибюле гостиницы «Кутаиси». Блеск наград на груди: мерцание орденов и медалей, зро-

(Окончание на 2-й стр.)

На снимке: ветераны 388-й стрелковой дивизии в Кутаиси.
Фото Т. Джавахадзе.

И вновь встречаются однополчане...

(Окончание. Нач. на 1-й стр.)

мат злых гвоздик — все от них как будто расцвело вокруг, как будто солнце брызнуло прямо вовнутрь. Радость узнавания самых дорогих на свете друзей, боевых товарищей, слезы этой радости, быть может, самой большой, какая существует в жизни, объятия, возгласы, рукопожатия и — воспоминания, воспоминания: «Ты помнишь?» «Как не помнить? Война есть война. Сколько горя она принесла, будь она...»

... 41-ый год. Время невиданного ранее испытания. Критический момент — сокрушая на своем пути все живое, оставляя позади себя кровь, слезы, трупы, военный механизм фашистской Германии наступал и наступал. Как-то сразу не опомниться, фашисты прорвались на опасно близкое расстояние к Баку и ко всему Закавказью.

Надо было выстоять, хотя это было невероятно трудно. Надо было выдержать, выложить, альтернативы не существовало — это понимали все.

В предельно сжатое время (где его было взять?!) советское командование формировало новые армии, дивизии, батальоны, полки.

Так возникла 388-я дивизия Приморской армии, в которую вошли трудящиеся Кутаисского, Самтредского и Цулукидзевского районов. Семья была, как обычно в те годы, интернациональная — азербайджанцы, армяне, русские, белорусы, грузины, украинцы. Национальности разные — общность одна. Равно как и цель: выстоять, победить!

Начало боевой биографии — в Севастополе. Бои, бои... Нужно бы о них рассказать, да долго. Да и рассказано уже — в документальной повести Владимира Волкова «У порога дома», вышедшей в свет под грифом издательства «Сабчота Сакартвело»...

Сколько лет прошло! Когда же все это было? Ах, да, 43 года назад. А все стоит перед глазами, как будто вчера все было. Неужели это можно забыть?! Нет, невозможно, даже если очень сильно захотеть. Она — это боевые товарищи, которых уже нет. Это жестокие бои старых дней. Это бессонные ночи. Это слезы. И воспоминания, воспоминания. Потому что есть такая вечная материя — память, летопись прошлого, помогающая жить сегодня, завтра, всегда. И никуда от нее не уйти.

Эх, война, война. Сколько горя она принесла! Лучше всех это знают люди, гостящие в эти дни в нашем городе. Присмотритесь к ним, познакомьтесь с ними — это им мы благодарны за такую жизнь.

В минувшее воскресенье общественность города торжественно встретила почетных гостей, прибывших кто поездом, а кто — дальние, стало быть, гости — самолетом.

Участники встречи возложили венки к памятнику В. И. Ленина, братской могиле, мемориалу Боевой Славы.

Группа ветеранов осмотрела храм Багората, посетила музей Боевой Славы и этнографический музей.

Состоялось собрание ветеранов 388-й стрелковой дивизии в кабинете политического просвещения.

На снимках: на братской могиле на кладбище Сапичхия (внизу слева); участники встречи ветеранов 388-й стрелковой дивизии у мемориала Боевой Славы с пионерами кутаисских средних школ (вверху); почтить память погибших товарищей пришли ветераны (внизу).

Фото Г. Герсамия.

Информация о Козакове Н. Ф. Автор – Сердюк Н. П.

-1-

Комсоргом роти був нам вчителем

„З Миколою Філимоновичем Козаковим звела мене фронтова доля ще влітку 1942 року під Астраханню під час формування 159 окремої стрілкової бригади. Познайомившись з цією людиною, я дуже зрадів, зразу зрозумів, з ким доведеться йти в бій. Йому одному з перших було присвоєно сержантське звання, він став комсоргом роти." Так починається нарис командира 4 роти 2-го окремого стр. батальйону Йосипа Калиновича Тузі про комсорга своєї роти. Цей нарис був опублікований. . . . .

. . . .

З спогадів командира роти стало відомо як Соловев і загинув Козаков М.Ф., який був вчителем Кіровської СШ і якого знали всі старшокласники останніх 2-х довоєнних років. Народився М.Ф. Козаков в 1916 році. Мати 3-х дітей сім'ї Козакових, селянка-білоруска, вдова-солдатка, чоловік якої загинув на фронті в 1917 році, з Білорусії переїхала з дітьми на Україну в 1924 році, коли меншому синові Миколі було 8 років. Переселенці з Гомельщини створили нове селище в Криворізькому районі на Дніпропетровщині, яке назвали „Новий Мир".

В цьому ж 1924 році Микола почав навчатися в школі, а в 1934 році, здобувши середню освіту, вступив на фізико-математичний факультет Криворізького педінституту, який закінчив в 1938 році. Вчився хлопець як в школі, так і в інституті успішно, студентом був відмінником навчання. Комсомольці інституту Козакова знали всі. Його любили студенти, поважали викладачі. Здібний студент, активний комсомолець, був обраний

секретарем комсомольської організації фізико-математичного факультету.

Після закінчення інституту прибув на педагогічну роботу в Долинський район і перший рік працював інспектором районного відділу народної освіти. Але в ~~школах~~ середніх школах не вистачало кадрів, ~~особливо з вищою освітою~~ і молодого педагога з 1939 р. ~~нас~~ було направлено вчителем математики та фізики в Кировську середню школу, в якій не було жодного математика з вищою освітою. Ми, випускники 2-х останніх довоєнних років радо зустріли нового вчителя, який став для нас і наставником і хорошим старшим товаришем. Завжди життєрадісний, працелюбний, прекрасний спортсмен, сильний шахматист, з природнім гумором, він завжди був серед учнів, завжди готовий допомогти кожному з свого предмету, чи виконати ~~громадське~~ комсомольське доручення, бо мав багатий досвід комсомольської роботи ще з інституту.

Тільки що відбувся випуск десятикласників школи 1941 року, як почалася війна, а ~~в липні~~ незабаром Микола Филимонович разом з іншими вчителями школи пішли захищати ~~Батьківщину~~ Вітчизну.

Прощаючись з дружиною і 3-х річною донькою, Козаков, ~~говорив~~ залишаючи село, сказав: „Не знаю я свого батька, мабуть, і та, доцю, не знатиме свого тата". Сказав, немов відчував, що не повернеться з війни.

Козаков зумів прищепити ~~учням~~ учням любов до математики та фізики, до педагогічної професії. Про це свідчить те, що значно пізніше, вже після війни, з його учнів 12 випускників ~~ст~~ значна частина яких ~~стали~~ стали ~~вчителями~~ педагогами, вчителями математики та фізики, або інженерами.

Так склалося, що я, його учень випуску 1940 р., разом з своїм вчителем М.Ф. Козаковим і директором школи Коваленком Є.С. в липні 1941 року разом пішли з села, разом ~~з~~ під бомбардуваннями

ворожої авіації пробирались на схід, разом попали ~~в одну~~ навіть в одну роту 7 запасної стр. бригади. Але скоро наші воєнні ~~дороги~~ шляхи розійшлися, всі ми попали в різні частини і різні з'єднання, на різні ділянки фронтів.
Після війни я довідався, що мій вчитель не повернувся з війни, а через багато років, зустрівши дружину Козакова, Любов Павлівну — також вчительку математики нашої школи, я взнав, що Микола Філімонович пропав без вісти. Дуже довго дружина з дочкою Ларисою розшукували сліди чоловіка і батька.
Першою із звісткою для сім'ї Козакових був лист з Москви від брата командира роти Григорія Туза, в якій М.Ф. був комсоргом. Пізніше відгукнувся снайпер цієї роти Сисоєв Володимир Васильович, а згодом налагодилась переписка і з самим командиром роти Йосипом Калениковичем Тузом.
Вся ця переписка допомогла сім'ї взнати правду про близьку і рідну людину.
Особливо детальними і цінними є спогади командира роти Й.К. Туза, який повідомив про ратні ~~дороги~~ подвиги фронтового побратима. В цих спогадах є такі слова: „Я радий, що не помилився в Миколі Козакові. Схиляю голову перед цією людиною." Про нього не можна судити з позицій легковажної фразеології „всі як один" або „любий другий поступив би так само". Він не як „любий другий", а по своєму робив в ті події ~~свою справу~~ все за комсорга, за стрілка і багато — за політрука роти. Справа в тому, що роті не везло з політруками. Перший був тяжко хворий і вибув із строю, другий — прибув в роту і скоро загинув в бою.
Козаков же, без зміни, єдиний і вночі

ніс свою вахту до Кистова включно. Це дуже довго, бо він був там, де час тече по закону: „на війні день за рік".

Козіков встиг для роти зробити багато, зробити і побачити віддачу своїх патріотичних зусиль.

Головними показниками, якими вирізнялась рота від інших підрозділів, була дисципліна. Вона була на вищому рівні ніж в інших підрозділах. Вища не тільки силою, суворістю, але і рівнем свідомості, добропорядності, культури в спілкуванні людей. Адже дисципліна також зброя. Наскільки вона досконала і підтримується в чистоті, наскільки ефективна в бойовій обстановці. ~~З роти було вигнано~~ ~~сквернословя, матерщину, похабщину~~ лихословія, матірщину, насильство.

~~[illegible] в роті~~ ~~І одного~~ Одного разу, коли ~~хтось~~ один із солдатів, вчетвертий(?), грубо вилаявся, кулеметник Федір Крестьяников дав навіть кулеметну чергу над головою ~~винного~~ паскудника. ~~По другому~~ Інакше в цій роті і не могло бути ~~інакше~~. Адже ~~[illegible]~~ командир роти і комсорг самі були культурними, інтелігентними людьми з вищою освітою, яких війна змусила змінити професію. Культури поведінки вони вимагали і від підлеглих.

За таку дисципліну ~~[illegible]~~ в роті боролися всі від ~~ротного командира~~ офіцерів і сержантів до рядового. Це дало свої позитивні наслідки: вогнева, тактична і моральна підготовка підрозділу ще до боїв була високою. Так було і під час наступальних боїв, про які розповідається в ~~книзі~~ кн. книзі „Ми із 159-ї", написаної із спогадів однополчан комбригом О.Л. Булгаковим і снайпером роти ~~П.Ф.~~ ~~книзі~~ в житті вошлас М.Ф. Кожине, ~~Болдовим~~ П.О. Бєляковим ~~П.Ф. Бєляковим~~.

Комсорг був в ланці управління ротою, до якої входило ~~близько~~ понад 10 чоловік, але командиру найбільше допомагав комсорг

В трудних ситуаціях командир і комсорг діяли на різних ділянках операції, виконуючи кожен свою справу для досягнення спільної мети. Коли дозволяла обстановка, сходились разом, ~~або коли вимагала~~ або коли цього вимагало ~~бойове завдання роти~~. [illegible] справи. Близько дружили. Іноді ~~навіть~~ їли з одного казанка.

В тяжких, довготривалих маршових переходах Микола Козаков часто виручав багатьох воїнів: одному допоможе нести вантаж, другого під руку доведе до привалу, тому, що відстав, допоможе наздогнати роту. А сам, при повній бойовій солдатській викладці, з трудом тримався на ногах.

В наступальних боях на відкритій місцевості, коли трудно було підняти людей для перебіжки під шквальним мінометним вогнем, коли ворожі міни, вдаряючись, не торкаючись мерзлої землі, розриваються, густо засівали, майже горизонтально, осколками місцевість, комсорг особистим прикладом добивався просування роти вперед, підбадьорював, ~~торопив~~, прискорював перебіжки воїнів. Тут Козаков був поранений осколком в нижню частину спини. Це було 10 лютого 1943 року на лівому березі Дону на підступах до селища Рибачий.

Кілька днів пролежав в лазареті в Батайську, а потім був переведений в ростовський лазарет, де зустрівся з пораненим раніше снайпером В. В. Спесивцевим с гангреною правої руки. Руку уже збирались ампутувати, бо навколо рани шкіра почервоніла, пухла. Але комсорг Козаков і тут виявив на своєм

місці, запобіг операції. Він мав в себе флязі спирт і заставив Спесивцева випити чималу дозу. Коли санітар оплатовав, якраз прибігли лікарі. Вилившись, що пухлина спала, наказали: „Повторити!" Солдат лишався з рукою.

Так завжди, до останнього дня перебування з людьми своєї роти М. Ф. Козаков робив все для перемоги над ворогом, ставався допомогати, врятувати товаришів... Навіть в лазареті. А сам загинув. Не діждалися мати сина, дружина чоловіка, а дочка батька. За працею, між людьми, за людськими турботами, не так відчувається горе, яке було з ним в цілій ряд людей. Після війни дружина Козакова працювала вчителькою математики в м. Кривій Розі, поставила без батька дочку. Дочка стала інженером, захистила дисертацію, має звання кандидата технічних наук і працює в одному з НДІ Дніпропетровська. Мати Миколи Филимоновича з старшим сином і дочкою так весь час і жили в селищі Новий Мир, працювали в колгоспі. Мати вже померла, її син Павло був кращим комбайнером колгоспу, нагороджений орденом Леніна. З самого 1945 дружина М. Ф. Козакова Любов Павлівна почала розшукувати сліди чоловіка. А розшукує вже 40 років. Естафету сімейного слідопитства прийняла дочка.

Сім'я продовжує жити горем, що принесла війна. Навіть святкові листи і поздоровлення, що надходять від цієї сім'ї, говорять про їх горе. Завжди дружина і дочка пишуть: „Нехай ваших дітей і внуків мине сум і лихо, і нехай вони ніколи не взнають страхіть війни!"

Информация из документов Красной Армии, уточняющих потери:

Фамилия: **Сердюк**
Имя: **Григорий**
Отчество: **Тихонович**
Год рождения: **1914**
Место жительства: **с. Боковое, Долинского р-на**
Дата и место призыва: 09.07.1941 Долинский РВК (07.1941 находился в г. Александрии)
Воинское звание: **рядовой, беспартийный**
Причина выбытия: **можно считать пропавшим без вести**
Дата выбытия: **__.04.1944**
Жена: **Сердюк Марфа Федоровна**

Информация из донесения о безвозвратных потерях
Фамилия Сердюк
Имя Степан
Отчество Александрович
Место рождения Кировоградская обл., Долинский р-н, ст. Долинская
Последнее место 3 воздушно-десант. Гв. дивизия
Воинское звание красноармеец
Причина выбытия убит
Дата выбытия 01.08.1943
Источники информации ЦАМО
Номер фонда источника информации 58
Номер описи источника информации 18001
Номер дела источника информации 621

Для нотаток

Для нотаток

Для нотаток

Для нотаток

Для нотаток

Для нотаток

Для нотаток

робимо якісний друк доступним

Підписано до друку 09.12.2011. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 24.
Тираж 100 прим.

Віддруковано в Видавництві ТОВ «Аграр Медіа Груп»
04080, м. Київ, вул. Новокостянтинівська, 4А
Тел.: 044 361 53 06, e-mail: info@agrarmedia.com
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців ДК №3651 від 22.12.2009
www.agrarmedia.com